

С. Рансимен

Восточная
схизма

Византийская
теократия

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

S.Runciman

**The Eastern
Schism**

**The Byzantine
Theocracy**

S.Runciman

THE EASTERN SCHISM

© Cambridge University Press, 1966

THE BYZANTINE THEOCRACY

© Cambridge University Press, 1977

This book arises from the Weil Lectures instituted by the Frank L. Weil Institute
for Studies in Religion and Humanities, Cincinnati, Ohio, USA

С. Рансимен

**Восточная
схизма**

**Византийская
теократия**

Москва

«НАУКА»

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН

1998

УДК 83.3(5)
ББК 63.3(0)4
Р22

Перевод с английского
Т.Б.МЕНСКОЙ

Ответственный редактор
А.Б.ЗУБОВ

Рансимен С.

Восточная схизма. Византийская теократия. Пер. с англ. — М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 239 с.

ISBN 5-02-016999-4

ISBN 5-02-011703-X

Две книги крупнейшего британского ученого, составляющие настоящее издание, являются авторитетными исследованиями политической культуры Византии. В книге о схизме внимание автора сосредоточено на идеологических аспектах культурного комплекса эпохи разделения Восточной и Западной церквей. Перед читателями проходит вереница исторических личностей — императоров, пап, патриархов, предводителей крестовых походов, османских и арабских правителей, много внимания уделено анализу общественного мнения Рима и Константинополя, Антиохии и Иерусалима.

«Византийская теократия» посвящена проблеме отношений светской и духовной власти в Византии.

© Т.Б.Менская, перевод, 1998
© Л.Л.Тайван, предисловие, 1998
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН,
издание на русском языке, 1998

ISBN 5-02-016999-4
ISBN 5-02-011703-X

С. РАНСИМЕН И ЕГО ВИЗАНТОЛОГИЯ

Стивен Рансимен — замечательный представитель классической английской исторической науки. Его труды по истории Византии читаются легко; персонажи исследований живы и полнокровны. Он не блещет рафинированными схемами исторических концепций, интересных для искушенных служителей музыки Клио, однако малопривлекательных для тех, кто хочет видеть жизнь давно минувших столетий. Его история — это не круговороты циклов, не смена таинственных способов производства или фантазмагорий человеческой психики. Нет, не это управляет империями и народами. События в его восприятии — это простые суммы знакомых всем нам страстей человеческих, способностей и глупостей сановных вельмож, верований и предрассудков народных масс.

С. Рансимен — крупный исследователь крестовых войн. Многотомные работы, посвященные этому сюжету, столкнули автора лицом к лицу с простыми людьми XI в. Наблюдая за их нравами, симпатиями и антипатиями, он в «Восточной схизме» замечает следующее: «И до сих пор находятся идеалисты, которые уверены, что, если только люди ближе узнают друг друга, навсегда воцарится мир и добро. Это трагическое заблуждение... простые люди, оказавшись в стране незнакомого им языка и обычаев, чувствуют себя в растерянности и ожесточаются. Именно это и произошло с солдатами и паломниками крестовых походов, тысячами пересекавшими Византийскую империю в 1096—1097 гг.» (с. 65).

Историк волей-неволей привносит в свое исследование глубоко личный опыт. Опыт Рансимена заключен в его же фразе: «Образованные люди... могут находить удовольствие в обществе иноземцев, уважать их обычаи и испытывать к ним симпатию» (с. 65). Глубокообразованный историк — англичанин-протестант по рождению, грек и православный по своим симпатиям, христианин-экуменист по убеждениям — на страницах своих монографий пытается убедить читателя, что схизма — сумма нелепостей и ошибок истории, нарастающих подобно лавине и хронящихся на века христианское единство, которое, кстати, сохранялось еще долго после официального разрыва отношений между Римом и Константинополем в 1054 г. Крупнейшее недоразумение такого рода — крестовые походы. «Крестоносцы, пишет С. Рансимен, — принесли не мир, но меч, и этот меч разрубил христианский мир» (с. 77).

Вопреки личным убеждениям, будучи добросовестным историком, С. Рансимен подмечает многочисленные более глубокие культурно-исторические различия между Востоком и Западом. Это различия структур культуры, выражающиеся в различном видении христианства. Не исторические события, а теология разделила империю. Недоразумения и дискуссии по богословским вопросам возникли задолго до взаимных обвинений кардинала Гумберта и Михаила Керулария, до «меча» крестовых походов. Арианство середины первого тысячелетия, с одной стороны, и гностицизм — с другой, уже прочно отделили историческое христианство Запада от эзотерического христианства Востока. Мир виделся по-разному: сперва — мир горный, потом — дольный.

Византийская теократия являет собой образ восточнохристианского идеала империи. Он крайне актуален и в наши дни. Христианин Востока, будь то россиянин или житель Югославии, возвращаясь к духовным основам отцов, вскоре обнаруживает, что и его политический идеал — христианская империя. В «Восточной схизме» английский историк прослеживает несовместимость упомянутого восточнохристианского идеала с политической повседневностью Западной Европы конца первого христианского тысячелетия — начала второго. Обстоятельный анализ богословских дискуссий показывает, что не просто неудачные формулировки документов, головотяпство императоров, иерархов и легатов привели к схизме, которой, казалось, могло не быть. Дело обстояло сложнее. Две культуры — Востока и Запада породили два богословия, два мировоззрения, несводимые к одному знаменателю. Оказывается, и в те далекие времена люди полагали, что «в споре рождается истина». С. Рансимен резонно отвергает это утверждение, ибо оно нераспространимо на диалог культур: «Среди других несчастных иллюзий у человечества сохраняется представление, будто какие-то вопросы можно разрешить в споре. Увы, напротив, ни одна сторона никогда не признает поражения, но будет вместо того накапливать все новые аргументы для убеждения своего противника» (с. 82).

Как в таком случае достичь взаимопонимания? Ответ на этот вопрос дает уже не политическая история, а история культуры. Множество культур, в том числе многообразие христианского мира, — признак целостности и невредимости экологии культуры. Время экологических катастроф научило человечество, что исчезновение видов, гомогенизация живой природы приближают нас — мир и человечество к верной смерти. То же относится к культуре. Многообразие ее — жизнь, однообразие — смерть. Поэтому нельзя не согласиться с С. Рансименом, что знание, образованность — единственный залог взаимной терпимости.

Важность поднятых английским историком проблем побуждает нас обратиться к той же тематике с несколько иных позиций — позиций сравнительного изучения религий.

Христианство развивается на фоне мессианского ожидания иудейского народа. «Избранный народ» мечтает о пришествии

Мессии, который в облике земного царя установит свое тысячелетнее царство. Оно мыслилось не как простое воплощение стародавней мечты о мире, справедливости и согласии. Мессианский мир везде, где он ожидался, мыслился как сотериологическое состояние, где избранные Божии обретают утраченную прародителем человечества Адамом близость к Богу и заодно — потерянное бессмертие. Образом сотериологического царства могло быть древнее государство, которое должно было соответствовать канону основополагающего религиозного текста. При отсутствии такового образ государства извлекается из совокупной сакральной традиции, рассеянной во множестве преданий и мифов.

Вспомним, как ближайшие соратники Христовы — апостолы вдруг вопрошают Иисуса о царстве, в котором Христос будет мессианским царем, тогда как его ученики займут высшие посты сановников (Мф. 20,21; Мк. 10,36—37). Христос осуждает честолюбие учеников, однако проблема в Евангелии всплывает опять и опять: «Народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Мф. 7, 28—29). Когда Христос накануне крестной смерти явился в Святой Град, иерусалимская толпа приветствует его с пальмовыми ветвями и возгласами, которых удостоивался только царь. Проходит ночной Синедрион, суд римского прокуратора Понтия Пилата, и Иисуса с орудием смерти — крестом, как последнего преступника, гонят на Лобное место. Та же толпа с неистовством издевается над своим вчерашним кумиром: тысячелетнего царства не будет. Однако Христос на суде Пилата сказал слова, которые провозглашают новую эру в отношениях Церкви и государства: «Царствие мое не от мира сего» (Ин 18,36).

Этими словами подводится черта под теократиями (или иерократиями — государствами, управляемыми священниками). Древнейшие религиозные системы, такие, как египетская, иудаизм времен Христа, религии Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, бытовали в тесной связи с институтом государства, точнее, государство было растворено в более универсальном континууме древних религий. Вся жизнь тогда проходила в сакральном модуле подобно тому, как ныне это практикуется фундаментальным исламом. Деления жизни на сакральную и профанную люди тогда не знали.

Царь дохристианских обществ выполнял роль первосвященника. Его правление в идеале носило не прагматический, а сакральный характер, тогда как управленческая работа доверялась первому министру. Обязанностью царя было вести образцовую с точки зрения морально-этических стандартов жизнь и осуществлять государственный церемониал, который был в известном смысле религиозной мистерией, или нескончаемой литургией. Фараон Древнего Египта обязан был ежедневно совершать жертвоприношение богам. Хотя в повседневности эта функция поручалась жрецу, сам образ жизни фараона, полный ритуальных условностей, превращался в литургию. Однако наиболее таинст-

венные ритуалы совершались самим фараоном. Эпиграфические материалы только упоминают эти ритуалы: что же до их содержания, то оно держалось в такой тайне, что даже заупокойные тексты не говорят ничего определенного. Здесь достаточно ясно просматривается священническая роль царя.

Китайский император, японский микадо, малайский янгдипетуан агунг — все они не прагматические цари-функционеры, а определенно сакральные лица. Японская традиционная политическая философия «кокутай», малайская «кераджаан», индонезийская «кебиджаксанаан» столь насыщены старинными религиозно-церемониальными предписаниями, что их прагматическая сфера составляет всего лишь незначительную часть. Такое положение — историческая норма, поняв которую, с легкостью можно уловить то новое, что привнесло христианство. Иисус, объявляя, что Его «царствие не от мира сего», создает принципиально новую, ранее неизвестную ситуацию. Телесно и духовно единый мир разделяется на профанную и сакральную части.

Дохристианский царь, исполняя обязанности первосвященника, выступал в качестве посредника между Богом и подчиненным им человечеством. Правитель являлся сотером — «спасителем». Государственная литургия, которую он служил как икона Бога (откуда божественные титулы правителей), актуализировала божественный порядок мироздания — Маат египтян, «таритиб» филиппинских маранао, «дхарму» буддистов.

На Тайной Вечере Христос «по чину Мельхиседека» берет на себя функции царя и священника; оставляя мир, он не перепоручает никому архаичный сакральный институт, а создает новый, ранее не существовавший институт Церкви, на который и возлагается древняя литургическая функция («Творите в Мое воспоминание» — Лк. 22,19).

История христианства во многом — неспособность на протяжении веков преодолеть архаичное дохристианское наследие, склонность растворять государство в религиозно-экзистенциальном континууме. Словно у человека нет достаточных сил, чтобы отделить свое государственное (коллективно-плотское) существование от духовного, чтобы выполнить завет Христа. Исторически Миланский эдикт 313 г. знаменует это возвращение христианства к симбиозу государства и религии. Процесс сращивания происходит столь интенсивно, что та часть христиан, которая последовательно стремится порвать с миром, «лежащим во зле», уходит в пустыню, создавая монашество. Однако и последнее вскоре становится активной институциональной и «государственной» силой.

«Византийская теократия» С. Рансимена является наглядной иллюстрацией такой неспособности отделить институт Церкви от империи. Император по-прежнему не только первосвященник (тогда как патриарх всего лишь второе лицо), но и образ Христа-Пантократора: «Наместник Бога на земле должен был помнить свое место, оно было высоко. Император на публике

появлялся величественным и милостивым, великодушным и благосклонным и должен был милостиво внимать просителям, искавшим у него правосудия или помощи. Он обязан был смиряться перед Богом. Но идея, столь популярная в наше время, что правитель должен непринужденно болтать с „человеком улицы“, возмутила бы религиозные чувства византийцев и их представления о приличиях» (с. 199).

Церковный историк Евсевий был одним из тех, которые свои богословские взгляды на троичность Бога переносили на личность императора. С. Рансимен отмечает, что установления Евсевия сохранялись в Византии несколько веков. С этой точкой зрения можно согласиться только в смысле формальном. Что же касается самоощущения общества, то оно сохраняло традиционный образ правителя-сотера вплоть до нового времени. В Византии укрепилось чувство, что император представляет одновременно Бога перед людьми и людей пред Богом (с. 227).

«Империя была консервативна в истинном смысле этого слова. Византийцы верили, что они обязаны сохранить (консервировать) великие культуры прошлого, Греции и Рима, которым они наследовали, напитавши их духом христианства, так чтобы цивилизация не погибла в темном и неверном мире. Что же до религиозного чувства, то оно было искренним и сильным. Они глубоко веровали в вечную жизнь, но также и в то, что Божественное бытие находится за пределами человеческого сознания и может быть передано лишь посредством символов. Земная империя оказалась вещью эфемерной и могла быть оправдана только своей связью с Царством Божиим. Царство Божие — это невидимая и вечная Идея, и земное царство не может быть больше чем его земной тенью, осязаемым, но преходящим символом, средством приготовления к вечности. Такую роль может выполнять лишь справедливое и гармоничное царство, где царит Истинная Вера, поскольку эта Истинная Вера вообще может быть воспринята. Однако во временном мире прорастает грех. Византийцы прекрасно понимали, что их история полна слабости, глупости, гордыни, тщеславия и алчности. Они верили, что так проявилась их греховность, ставшая причиной их упадка и окончательного разорения. Однако идеал сохранял свое высокое достоинство, как бы далеко ни отступило его практическое воплощение. В Византии искренне пытались создать христианскую человеческую общность, которая была бы созвучна небесной» (с. 225—226).

Такова вкратце модель восточнохристианского сакрального космоса, в котором государство — его несовершенное отражение. Она коренилась в великих цивилизациях Востока, за которыми была не одна тысяча лет блистательной истории — истории государств, возглавляемых царями-сотерами, царями-иконами Бога.

Отличную от этой картину являет собой западнохристианский мир. Не имея за собой столь богатого прошлого, он тяготеет к более простым и понятным архетипам древней римской рели-

гии, где отношение к богам напоминало больше симпатическую магию, чем рафинированную философию греков или сакраментальные мистерии позднего эллинизма. Внешняя сторона, однако, напоминала Восток: Цицерон и Вергилий полагали, что само существование государства зависит от правильного совершения ритуалов. Но римский император Запада никогда не мыслился как предстоятель людей в божественном царстве.

Его основная роль функциональна; чин *pontifex maximus* в семантическом смысле — показатель высокой функциональности. Римляне живут в аристотелевском мире конкретных вещей. Не случайно с XIII в. торжествует схоластика, стоящая на фундаменте аристотелизма. В первые же века христианской Империи римское богословие рядится в законнические одежды юридических формул. Пока греческие Отцы Церкви богословствуют, латиняне заботятся о канонах — юридически-административных уложениях Вселенских соборов. Правильное и четкое соподчинение земных частей видимой Церкви Западу важнее, чем восточные споры о двух природах Христа или троичности Бога.

На разоренном варварами Западе утверждается власть единственного уцелевшего общественного института — Церкви. Во главе ее — Римский епископ. Однако он, исполняя обязанности также светского владыки, никогда не представляется иконой Христа; он — функционер, заместитель Иисуса Христа, его «викарий». Если восточный император, выступая в качестве представителя подвластных ему людей пред престолом Божиим, «устраивает» их спасение, то римский первосвященник-цезарь стремится совершить то же совсем иным путем. Его задача как «викария Христа» — утвердить Его Церковь на земле, побудить каждого ее члена освободиться от грехов, чтобы потом это земное царство Христа с переходом душ праведников в мир иной было перенесено в инобытие. Профанное существование, пусть освященное, является первичным, а сакральное, трансцендентное — вторичным.

Такая религиозная предрасположенность, с одной стороны, была вызвана несравненно более низким культурным уровнем варварской Европы. В нем доминировали религиозные представления, лишённые четких представлений о личностном Боге. Пантеизм аграрно-скотоводческой периферии в городской цивилизации обрел черты обожествления социальных отношений. Отсюда более поздний культ «Богини Рима», культ Августа, или «гения императора». Римлянам было свойственно поклонение не богам, а силе богов — *numina deorum*.

В определенной связи с этим было и строение латинского языка — простого и однозначного. Языковые нестыковки в отношениях латинян и греков замечали уже деятели ранней Церкви. С. Рансимен приводит следующий эпизод. Около 1090 г. греческий митрополит Болгарии Феофилакт, ученик Пселла, пишет константинопольскому диакону Николаю, что недоумение в вопросе «*Filioque*» проистекает, как ему кажется, в немалой степени из-за бедности латинского языка богословов. «Одно слово

procedere. — пишет он, — берет на себя роль четырех греческих слов. с их отдельными оттенками смысла» (с. 61). Латинский язык со своей однозначностью зато был прекрасным инструментом точных юридических дефиниций. Для христианства Запада и это не прошло бесследно: даже понятие греха на Западе приобретает смысл «правонарушения», тогда как на Востоке это — метафизическое состояние.

Неподходящий для философии язык сводил на нет стремление философствовать. Но сказала, видимо, и традиция древнеримской религии, запрещавшей благочестивому гражданину извечивать природу богов. Суждения авторитетов принимались без возражений.

Дальнейшее историческое развитие уведет два христианских мира — восточный и западный в противоположных направлениях. Восток, при утрате своих христианских потенций, погружается все более в обрядоверие и служение государству; образ Пантократора при этом вытесняется конкретной фигурой царя или просто правящего лица. Запад, переживая эрозию христианства, рафинирует свое право, которое становится не средством сакрализации профанного мира, а инструментом предельно возможного комфорта для ныне и здесь живущих. Религия при этом теряет свое трансцендентное измерение, становясь профанной этикой.

До тех пор пока христианство на Востоке и на Западе не утратило своего ощущения божественного, оно является закономерным и неизбежным явлением единого целого. Естественность раскола хорошо просматривается с большого исторического расстояния. Многократно упоминаемое «Filioque» возникло в Испании, в ходе борьбы с арианством. Арий, считавший Христа просто человеком, учил, что Святой Дух — третья ипостась Бога, исходя только от Отца, как это гласил Никейский Символ веры, лишний раз подтверждает тварность Христа. Объявив исхождение Святого Духа также от Сына («Filioque»), испанские ревнители православия исключили дальнейшие арианские спекуляции.

История западного христианства в средние века доказала и другое: староникейская формула более никогда не была восстановлена, хотя давно уже отпала актуальность борьбы с арианством. Видимо, продолжала доминировать «аристотелевская идея» в мирозерцании Запада. Теологический номинализм скрывал не что иное, как больший материализм европейцев. Отсюда и земное существование Иисуса, его историческая достоверность, крестные муки, его жертва — главный предмет созерцания. С. Рансимен причину этого находит в беспокойной жизни; замечает эту особенность, проявляющуюся с XII в. и в Византии. Однако там эта тенденция не восторжествовала. Она так и осталась западной.

Еще одна часто упоминаемая проблема в отношениях двух частей христианского мира — опресноки. Запад, выверяющий все при помощи эмпирического опыта, время от времени стремится привести свою богослужебную практику в соответствие с церков-

но-археологической аутентичностью. Так, в конце первого тысячелетия Запад отказывается от квасного хлеба на литургии: Христос совершал Тайную Вечерю согласно иудейской традиции седера на опресноках. Того же порядка источников раздоров — celibat. Западный священник не столько является литургической иконой Христа, сколько он *подражает* жизни Христа — в том числе — в Его безбрачии.

Часто неосознанное, однако неукоснительное следование археологической точности в итоге дает Реформацию, которая отрывается от Церковной Традиции ради «аутентичного» прочтения Библии. Другая ветвь той же традиции — атеизм.

Великая схизма — трагедия для христианского мира, но одновременно и великое поучение. Труды христианских миссионеров в странах Востока высветили ту огромную роль, которую играют архаичные пласты автохтонной религии. Миссионер XVIII в. Ван Куулен, проповедуя на о-ве Ява в Индонезии, вынужден был воспользоваться полным набором ритуальных и литературных форм местного индуизма, чтобы стать понятным яванскому населению. Но проповедуемое им христианство неузнаваемо изменилось. Теологические его конструкции уже делались при помощи мифологем Махабхараты и Рамаяны, а не философии греческих Отцов или канонов латинской Церкви. Внешние формы обрядности обрели недопустимые для протестантизма формы. Символы, родившиеся в цивилизациях Средиземноморья, вошедшие в христианское богословие, оказываются непонятными в Африке, на Дальнем Востоке, в Латинской Америке. Вместе с тем христианство почти всегда остается равным себе и не превращается в секту местной религиозной школы. Постоянная интеллектуальная и культурная «неустроенность», маргинальность, видимо, и есть закон взаимодействия культур, религий и конфессий. В этой напряженности между противоположными полюсами культур человечество черпает силы для дальнейшего существования.

Л. Л. Тайван

ВОСТОЧНАЯ
СХИЗМА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга сложилась на основе семи Вейнфлитовских лекций, прочитанных в Оксфордском университете в 1954 г. по приглашению президента и сотрудников Магдален-колледжа. Я чрезвычайно благодарен не только за оказанную мне честь, но и за самую открывшуюся таким образом возможность обдумать и обсудить одну из наиболее противоречивых и несчастных глав истории христианства.

Исчерпывающее и подробное исследование разделения двух великих Церквей Востока и Запада потребовало бы многомного труда. Следующие страницы имеют целью кратко представить те факты, которые мне кажутся важнейшими для понимания всего течения событий. Обычно рассмотрение этого спора предоставляли не без основания богословам, поскольку своеобразным «полем битвы» глав двух Церквей были вопросы вероучения и чинопоследования. Войны, впрочем, начинаются не на поле брани; и так же, как неразумно предоставлять исключительно солдатам написание истории войны, так же бесполезно рассматривать схизму исключительно с богословской позиции. Я поставил себе целью показать, что Восточная схизма проистекает по преимуществу не из различия воззрений на исхождение Св. Духа и литургический Хлеб, но она стала результатом политических событий, предубеждений и порожденного ими ожесточения вместе с усилением расхождений в идеологии, каковые опять-таки были вынесены на всемирное обозрение политическими событиями.

Принято считать, что после разрешения первых недоразумений между великими патриархатами схизма возобновилась и даже в более опасной форме из-за Фотия, патриарха Константинопольского; и хотя произведенное им разделение было преодолено после его смерти, но оно стало окончательным и непоправимым из-за патриарха Михаила Керулария. Труды проф. Дворника и о. Грумеля способствовали тому, что традиционно приписываемые Фотию взгляды должны быть существенно пересмотрены; и в настоящее время ученые сходятся во мнении, что 1054 год — время разрыва Михаила Керулария и кардинала Гумберта — не может далее считаться временем окончательного разделения Церквей. Разделение происходило медленнее и постепенно: начиная с норманнского вторжения в Италию и последовавших затем более широких вторжений крестоносцев, а также по мере того как мощные действия и идеи реформированного папства прокладывали себе путь на Восток и восточному христианст-

ву становилось ясно, насколько разошлись наконец, взгляды Восточной и Западной церквей на Вселенскую Церковь.

Я глубоко признателен тем выдающимся ученым, чьи труды помогли мне прояснить историю схизмы: г-ну Жюлю Гею, чья история Византийской Италии оказалась первой книгой, прояснившей события 1054 г. в исторической перспективе. Публикации проф. Майкла и католических историков Церкви Аманна, Жюжи и Лейба, равно как и английского автора Джорджа Эвери, дальше расширили наше понимание события в целом. Мои дальнейшие ссылки на работы указанных авторов покажут, как я обязан им историческими деталями, однако уже здесь я хотел бы высказать им мою признательность.

Обращение к сложному и противоречивому событию не может не вызвать несогласий и опровержений, однако я надеюсь, что ни одним словом я не оскорблю приверженцев римско-католической или православной Церквей. И если мои личные симпатии склоняются к Византии, то это потому, что я старался понять византийскую точку зрения. Большинство авторов, до сих пор обращавшихся к этому несчастному вопросу, принадлежали латинскому миру; и хотя трудно быть более скрупулезным и непредубежденным, чем о. Жюжи или о. Аманн являются в своих трудах, византийское дело в целом оказалось неосвещенным. Я же уверен, что лишь посредством полнейшего понимания чувств и традиций друг друга Церкви могут прийти к более тесной дружеской связи; и хотя я не думаю, что сейчас имеется возможность такого взаимопонимания, которое бы преодолело разрыв, но я надеюсь, что моя книга хотя бы не обострит проблемы и послужит, пусть в небольшой степени, смягчению недоброжелательности.

Лондон 1955 г.

С. Р.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Для последователей Христа исповеданием их веры является стремление соединиться в единое Тело на земле. Символ веры, предложенный отцами Церкви в Никее, как и первый, более краткий Апостольский Символ веры, провозглашает веру в Святую Соборную Церковь. И все добрые христиане должны стремиться к осуществлению высокого идеала неделимой Церкви. Однако человеческая природа многообразна и различен религиозный опыт людей, так что никогда не бывало полного согласия в вопросах богословия и священнослужебных действий среди многих народов христианского мира. «Слышу, — писал ап. Павел коринфянам, — что... между вами бывают разделения»¹; и этот недобрый пример Коринфской церкви то и дело множится в последующие века.

Обычно схизмой называют появление внутри Церкви отдельного подразделения, в то время как ересь связывают с ложным учением. Так, кажется, надо понимать эти выражения и в послании ап. Павла (см. выше). По блаженному Августину, разделение или схизма — это нарушение братского общения, которое не затрагивает догматы и Таинства. Святые отцы первых веков часто не делают различия между схизмой и ересью; однако всеми принимается, что если последнее означает ошибку в учении, то первое — разделение православных². Строго говоря, великие Церкви Востока и Запада, которые для удобства мы обычно называем православной и католической, должны считать друг друга еретиками. Православные считают, что католики произвольно исказили Символ веры, исповедание христиан; в то же время католики обратили собственную теорию церковной власти, неприемлемую для православия, в догмат веры. На деле, однако, хотя православные богословы и в прошлом склонны были преувеличивать догматические расхождения, а католические богословы не могли примириться с тем, что им казалось злокозненным отрицанием прав Св. Петра, расхождения все же касаются скорее вопросов первенства в церковном управлении, а не самого учения и по природе своей относятся к схизме.

Схизма не может проистекать из личного соперничества; из национальных, социальных или экономических притязаний; из соперничества великих епархий; из богослужебных споров; или из вопросов взаимного подчинения³. В истории разделения право-

славной и католической церкви личное соперничество как таковое отсутствует. Протагонисты этой борьбы были выразителями отдельных интересов своих епархий, а не соискателями на одну епископскую кафедру. Конечно, индивидуальность соперников накладывала отпечаток и на самый спор, и на выбор тактики; а по временам личная неприязнь изрядно подогревала спор. Однако основными соперниками оставались епархии; впрочем, это соперничество, будучи формой национального соперничества, естественно перерастало в вопрос дисциплинарного подчинения. Национальные притязания обостряли богослужебные споры, а богослужебные разногласия проистекали главным образом из различий темпераментов — этих производных социальной и экономической специфики; наконец и самые события политической истории, наслаиваясь, примешивались к спору церкви и усугубляли разногласия.

В истории отдельной какой-нибудь церкви мы можем довольно точно установить начало разделения. Когда же речь идет о величайших церквях своего времени, не так просто установить дату полного разрыва. Формальным признаком единства были диптихи, составлявшиеся каждым патриархом в церквях его епархии для поминания при священнослужении за здравие и за упокой других патриархов, бывших с ним в общении. Новый папа или патриарх по своем избрании был обязан оповестить патриархов-сослужителей декларацией своей веры; после чего, поелику его Вероисповедание не отвергалось как еретическое, имя нового патриарха заносилось в диптихи. Можно, кажется, заключить, что, как скоро имя некоторого патриарха отсутствует в диптихе какого-нибудь епископата, этот последний не имеет с ним общения или находится в схизме. На деле же такой вывод верен лишь в случае, когда имелась самое физическая возможность постоянного общения епархий. С падением Римской империи новоизбранный патриарх подчас был просто не в силах послать свое Систатическое письмо с декларацией веры собратьям, а они не были с ним в общении по той простой причине, что не знали о его существовании⁴. После арабского завоевания VII в. восточные патриархи подолгу не имели никаких контактов с Римом и даже с Константинополем; в их диптихах находим гигантские проболы. Кроме того, на Востоке бывали патриархи, чье избрание представлялось не вполне каноническим или чье вероисповедание вызывало сомнения — их имена тогда опускались до получения новых сведений; причем православность их паствы не подвергалась сомнению. Оупущение в диптихе не обязательно связано со схизмой.

Точнее считать началом схизмы тот момент, когда появляются соперничающие патриархи — и греческие, и латинские — и начинают конкурентную борьбу во всех великих епархиях. К этому моменту уже имело место, по-видимому, определенное разделение, однако в разных епархиях оно пришлось на разное время. Впрочем, схизма, хотя и может быть налицо к началу борьбы за епископскую кафедру, но самая борьба за патриарший престол не

обязательно означает, что ее участники внутри одной епархии относят себя к разным направлениям.

Схизма становится реальностью лишь тогда, когда она признается рядовым членом Церкви; такое ощущение же развивается постепенно, на протяжении многих лет и не может быть привязано к определенной дате.

По существу всегда были различия во взглядах между восточной и западной половинами христианского мира. Восточное христианство возросло в странах, напоенных духом эллинизма. Здесь и культурное наследство, и язык были греческими; и здесь унаследовали древнегреческое преклонение перед отвлеченным мышлением. Восточные провинции Римской империи были гораздо образованнее западных; Церковь развивалась здесь в атмосфере, когда каждый член церковного собрания — мирянин или священник — горячо обсуждали вероучение. Задолго до Победы Креста при Константине многие лучшие умы Востока приняли христианство; однако попытки каждого отдельного философа вывести на свой собственный лад всеобщее значение Христианского Откровения привели к бесконечным спорам и борьбе. Стало своего рода развлечением выступить с доказательствами того, что противник впал в ересь и своими выводами извратил Христианское Откровение. Никто не принимал воззрения другого богослова как ортодоксальные, не подвергнувши их всестороннему обсуждению. Наконец развилось ощущение, что правая вера может быть утверждена лишь всеобщим собранием, где будут представлены все члены Церкви. Этот Вселенский собор был духовным наследником собрания апостолов на Пятидесятницу; и его участники надеялись и верили, что Дух Святой и теперь сходит и вдохновляет их прения ради победы истины. В таком подходе были свои недостатки. Собрания часто бывали бурными. Знали и физическую расправу. Подчас трудно было поверить в присутствие Св. Духа. И редко меньшинство охотно мирилось с властью большинства; если же вероучительное отклонение отягчалось другими обстоятельствами — национальным недовольством или экономическими трудностями, — как волнение сирийцев и египтян в V в., тогда рождалась устойчивая ересь. Впрочем, этот процесс шел медленно. Халкидонский собор, решения которого были отвергнуты большинством епархий Сирии и Египта, имел место в 451 г. Однако вплоть до арабского завоевания коптские и сирийские монофизиты еще не считались безнадежными еретиками. До того времени оставалась возможность, что новый Вселенский собор найдет по вдохновению определение, которое сгладит возникшие разногласия. Более того, Восточная церковь, привычная к разнообразию мнений, всегда сохраняла веру в принцип *икономии*, который, в противоположность нынешнему понятию *экономики*, означал распределение пожертвований, благотворительность, раздачу, побуждал христианина встать выше разногласий, ради сохранения атмосферы взаимного доброжелательства. Вникая в историю спора с Римом,

следует постоянно держать в уме этот принцип икономии⁵, впрочем имеющий границы приложения.

Когда сам император принял христианство, он был провозглашен также главой христианского мира. Константин за свои дела на благо Церкви был признан равноапостольным. Соединение Церкви и Государства возложило на императора заботу о благополучии обоих. Созыв Вселенского собора и председательство на нем лично или через доверенных лиц стало делом императора. Коронация быстро превратилась в церковный обряд и дала религиозную поддержку авторитету императорской власти; однако первейшим основанием этого авторитета была сама власть императора — наследника цезарей. Высочайшие церковные иерархии стояли определенно ниже императора. Власть императора признавалась даже Западом. Когда поздние папы заявили о своих особых правах на основании подложного «Дара Константина», действительность их претензий проистекала из уверенности в том, что сам император оставил такое завещание. Хотя патриархи формально и избирались епископами, на деле их назначал и смещал император более или менее по своему произволу⁶. Но даже и в отношении Византии не следует преувеличивать этого цезаропапизма. Официально в сводах законов провозглашалось, что император и патриарх вместе составляют главный орган политической власти, что следует хранить это гармоническое единство, хотя император является старшим из партнеров⁷. Всеми признавалось, что император не должен вмешиваться в церковные дела иначе как через Церковь; а в случае догматического спора следует собрать собор. Патриарх же при моральной поддержке общественного мнения мог с успехом противодействовать императору вплоть до отказа короновать последнего⁸. Сила Церкви проистекала из ее морального воздействия, и рисковал тот император, который этим пренебрегал. Он давал своим подданным повод к революционным действиям. Однако, хотя император не смел бросить вызов моральным устоям общества, у него имелось важнейшее преимущество. Он стоял у истоков законодательства. Римская империя, просуществовавшая на Востоке до 1453 г., руководствовалась Римским правом. Последовательно сменявшиеся кодексы отражали растущую христианизацию, но все они исходили от императора. Участие Церкви в правотворчестве ограничивалось церковными вопросами. Даже относительно брака и развода действительным был императорский кодекс. Церковные власти поэтому не интересовались законом и были по большей части плохими правоведами. Истинными правоведами были миряне с их мирским взглядом на вещи.

Впрочем, образованные миряне были не только правоведами. На протяжении всей истории Восточной империи мы видим широкий слой мирян, не уступающих в образованности духовенству. Учителя, правительственные служащие и даже солдаты бывали обычно так же культурны, как священники. Многие имели хорошее богословское образование, и почти все они считали себя вправе участвовать в богословских спорах⁹. В Византии

никто не думал, что богословие составляет заботу исключительно клира. О роли мирян в Восточной церкви говорит тот факт, что никогда не прекращалась практика приобщения мирян Тела и Крови Христовых.

Возможно, именно потому, что в Византии было много горячих богословов, любителей и профессионалов, имелась тенденция избегать определенности суждений по многим вопросам веры. Ортодоксальная позиция не всегда была вполне ясна. Византийские богословы, даже будучи сторонниками единой линии в споре, выдвигали подчас несогласующиеся аргументы. Когда же открывалось преследование ереси, то или по причине ее общественной нежелательности, как, например, преследование богомилов, или же такое преследование было средством борьбы с некоторой партией или лицом, непопулярными или опасными. Где же сохранялось благоволение друг к другу, там побеждала снисходительность.

Правильность богослужения была важнее для восточных христиан, чем правоверность. Они были преданы своей литургии, хотя она еще не сложилась окончательно вплоть до победы в споре с иконоборцами. Именно этот спор и обнаружил растущую их привязанность к собственным формам богослужения. В литургии активно участвовало все собрание верующих, и даже элементы убранства церкви вовлекались в службу, так что верующим сослужили и иконы, и мозаические изображения. Постепенно все более решительно отвергалось критическое отношение к чинопоследованию или практике богослужения, все более подозрительными казались попытки нововведений и изменений. Признавалось, впрочем, что литургию следует переводить на родные языки чужеземных церквей. С трудом, но допускались некоторые новые виды богослужений, достаточно освященные временем и традицией. Но приверженность собственной литургии была, по-видимому, важнейшей общей чертой духовного облика византийцев. Ею вдохновлялись лучшие произведения искусства, поэзии и музыки; причем простолюдины в империи проявляли даже большую привязанность к своей литургии, чем образованные¹⁰.

Отношение средневекового Запада было совершенно иным. Христианство здесь распространялось медленнее, чем на Востоке; дольше удерживалось язычество, особенно в культурных кругах. В целях самозащиты Церковь здесь была вынуждена настаивать на организованном единстве и единообразии веры. В то же время на Западе меньше интересовались отвлеченными предметами и, следовательно, меньше обнаруживали склонности к богословским спорам. Сыграл свою роль и язык. В противоположность греческому с его утонченностью и подвижностью, восхитительно передававшему оттенки абстракций, латинский прямолинеен и негибок; это ясный, конкретный, недвусмысленный язык — совершенное орудие юристов. Политические потребности вскоре привлекли легализм латинской цивилизации на службу Церкви. Когда императорская власть пала на Западе под натис-

ком варварского нашествия, единственным уцелевшим институтом оказалась Церковь. Исчезли наместники и правители императора, но остался папа и епископы. Они оказались в роли вождей на переговорах с захватчиками-варварами и они же продолжали управлять городами. Когда позднее образовались новые светские государства в постоянных границах, эти государства руководствовались по большей части законами рода и обычая. Но кодифицированный закон, за которым стоял престиж Римской империи, сохранился в Церкви. Где недостаточен был родовой закон, там Церковь восполняла пробел, расширяя таким образом сферу своего правового влияния. Видные деятели Церкви вынуждены были сами стать юристами. Так что, если на Востоке император оставался самодержцем и законодателем, на Западе его власть хотя и признавалась номинально еще столетия, но на деле была недействительной. Место императора естественно занял глава Церкви — Римский епископ, к которому постепенно перешли и власть, и роль законодателя.

Даже во времена Рима культура в западных провинциях была ниже, чем в восточных, позднее же варварское нашествие оказало пагубное влияние на западное светское образование. Культурные слои мирян в Италии были уничтожены войнами и другими потрясениями V — VI вв. Единственно уцелевший вид образования сохранился в Церкви и для Церкви. В раннем средневековье на Западе оставалась лишь горстка мирян, умевших хотя бы читать. При таком ходе событий Западная церковь заняла положение, какого никогда не занимала Восточная до тех пор, пока позднее и там секулярная христианская власть не была побеждена завоеваниями неверных. В отличие от восточной литургии западная месса была таинством священства, и в собраниях верующих здесь никогда так и не развилось теплое чувство личного участия. Больше того, в то время как язык византийской литургии был в общем понятен простому человеку, латинский язык мессы был для верующих на Западе иностранным языком. Миряне на Западе редко допускались до решения религиозных вопросов; клир же, напротив, будучи интеллектуальной элитой, постоянно вмешивался в дела государства.

Автократическая структура Западной церкви явилась необходимым продуктом исторического развития. Теоретическое оправдание этому она нашла в заслугах апостола Петра: Св. Петр был первоверховным апостолом, камнем, на котором была основана Церковь, ему вручены были ключи от Рая и дана власть на земле «решить и вязать». Ко времени своей кончины он был Римским епископом, и его преемники на учрежденном им епископском престоле наследовали и его власть. Папа римский, однако, был не только верховной властью в своей Церкви, но и верховным авторитетом в догматических вопросах. Вселенский собор, будь он правильно собран, конечно бы, вдохновлялся Св. Духом, но его роль состояла бы лишь в одобрении и распространении папских постановлений. Вера стала сводом парагра-

фов Божественного закона. Одни учения признавались верными и законными, другие — ложными и незаконными. Размышление о Боге не одобрялось: оно центробежно и опасно. Больше того, по своему положению папа приравнивался к Церкви: оскорбить папу значило оскорбить всю Западную церковь. Ни один восточный патриарх не олицетворял до такой степени свою церковь. Если его оскорбляли, это оскорбление рассматривалось как личное. Восточный патриарх всегда оставался человеком, который может ошибиться и даже впасть в ересь. Лишь Церковь и Соборы не могли ошибиться. На Западе непогрешимость была безусловным преимуществом папы.

Таким образом, Западная церковь склонялась к тому, чтобы стать централизованной организацией с самовластным боговдохновенным главой, организацией, которой бы управляли искусные администраторы и законники, чье богословие отражало бы их взгляды. Прошло много веков, прежде чем эта тенденция нашла свое полное выражение в правление папы Григория VII и Иннокентия III. Но сама тенденция имелась всегда, и если бы не она, Римская церковь едва ли пережила бы смуту Темных веков.

Неудивительно, что с течением времени восточное и западное христианство все меньше понимали друг друга. Оба хранили неколебимую веру в Иисуса Христа, Святую Троицу и Евхаристию. Однако их практика была различной даже в преподавании Святых Тайн, а их богослужение совершенно непохоже. Воззрения же на богословие были по существу несопоставимы. На Востоке прибегали к рассуждению и обоснованию, причем официальная церковь с готовностью проявляла терпимость к тем, кто заблуждался не по существу, и избегала догматических постановлений и отлучений, если не затрагивались вопросы политики или литургики. На Западе представление о том, что есть истинная и что есть ложная вера, было проще, строже и принимало скорее правовую и логическую форму. На Востоке было множество образованных мирян — мужчин и женщин, привыкших принимать деятельное участие в делах Церкви, здесь всегда имелось определенное общественное мнение, которое не останавливалось даже и перед критикой императора и епископов. На Западе до XII в. не было ни образованных мирян, ни общественного мнения по вопросам вероучения; даже и потом критике подвергалось лишь поведение, а не верования клира. Почти с самого начала Восток и Запад имели противоположные воззрения на сущность церковной власти. В Конституции позднеримской, или Византийской империи, не было места таким притязаниям, как у Римского папы. Император, наследник равноапостольного Константина, брал на себя управление христианским государством, а догматические вопросы решались Вселенскими соборами. На Западе папа был наследником не только императора, но и Св. апостола Петра. «Дар Константина», появившийся для оправдания папской власти, был подделкой, однако по большей части те права, которые, согласно этому завещанию, «Константин даровал» папе

Сильвестру, римские папы с течением времени уже в действительности стяжали.

Разделение двух великих церквей еще усиливалось языковыми различиями. Если бы больше греков понимали латинский, а больше латинян — греческий, их церкви, возможно, достигли бы лучшего взаимопонимания. Часто в их расприх роковую роль играли случайные ошибки перевода¹¹. Понимание не обязательно приводит к сочувствию, но хотя бы побуждает к осторожности и терпимости. Впрочем, почти во все времена осторожность и терпимость не были известны в церковных кругах, когда же их отсутствие отягчается недопониманием — налицо катастрофа. Если бы великие церкви Востока и Запада никогда не вступали в тесный контакт, мир мог бы воцариться от взаимного безразличия. Но контакт был неизбежен и он с неизбежностью привел к отчуждению, еще более горькому в свете того, что обе церкви были глубоко и искренне христианскими и обе верили, что Христовая Церковь, Святая Кафолическая церковь, должна быть единой и вселенской.

Во времена Победы Креста при Константине Церковь делилась на три великие епархии: Римскую, Александрийскую и Антиохийскую — по порядку старшинства. Римляне позднее заявляли, что Риму принадлежит старшинство, поскольку Римская церковь основана Св. апостолом Петром. Но ведь Александрийская церковь, по мнению самих же римлян, была основана раньше Антиохийской, и Антиохийскую церковь основал Св. апостол Петр, а Александрийскую — всего лишь Св. апостол Марк. Так что нельзя сказать, что старшинство восходит к миссии апостолов. Превосходство Рима основывалось прежде всего на том, что это была столица империи; а Александрия шла второй, поскольку она была вторым по значению городом империи, равным размерами и богатством самому Риму. Рим имел особое значение не только потому, что империя была Римской, но и потому, что два первоверховных апостола — Св. апостол Петр и Св. апостол Павел — оба завершили свой апостольский путь в Риме. Римский епископ пользовался поэтому особым уважением, и на него смотрели как на руководителя в церковных делах. Главенство папы являлось не просто почетным первенством, но оно не было четко определено или закреплено правом¹².

Со времени официального принятия христианства императорами у них, правда, появилось желание дать организации Церкви правовые основания; и если бы Константин с семьей не впал в арианство, осужденное римским епископом, возможно, главой Церкви как организации стал Римский епископ. Поместный собор в Сердике (Софии), передавший Риму право верховного судьи в церковных спорах, действовал именно в этом направлении¹³. К тому времени ситуация уже осложнилась основанием Константинополя — нового христианского Рима, которому предназначалась роль столицы империи. Византийский епископ, бывший до тех пор простым суффраганом архиепископа Гераклеис-

кого, в качестве епископа Нового Рима должен был занять более блестящее положение. Он вскоре был возведен в патриархи, и его патриархат получил широкую территориальную юрисдикцию за счет Рима и Антиохии. Распад империи разрушил самое представление о едином административном центре, а Церковь все еще стремилась воспроизводить структуру секулярного государства. Второй Вселенский собор, собравшийся в Константинополе в 381 г., чтобы покончить с арианством, провозгласил в третьем каноническом правиле, что «епископ Константинополя стоит наравне с епископом Рима, поскольку Константинополь — Новый Рим». Отцы собора вовсе не имели намерения унизить старый Рим: они лишь воздавали должное новой столице и отчасти стремились задеть достоинство Александрийского патриархата, поскольку влияние александрийского архиепископа Афанасия нежелательно возросло. Однако император Феодосий, созвавший собор, не пригласил епископов западных территорий, находившихся под властью его соправителя Грациана. Папа, таким образом, не присутствовал и мог официально не признавать данного канонического правила.

Четвертый Вселенский собор, Халкидонский, на котором присутствовали представители папы, подтвердил права Константинопольской епархии в своем 28-м каноническом правиле, заявив, что Отцы собора правильно приписывают старшинство ветхому Риму как столице империи и что «равные привилегии следует предоставить „святейшему престолу Константинополя, Нового Рима“, праведно рассудив, да град, получивший честь быти и градом Царя и Синклита, и имеющий равныя преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и будет второй по нем» (цит. по: Правила святых вселенских соборов. Вып. второй. Москва, 1877, с. 243—245). Восточные церкви поддержали это правило, но папские представители возражали против него, и папа его отверг. И в самом деле такая формулировка несправедливо умаляла притязания Рима, поскольку не принимала во внимание традицию прямой и непрерывной преемственности, восходящую к Св. апостолу Петру, — вопрос чрезвычайной и даже исключительной важности; она также не отмечала выдающейся роли многих римских епископов в делах Церкви. Самим византийцам стало несколько неловко. Даже во времена жестоких раздоров они всегда стремились выказать свое почтительное отношение к святейшему престолу апостола Петра; и теперь их неубедительные попытки доказать, что Константинопольская церковь была основана Св. апостолом Андреем, обнаруживали живейшее желание возвести историю собственной церкви непосредственно к апостольским трудам. Да и сама формулировка нового канонического правила была неясна: не говорилось, какими именно привилегиями пользовался «Ветхий Рим», впрочем, они и нигде не были определены. Должен ли был Константинополь, например, делить с Римом право разрешения церковных споров, дарованное

Сардикийским собором древней первопрестольной? Неудивительно, что папа протестовал против этого постановления¹⁴.

Халкидонский собор поднял также достоинство Иерусалимской епархии до патриархата. Рим по этому поводу выразил протест, хотя и с иной аргументацией: Иерусалим без сомнения был Святым Градом, где проповедовал Христос. Церковь в Иерусалиме была основана апостолом Иаковом — братом Господним по плоти, и Св. апостол Иаков, как следует из Писания, почитался Главой всей Церкви. Возражения Рима поэтому основывались на том, что апостольская церковь перестала существовать в Иерусалиме, когда город был разрушен Титом, а сам Иерусалим не является достаточно важным городом для дарования ему таких привилегий. В конце концов Рим признал Иерусалимский патриархат¹⁵. В делах такого рода тогда не было четких правил: Восток уже был готов считать Вселенские соборы духовным авторитетом во всех вопросах церковной организации и догматики. Запад же признавал единственным и окончательным лишь авторитет преемника Св. Петра.

Две эти противоположные точки зрения особенно ясно обнаружились во время христологических споров, раздиравших Церковь с IV по VII в. Они окончились отпадением крупнейших христианских общин Сирии и Египта и установлением общения между Римом и Константинополем, хотя и полного, но не спокойного. По ходу дела Рим определенно разъяснил свою позицию, когда во время Халкидонского собора папа Лев I категорически заявил своей грамотой (так называемый *tomus*), что правая вера заключена в ней. Императорские представители, впрочем, деликатно позаботились о том, чтобы эта грамота была принята за основу дальнейших обсуждений на соборе, а затем и утверждена как православная после нескольких дополнений и исключений¹⁶. К несчастью, теоретические завоевания собора были отвергнуты большинством христиан Сирии и Египта, впадших в монофизитство, так что в дальнейшем всякий император, пытавшийся пойти на компромисс со своими подданными-монофизитами, сталкивался с твердым отказом Рима изменить *tomus*'у. Константинопольский патриарх благодаря своей близости к императору, который его и назначал, был вынужден почти всегда следовать указаниям императора, и добрые отношения между Римом и Константинополем надолго прервались. Когда император Зенон обнародовал свой Генотикон — пустая попытка всех примирить, — Константинопольский патриарх Акакий его поддержал. Тогда папа Симплиций исключил Акакия из своего общения, а его преемник папа Феликс III проклял Акакия¹⁷. Разрыв сношений между церквами Рима и Константинополя длился с 484 по 518 г., хотя в 498 г. почти что состоялось примирение, поскольку папа Анастасий II выказывал готовность пойти на компромисс, за что собственная церковь объявила его еретиком, а Данте поместил в Ад¹⁸. В 518 г. император Юстин I, из политических соображений стремившийся заручиться под-

держкой Рима, потребовал от патриарха Иоанна II исключить Акакия и его четырех преемников из официальных диптихов и присоединиться к формулировке, что «Кафолическая вера нерушимо хранится в апостольской епархии»¹⁹.

В правление Юстиниана I с папами обходились небрежно, как, впрочем, и с константинопольскими патриархами. То же происходило и в VII в. С монофелитами покончили на Шестом Вселенском соборе, когда Рим одержал безусловную победу над точкой зрения некоторых императоров и патриархов. Вместе с четырьмя константинопольскими патриархами, официально объявленными еретиками, в список еретиков был включен и один папа Гонорий I, хотя в латинском переводе Деяний собора он тактично не назван папой; а два патриарха, определенно не имевших общения с Римом, были признаны православными²⁰. И все-таки Рим вышел из этого конфликта с некоторыми потерями, и все знали, что истина восторжествовала не столько усилиями папы, сколько деятельностью греческого церковного философа Максима Исповедника. Больше того, победой римское богословие было обязано по большей части вмешательству императора. Императоры, считавшие папу таким же своим подданным, как и патриарха, вместе с тем придавали отношениям с папой особое значение, поскольку он физически был менее доступен контролю, а политически — более полезен из-за своего влияния в Италии. Поэтому, если папу можно было умиротворить унижением патриарха, императоры обычно с готовностью приказывали патриарху признать превосходство папы и сами торопились выказать предпочтение папскому престолу. Когда императору Фоке, восшедшему на трон благодаря особенно гнусному кровопролитию, папа Григорий I не нашел ничего лучшего, как послать лествице поздравление, император ответил столь же лестным признанием папы главой Церкви²¹. Папу Константина I приветствовал в Константинополе император Юстиниан II коленопреклоненно и с императорской короной на голове. Папа оценил этот жест признанием (с определенной оговоркой) постановлений Трулльского собора, которые до тех пор Рим демонстративно игнорировал²². Следует, однако, помнить, что если папы по самой природе своей власти никогда не могли признать своих ошибок, то Восточная церковь не считала своих иерархов безгрешными. Следовательно, мнение патриарха не было обязательным для его преемников, как, впрочем, и мнение императора, если только оно не было закреплено в законе. Даже постановления Вселенских соборов хотя и признавались обязательными, но могли быть разъяснены или даже улучшены. На Востоке и не думали разрабатывать строгое право прецедента и неукоснительно его соблюдать, как это делалось на Западе. Так что, если какие-то одиннадцать патриархов признали превосходство папы по принуждению императора, их преемники вольны были считать это ошибкой.

Единственным вызывающим поступком Константинополь-

ского патриарха можно считать принятие Иоанном Постником в 595 г. титула вселенского патриарха. Папа Григорий I пришел в ярость, посчитавши, что патриарх претендует на всемирную юрисдикцию, и принудил императора Фоку запретить употребление этого титула. На деле же смысл спорного титула был гораздо скромнее: вселенское, или экуменическое, хотя и означало буквально весь обитаемый мир, но в Византии употреблялось в смысле христианской империи. Константинополь был столицей такой империи, и его патриарх был, следовательно, вселенским патриархом. Новый почетный титул, конечно, не давал никакой власти над другими патриархами, как экуменический профессор в университете является лишь профессором философии и не имеет власти на других кафедрах²³.

Отпадению сирийских и египетских несториан и монофизитов способствовало также арабское завоевание. Разделение христианского мира было в интересах мусульман. Они обращались с еретиками как с совершенно отдельными общинами и побуждали их иметь собственных иерархов. Православные патриархии Александрии, Антиохии и Иерусалима хотя и продолжали существовать, однако их паствы сократились и находились под контролем светских властей неверных. Хотя Константинопольский патриарх все еще считал себя хранителем и защитником православия повсюду в мире и хотя сами православные почитали его своим настоящим правителем, живя даже под властью халифа, на практике восточные патриархи уже не могли иметь постоянных сношений с императорским двором. В течение трехсот лет затем лишь один из них смог послать в связи со своим избранием окружное послание константинопольскому брату²⁴. Еще труднее было поддерживать связь с Римом иначе чем через посредничество редких пилигримов с Запада. Практическая изоляция старинных соперников оставила Константинопольского патриарха в положении безусловного главы восточных христиан, а соперничество патриархов свелось к соперничеству Рима и Константинополя; и покуда Рим в результате войн и вторжений варваров приходил в упадок, Константинополь, императорская столица, становился безусловно богатейшим, крупнейшим и культурнейшим городом христианского мира. Естественно, что константинопольские патриархи начинают оспаривать и игнорировать прежние притязания Римского епископа. В то же время хаос жизни на Западе способствовал росту авторитета папы как главы единственно надежного института. Деятельность Григория Великого свидетельствует о том, как далеко может распространиться влияние папского престола, когда его занимает умелый и активный деятель.

Больше того, Рим продолжал играть определенную роль в политике Константинополя. Когда исаврийские императоры стали насаждать в империи иконоборчество и принудили к сотрудничеству патриархов, оппозиция обратилась к богословам за пределами империи, таким, как Иоанн Дамаскин; особый расчет

был на поддержку папы, чей авторитет специально подчеркивался в надежде озадачить императора и патриарха. Папа, как и следовало ожидать, осудил иконоборчество как ложное учение, но ничего не предпринял в борьбе с ним. Недовольство императором появилось у Льва III только тогда, когда сицилийская и иллирийская провинции были переданы из-под власти Римского патриархата Константинопольскому. Эта передача совершилась не потому, что Рим отказывался повиноваться распоряжениям иконоборцев — император и не пытался распространить эту доктрину в дальних провинциях, — просто он действовал в русле общего устремления исаврийцев упорядочить управление империей. Император к тому времени не имел надежного контроля над Римом и Италией, кроме как через ненадежную Равенну. Поскольку же Сицилия и Иллирия являлись провинциями империи, было вполне логично распространить власть константинопольского патриарха на эти территории, управляемые светской властью Константинополя. Рим протестовал, но не прервал отношений с Константинополем. Папа, политическим позициям которого угрожали лонгобарды, не мог отказаться от поддержки императора. Через 20 лет, в 753 г., именно в тот момент, когда Константин V созвал великий Иконоборческий собор, папа Стефан II попросил срочную военную помощь у Константинополя и только отказ Константинополя побудил его обратиться к франкам и положить начало той политике, которая привела в конце концов к созданию империи Карла Великого²⁵. Папы скоро обнаружили, что каролингские богословы не меньше иконоборцы, чем исаврийцы, причем каролинги гораздо больше византийцев стремились вмешиваться в дела Рима. Отношения не были прерваны и тогда, когда папа Лев III короновал Карла императором. Эту акцию осуждали в Константинополе, но ее осуждали и в Риме²⁶.

Первый этап иконоборчества завершился Седьмым Вселенским собором в 787 г. Императрица Ирина, созвавшая собор, пригласила участников из Рима; и, как в Халкидоне, папская декларация веры была положена в основу обсуждений, а затем принята с небольшими прибавлениями. Последовало общее примирение, хотя Сицилия и Иллирия не были возвращены Риму²⁷. Император Лев Армянин вновь возродил иконоборчество в 815 г., и тогда оппозиция под водительством монахов Студийского монастыря, стремясь освободить Церковь от контроля императора, посчитала в этих чрезвычайных условиях вручить папе, которого император не мог контролировать, высшие полномочия. Богословие студитов победило, но их теория церковной власти потерпела поражение, поскольку она представлялась большинству византийцев раздутой и неумной. Императрица Феодора восстановила почитание икон в 843 г. без всякой ссылки на Рим²⁸.

Вскоре затем начались споры относительно деятельности патриарха Фотия. До настоящего времени западные историки счита-

ют Фотия первейшим врагом Рима, а для Востока он — поборник национальной церкви. Современные исследования показывают, что это упрощенные воззрения и неверные. В то же время трудно полностью поддержать и новое веяние среди историков считать Фотия высокоумным политиком, чье стремление сохранить спокойные отношения с Римом не осуществилось лишь из-за грубости папы Николая I. Как бы то ни было, спор между Римом и Константинополем завершился, хотя бы и временно, на лучших, чем в начале, условиях. Однако по ходу дела патриарх затронул вопрос, который стал затем источником неисчислимых бедствий.

В 847 г. императрица Феодора назначила патриархом Игнатия, сына императора Михаила Рангабе, в связи с низвержением которого мальчика оскостили и отдали в монахи Студийского монастыря. Он был суровым узколобым моралистом, со склонностью презирать интеллект. Вскоре после назначения у него появились основания отлучить архиепископа Сиракуз Григория Асбеста. Григорий обратился за поддержкой в Рим и, кстати, высказал сомнение в каноничности избрания Игнатия. Поскольку Сиракузы за сто лет до того были произвольно переданы из-под власти Рима Константинополю, его обращение было сделано с расчетом на конфликт. Папа потребовал представить акты синода, осудившего Григория. Игнатий же, несмотря на свое студийское воспитание, отказался признать право Рима вмешиваться в это дело. Спор разгорался, а императрица тем временем была лишена регентства собственным сыном Михаилом III, который не любил Игнатия не только как друга матери, но и как бесстрашного обличителя частной жизни Михаила. В 858 г. он сместил Игнатия и назначил на его место выдающегося светского ученого Фотия. Фотий, спешно проведенный через все ступени рукоположения, решился действовать, строго следуя традиции. К тому времени уже исчезла практика посылки окружных посланий к церквам с извещением о вступлении на патриарший престол. Связь с восточными епархиями давно уже стала нерегулярной, а взаимное исповедание веры между Римом и Константинополем, казалось, окончательно прекратилось во время иконоборческих споров. Фотий, однако, сумел послать письма восточным братьям-патриархам и в Рим. Без сомнения, он имел в виду завоевать симпатии других христианских церквей и тем ослабить сторонников Игнатия в Византийской церкви, возможно, он хотел также предотвратить возрождение иконоборчества. Если он рассчитывал, что ссора Игнатия с папой сама по себе обеспечит ему поддержку папы, его ждало разочарование. Папа Николай I был неприятно поражен слухами о неожиданном избрании мирянина в патриархи и посчитал, что весь этот спор между двумя патриархами был Богом данной возможностью утвердить власть Рима над Константинополем. Он отказывается принять окружное послание Фотия, но три года спустя, в 861 г., посылает, однако, своих легатов в Константинополь с предложе-

нием не замечать некоторых упущений при условии, что Иллирия и Сицилия будут возвращены Риму. Обдуманное требование и своевременное.

В это время в Центральной и Восточной Европе две великие силы — языческие Моравия и Болгария — склонялись к тому, чтобы обратиться в христианство. Половина Болгарии и большая часть Моравии находились в пределах старой провинции Иллирии. Таким образом, возвращение старых провинций Риму не только поколебало бы императорскую власть на значительных территориях, но и помешало распространению влияния Византии через миссионерство. Ни Фотий, ни император не могли и думать об удовлетворении подобных требований. Вместо того, проявляя свое благорасположение, Фотий предложил легатам, чтобы они от имени папы выступили арбитрами между ним и Игнатием, он же подчинится их решению. Легаты, вместо того чтобы дождаться инструкций из Рима, сразу же соглашались, думая, что действуют в интересах своего патрона. Как и предвидел Фотий, спор был решен в его пользу, и низложение Игнатия утверждено. Игнатий протестовал, что он не может быть связан решением суда, поскольку он его не признает, а Фотий, со своей стороны, разъяснил, что он подчинился данному суду своей волей и это не означает признание за Римом права быть арбитром вообще. Папа Николай понял это. Легатов, вернувшихся с рассказом об успехе, папа сурово отчитал и отказался признать Фотия законным патриархом.

Во время этой новой схизмы Моравия и Болгария были обращены в христианство константинопольскими миссионерами. В Моравии миссионеры решили, что по географическим и политическим причинам основанные ими церкви должны подчиняться Риму. Сначала папы с восторгом поддерживали их миссионерскую деятельность из-за происков Германской церкви, позднее изменили свое отношение. Царь Борис в Болгарии сначала признал церковное подчинение Византии, но позднее обратился к Риму в поисках более выгодных условий. Папа Николай послал своего доверенного епископа Формозия из Порто для преобразований новой Болгарской церкви. Это был чувствительный удар для византийской дипломатии, и вскоре до Константинополя дошли сведения, что Формозий яростно нападает на правило о браке священников и Великий пост, введенные в Болгарии Византией, а также требует присоединения Filioque к Никейскому символу веры.

Фотий не был ограниченным человеком. Он считал, что каждая церковь может иметь собственные порядки при условии, что она уважает порядки других церквей. Он к тому же любил достойную богословскую дискуссию. В свое время, еще в миру он, услышав, что Игнатий отрицает логику, придумал небольшую ересь, просто для того, чтобы посмотреть, как патриарх сумеет с ней справиться без помощи логики²⁹. Теперь он обнаружил, что Формозий не только проявляет нехристианскую

нетерпимость в Болгарии, но и поддерживает дополнение к Символу веры, которое, по мнению Фотия, является богословски ошибочным, исторически и церковно необоснованным и которое свидетельствует о победе германского влияния в Риме. Он с горячностью берется за перо, чтобы сообщить об этих неурядицах восточным патриархам³⁰.

В сентябре 867 г. император Михаил III был убит своим же фаворитом Василием Македонянином, и этот последний захватил трон. Василий немедленно низлагает Фотия и возводит на патриаршество Игнатия. Примерно в то же время умер папа Николай и его преемником стал Адриан II, лично недолголюбивший Формозу и всю германскую партию, которую тот представлял. Когда Игнатий стал искать примирения с Римом, Адриан с готовностью отвечает и отправляет послов на собор, который намечалось провести в 869 г. в Константинополе. Но на соборе дела осложнились. Римские легаты намеревались побудить собор епископов подписать *Libellus*, провозглашавший, что Вера хранится нерушимо Святейшим престолом, но вмешались императорские чиновники и запретили подписывать. Вместо того собор проголосовал против интересов легатов, что согласие всех пяти патриархов необходимо в вопросах богословия. Когда встал вопрос о Болгарской церкви, легаты снова оказались в меньшинстве. Собор постановил, что только император может решить, к какому патриархату отнести Болгарию. Император, естественно, отнес ее к Константинополю, да и царь Борис к тому времени понял, что Рим слишком строг на его вкус. Фотий не без оснований назывался узурпатором, но Игнатий оказался еще упрямее. Итак, хотя папа и патриарх снова официально пребывали в общении, отношения между ними были очень холодными. Папа даже уже склонялся к тому, чтобы исключить Игнатия из общения, когда в 877 г. была получена весть о его кончине.

Преемником Игнатия император Василий назначил, как ни странно, снова Фотия, способности которого он наконец оценил. Фотий горячо желал примириться с Римом. Иоанн VIII, избранный в 872 г. папой, также стремился к примирению. Новый собор собрался в Константинополе в 879 г. Были отменены соборные постановления 869 г., и Фотий был признан законным патриархом. Получило полное подтверждение и православие Рима, хотя, если бы легаты лучше понимали по-гречески, они бы возражали против постановления анафематствовать всех, кто делает прибавления к Никейскому Символу веры, поскольку речь шла о значительной части Римской церкви. Император был в трауре и не присутствовал на соборе, но Фотий доставил милостивое послание от него, относящее Болгарскую церковь в подчинение Риму. Собор закончился взаимными заверениями в расположении и деликатным молчанием по поводу спорных положений; тон послания Фотия к папе был настолько почтителен, насколько этого требовала римская традиция. Единственным отступлением был отказ царя Бориса подчинить свою церковь Риму. Как это пре-

красно сознавали и Фотий, и император, он намеревался остаться в юрисдикции Константинополя; но не по их вине.

Дело Фотия кончилось, таким образом, полнейшим примирением папства и патриархата. Правда, сторонники Игнатия поспешили в Рим и там в союзе с германской партией развернули такую шумную кампанию, что со временем сложилось представление, будто началась новая схизма и Фотий будто бы исключен из общения; действительно, когда позднее Формозий стал папой, он попытался нарушить согласие; но его правление было коротким и злополучным. В течение многих последующих десятилетий во вселенской церкви был мир. Когда же в начале X в. в Византийской церкви произошел раскол в связи с четвертым браком императора Льва VI, такт правящего патриарха и сдержанность папы были в равной степени удивительными³¹. Тем временем империя Каролингов умирала, и в Риме преобладало германское влияние. Византия же, хотя и уступила Сицилию мусульманам, в конце X в. вновь завладела южной Италией. С 904 по 962 г. в самом Риме правил местный патрицианский род, дом Феофилактов; их политика дружбы с Византией и поставляемые папы-марионетки не угрожали альянсу. В этой атмосфере доброго согласия император охотно передал в 924 г. римской епархии провинцию Далмация с ее латиноязычными церквями, хотя она и была иллирийской частью.

Казалось, имелись надежды и в дальнейшем сохранить мир. Но на деле ни одна из старых проблем не была разрешена; появился даже новый спорный вопрос, выделенный Фотием: растущее число западных христиан принимали известное добавление к Никейскому Символу, решительно отвергнутое Фотием. Не хватало только политической революции в Италии, для того чтобы старинный раздор разгорелся еще сильнее и еще губительней. Искра была брошена восстановлением Западной империи.

МИХАИЛ КЕРУЛАРИЙ

В 962 г. Оттон I Саксонский, германский король, повел свою армию через всю Италию к Риму и принудил сопротивлявшегося папу Иоанна XII короновать его императором. В течение сорока лет после того Рим был ареной борьбы германской и местной знати под руководством дома Крескентиев, родственного дому Феофилактов, которому покровительствовали византийцы¹. Сама Византия к тому времени расширилась посредством гражданских войн и возвращения исторических территорий на востоке и на Балканах, и у нее в описываемое время не было действительного интереса к Италии, кроме как во время германского вторжения в южные провинции Византии. Со временем германцы завоевывали власть в Риме; одержанная победа означала, во-первых, то, что идеи реформировать Церковь, родившиеся к северу от Альп, начинают осуществляться в Риме, и, во-вторых, в Риме побеждает германское богословие.

Теперь в Западной церкви имелось уже два великих реформистских течения. Одно с центром в Лоррене; в лице своих руководителей сосредоточилось на епископате, стремясь отменить симонию и назначение неподходящих епископов, а также ввести celibat священства и ужесточить церковную дисциплину вообще. Лоррентинцы охотно прибегали к помощи мирской власти и вскоре получили поддержку германских императоров, понявших, что сильные иерархи могут быть очень полезны для их администрации. Императоры намеревались контролировать Рим и потому были готовы усилить дисциплинарную власть римского престола. Вторым центром реформ было аббатство Клонь, стремившееся к возрождению высоких идеалов монашеской жизни. Усилия клонийцев, однако, постоянно входили в противоречие с интересами местной власти, вследствие чего они передали свой орден в прямое подчинение римскому епископу. Так что для клонийцев было важно, чтобы авторитет папы превосходил все другие церковные авторитеты. Обе реформистские школы были заинтересованы в подтверждении исторических притязаний римского престола во всей их полноте².

Торжество германского богословия ознаменовалось добавлением Filioque к Символу веры. Отцы Никейского собора провозгласили, что Св. Дух исходит от Отца; но в течение многих столетий оставались конгрегации на Западе, которые верили, что

вернее говорить об Исхождении Св. Духа от Отца и Сына. Это добавление, кажется, впервые появилось в Испании во время диспутов испанских католиков с арианами-вестготами. Оно было включено в так называемый Афанасьевский Символ, провозглашенный испанцами в VII в.; и хотя вскоре после того они приняли Никейский Символ, но *Filioque* сохранилось³. Из Испании проникло ко двору Каролингов и обрело пылкого защитника в лице Карла Великого, пытавшегося навязать это добавление папам⁴. В 808 г. Иерусалимский патриарх в послании папе Льву III жалуется, что франкские монахи-бенедиктинцы на горе Елеонской прибавляют к Символу *Filioque*. Поскольку этих монахов содержал Карл, папа Лев переслал жалобу к нему, причем заметил, что, хотя он сам считает данное добавление с богословской точки зрения бесспорным и несомненно более соответствующим западной традиции, все же неверно отступать от того состава Символа, который принят повсюду в христианском мире⁵. Когда папа начертал Символ веры на серебряных пластинах в интерьере Собора Св. Петра, он опустил это слово⁶. В течение IX в. оно было повсюду принято церквями Германии и Лотарингии, а также многими церквями Франции, но Париж сохранял первоначальную формулу еще два столетия⁷. Германские церковники принесли *Filioque* в Рим, где Формозий в числе прочих принял его. В свою очередь Формозий ввел добавление в Болгарии, что было замечено патриархом Фотием, сразу же заявившим протест. Иоанн VIII вел ту же линию, что и Лев III. Он считал политически неверным изменять Символ, хотя и не видел богословских препятствий к употреблению самого этого слова⁸. Возрождение германского влияния в Риме в конце X в. означало и возвращение *Filioque*; причем присоединение его постепенно принимается как часть официального учения. Известно, что впервые это произошло во время торжественного пения Символа на коронации императора Генриха II в 1014 г.⁹

Споры относительно *Filioque* породили, как и следовало ожидать, множество горячих проповедей и трактатов, большая часть которых кажется нам сегодня беспомощными и не по существу. Протагонисты развернувшейся борьбы редко отвечали на аргументы противника прямо и честно. И это было неизбежно, поскольку основные различия и между западным и восточным богословием лежали глубже. Аргументы Запада сводились к тому, что *Filioque* лишь уточняет учение, заложенное в Символе. Это был, без сомнения, корректный аргумент и согласный с традицией западного богословия, всегда видевшего своего главного врага в арианстве готов и стремившегося отстаивать взгляд на Троицу как на единую сущность со взаимозаменяемыми ипостасями. Восточная же богословская традиция сложилась в ходе ожесточенных христологических споров V—VI вв. Оберегая православие от ереси несторианства, с одной стороны, и ереси еutihianства — с другой, исповедовала Троицу, состоящую из трех Лиц с Их отдельными качествами, соединенных в одно сущност-

ное Единство, и в таком ключе толковался Никейский Символ; она подчеркивала присносущную и всюду пребывающую природу Св. Духа. Включение *Filioque* нарушало тонкое равновесие свойств внутри Самой Троицы. Возможно было говорить о нисхождении Св. Духа через Сына, но не более того. Соответственно оправданы были воззрения Фотия, заявившего, что новое добавление представляется ему отдающим или манихейством, поскольку Создатель разделяется на две первоосновы, или неоплатонизмом, поскольку вводится градация Божественных Сущностей. Впрочем, оппоненты искренне считали его довод недостаточным. К несчастью, немногие из участников спора понимали, что действительный предмет спора составляла природа Св. Троицы¹⁰. При большем взаимопонимании, может быть, удалось бы преодолеть богословские различия. Западные богословы по самой природе своих аргументов не возражали, чтобы отдельная церковь склонялась к опущению спорного слова; в то же время восточные церкви стремились являть *икономию*, или милосердие, по отношению к тем христианам, которые хотя и обнаруживали некоторые отклонения в учении, но не были откровенно и определенно еретиками. Но за богословским предметом спора стоял другой, для Востока даже более чувствительный. Символ явился плодом деятельности Вселенского собора, который один был для Востока вдохновенным учительным авторитетом. Добавлять что бы то ни было к Символу означало подвергать сомнению богодуховенный авторитет Отцов Церкви. Лишь новый Вселенский собор имел право не исправлять, впрочем, но развивать или разъяснять решения предшествующего, и если западные церкви односторонне экспериментируют с Символом веры соборов, они обязательно должны впасть в ересь. Так что еретикам нет прощения, несмотря на заявления папы. Восток усматривал в этом споре прямые нападки на целостное учение о Церкви и ее управлении.

Если мы посчитаем временем окончательной схизмы между Римом и Константинополем последнее упоминание папы римского в диптихах Константинополя, тогда схизму следует вести с 1009 г. Последний папа, чье имя было отмечено в Константинополе, был Иоанн XII, умерший в том же году. Его преемник Сергей IV послал окружное послание в Константинополь; однако вследствие, возможно, того, что его исповедание веры содержало *Filioque*, патриарх, также именем Сергей, отверг его и отказался включить имя нового папы в диптих¹¹. И с тех пор папы больше в диптихах не упоминаются. Не следует, впрочем, преувеличивать значения этого факта. Списки диптихов были по необходимости не полными. В течение многих поколений Константинополь не получал окружных писем из восточных патриархатов, не говоря уже о полноте общения с ними. И лишь в конце IX в. по мере улучшения международных сообщений у иерархов появилась возможность поддерживать постоянную связь друг с другом.

Папы поминались в Константинополе постоянно со времени спора с Фотием до конца X в.; однако позднее, до времени правления папы Сергия IV, случались пробы. В 966 г. западный император Оттон III поставил в Риме первого германского папу в лице своего молодого кузена Бруно, Григория V, который не поминался в Константинополе предположительно потому, что как германец он употреблял *Filioque*. Григория, глупого мальчишку, вскоре сместили ромей, избравшие вместо него бывшего воспитателя Оттона грека Иоанна Филагата, Иоанна XVI; по получении его окружного послания Иоанн XVI поминался в Константинополе. Разгневанный Оттон вернулся и восстановил на престоле Григория, захватив и унизив Иоанна. Когда Григорий умер, Оттон даровал Риму первого французского папу Герберта из Аврилака, Сильвестра II, который не упоминается в константинопольских диптихах. Иоанн XVIII, как и Иоанн XVI, был ставленником партии Крескентиев¹². Из этого, как кажется, следует, что папы, поставленные под германским влиянием, не поминались в Константинополе предположительно из-за их германского богословия; но, возможно, также, что они просто не позаботились послать свои окружные послания. Сергий IV определенно таковое послал, но оно было отвергнуто. Столетие спустя в Константинополе вспоминали, что «между двумя Сергиями была схизма», но едва ли кто-нибудь знал, что послужило ее причиной, да и во всяком случае полагали ее недолгой¹³. Следует помнить, что на Востоке делали различие между саном и личностью епископа. Папа Сергий ослабил себя как еретик, но за неимением других свидетельств можно предположить, что его ересь кончилась с его смертью. Его преемники, которые расчетливо упустили послать декларацию веры в Константинополь, могли почитаться православными, даже если они и не предприняли необходимых шагов, которые позволили бы братьям в Константинополе помянуть их.

За исключением разногласий по поводу Символа веры — этого первого симптома будущих бедствий — в начале XI в. не было ощущения, будто единство христианского мира нарушено, и не было желания его нарушить. Напротив, христианские народы находились даже в более тесном контакте друг с другом, чем когда бы то ни было со времени первых варварских вторжений. Это новое сближение стало источником новых неприятностей, когда обнаружилось, что за прошедшие века различные народы изменили свои обряды и теории; но до времени беспокойство охватило лишь нескольких иерархов. Паломничество расцвело как никогда: Византия в 961 г. вернула себе Крит, и восточное Средиземноморье стало безопасным для кораблей христиан. В 969 г. была возвращена Антиохия, и вскоре Византия контролировала северную Сирию. Южная Сирия и Палестина перешли под власть Фатимидов, халифов Египта, проявлявших, за исключением сумасшедшего халифа Хакима, терпимость и дружелюбие по отношению к христианским купцам и паломникам,

приносившим немалый доход. На восточных землях появляются колонии итальянских купцов. Создание варяжской гвардии повело к постоянным и тесным контактам византийских императоров с Западом. С каждым годом все больше западных христиан отправлялось в Святую Землю на поклонение святыням; многие из них останавливались в Константинополе, восхищаясь там многочисленными и великими памятниками. Возвращение Византией Балкан в начале XI в. открыло дешевый путь по суше. Пилигрим, отправлявшийся теперь из Центральной Европы в Палестину, пересекал лишь две границы: Венгрии и Хорватии. Отныне Антиохия и Иерусалим поддерживают постоянные контакты с Западом, и даже Александрия, хотя она и была самым слабым и изолированным из православных патриархатов, смогла оживить давно утраченные связи¹⁴. В самой же Италии средством сообщения греческой церкви с Римом становятся греческие монахи из Калабрии; укажем из них самого выдающегося — Св. Нила, аббата Гроттаферраты и самого неудачливого — Иоанна Филагата¹⁵.

К несчастью, для восточных церквей восстановление коммуникаций совпало с развитием реформаторского движения в Риме. Упомянутые выше клонийцы были в особенности заинтересованы в развитии паломничеств и сами по большей части помогали их организации; но они же были самыми горячими защитниками всемирных притязаний Рима. В 1024 г. патриарх Евстахий Константинопольский при поддержке императора Василия II написал папе Иоанну XIX, что пришло время раз и навсегда определить взаимоотношения этих двух патриархатов; и предложил формулу «при одобрении римского епископа константинопольская церковь будет считаться и называться вселенской в своей области, а римская — во всем мире». Первоначальная греческая фразеология не сохранилась, но представляется ясным, что патриарх стремился получить признание своего патриархата как самостоятельного и независимого, в то время как примаса Рима следовало признать (а Рим оставить) в качестве подходящего арбитра, куда можно было бы апеллировать за разрешением споров и за информацией. Высказывалось, правда, соображение, что настоящим мотивом патриарха было желание скрыть схизму между двумя Сергиями; думается, что он стремился утвердить свой авторитет в отношении церквей византийских провинций в южной Италии, где как раз начинались беспорядки. Поскольку же в то время Византия обладала наибольшей полнотой власти, а папство особенно ослабело, он считал свое предложение, без сомнения, великодушным; Иоанн XIX, по всей видимости, согласился.

Сразу же родилось возмущение среди клонийцев: в своем послании папе аббат из Сент-Бенигна в Дижоне с гневом упрекает его в недостаточном рвении в делах управления Вселенской церковью и напоминает, что, хотя земная империя может быть разделена между несколькими правителями, владение же

Св. Петра неделимо. Наследник Св. Петра не может делиться своей властью «вязать и решить». Папа Иоанн взял назад свое согласие: вследствие чего его имя больше никогда не появляется в диптихах Константинополя и отсутствует в Синодиконе, составленном там в 1025 г.¹⁶. Возможно, именно известие об этом неудачном демарше и ярости, которую он породил за Альпами, вдохновляло хроникера в далекой Германии, когда он писал в 1028 г., на следующий год после коронации папой императора Конрада Салического, что это было, когда, по его словам, «восточные церкви вышли из повиновения Святому престолу»¹⁷.

Эти слова не точны и уводят в сторону. Правда, данный эпизод хотя и мог встревожить Константинополь относительно природы папских притязаний, но в действительности ничего не менял. Папа и Константинопольский патриарх продолжали выпускать имена друг друга в диптихах; однако патриарх Антиохийский, будучи подданным византийского императора, по-видимому, оставался в общении с папой, невзирая на разногласия относительно Filioque; возможно, и Иерусалимский патриарх делал то же¹⁸. В Константинополе оставались открытыми латинские церкви для нужд варягов и паломников. Западные христиане могли также свободно молиться у византийских святых, на Афонской горе имелся латинский Амалфитанский монастырь¹⁹. До поры отношения двух высших иерархов были лишь холодны. Однако ситуация была взрывоопасной, и скоро политические события привнесли новую и очень опасную искру.

Византийская империя к тому времени официально контролировала весь юг Италии по линии Террацина на Тирренском море — Термоли на Адриатическом. В этом районе были расположены два лангобардских княжества — Салерно и Капуя-Беневенто, правители которых обращали мало внимания на своего имперского сюзерена; здесь же находились три независимых торговых города: Гаэта, Неаполь и Амальфи, из которых только Амальфи был достойным и обязательным вассалом, получая от своего положения вассала немалую денежную выгоду. Здесь находились также две провинции, прямо подчиненные Византии, — Калабрия сплошь с греческим населением и Апулия, или «Лангобардия», где города, подобные метрополии Бари, были по преимуществу греческими, в то время как сельская местность была в основном лангобардской и латинской. Константинопольский патриарх никогда не делал попытки утвердить свою власть над латинскими государствами-вассалами, хотя имелись греческие церкви в Неаполе и Амальфи. Другое дело — Апулия. Там греческая и латинская церкви существовали бок о бок, и покуда греки получали руководство из Константинополя, латиняне не могли не обращаться за руководством к Риму, т. е. за границу²⁰.

В 1020 г. апулианец по имени Мелес поднял восстание в южной Италии против Византии и в ходе его нанял себе в помощь двух норманнских рыцарей, паломников к любимейшей святыне — гробнице Св. Михаила на горе Гаргано. Восстание Мелеса

было подавлено, несмотря на поддержку западного императора, но норманны осели в Италии и выписали себе друзей и родственников из северной Франции. Начиная с 1040 г. выдающаяся семья Отевилль систематически покоряет всю южную Италию, Калабрию и Лангобардию, так что не только Константинополь, но и Рим принуждены задуматься, что произойдет в случае победы Отевиллей. Западным императором в то время был Генрих III, человек, сочетавший в себе громадную энергию и ловкость с глубокой набожностью и искренним желанием завершить церковную реформу. Когда в 1046 г. он прибыл в Италию, он застал там ни много ни мало трех мятежных пап, домогавшихся римского престола. Он отлучил их всех и отдал папский престол достойному германцу, Клименту II. Впрочем, Климент и его преемник Дамаск прожили недолго; а в 1048 г. Генрих возложил папскую тиару на выдающегося лорренца, Бруно, епископа Туля, ставшего папой Львом IX. Позднее Генрих был слишком занят в Германии, чтобы возвращаться в Италию, так что папа Лев IX управлялся с итальянскими делами, как сам считал нужным.

Тем временем норманны постепенно расширяли свое влияние на юге. Их первые победы над Византией мало тревожили пап, поскольку норманны — пусть и пираты — были членами латинской церкви. Когда норманнские набеги вышли за пределы лангобардских княжеств и стали приближаться к Риму, папа Лев, не рассчитывавший на помощь из Германии, почел за лучшее взять себе в союзники византийского императора. Примерно в то же время император назначил выдающегося лангобардца Аргира, сына мятежного Мелеса, командующим императорскими войсками в Италии. Как латинянин, он, конечно, сочувствовал идее союза с Римом, считая такую политически мудрым шагом²¹.

Оставалась, однако, одна трудность: норманны были все-таки латинянами и оккупированные районы отходили, таким образом, к латинской церкви. У папы вовсе не было намерения возвращать их под византийское правление. Папа также хотел быть уверенным, что все тамошние церкви перейдут на церковный язык Рима: до тех пор великие церкви христианского мира мало беспокоились о богослужебном языке. Византийцы, сами будучи привержены собственной литургии, признавали за другими церквями право следовать собственным традициям, так что внутри великого Западного патриархата практика служения не была единообразной. Реформированное же папство стремилось в интересах порядка и дисциплины ввести единообразие; подобное течение зарождается и в Константинополе²².

Византийский император Константин IX, доверяя Аргире, склонялся к союзу с Римом. Однако константинопольский патриарх думал иначе. Михаил Керуларий, выступающий теперь на сцену, был назначен на патриаршество в 1043 г. В прошлом чиновник, он поздно принял монашество и, будучи умелым и деятельным администратором, он вместе с тем как чиновник был лишен свободы мысли и не отличался глубоким знанием бого-

словия и церковной истории. В нем мы не встречаем ни тонкости ума Фотия, ни высокой культуры последнего; впрочем, подобно Фотию он проявлял большой интерес к оккультизму. Он был высокомерен и исключительно честолюбив, как человек и как епископ. Не будучи привлекательной фигурой для истории, он в действительности пользовался большой популярностью в Константинополе и имел гораздо больше влияния, чем бладушный, но несколько эксцентричный император²³.

Чтобы понять новую роль Керулария, мы должны помнить, во-первых, что у него имелись некоторые сведения о делах в Риме и что не без основания он презирал папство. Во-вторых, он имел личную неприязнь к Аргирю, не доверяя ему, противился влиянию последнего на императора, памятуя его подозрительное происхождение и сомнительное прошлое. В-третьих, наделенный бюрократическим умом, он стремился, как и все папы-реформаторы, ввести единообразную богослужебную практику в своем патриархате. Вдохновляясь, возможно, западным примером, он также обратился к нелатинскому миру. Империя недавно аннексировала последние независимые армянские княжества, и в Константинополе утвердилось стремление интегрировать Армянскую церковь в официальную Византийскую церковь. Будучи слегка еретиками, армяне отклонили постановление Халкидонского собора, хотя их богословие было скорее монофелитским, чем монофизитским. Причем многие формулировки резко отличались от греческих. Помимо склонности к периодическим жертвоприношениям армяне начинали Великий Пост в Неделю о мытаре и фарисее; одобрялся также пост по субботам, а главное, они употребляли за литургией опресноки. Такую практику греческие богословы считали определенно иудейской; к сожалению, подобной была и практика латинской церкви. Трудно было запрещать армянам то, что они постоянно видели в латинских церквях в Константинополе²⁴. Понятно, почему Керуларий так сильно хотел найти предлог, чтобы принудить латинские церкви к конформизму. Лишь только он обнаружил, что норманны с одобрения Рима запрещают служение по греческим канонам на территориях, подпавших под их контроль, и что реформированные синоды повсюду в Италии осуждают те церкви, которые в силу особых причин сохраняют верность греческому канону, он сразу же приказал латинским церквям в Константинополе придерживаться исключительно правил греческой церкви. Те, в свою очередь, отказались и были закрыты примерно в конце 1052 г.²⁵.

Затем он побудил Льва, архиепископа Охрида и главу болгарской церкви, написать письмо Иоанну, епископу греческого города Трани в Апулии, и синкелу, т. е. патриаршему наместнику в Италии, который должен был передать его дальше «святейшему папе» и «всем епископам франков». По преимуществу письмо состояло из яростных нападок на употребление азимы, или опресноков, за литургией; кроме того, осуждался субботний пост, употребление удушения и опущение за службой «Ал-

лилуйа» после Недели о блудном сыне²⁶. Несчастлив был тот день, когда этот воинственный документ прибыл в Италию. К тому времени Аргир заключил с папой союз; хотя еще до соединения из двух армий Аргир потерпел поражение от норманнов в феврале 1053 г., а в июне — папское войско со Львом во главе было окружено в Цивитате, и папа был захвачен как знатный пленник в Беневенто. Норманны, впрочем, не намеревались лишать Церковь руководства, поэтому они позволили папскому секретарю Гумберту Мурмутьерскому, кардиналу Сильва Кандида, присоединиться к своему владыке. Гумберт, однако, не поехал из Рима прямо в Беневенто, но сначала отправился в Апулию, возможно, для встречи с Аргиром. Когда он проезжал через Трани, епископ Иоанн передал ему письмо Льва Охридского. Зная немного греческий, Гумберт сделал поспешный перевод, возможно не вполне точный, но преувеличивший и без того оскорбительный тон письма. По прибытии своем в Беневенто он представил само письмо и перевод папе. Папа Лев IX в это время изучал греческий в своей вынужденной праздности; хотя сомнительно, что его знаний было достаточно, чтобы проверить перевод Гумберта. Во всяком случае, папа пришел в ярость. Рассчитывая на дружеское сотрудничество со стороны Византии, он нисколько не ожидал столь грубых нападок на обычаи его церкви. Гумберту было приказано набросать два ответа от имени папы. Один был адресован без всяких церемоний «епископам» Михаилу Константинопольскому и Льву Охридскому и содержал обоснование превосходства Рима, исходя из «Дара Константина». Второй — без адресата — представлял собой апологию канонов латинской церкви²⁷. Папе, впрочем, язык Гумберта показался, по-видимому, слишком резким, поскольку письма не были сразу отправлены.

Тем временем из Константинополя прибыл курьер с двумя посланиями совершенно иного рода. Одно, подписанное императором, содержало сердечное предложение теснейшего политического союза. Другое, подписанное Керуларием, молило о братском единстве между церквями. Сомнительные вопросы церковной практики даже не упоминались. Взамен патриарх обещал внести имя папы в диптихи по всем церквям империи, если и его имя будет вписано в Риме. Однако, к несчастью, Керуларий обращался в письме к папе «брат», а не «отец» — обращение, которым последние патриархи признавали старшинство папы; сам же он подписался «вселенский патриарх», а помощники Льва перевели это как «Патриарх всей вселенной»²⁸.

Замечательная перемена тона патриаршего письма приписывается обычно влиянию императора, чему трудно поверить, поскольку никогда больше Керуларий не выказывал ни малейшего снисхождения к пожеланиям своего монарха. Почти наверняка в роли примирителя выступил Иоанн, епископ Трани, которого Аргир как раз послал в Константинополь с рапортом о положении дел в Италии. Поскольку патриарх не сомневался в предан-

ности Иоанна из Трани, последнему удалось уверить патриарха в том, что папа — выдающийся деятель и разумный человек, чью дружбу необходимо снискать для спасения церкви в Италии. И папа Лев поступил бы мудро, если бы проигнорировал выспренный слог патриарха и ответил бы прямо на это примирительное послание. Однако он был болен, и все дело осталось в руках кардинала Гумберта²⁹.

Хотя Керулария и следует винить в том, что произошло затем, не меньшая вина лежит на Гумберте. Не лишенный некоторой учености, а также пусть и небольшого, но искреннего благочестия, он был, однако, вспыльчив и язвителен и не любил греков. Гумберт решил послать легатов в Константинополь и набросал для них еще два письма от имени папы. Первое письмо адресовалось Керуларию. В нем и повторялись доводы в пользу превосходства Святейшего престола. В письме патриарху ставилось в упрек употребление титула вселенского, подвергалась сомнению каноничность его избрания — патриарх обвинялся в покушении на прерогативы Александрийской и Антиохийской церквей, — причем только во втором случае с некоторым основанием; не была забыта и «дерзкая» критика патриархом практики латинских церквей, в особенности употребление опресноков. В конце письма высказывалась надежда, что два легата засвидетельствуют раскаяние Керулария. Второе письмо было адресовано императору и содержало жалобы на поведение патриарха, а также предупреждение, что если последнего не приструнят, последуют ответные меры³⁰.

Легатами папа послал самого Гумберта, Фредерика Лотарингского, канцлера Римского престола, и Петра, епископа Амальфийского, занимавшего престол в вассальном государстве империи с многочисленным населением. Они отправились в путь в начале 1054 г. и сделали остановку в Апулии для собеседования с Аргиром, причем Аргир посоветовал игнорировать патриарха и вести переговоры только с императором. Плохой совет! Ведь Керуларий был и сильнее, и популярнее. Легаты прибыли в Константинополь в апреле, имея с собой два папских послания, а также досье, содержащее два предыдущих неотправленных письма папы и отчет патриарха Иерусалимского, из которого следовало, что церковная практика там отличается от принятой в Константинополе³¹.

По прибытии в Константинополь легаты посетили прежде всего патриарха. Протокол приема их весьма разочаровал, так что они швырнули послание папы патриарху и удалились, даже без обычных приветствий. Керуларий, открыв послание, был ошеломлен: Иоанн из Трани уверял его, что папа как весьма мудрый и расположенный человек ответит на его дружеский жест; вместо того с патриархом обошлись грубо и оскорбительно. Он проверил печати на послании и заподозрил, что они нарушены. Керуларий сразу же решил, что легаты показывали послание Аргиру и изменили текст, потворствуя ему. Его первое

предположение было, возможно, правильным и объяснило бы, почему послания были запечатаны вторично, хотя сомнительно, чтобы Аргир манипулировал с посланием; нелюбовь и недоверие патриарха к Аргиру были столь велики, что он поневоле подозревал Аргира. В конце концов он решил, что папа — узник. Как же ему удалось послать легатов? Что доказывало их полномочия? Он отказался признать их достоинство легатов. Эта осторожность оказалась оправданной. 15 апреля, спустя несколько дней после прибытия легатов в Константинополь, папа Лев IX умер. Канон и прецеденты не позволяли легатам представлять почившего папу, так что, когда новость о смерти папы дошла до него, Керуларий мог возблагодарить собственную предусмотрительность. Отныне у легатов вообще не было никаких законных полномочий³². В сентябре Генрих VIII назначил нового папу Виктора II, однако Виктор находился в то время в Германии и прибыл в Рим лишь в следующем апреле. Он не имел связи с легатами, да и вряд ли вообще знал об их существовании³³.

Хотя патриарх игнорировал легатов, они были хорошо приняты императором. Воодушевленные сердечностью императора, они опубликовали привезенные с собой документы. Сообщение из Иерусалима не имело никакого смысла, поскольку в Константинополе не получали жалоб на практику тамошней церкви. Но два черновых ответа на письмо Льва Охридского, которые по приказанию Гумберта были переведены на греческий, вызвали раздражение византийцев. Ответ сразу же был опубликован неким Никитой Стифатом, монахом Студийского монастыря — некогда верного защитника папских прав. Изысканное по стилю, это обращение к римской церкви содержало критику практики этой церкви по части употребления опресноков и субботствования; кроме того, не одобрялось запрещение женатым священникам и совершение обычной литургии (а не литургии Преждеосвященных Даров) в течение Великого Поста. Доводы Стифата следует признать несколько грубыми, а его ссылки на Священное Писание не всегда идут к делу. Гумберт легко мог ответить впечатляющим разгромом. Вместо этого он, увидев трактат в переводе на латынь, впал в бешенство и разразился ответом, полным грубой брани. Имя Стифата он перевел как Пекторатус, что, по его словам, означает животное, ползающее на брюхе, и среди других колкостей заявил, что Стифат вышел не из монастыря, а из блудилища. Он не предпринял ни малейшей попытки ответить на критику монаха; однако в заключение Гумберт производит контратаку на особенности греческой практики, такие, как добавление теплоты в вино Причастия³⁴.

Керуларий пока держался в стороне, но император боялся, что гнев Гумберта помешает осуществлению желанного ему политического альянса. Он принудил Стифата отречься от своего сочинения и лично принести извинения легатам. Воодушевленный своим успехом, Гумберт пошел дальше и поднял вопрос

о Filioque³⁵. Без сомнения, он полагал, что это было угодно и папе Льву; как раз перед отъездом легатов из Италии норманны позволили папе отправиться в Бари и изложить там перед небольшим местным синодом его взгляды относительно желательности включения этого добавления³⁶. Однако и перед лицом этой новой провокации, возмутившей византийское общество, Керуларий хранит молчание и игнорирует легатов. Терпение Гумберта наконец истощилось. В субботу 16 июля 1054 г., как раз перед началом литургии, он и его коллеги вошли в храм Св. Софии и положили на алтарь буллу, исключающую из общения Михаила Керулария, Льва Охридского, Михаила Константина, патриаршего канцлера, и всех их последователей; затем они покинули храм, демонстративно отряса его прах со своих ног. Дьякон догнал их и умолял взять назад буллу, но они отказались. Тогда он бросил ее на улице. Булла была поднята и наконец доставлена к Керуларию. Когда она была ему переведена, он, должно быть, улыбнулся, увидев, что официальный документ содержал такое количество очевидных ошибок. И в самом деле невероятно, чтобы такой ученый человек, как Гумберт, произвел столь жалкий манифест. Для начала автор отказывал Керуларию, лично и как епископу Константинопольскому, в титуле патриарха. Булла провозглашала, что хотя ничего нельзя сказать в обвинение граждан империи или Константинополя, но все те, кто поддерживают Керулария, повинны в симонии (то есть в том — и это прекрасно знал Гумберт — что было главным пороком римской церкви), в побуждении к оскотлению (что практиковалось также и в Риме), в принудительном перекрещивании латинян (к тому времени уже прекратилось), в разрешении священникам жениться (неточность, поскольку женатый человек мог стать священником, но никто, принявший сан, не имел права вступать в брак), в крещении рожиц даже во время агонии (добрая практика ранних христиан), в неприятии закона Моисея (неправда), в отказе от причастия бритым мужчинам (тоже неправда, хотя греки неодобрительно относились к бритым священникам) и, наконец, в опущении фразы в Символе веры (что было истиной, вывернутой наизнанку). После таких обвинений жалобы на закрытие церквей в Константинополе и неповиновение папе уже терялись. За заключительным «анафема маранафа» следовало добавление, что отныне Керуларий и все его сторонники будут известны как еретики-прозелиты³⁷. Керуларий поспешил к императору с греческим переводом буллы. Константин к тому времени дружески простился с легатами, надеясь, что его план политического альянса удался, и они отправились в обратный путь домой. Когда император прочел буллу, он был глубоко потрясен, но, подозревая Керулария, не приказал сразу же вернуть легатов для объяснений. Вместо этого император послал за оригинальным латинским текстом. Посланник нагнал их в Селумбрии и вернулся с копией буллы. Обнаружив, что версия патриарха верна, император посылает во второй раз с приказом вер-

нуть легатов для дачи объяснений перед синодом в Константинополе. Вернуться они отказались и продолжали свой путь.

Тем временем в Константинополе становится известным содержание буллы через друзей патриарха. Население города, уже довольно раздраженное высокомерием римлян и не одобрявшее императорского к ним расположения, начинает бунтовать. Восстание и другие выступления застали Константина врасплох, и он осознал, что общественное мнение поддерживает церковь против него. Он объявил, что переводчики, сотрудничавшие в легатами, будут наказаны, а также арестовал родных Аргира в Константинополе. Затем император приказал сжечь оскорбительную буллу. Бунты утихли. В воскресенье 24 июля был созван синод для рассмотрения всего этого дела. Синод объявил, что с Запада прибыли безответственные персоны и исключили из общения патриарха и всех, кто отказывается придерживаться их учения о Св. Духе, а также их практики бритья бород и celibата. Были полностью прочитаны тексты буллы и императорского указа о ее сожжении. Отчасти были прочитаны письма, привезенные легатами, о которых было заявлено, что они — дело рук Аргира. Затем торжественно анафематствовали Гумберта и его спутников. Рассмотрение велось очень осторожно, с тем чтобы никак не задеть ни пап, ни западную церковь вообще. Козлами отпущения стали три римских легата и достойный, но непопулярный сановник Аргир. Для любого папы, пожелавшего бы возобновить дружественные отношения, оставалась возможность признать, что Гумберт действовал *ultra vires*³⁸.

События 1054 г. должны быть проанализированы во всех деталях, поскольку этот год по традиции считается временем окончательного разрыва между Римом и Восточной церковью. Фактически же, хотя ни один папа не поминался в константинопольских диптихах в 1009 г., а переговоры 1024 г., имевшие целью исправить это положение, провалились, контакты между Римом и Константинополем полностью не прекращались. Политическая ситуация в Италии и атака патриарха на церковную практику латинян, вызванные как его собственной политикой внутри патриархата, так и римской политикой в Италии, привели к новым переговорам, которые кончились катастрофой в 1054 г. Катастрофа с этими переговорами, впрочем, не бросает тени на папство, поскольку у легатов не было законных полномочий. Новый папа мог бы отречься от деятельности легатов без всякого ущерба для своего престижа. Сложившаяся к этому времени ситуация была намного хуже, чем в 1052 г., лишь выросло взаимное недоброжелательство. Почему же события 1054 г. получили такое несоразмерное значение? В Константинополе современники заметили происшедшее, придав ему значение внутреннего кризиса, в котором патриарх одержал верх над императором. Но на Западе все приняли всерьез, отчасти благодаря тому факту, что с реформой папства события в Риме вызывали острейший интерес повсюду в Западной церкви. Неожиданная атака

греков на практику Западной церкви соответственно вскоре стала известна широчайшему кругу общества и вызвала к себе враждебное отношение, чего никогда не случилось прежде в ходе полемик между Римом и Константинополем. Еще больше на развитие событий повлияли личные черты его главных участников. Гумберт нисколько не был сконфужен неудачей своей миссии: его отчет читается как гимн триумфатора — Запад так и оценил его. Вплоть до смерти в 1061 г. Гумберт оставался влиятельнейшей фигурой в курии. Другой легат, Фредерик Лотарингский, стал папой Стефаном IX. Ближайшим другом Гумберта был Гильдебрандт — будущий папа Григорий VII. Таким образом, в Риме и не думали порицать действия легатов, но, напротив, превозносили их правоту, так что наконец на Западе утвердилось мнение, что беспредметные нападки какого-то упрямого епископа были справедливо и по заслугам наказаны исключением его из общения; поскольку же ни сам этот епископ, ни его преемник не искали прощения, схизма продолжалась. Гумберт обдуманно не включил всю константинопольскую церковь в свой акт отлучения епископа этой церкви; однако, продолжая выбирать и поддерживать схизматических епископов, она сама становилась схизматической³⁹.

Однако еще целое столетие новый взгляд на вещи не вполне укладывался в головах западных людей. К XIV в. греки и сами поверили, что схизма началась при Керуларии: считали, что он ответил на атаки папы исключением последнего из общения, а себя объявил старшим среди восточных патриархов. Возможно, именно под влиянием западных нападок на Керулария он стал национальным героем православия⁴⁰.

Для современников печальным следствием этих событий стало растущее озлобление с обеих сторон. Вскоре после отъезда легатов в Константинополе появился памфлет «Против франков» — факт, достойный сожаления: в нем приведено было 28 канонических отступлений, частью действительных, но также и совершенно фантастических и явно ложных. Возможно, он появился не без ведома Керулария, но трудно поверить, чтобы он серьезно мог обвинять латинян в том, что они едят мясо волков и крестят младенцев слюною. Без сомнения памфлет предназначался для внутреннего распространения и был выпущен последователями Керулария с единственной целью укрепить победу над императором впечатляющим перечнем страшных заблуждений, на которые император готов был уже смотреть сквозь пальцы. Авторы хотели вывести из себя полуобразованное общество Константинополя⁴¹.

Сам патриарх предпринимал более основательные попытки обеспечить себе поддержку восточных епископов. Немедленно по отъезде легатов он кратко описал их визит в послании к Петру, епископу Антиохийскому, своему другу и, подобно самому патриарху, подданному императора. В послании известные события были преподнесены односторонне, именно так, чтобы казалось,

будто вся православная церковь была исключена из общения. Позднее он написал и подробнее, и точнее о происшедшем, дополнив послание перечнем тех западных верований и обычаев, которые казались ему неканоничными. В основном он выступал против добавления *Filioque* и употребления опресноков; кроме того, перечисляются и некоторые другие отступления, отчасти незначительные, а отчасти воображаемые. Керуларий обвиняет латинян в непочитании мощей, что было, очевидно, неверно, принимая во внимание не только воодушевление громадного числа паломников, отправлявшихся с Запада на Восток в поисках мощей святых, но также и те высокие цены, которые они с готовностью платили. Он также заявил, что латиняне не почитают икон, возможно, потому, что ему стало известно о теологах при дворе Каролингов, придерживавшихся иконоборчества. Затем Керуларий добавляет, совершенно несправедливо, что они не почитают Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста святыми, припомнив, видимо, спор, когда грек, обосновывая употребление квасного хлеба, опирался на писания этих святых, а его оппоненты отказывались считать такие доводы решающими. Подобные верования равносильны ереси, пишет Керуларий: как возможно оставаться верным в общении с такими людьми? Затем он говорит, что ни один папа не был записан в помянники в Константинополе после Вигилия, — утверждение, которое Петр поспешил объявить ложным, и что он сожалеет, что другие восточные патриархи продолжают почитать пап. Затем он просит Петра выяснить, действительно ли практика азимитов разрешена в Иерусалиме и Александрии. У нас не сохранилось ответа Петра на этот вопрос. На деле же, при том что местные православные общины Египта и Палестины употребляли квасной хлеб, в Иерусалиме находились и многочисленные латинские колонии пилигримов и клира, а в Александрии — купцов с их капелланами; в их храмах придерживались западной церковной практики⁴².

Ответ Петра Антиохийского к его собрату в Константинополе был далеко не сочувственным⁴³; однако у Керулария к тому времени было слишком много забот, чтобы вступать в спор. Он оставался главенствующей фигурой в государстве до смерти Константина IX в январе следующего года. Наследницей Константина стала его свояченица Феодора, старая дева, последняя представительница великой македонской династии; она пользовалась в Константинополе большей популярностью, чем патриарх. Когда патриарх попробовал руководить ею, как он руководил Константином, она ядовито отвечала ему, чтобы он занимался своим делом — Церковью. Феодора правила всего лишь 18 месяцев. Ее преемник Михаил VI пытался ей подражать, но он был всего лишь слабым стариком. Керуларий без колебаний интриговал против него и использовал влияние Церкви, чтобы свергнуть его в пользу главнокомандующего Исаака Комнина. Когда же позднее в расчете на благодарность Исаака он начал

снова вмешиваться в государственные дела и стал было даже носить пурпурные туфли — знак императорского достоинства, то совершенно утратил свою популярность в Константинополе, где никто не собирался терпеть патриарха, воображающего себя императором. Исаак, за которым стояла армия, низложил его. Керуларий ненамного пережил свой позор и умер в 1058 г.

Керуларий вовсе не заслужил того поношения, которое обрушилось на него как на главного архитектора схизмы. По крайней мере с той же силой следует винить кардинала Гумберта. Впрочем, ни тот ни другой не послужили Делу христианской любви⁴⁴.

Глава 3

ОТ 1054 ГОДА ДО ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Насколько невелико было в свое время влияние описанных событий 1054 г., следует из того факта, что переговоры между Восточной империей и папским престолом продолжались. Взаимопонимание с Римом было единственной возможностью для императора восстановить свое влияние в Италии. Контролировать продвижение норманнов было невозможно. В 1071 г. норманнский предводитель Роберт Гвискард окончательно покорил южную половину полуострова, захватив византийский центр Бари. Затем он начал угрожать Балканскому полуострову и Греции. Империя была не в состоянии сопротивляться вторжению с Запада, поскольку величайшее военное поражение при Манцикерте в 1071 г. открыло для турок-сельджуков всю Малую Азию. Постепенная утрата анатолийских провинций, бывших военной и отчасти экономической базой империи, вызвала у византийской администрации едва ли не панику. В подобных обстоятельствах никто из императоров не хотел увеличивать трудности, приобретая лишних врагов на Западе. Папа единственный мог сдерживать норманнов; в то же время и растущая зависимость империи от иностранных купцов, по преимуществу латинян, также была причиной горячего желания императора найти общий язык с латинскими иерархами, что бы ни думал об этом Константинопольский патриарх.

Однако в те же годы меняется и позиция папства. Немошное и разлагающееся в начале века, благодаря реформам германских императоров оно восстановило свою силу и моральное влияние. Смерть императора Генриха III в 1056 г. и продолжительное несовершеннолетие Генриха IV освободили папу от узды германцев. По постановлению 1059 г. выбор папы зависел теперь исключительно от римских кардиналов. Епископ Рима не был больше жалкой креатурой римской знати или заальпийских монархов; он стал независимой фигурой, его престиж на Западе был особенно высок, так что приходилось относиться к нему с почтением.

Падение Керулария в правление Феодоры создало условия для новых переговоров. Аргиру вернули благоволение, но он уже опоздал со спасением византийской Италии, хотя и отправил посланника в Германию к умирающему императору Генриху III с просьбой о помощи¹. Вновь открылись латинские церкви в Кон-

стантинополе. Мы обнаруживаем, что папа Виктор II, преемник Льва IX, пишет в самых дружеских выражениях к императрице и просит ее сократить налоги, собираемые с пилигримов в Иерусалиме². Однако Виктор посчитал в то же время благоразумным заключить перемирие с норманнами³. Преемник Виктора Стефан IX, который под именем Фредерика Лотарингского сопровождал Гумберта в его несчастном посольстве, вернулся к мысли о союзе с Византией и, возможно по получении известия о смещении Керулария, назначил Дезидерия, выбранного аббата* из Монте Кассино, главой новой миссии в Константинополь. Легаты уже достигли Бари в январе 1058 г., когда их настигло известие, что папа умер. Памятуя о том, что произошло в 1054 г., они благоразумно вернулись назад⁴.

В 1059 г. папа Николай II подписал соглашение с норманнами в Мельфи. Гвискард был признан правителем Апулии, Калабрии и ломбардских провинций, которые он должен был удерживать как сюзеренов Святейшего престола⁵. Это соглашение прямо затрагивало византийские интересы и вызвало неудовольствие в Константинополе. В 1062 г. император Константин X соединил свои усилия с западной императрицей-регентшей Агнией в их общем замысле провести Кадалла, епископа Пармы, в папы, противопоставляя его законному папе Александру II. Однако Кадалл, назвавшийся Гонорием II, был не в состоянии удержаться в Риме и вскоре был отставлен⁶.

У византийцев в это время были другие заботы. Впрочем, Александра II встревожила возможность союза Византии с Германией, и он воспользовался восшествием императора Михаила VII, чтобы отправить в 1072 г. в Константинополь послов с поздравлениями под началом Петра, епископа Ананьинского. Петр получил наказ деликатно поднять вопрос о воссоединении церквей⁷. К несчастью, к тому времени у Рима и Константинополя были разные представления о воссоединении церквей. Самый влиятельный теолог в Риме Гильдебрандт, в будущем папа Григорий VII, неуклонно развивал свою теорию о том, что духовная власть папы так же соотносилась с мирской властью императоров и царей, как солнце соотносится с луной, а законники курии начинали переводить эту теорию в юридические термины и практику. Такие представления не могли понравиться наследнику Константина Великого в Константинополе, поскольку из них с абсолютной необходимостью следовало превосходство авторитета папы во всех церквях христианского мира. Восток же в описываемое время неотступно придерживался того мнения, что высшим учительным авторитетом обладает в Церкви Вселенский собор, на котором должны быть представлены все церкви; управление же церквами находится в руках пяти исторически узаконенных патриархов: Римского, Константинопольского,

* Т. е. аббата, назначенного не светской властью (через процедуру инвеституры), но выбранного монастырем, владеющим иммунитетной грамотой.

Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского; подчинение же императора как «наместника Бога на земле» несколько неопределенно. Таким образом, церковное единство означало для Рима подчинение восточных церквей Риму, а для византийцев — всего лишь поставление Римского епископа вновь на его место первого среди патриархов, а также то, что снова будут поминать в диптихах, наделяя его всеми обычными почетными титулами. Столь различные точки зрения трудно было примирить. Так что, когда легат Александра II попытался поднять вопрос о единстве, патриарх Иоанн Ксифилин при поддержке Михаила Пселла, секретаря императора, позаботился о том, чтобы отложить его обсуждение на неопределенное время⁸.

В 1073 г. Константинополя достигли слухи о том, что Гвискард собирается вторгнуться на Балканы. Император Михаил, чьи ненадежные армии были полностью связаны отражением турок в Анатолии, решил, что новый папа Григорий VII сможет остановить норманнов. В Рим отправилось посольство с предложением воссоединения церквей в случае, если Григорий остановит Гвискарда. Папа выполнил поставленное ему условие и принудил Гвискарда заключить мир с Византией, причем его дочь Елена отправилась в Константинополь, чтобы обручиться с сыном и наследником императора. Однако, когда Григорий объявил, что он лично с большой армией прибудет на Восток, чтобы отразить неверных, а также проведет синод в Константинополе для разрешения всех религиозных затруднений, византийцы были застигнуты врасплох. Патриарх Иоанн затягивал переговоры до тех пор, пока Григория не отвлекли более неотложные дела⁹.

В 1078 г. Михаил VII, образованный, но слабый император, был свергнут в результате дворцового переворота и вскоре умер. Новый император Никифор Фотениат заключил сына Михаила в тюрьму и аннулировал его брачный договор с норманнской принцессой. Гвискард пришел в ярость и поспешно нашел в Риме грека, которого объявил низложенным императором, причем папа Григорий поддался на этот обман и благословил Гвискарда на военные действия с целью восстановления на престоле Лжемихаила. Император Никифор был торжественно отлучен. Впервые за несколько столетий возник официальный разрыв между папой и императорским двором¹⁰. Это была трагическая ошибка. Отныне папа всегда имел возможность сталкивать друг с другом патриарха и императора, так что эти двое поневоле должны были действовать сообща. В Византии разрыв с папой не возымел большого действия, поскольку вскоре разразилась гражданская война. Однако, когда в 1081 г. Алексей Комнин утвердился на троне и восстановил гражданский порядок, папа с опрометчивой поспешностью отлучил и его. В это время норманны вторглись в Эпир¹¹.

Алексей Комнин был искуснейшим политиком Византии за предшествующие столетия. Он был очень умен, неутомим в трудах, искренне благочестив и горячо любил свою родину. Получив прекрасное образование, он утончил свой вкус и добился боль-

шой начитанности. Как человек он был добр, терпим, великодушен, однако мог быть тверд и даже беспощаден, если считал это своим долгом. В роли императора он имел перед собой лишь одну цель — процветание его империи, и хотя сам он следовал высоко моральным правилам в своем поведении, он мог поддерживать и хитрость, и интригу ради пользы своего народа. Придерживаясь византийской традиции расчетливости и осторожности, он предпочитал войне дипломатию, считая последнюю более допустимой для христианина, более дешевой и надежной. По восшествии своем на престол Алексей обнаружил, что как государственная администрация, так и церковь коррумпированы и расстроены; тогда он вознамерился реформировать обе эти стороны общественной жизни. Помазанник Божий, он с ответственностью и властью входил в церковные дела. Патриарх вынужден был подчиняться его приказам. Вмешиваясь, однако, в дела веры, он вовсе не брал на себя разрешения вопросов учения, хотя и горячо любил богословские споры, но лишь следил за церковной дисциплиной и боролся с еретиками. Новая идеология римского папы была совершенно чужда его политическим взглядам, но он искренне печалился о разрыве с Римом не только по соображениям дипломата, но по неложному желанию христианского согласия.

Отлучение его Григорием потрясло Алексея и оскорбило его народ. В ответ он закрыл латинские церкви в Константинополе, за исключением венецианских, поскольку венецианцы были его союзниками в войне с норманнами¹². Алексей поддерживал отношения с заклятым врагом папы — Генрихом IV Германским, однако отказался признать поставленного Генрихом IV антипапу Жильбера Равеннского, чем весьма удивил и разочаровал Жильбера¹³. Все эти вопросы так и не получили своего разрешения вплоть до смерти Григория в 1085 г. Тем временем норманнское вторжение в Эпир провалилось, причем норманны продемонстрировали свое отношение к папскому престолу разграблением Рима.

Краткий понтификат Виктора III не изменил ситуации. В 1088 г. папой становится Одо из Лажери под именем Урбана II. Урбан был мудрым политиком, понимавшим, что византийским вопросом занимались неправильно. К тому времени положение Алексея весьма утвердилось: он прочно сидел на троне; норманны отступили, он отбросил варваров за Дунай и удерживал турок, и Урбану было ясно, что первый шаг к примирению — за папой. В 1089 г. он посылает миссию во главе с кардиналом Ранжером, или Рожером, — позднее архиепископом Реггио — и Николаем, аббатом греко-итальянского монастыря в Гроттаферрата. Послы имели при себе письмо с отменой отлучения и просьбой вновь открыть латинские церкви во владениях императора. Для латинских церквей папа испрашивал право совершать богослужения по собственному чину. Алексей ответил без промедления на это дружеское послание. Он созвал в Константинополе синод, который затем провозгласил, что имена пап исключились из диптихов

в Константинополе по недоразумению и что канонично только исключение имени по постановлению синода. Затем патриарх Николай III написал папе о том, что латинские церкви вновь открыты и могут совершать богослужения по своему усмотрению. Он обещал папе вновь вписать его имя в свой диптих, но предложил отсрочить окончательное решение на 18 месяцев, в течение которых или сам папа прибудет в Константинополь для обсуждения расхождений между двумя церквями, или, если это невозможно, папа пришлет подробное изложение сути разделявших их проблем. Патриарх так же тонко намекнул, что папа не послал окружного письма патриарху при восшествии своем на престол; впрочем, его личный приезд или полное исповедание веры могли бы восполнить это упущение. Затем патриарх обратился к папе с просьбой распространить свое благоволение на некоторых греческих епископов в южной Италии, молчаливо признавая, таким образом, что южная Италия возвращается под руку Рима¹⁴.

Ответ удовлетворил Урбана, и он деликатно не заметил, что патриарх именует его «брат», а не «отец»: должно быть, он знал, что никогда не сможет посетить Константинополь. Так же он никогда так и не послал требуемого исповедания веры, возможно, потому, что не хотел поднимать вопрос о *Filioque*. Фактически он продемонстрировал *икономию* — братскую любовь, столь дорогую византийской церкви. Однако за отсутствием декларации веры имя папы никогда не было внесено в диптихи в Константинополе. И все же можно сказать, что какое бы то ни было разделение двух церквей — схизма — к тому времени прекратилось. На целое десятилетие установились мир и благоволение.

Благорасположение получило отражение и в главных полемических произведениях того периода. Даже в правление Керулария в Восточной церкви многие печаловались о раздоре в христианском мире. В особенности Керуларий заботился о поддержке со стороны брата-патриарха Антиохийского. Патриарх Петр III был антиохийцем по происхождению, образование получил в Константинополе, где дошел до должности главного скевофилакса в церкви Св. Софии. Император Константин IX назначил его в Антиохию в 1052 г., как было сказано, по прямому указанию Божией Матери, полученному им во сне. Керуларий получил исповедание веры от него лично и посвятил его в епископы. По прибытии своем в Антиохию Петр послал окружное письмо не только патриархам Александрии и Иерусалима, но и папе. В посланиях восточным патриархам содержались, как обычно, Символ веры и дружеские приветствия. Письмо же в Рим начиналось преамбулой, в которой новый патриарх недоумевал по поводу разрыва между Церковью Рима и восточными церквями; Петр вопрошал папу, существуют ли какие-то особые причины разрыва. Он также вспоминает в письме о том, что папа Иоанн XVIII поминался по диптихам в Константинополе, так что, по его мнению, было весьма огорчительно, чтобы «великий наслед-

ник великого Петра» оставался вне молитвенного общения с другими церквями и не участвовал бы в их братских беседах. Затем он излагает свое Исповедание веры, деликатно обходя вопрос об Исхождении Св. Духа. Письмо было вручено пилигриму с Запада, который обещал передать его лично Аргирю в Италии; в свою очередь на Аргира возлагалось передать письмо папе. Тем временем Петр включает имя папы Льва в диптих в Антиохии.

По прошествии двух лет из Рима так и не пришло ответа. Однако в конце 1053 г. Петр получил письмо от Доминика, епископа Градо, который как глава Венецианской церкви поддерживал разнообразные связи с Востоком. Доминик жаловался в письме на трудности, которые согласно воле восточных патриархов встают на пути тех венецианских священников на Востоке, которые совершают Божественную литургию на опресноках; он также напомнил восточным патриархам, что и он носит титул патриарха. Свой ответ Петр сопроводил вторым письмом к папе, повторявшим лишь его Исповедание веры; между тем Доминику Петр излагает собственные взгляды на церковное управление: Святые Вселенские соборы ограничили число патриархов пятью, так что отныне не может быть шестого патриарха, как не может быть у человека шестого чувства. Так что, по мнению Петра, титул Доминика следует считать только почетным. Что же касается употребления опресноков, то он усматривает ошибку папы в том, что он пошел по этому вопросу против четырех своих восточных братьев, т. е. поскольку папа и патриархи равны, то в случае невозможности единодушного решения должно быть принято мнение большинства. Петр напоминает Доминику слова Спасителя о том, что, «где двое или трое собрались во имя Его, там и Он между ними». Ум — хорошо, а два — лучше.

Наконец было получено письмо от папы, которое написал Гумберт. Как и следовало ожидать, вновь с твердостью были выдвинуты прежние притязания папы: Рим — мать всех церквей, а папский суд — высший суд на земле. Как наследник Св. Петра епископ Рима навеки непогрешим; Антиохийский патриарх предостерегался письмом против порочных влияний Востока и против посягательств жадных соседей. Петру письмо не понравилось. Антиохийский престол, как и Римский, был основан Св. Петром, о чем патриарх любил напоминать, так что в Антиохии всегда с неудовольствием встречали притязания Рима на исключительность наследования апостольства. Больше того, не следовало предостерегать Петра в отношении Керулария, поскольку он его коротко знал. Константинопольский патриарх уже (в 996 г.) получил от императора право рукополагать антиохийского собрата. Керуларий, впрочем, попытался присвоить себе и некоторые другие prerogatives Петра, когда он, в обход Петра, назначил дьякона Антиохийской церкви. Петр потребовал в связи с этим извинений. Также Керуларий пытался взять под свой контроль армянские провинции, принадлежавшие Антиохийско-

му патриархату, да и вся его политика единообразия не нравилась и не подходила Антиохийской церкви, все еще содержавшей под своей рукой православные приходы некоторых мусульманских областей, где сохранились сирийская и арабская литургии.

Когда Керуларий написал Петру о событиях 1054 г., Петр в своем ответе взял сторону Керулария по важнейшим вопросам и вежливо, но без убеждения признал, что Аргира следует считать главным нарушителем мира. Впрочем, он не мог удержаться от критики многих положений послания Керулария. Он указал на ошибочное утверждение, будто никто из римских пап не поминался в Константинополе со времен Вигилия, и привел случай Иоанна XVIII. Так что, если еще была жива память о том, что имя некоего папы поминалось в диптихах в Константинополе, не было причин, почему бы другой папа не поминался в Антиохии. В отношении же жалоб своего собрата на латинские служебные обычаи он показывает, что некоторые из запрещений Керулария неверны, некоторые преувеличены и почти все они — ничтожны. Он также высказывается против употребления опресноков. Здесь отдает аполлинарианизмом: тело Христа должно быть представлено живой субстанцией, а дрожжи символизируют жизнь. Впрочем, он рекомендует поступать по законам *икономии*. Тем более необходимо обращение к *икономии*, когда дело доходит до споров по поводу *Filioque*. Конечно, подобная точка зрения ложна; но в конце концов, пишет он, латиняне наши братья, и только по незнанию они отклоняются от истины. Нам не следует требовать от них такой же исключительной точности, какой мы ждем от наших высокообразованных богословов. Довольно того, что они признают Тайну Пресвятой Троицы и Воплощения. Может быть, предполагает он, они потеряли копии деяний первых Вселенских соборов¹⁵.

Петр Антиохийский был, возможно, выразителем взглядов самых образованных восточных пресвитеров. Латиняне — братья во Христе; на их заблуждения следует смотреть с терпением и любовью, покуда они не пытаются навязывать их другим. Однако притязания папы на власть над Восточной церковью совершенно невыносимы. Теория пяти патриархов к тому времени распространилась повсюду на Востоке. Можно спорить, была ли она нововведением; однако, как кажется, с V в., когда законно установились пять патриархатов, изложенного учения придерживался любой христианин на Востоке. Оно нашло множество защитников во время иконоборческой ереси, хотя сама ересь была направлена против Константинополя. Позднее же папа, как первый среди равных, повсюду получил особые отличия, и его взгляды относительно вероучения получали большее внимание, чем взгляды других патриархов, но упадок папства в X — начале XI в. стал губительным для престижа Рима. Сторонники превосходства Рима, если таковые еще оставались на Востоке, отказались от своих взглядов как нежизненных. И вот совершенно неожиданно Рим вновь выступает со своими претензиями на

превосходство, причем с возросшей силой и упорством: Восток ответил на это ясно изложенной и утвердившейся теорией пентархии патриархов¹⁶.

В то время, впрочем, ни на Востоке, ни на Западе миряне не интересовались этими теориями. Пилигримов-латинян доброжелательно встречали в Константинополе, хотя в разгар норманнской войны в Италии византийские власти и ввели некоторые ограничения, а к концу века вторжение турок-сельджуков затрудняло путешествие, так что число пилигримов уменьшилось. В отдельных случаях возникало неудовольствие излишней строгостью имперских чиновников; и если случалось, что граница закрыта из-за беспорядков на мусульманской стороне, западные пилигримы, чье путешествие вынужденно прерывалось, всегда выражали свой протест. Однако в целом всех пилигримов — и простолюдинов, и магнатов — встречали доброжелательно. Правда, иногда благоверные путешественники пытались стащить те реликвии, которые нельзя было купить: похищение мощей Святителя Николая из Мирр жителями Бари едва не разожгло войну¹⁷. Некоторые пилигримы получали бесценные подарки: когда епископ Лангрский определенно и неоднократно высказал свое восхищение частицей мощей Св. Маманта (рукой святого), которая сохранялась среди других реликвий в императорском дворце Константинополя, император Михаил VII, хотя не без колебаний, подарил ему эту частицу¹⁸. Также и множество греков посещали в качестве паломников Рим, где были погребены Св. апостолы Петр и Павел. Когда Гвискард искал грека для задуманного им поставления лжеимператора Михаила, он попросту послал к апостольской гробнице, зная, что там можно найти кого-нибудь подходящего¹⁹.

В описываемое время при императорском дворе жили многие латинские посланцы, так что религиозные предметы иногда бывали и темой дружеских бесед. Из византийцев также немногие воспринимали эти диспуты серьезно. Пселл, известнейший интеллектуал того времени, упоминает несогласие с латинянами дважды в сохранившихся произведениях: однажды он формулирует учение о пентархии и однажды в своей речи на погребение Керулария он одобряет стойкость почившего патриарха в его борьбе с лжеучениями латинян, в особенности с их добавлениями к Символу веры²⁰. Отчасти под его влиянием расстроились переговоры Михаила VII с папами. Однако, когда в правление Константина X грузинский святой Георгий Агиорит посетил Константинополь, император принял его в присутствии многих собравшихся, в том числе и латинян, и спросил его, что он думает относительно литургического хлеба. Ответ святого был очень деликатным: греки правы, когда они употребляют квасный хлеб как антиаполлинарский символ. Греческая церковь уже столько раз впадала в ересь, что ей следует быть осторожной с символами. Римская церковь, однако, никогда не отклонялась от пути православия, так что ей нет надобности употреблять сим-

вол — дрожи. Биограф этого святого уверяет, что латиняне пришли в восторг, поскольку до тех пор они не знали, как обосновать свой обычай²¹.

Очень мало известно об отношении к этому вопросу других патриархов, кроме Петра Антиохийского. Его преемник Феодосий III, хотя и был близким другом Керулария, как кажется, ничего не предпринял против латинян. В самом деле, мы знаем, что он угрожал рассказать четырем другим патриархам о грузинском царе, поведение которого он не одобрял; из этого следует, что он верил в нерушимую пентархию, где Рим был всего лишь одним из ее членов²². В Александрийской церкви мы знаем лишь имена ее патриархов, но кажется, что они находились в общении с папой, по крайней мере до середины XI в.²³. У Иерусалимской церкви было особое положение. Византия находилась в прекрасных отношениях с фатимидскими халифами, которые владели Палестиной до победы сельджуков. Роману III по договору было даровано право вновь отстроить Церковь Гроба Господня, сожженную безумным халифом Хакимом, а Константин X это осуществил. Во времена Феодоры греческим церквям там были приданы чиновники, собиравшие с пилигримов пошлину в пользу этих церквей. Патриарх был неизменно греком, если не по рождению, то по образованию, так что в главных храмах служили византийскую литургию, хотя в деревнях служили по-арабски. Одновременно Иерусалим был тесно связан с Западом. Паломничество исключительно возросло, так что патриарх воздерживался от поступков, которые могли бы оскорбить многочисленных приезжих с Запада и уменьшить, следовательно, количество даров и пожертвований, приносимых к иерусалимским святыням. На территории юрисдикции Иерусалимского патриарха в Палестине находилось несколько латинских поселений, но он не мог принудить их отказаться от латинской служебной традиции. Возможно, поэтому в его диптихах поминался папа, и, конечно, ни один пилигрим и не думал, будто между ними и Иерусалимским патриархом была схизма²⁴. Когда же в конце века набеги сельджуков сделали жизнь патриарха слишком беспокойной, он удалился в Константинополь, сохраняя, впрочем, и в новом положении особые отношения с Западом. Поэтому, когда в 1083 г. император Алексей затеял переговоры о мире с норманнами, он выбрал в посредники Евфимия Иерусалимского, зная, что норманны отнесутся с уважением к его сану²⁵.

Русская церковь зависела от Константинопольской. К середине XI в. глава Русской церкви, митрополит Киевский, был греком, назначенным Константинопольским патриархом. Такое положение вещей устраивало русских, поскольку назначение русского не позволило бы владыке быть вполне на стороне от интриг и междоусобиц русской политики того времени. Так что Русская церковь находилась под водительством Константинопольской; иногда, впрочем, ее епископы заходили в своих поступках дальше патриарха, поскольку сдерживающая рука императора была да-

леко. Так Иоанн II, Киевский митрополит с 1077 г., получил спустя 8 лет послание от антипапы Жильбера Равеннского с просьбой о поддержке и признании. Жильбер, казалось, был разочарован тем, что его не признали в Константинополе, и надеялся на поддержку Иоанна. В своем ответе Иоанн обращается к нему как к папе, но называет его лишь «святейшим и преподобным братом». Ему как папе Иоанн выражает свою печаль по поводу того, что Святейший престол уклонился от вероучения семи Вселенских соборов, которое Рим первый прежде поддерживал. Иоанн упоминает опресноки, четыре уклонения от истинной практики Великого Поста и Крещения, осужденных не Керуларием, а Фотием, и наконец пишет о Filioque. За исключением вопроса об азмитах, он в остальном ссылается на труды Фотия. Иоанн настойчиво советует Жильберу послать легатов в Константинополь и провозгласить свое возвращение к практике истинного служения. Впрочем, письмо его написано с дружеской искренностью, и он просит у своего брата прощения, если тот найдет здесь грубость. В правоте же своей он несколько не сомневается²⁶. Однако Жильбер в своем демарше в Константинополь не последовал этим советам и не получил там поддержки. Вскоре после этого один из паствы Иоанна спросил его о том, как следует русскому христианину относиться к еврею или латиняину. Что касается латинян, то Иоанн заявил, что не следует общаться с азмитами и с теми, кто не повинуется каноническим правилам о посте. Верный, однако, может принять участие в празднике вместе с латинянами, чтобы не возбуждать враждебности или отчуждения, потому что таковые были бы еще большим злом. Он высказался против браков с азмитами, потому что пришлось бы причащаться вместе с ними. В особенности русские князья не должны выдавать своих дочерей за таких людей, и в этом Иоанн пошел дальше, чем кто бы то ни было доселе в Константинополе. Он явно страшился латинского влияния на Руси, которое могло бы просочиться через посредство подобных браков. В Константинополе такой опасности не было. Княжеские роды на Руси восходили к скандинавам, и многие русские княжны получили латинских мужей. Так, императрица — жена Генриха IV — была русской, и, несмотря на запрещение митрополита Иоанна, заключение таких браков продолжалось. Он, кажется, полагал, что подобной проблемы не встанет, если латинянка выйдет замуж за русского князя, поскольку она примет веру мужа²⁷.

Примирение императора Алексея с папой Урбаном не было популярно в Константинополе, где воцарилось устойчиво враждебное отношение к Риму после отлучения Григорием VII императора, а также в связи с римской политикой натравливания норманнов на империю. Несколько иной была позиция императора. Около 1090 г. константинопольский дьякон Николай в надежде получить Болгарское епископство написал архиепископу Охридскому, главе болгарской церкви, с просьбой вынести определе-

ние относительно заблуждений латинян, которые, по его мнению, прямо ведут к схизме. Архиепископом болгарским в то время был Феофилакт, один из выдающихся богословов своего времени. По происхождению грек с острова Эвбея, он был любимым учеником Пселла в Константинопольском университете; затем он был приглашен наставником к Михаилу VII, сыну Константина.

К несчастью для него, его друг патриарх Николай III, имевший высокое мнение о его способностях, поручил ему управление Болгарской церковью. Пост сам по себе важный вынудил его, однако, поселиться в маленьком городке в глубине Македонии. Там он оставался до конца жизни и сильно тосковал о библиотеках и аудиториях столицы; отсюда он писал непрерывно письма своим многочисленным друзьям. Феофилакт был потрясен тоном полученного письма и посоветовал в своем пространном, тщательно продуманном письме проявлять больше милосердия²⁸. Ответ написан витиевато, как это было модно в то время, однако аргументы приведены ясные и определенные. Перечисляя обычные обвинения против латинян: что они неверно определяют время поста, что они едят удушливую пищу, что чин венчания и крещения у них отличается от греческого, он не считает это серьезными нарушениями. Ему казалось смешным считать неправовыми латинских пресвитеров только за то, что они бреют бороды, носят золотые кольца с камнями и облачения из многоцветного шелка, а также что они преклоняют колена перед престолом, а не кланяются. Ему казалось простительным и то, что они настаивают на celibate священников. Если все эти обычаи проистекают из подлинной благочестия и при условии взаимотерпимости, то о чем беспокоиться? Даже в вопросе об употреблении опресноков нет прямых указаний ни в Писании, ни в постановлениях семи Вселенских соборов. Сам Феофилакт считает, что употребление квасного хлеба символически более уместно; однако здесь дело в традиции, а не в предписании богословов. Практика поститься по субботам нигде не засвидетельствована ни у апостолов, ни у Отцов Церкви, однако в то же время никем она не объявлялась как неправовая. Он замечает затем, что и у его соотечественников есть сомнительные обычаи; затем весьма красноречиво и с большой горечью пишет о том, что византийцы стали узколобы, ищут пороки в других и со страстью их порицают, сами же упрямо отказываются признать, что и они могут ошибаться.

По его мнению, только два спорных вопроса, если об этом не позаботятся, могут привести к схизме. Во-первых, прибавление *Filioque* к Никейскому Символу веры. Феофилакт считал, что негоже латинянам (да и опасно) собственной волей делать дополнения к Символу веры, утвержденному Вселенским собором как общее кредо всех христиан. Такое действие легко может привести к схизме. Он полагал также это добавление неверным и с богословской точки зрения по причинам, которые им приводятся, впрочем, подчеркнуто как его личное мнение. Даже в этом вопросе не следует увлекаться критикой: недоумение проистекает,

как ему кажется, в немалой степени из-за бедности латинского языка богословов. Одно слово *procedere*, например, берет на себя роль четырех греческих слов, с их отдельными оттенками смысла²⁹. Соответственно латинское богословие оказывается более грубым, чем греческое, так что, если они решились вставить это слово для своих собственных целей эгзегетики, здесь нет большой беды, покуда они помнят, что оно отсутствует в Символе веры всего христианского мира. Т. е., покуда латиняне не агрессивны, милосердие, *икономия* Восточной церкви должны быть проявлены по отношению к их учению.

Но удержатся ли они от агрессивности? Феофилакт деликатно затрагивает апостольские притязания папы как преемника Петра. В других своих работах он охотно признает за римским престолом его законное первенство. Однако в этом послании он ясно заявляет, что никогда не признает правоту учения или практики только потому, что они признаются таковыми с папского престола, даже если папа заявит, что он говорит голосом самого Св. апостола Петра и будет потрясать ключами от Рая у нас перед носом. Оскорбительно для апостола Петра манипулировать его авторитетом, предлагая учение, не одобренное церковным собором; однако для благополучного исхода нужно лишь, чтобы предложение папы одобрил собор³⁰.

Ясно, что для Феофилакта Римская и Константинопольская церкви не были в схизме; да он и не видел причин для возникновения схизмы, если только одна церковь не будет вмешиваться в дела другой, а папство не попытается руководить восточными патриархами. К несчастью, второе условие было трудно исполнимым, принимая во внимание характер реформированного папства.

Феофилакт с его высокой репутацией благочестивого ученого пользовался большим влиянием, так что образованное общество Константинополя, особенно при императорском дворе, по-видимому, разделяло его взгляды. Однако среди пресвистеров, даже самых умеренных, ощущается некоторое сопротивление его призывам к совершенной терпимости даже по вопросу об опресноках, тем более что латиняне были готовы вступить в спор по этому вопросу. Один из них, по имени Лаик, опубликовал произведение с нападками на восточную проазимитскую традицию, и эти нападки побудили патриарха Иерусалимского Симеона II также взяться за перо. До тех пор Иерусалимская церковь держалась в стороне от споров, и Симеон не был врагом латинян. Он сердечно принимал пилигримов, и эта его черта отложилась в западной традиции в виде легенды о его беседе с Петром Отшельником. Однако жил он в тревожное время. В правление его предшественника Евфимия турки отняли Палестину у Фатимидов, и кровопролитная война продолжалась до тех пор, пока турецкий принц Орток не восстановил порядок. Поражение Фатимидов означало для византийцев утрату их преимуществ в Иерусалиме. Около 1080 г. до монахов Черной горы дошел слух,

что принадлежавший исключительно им храм Голгофы захватили латиняне³¹. Также и армяне усилили свое влияние во Святом Граде, причем у армян тоже употреблялись опресноки³². Патриархат терпимо относился к различиям церковной традиции, однако Лаик, который, возможно, был амальфитянином, имел некоторые связи с латинянами в Иерусалиме, так что, узнав о вызове, брошенном практике Византийской церкви на ее собственной территории, он призвал патриарха к ответу. Подобно Евфимию, Симеон провел несколько лет в Константинополе. Он был там в 1086 г., но вернулся в Иерусалим до 1090 г. Возможно, именно в Константинополе он написал свой небольшой трактат. Мягкий и куртуазный по изложению, этот трактат не выдвинул никаких новых аргументов, хотя Симеон не обинуясь высказался в нем против употребления опресноков. Никакого милосердия по отношению к этому отклонению от истины он не собирался проявлять³³.

На Западе папа Урбан прикладывал все силы к сохранению мира и взаимопонимания. Насколько было возможно, он избегал всех спорных вопросов и никогда не заявлял прямо своих претензий на превосходство над восточными церквями. Однако его друг Ансельм, архиепископ Кентерберийский, взял на себя бремя диспута и занял позицию, сходную с позицией Феофилакта. Озлобление времен кардинала Гумберта, казалось, было забыто. В 1098 г. папа созывает в Бари собор с целью объединения греческих церквей южной Италии и Сицилии с латинскими церквями других провинций. По богослужебным вопросам не встретилось больших затруднений: грекам прямо разрешалось держаться их литургии и других особенностей вплоть до употребления квасного хлеба. Однако последние выразили протест против добавлений к Символу веры, и проведенная по этому вопросу папой дискуссия их совершенно не удовлетворила. Ансельм, посланный в то время из Англии, сопровождал папу и по его просьбе обратился к собору. Его речь была совершенна по убедительности и выдержанности аргументов. Он, признавая наличие некоторых разногласий между Восточной и Западной идеей Троицы и примыкая к западной точке зрения, продемонстрировал, что Исхождение Св. Духа от Сына логически удовлетворяет этой позиции. Здесь не было ничего нового, это было всего лишь учение, непосредственно связанное с латинской интерпретацией Символа веры. Он заверил греков в том, что латиняне свято чтут Никейский Символ, и если они и прибавили немного, без совета с восточными церквями, то только для прояснения учительного смысла Символа³⁴. Это было все равно что сказать: грекам нет нужды ничего добавлять к Символу, но они не должны осуждать это у других. Греки были удовлетворены, тем более что на соборе был причислен к лику святых грек Николай Паломник³⁵.

Вскоре после этих событий епископ Наумбергский обратился к Ансельму с вопросом об ошибках греков. Ансельм отправил послание с четким изложением своих взглядов. Подобно Фе-

офилакту, он не видел причин, почему бы существующие разногласия должны были привести к схизме. Единственное, что он считал серьезным, так это дело с Filioque. Он усматривал причину расхождений во взгляде на природу Самой Троицы, поскольку греки и латиняне придерживались фундаментально разных взглядов, причем греческий подход представляется ему ложным, так что, он думает, у греков нет права возражать против добавления Filioque. Однако расхождение не так велико, чтобы идти из-за него на разрыв. Он особенно подчеркивает, что греки — братья во Христе, а не еретики. Во всем послании нет ни одного слова, оскорбительного для грека. Однако в нем не говорится и о превосходстве папы³⁶.

Ясно, что на закате XI в. ни в Риме, ни в Константинополе не считали, что между Восточной и Западной церквами произошел раскол. И если бы деликатность, сдержанность и терпимость папы и императора, а также архиепископов Охридского и Кентерберийского продолжали жить и в их наследниках и преемниках, все могло бы кончиться благополучно. К сожалению, еще до того, как Ансельм написал свой трактат, спорный вопрос был поднят опять и в весьма опасной форме. По жестокой иронии политика миротворца Урбана, стремившегося усилить связь между церквами, осложнила отношения и наконец породила раскол.

ЦЕРКОВЬ И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Среди других причин, побудивших папу Урбана II пуститься в величайшую авантюру, которую мы называем крестовыми походами, было жгучее желание помочь христианам Востока. Дружески связанный с императором Алексеем, он хорошо знал о турецкой проблеме и других опасностях для империи. Возвратившиеся домой пилигримы рассказывали, что путь в Святые места становится все более опасным. В самом Иерусалиме смерть Ортока в 1091 г. и череда его недоброжелательных сыновей повлекли за собой преследование христиан. Патриарх Симеон с высшими иерархами был вынужден оставить Иерусалим и искать прибежища на острове Кипр. Урбан считал, что в интересах всего христианства Запад должен оказать помощь Востоку, и надеялся, что спасенный Восток своей благодарностью положит конец всем прошлым недоразумениям, а папа тогда без возражений будет признан главой христиан.

В марте 1095 г. Урбан созвал в Пьяченце собор *contra schismaticos* — «против схизматиков», т. е. против антипапы Жильбера и поддерживавшего его короля Генриха IV Германского. Случилось, что одновременно в Италии находились два посла императора Алексея. Алексей в это время, добившись, в основном благодаря тонкой дипломатии, успеха в войне с турками, тем не менее крайне нуждался в войсках, так что два упомянутых посланника должны были найти на Западе рекрутов. Узнавши, что множество прелатов и князей съехались отовсюду на собор, они почли удобным именно там объявить о нуждах императора. Папа позволил им обратиться к собору, и они описали положение восточного христианства столь яркими красками, что папа с советниками решили послать на Восток целую армию, чего вовсе не хотел Алексей¹.

Запечатлевши в своем уме печальную картину, Урбан пересек Альпы и прибыл наконец в Клермон. Там он собрал совет для решения вопросов Французской церкви и в последний его день, в четверг 27 ноября 1095 г., произнес свою выдающуюся проповедь, призвавши все западное христианство на Священную войну. У нас не сохранилось аутентичных свидетельств подлинных его слов, но, кажется, он начал речь заявлением, будто восточное христианство вопиет о помощи и долг западных христиан — прийти на помощь своим братьям. Он получил такой горячий

отклик, на который и не рассчитывал. Уже в течение года несколько великих армий выступили в поход на Константинополь, поскольку папа избрал местом встречи отдельных войск этот город².

И до сих пор находятся идеалисты, которые уверены, что, если только люди ближе узнают друг друга, навсегда воцарится мир и добро. Это трагическое заблуждение. Действительно образованные люди — мужчины и женщины — могут находить удовольствие в обществе иностранцев, уважать их обычаи и испытывать к ним симпатию. Однако простые люди, оказавшись в стране незнакомого им языка и обычаев, чувствуют себя в растерянности и ожесточаются. Именно это и произошло с солдатами и паломниками крестовых походов, тысячами пересекавших Византийскую империю в 1096—1097 гг. Они пустились в путь, чтобы освободить восточных христиан; однако, достигши восточнохристианских земель, они обнаружили здесь людей странных и неприветливых. Язык — непонятен. Незнакомые большие города заставляют насторожиться. Храмы непохожи на их собственные; священники с черными бородами и пучками черных волос, в черных рясах — совершенно непохожи на священников у них дома. Да и народ не очень-то радуется приходу освободителей. У них нет обычной для западного человека легкой привычки угощаться, чем захочется. Местные крестьяне поспешили спрятать свои запасы еды, а купцы заключали сделки, не проявляя щедрости, ни даже честности. Местная жандармерия лютовала, без жалости нападая на тех, кто отклонился от дороги. И никогда западным солдатам не приходило в голову, что причиной враждебности местного населения было их собственное поведение. Лучше понимали местную культуру князья и прелаты-крестоносцы, но у них были собственные цели кроме поставленной папой задачи — освободить восточное христианство. В довершение всего Первый крестовый поход был делом свободного выбора его участников, где велико было влияние общественного мнения.

Исключительно неудачно, что первая армия крестоносцев, вступившая на землю Византии, была особенно неуправляема и неорганизована. Петр Пустынник и Вальтер Бессеребренник командовали истерически настроенными крестьянами. Сам Петр пользовался некоторым уважением у византийских крестьян, поскольку обладал чертами, связанными в их представлении со святостью: бедный, грязный и безобразный он ехал на бедном, грязном и безобразном осле. Несколько балканских крестьян присоединились к сопровождавшему его сброду, и многие подавали ему милостыню. Сам император был под впечатлением его личности. Однако спутники Петра воровали и разбойничали на всех этапах пути. Они не чувствовали никакой благодарности к тому, что для них делалось, и отказывались слушать советы. Когда же наконец из-за их собственной жадности и глупости они потерпели поражение при Циветоте, то возложили всю вину на императора³.

Не лучше себя вели и армии под водительством высокородных принцев: в большинстве своем они грубо отвергали попытки императора ввести дисциплину. Армия Годфрея Лотарингского опустошила окрестности Константинополя и потерпела поражение в битве у стен этого города прежде, чем Годфрей согласился хотя бы встретиться с императором. Боэмунду Нормандскому, хотя у того и было больше дисциплины, император разрешил мародерствовать в Кастории, где жители отказались продавать крестоносцам продовольствие и выючных животных и произошло сражение с императорской жандармерией у р. Вардар. Воины Раймонда Тулузского все время отклонялись от прямого пути, и сам папский легат, следовавший за ними, был ранен во время такого набега печенегами из жандармерии; Впрочем, потерпевший не имел никаких претензий. Хотя последние прибывшие армии — Роберта Нормандского и Стефана из Блуа пересекли Балканы без неподобающих происшествий, атмосфера взаимной неприязни между крестоносцами и византийцами уже прочно установилась⁴.

Переговоры прибывших князей с императором в Константинополе прошли несколько трудных этапов и завершились достаточно сердечно. Мы не знаем, какую роль во время этих переговоров играл папский легат Адемар, епископ Пийский, представлявший рядовым крестоносцам главным вождем этого похода⁵. Он был друг и доверенное лицо Урбана, так что, без сомнения, проводил политику своего владыки. Вскоре по прибытии своем в Константинополь, несколько запоздав из-за упомянутого несчастного случая, его ближайший друг из князей Раймунд Тулузский совершенно переменял свое отношение к императору, перейдя от подозрительности к чрезвычайной близости. Возможно, это было следствием тонкой политики Алексея, использовавшего соперничество Раймунда и Боэмунда. В конце концов все принцы согласились почитать императора и вернуть ему все завоеванные земли Византийской империи, которые принадлежали ей до турецкого вторжения. Они хорошо понимали значение того факта, которым то и дело пренебрегал Запад: византийская армия была гораздо сильнее и маневреннее, чем их армии. Пришлось удовлетворить небезосновательные требования императора. Впрочем, они упустили из виду то, что цели императора и их собственные были различны. Крестоносцы, пришедшие для освобождения восточных христиан, вовсе не собирались становиться наемниками империи. Они были не только солдатами, но и паломниками, и их путь лежал дальше к Иерусалиму — главной цели их паломничества. Многие из них собирались поселиться в Святой Земле, чтобы она оставалась в надежных руках христиан. Впрочем, среди крестоносцев были и наглые авантюристы, стремившиеся стать хозяевами на сказочном Востоке. Больше того, все они явились на Священную войну, где всякий неверный был их врагом.

Император же считал своей первостепенной обязанностью

благо империи, а второй — защиту православия на Востоке, где некоторые христиане хотя и жили под властью неверных, но признавали его главой христианского мира. Для него главным врагом было не мусульманство вообще, но те конкретные турки, которые угрожали его империи и преследовали православных, так что император предпочитал действенную дипломатию войне. Алексей остро нуждался в наемниках, но только в таких, которые бы подчинялись его приказам. Громадная независимая армия, угрожавшая успеху его дипломатии неуклюжими агрессивными действиями, вовсе не была тем, чего он искал. Для византийцев идея Священной войны была неприемлема. Суровые восточные богословы, такие, как Св. Василий Великий, считали, что война вообще не может быть священной, даже если она крайне необходима⁶, так что византийцы были особенно потрясены видом множества воинов-священников в толпе крестоносцев⁷. Такая точка зрения была недоступна пониманию рядового крестоносца.

Кровавым героем следующей дальше истории был Боэмунд Тарентский, сын Роберта Гвискарда. Он уже участвовал в борьбе с империей под водительством своего отца и он горько сожалел о провале норманнского вторжения на Эпир десять лет тому назад. Южноитальянский трон перешел к его сводному брату, он же остался владеть там лишь крошечным вассальным княжеством. Теперь он надеялся завоевать что-нибудь крупнее и в стратегически важном месте на Востоке, так чтобы помочь норманнам создать средиземноморскую империю. Сначала он попытался заставить императора назначить его главнокомандующим соединенного войска византийцев и крестоносцев; последовавший отказ императора его весьма озлобил⁸.

Первая же победа крестоносцев — взятие Никеи — принесла разочарование: город сдался императору, который не разрешил мародерства и слишком мягко, на вкус крестоносцев, обошелся с пленными турками. Следующая победа при Дорелее была одержана при весьма небольшой помощи византийцев, а во время долгого похода через Анатолию крестоносцы придрались к своим греческим проводникам и небольшой группе византийцев, следовавших с ними. Боэмунд делал все, чтобы разжечь вражду. Развязка наступила при взятии Антиохии.

История осады Антиохии крестоносцами и их собственная последующая осада — великие события исторического эпоса, причем крестоносцы сражались в одиночку, без помощи византийцев. Император, пообещавший им помощь, выступил в поход со своей армией, сознавая всю опасность этого военного предприятия. Вскоре, получив от беглых крестоносцев известие, что все потеряно, — известие ложное — он, зная о приближении турецкой армии к его коммуникациям, решил не рисковать судьбой своей империи и повернул назад. Его стратегия была осторожной, но он допустил большую психологическую ошибку: крестоносцы почувствовали, что греки их сознательно предали. По соглашению в Константинополе, Антиохия, без сомнения,

отошла бы к империи, если бы только Алексей не потерял этого права, не явившись в город, чтобы принять его. Когда Боэмунд, благодаря которому был взят город, объявил город за собой, общественное мнение в его армии поддержало его, так что он поступил по-своему, несмотря на протесты Раймунда Тулузского. Однако Боэмунд тяготился тем, что нарушил клятву. Позднее он подделал секретный договор с императором, по которому ему предназначалась Антиохия⁹.

Несколькими месяцами раньше Болдуин из Болоньи захватил другой город, некогда принадлежавший империи, Эдессу, или Урфу. Алексей простил захват Эдессы, поскольку тамошнее население состояло почти исключительно из армянских и сирийских яковитов, а также потому, что ему было бы трудно поддерживать связь со столь отдаленным пунктом. Другое дело Антиохия. Это был важный стратегический город, и непременно следовало вернуть его. Отныне между ним и Боэмундом больше не было мира.

Спор из-за Антиохии скоро перешел в религиозный. В начале крестового похода все князья и принцы вплоть до Боэмунда прилежно разъясняли своим неграмотным солдатам, что греческие и сирийские православные — это их братья во Христе. Сам Адемар Пийский, следуя, без сомнения, инструкциям папы, но, впрочем, и своим собственным симпатиям, горячо стремился к сотрудничеству с восточными церквями. Антиохийский патриарх, константинопольский грек по имени Иоанн Оксит, отказался покинуть свой народ при подходе крестоносцев и оставался в городе во время осады. Турки весьма жестоко обошлись с ним, вывесивши его в конце концов в клетке на городской стене. По вступлении в город Адемар поспешил возвести его вновь на патриарший престол, и франкские хроники с восторгом повествуют о его мужестве. В кафедральном соборе Св. Петра латинские службы соседствовали с греческими¹⁰. Когда крестоносцы захватили город Альбару и основали там новый епископат, латинский епископ был, кажется, рукоположен Иоанном¹¹. Примерно в то же время Адемар вступил в связь с Иерусалимским патриархом Симеоном, который все еще пребывал на Кипре. Симеон поспешил послать крестоносцам из своего изгнания пищу и другие нужные им вещи. Его дары были приняты с благодарностью¹². Когда же Адемар посчитал, что пришло время отчета, он послал из Антиохии на Запад послание от имени «Симеона, патриарха Иерусалимского, и Адемара, епископа Пийского, и в основном от последнего, которому поручена христианская армия папой Урбаном»¹³. Несколько месяцев спустя он снова пишет на Запад об экстренной необходимости в рекрутах, причем для вящей убедительности пишет от имени одного патриарха. Без сомнения, Адемар прежде лично набросал письмо, и поразительно, что Симеон здесь назван *Apostolicus*, т. е. титулом, которого прежде жалели для Иерусалимского патриарха. Он якобы говорит в письме от имени всех епископов на Востоке — греческих и латинских, а это было посягательством на права стоявшего

выше него патриарха Антиохийского, причем автор письма угрожает отлучением всякому, кто на Западе или на Востоке не исполнит клятвы крестоносцев. Это замечательный документ папского легата, написанный от имени восточного епископа. Сам папа не написал бы более возвышенным языком, однако содержащееся в нем покушение на права антиохийского патриарха позволяет предположить, что отношения Иоанна Антиохийского с крестоносцами ухудшились¹⁴.

1 августа 1098 г. случилось одно из самых трагических событий крестовых походов — преждевременная смерть Адемара Пийского¹⁵. Крестоносцы лишились не только умелого руководителя, но и человека, знавшего, что у папы на уме. Вскоре стало ощутимым его отсутствие. 11 сентября принцы собрались, чтобы отправить папе письмо. В нем не только сообщалось о смерти Адемара, но и предлагалось папе самому прибыть на Восток. Он — наследник Петра, он, следовательно, должен принять другой патриархат Св. Петра — Антиохийский. Трудно поверить, что они действительно считали возможным для папы покинуть Италию или что Римский и Антиохийский престол можно было бы соединить. Важно то, что они совершенно пренебрегли существованием законного патриарха Иоанна. В том же письме сообщалось о том, что они потерпели от еретиков: греков, армян, сирийцев (возможно, несторианцев) и иаковитов¹⁶. Греческие еретики — это, возможно, говорившие по-гречески павликиане, обитавшие в окрестностях Антиохии¹⁷. Однако они допустили неверные выражения. Симеон Иерусалимский, наблюдая с Кипра происходящее, должно быть, тревожился о том, сохранятся ли его права. Он умер в изгнании за несколько дней до того, как крестоносцы вошли в Иерусалим в июле 1099 г.¹⁸.

Вступившие в Иерусалим крестоносцы не нашли ни патриарха, ни других иерархов: Симеон умер, а его епископы были в изгнании. Резонно было в таком случае латинянам избрать патриарха из своих епископов. Никто не побеспокоился задуматься о каноничности этого сомнительного назначения, и в отсутствие греческих епископов и греческих кандидатов православные по всей Палестине приняли без возражений латинского кандидата. Следует, впрочем, напомнить, что для многих православных сирийцев греки, управлявшие их церковью, были такими же иностранцами, как и франки. Неудачно начал первый латинский патриарх Арнольд из Шоке: он приказал изгнать секты еретиков из принадлежавших им пределов в Храме Гроба Господня, затем он стал пытаться православных монахов, добываясь, где они хранят Крест и другие реликвии с тех пор, как Симеон уехал на Кипр¹⁹. Несколько месяцев спустя Арнольда сменил на престоле Даймберт из Пизы, который пошел еще дальше. Он попытался изгнать всех местных христиан, даже православных, из Храма Гроба Господня и допускать туда лишь латинян, вообще лишив остальных церковных зданий в Иерусалиме или около него; восточное благочестие также было оскорблено введенным им

здесь институтом канонисс, которые служили у Гроба Господня²⁰. Скоро грянуло Божье возмездие: уже в 1101 г. в Великую Субботу не совершилось чуда сошествия Святого огня в Кувуклии, покуда не были приглашены для участия в этом обряде восточные христиане. Тогда король Балдуин I позаботился о возвращении местным христианам их прав²¹. Вплоть до завоевания Иерусалима Саладином в 1187 г. православные христиане Палестины вынуждены были подчиняться латинским иерархам. Очень интересны заметки русского паломника Даниила Черниговского, который посетил Святые места в 1106—1107 гг. Его равно приветливо встречали в греческих и латинских монастырях, причем особенно любезен был с ним король Балдуин I. У Кувуклии в Великую Субботу он видел греческих и латинских священников бок о бок, хотя он с интересом заметил, что, если греческие светильники зажглись чудесным сошествием Святого огня, латинские были зажжены уже от них. Из его рассказов следует, что единственный из греческих иерархов, оставшихся в Палестине, настоятель монастыря Св. Сабата, которому король оказывал особый почет, возглавлял торжественный обряд у Гроба Господня²².

Латинским церковникам в Палестине, возможно, нравилась политика навязанного конформизма. На всем протяжении латинского господства каждый следующий патриарх без исключения был человеком, родившимся и воспитанным на Западе, и никто из них не испытывал симпатии к Востоку. Однако королевская власть защищала местных жителей и всегда внимательно следила за деятельностью патриарха, сдерживая его. Следует напомнить, что из пяти супругов царствовавших особ Иерусалима в течение XII в. только одна вдовствующая королева Сицилийская (чей брак был быстро аннулирован) не родилась православной принцессой. Королевы-жены Балдуина I и Балдуина II были православными армянками; супруги Балдуина III и Амальрика I были византийскими принцессами²³. Мы находим свидетельство, что королева Мелесинда, дочь Балдуина II, дала богатые пожертвования в монастырь Св. Сабата. С удивительной беспристрастностью она опекала также и сирийских иаковитов²⁴.

В 1169 г. византийский император Мануил вместе с местными латинскими властями предпринял восстановление главнейших святынь. Он послал мастеров мозаики также в Храм Рождества в Вифлееме, на стенах которого были изображены и восточные, и западные святые. Те же мастера работали в Храме Гроба Господня, а также в церкви Успения на горе Сион. Греческие священники служили у Гроба Господня²⁵. Очевидно, что в Палестине не было схизмы между греческой и латинской церквами, и только к концу века появляется еле слышная нота недовольствия. Грек Иоанн Фока, совершивший паломничество в Иерусалим в 1184 г., был в общем доволен оказанным приемом и с одобрением говорил, что видел у латинского епископа Вифлеема портрет императора Мануила, однако он ликовал по поводу

того, что не совершилось чуда руками латинского епископа Лидды, которого он даже называет «разбойным» епископом²⁶. Возможно, латинский патриарх Ираклий, порочный и нетерпимый человек, особенно невзлюбивший рожденную в Византии вдовствующую королеву Марию, проявлял враждебное отношение также и к православию, начавшему снова вздыхать по греческим иерархам²⁷.

Был и еще один скрытый источник раздоров. По традиции православный патриарх Иерусалима давал греческие имена семи или восьми греческим патриархам в период с 1099 по 1187 г.²⁸. Можно было бы предположить, что здесь мы имеем дело с позднейшей выдумкой православных экстремистов, которым очень не хотелось признавать хотя бы и временное существование латинской линии престолонаследия, если бы не было греческого патриарха, оказавшегося наготове тогда, когда понадобилось заполнить освободившуюся вакансию по изгнании Саладином латинских иерархов в 1187 г.²⁹, а также если бы имена двух из них не встречались у современников. Диптих, датируемый 1166 г. из монастыря Св. Екатерины на Синае, упоминает Иоанна и Никифора, патриархов Иерусалимских³⁰: Иоанн, патриарх Иерусалимский, присутствовал на соборе в Константинополе в 1157 г., а Никифор — в 1166 г. Иоанн также опубликовал небольшой памфлет против латинского богослужения около 1160 г.³¹. Кажется правдоподобным, что по смерти Симеона на Кипре в 1099 г. греческие епископы, бывшие с ним в изгнании, сами избрали ему наследника. Можно спорить, было ли это избрание законным, но, хотя они и не могли сами вернуться в Палестину, они рассматривали латинских иерархов, поставленных там, как самозванных. Впрочем, они оставались на Кипре, вдали от своей паствы, принявшей латинян. Фатимиды Египетские, контролировавшие Синайский полуостров, не желали, чтобы кто-нибудь из их подданных признавал власть латинян; так что игумен монастыря Св. Екатерины, бывший *ex officio* также египетским епископом, получавший материальную поддержку в основном из Египта, признавал греческую линию, как, возможно, и Александрийская церковь. Император в Константинополе был более реалистичен: он не настаивал на требованиях изгнанных иерархов, но имел их в виду в ожидании, когда они смогут пригодиться. Император Мануил около 1150 г., памятуя о ситуации в Антиохии, посетил необходимым напомнить миру об альтернативной линии патриархов Иерусалима и привез претендента в Константинополь. К 1167 г. его отношения с королем Иерусалима заметно улучшились, так что греческий патриарх снова был деликатно отодвинут на второй план, чтобы опять выступить на сцену в 1187 г.³².

Впрочем, неприятности начались не в Иерусалиме, а в Антиохии. Как только Адемар умер и Боэмунд завладел Антиохией, положение патриарха Иоанна стало невыносимым. Боэмунд знал, что император намеревался вернуть свои владения в этом городе и что греки со своим патриархом его поддержат, поэтому

он подозревал Иоанна и не оказывал ему почета. Когда в 1099 г. латинские епископы были назначены в Тарс, Арту, Мамистру и Эдессу, претенденты отправились для утверждения их кандидатур в Иерусалим к патриарху Дамберту в нарушение прав Иоанна. В 1100 г. Иоанн покидает Антиохию и отправляется в Константинополь вместе с высшими иерархами. Официальная латинская версия, призванная подтвердить непрерывность апостольской преемственности, была такова, что он как грек не мог успешно руководить латинянами и потому оставил престол. Сам же он думал иначе: его вынудили отправиться в ссылку. Вскоре по прибытии своем в Константинополь он слагает с себя все обязанности, горячо желая в тишине монастыря оправиться от тяжелых переживаний. В монастыре он написал резкий трактат против азимитов. Сопутствовавшие его в ссылку иерархи с одобрения императора назначили ему преемника, которого все православные признавали латинским иерархом, но они явно желали восстановления греческой линии, так что коренным вопросом имперской политики становится восстановление православия в Антиохии³³.

Можно, следовательно, сказать, что схизма, раскол, началась в Антиохии в 1100 г., когда появились две соперничающие линии патриархов, претендующие на апостольскую преемственность. Рим и латиняне поддерживали иерархов, захвативших в этом патриархате власть, а Константинополь и греки — иерархов в изгнании. Эта антиохийская схизма была началом общей схизмы между Восточной и Западной церквями.

Отношения императора Алексея с франками ухудшились в силу нескольких причин. Все три похода крестоносцев в 1101 г. потерпели поражение в Антиохии, причем вину за свое поражение крестоносцы возложили на императора. В особенности императора обвиняли ломбардцы, потерпевшие катастрофу, потому что не приняли совета императора. Крестоносцы относились по-прежнему подозрительно к Алексею из-за его непрекращающихся связей с турками. Их неприязнь к императору еще больше возросла, когда они перехватили у египтян копии корреспонденции халифа Фатимидов и императора, где последний отрекается от причастности к вторжению франков в Палестину. Причем крестоносцы вовсе не принимали во внимание тот факт, что хорошие отношения императора с Фатимидами и его щедрость позволили ему освободить множество франкских пленников, содержавшихся в Египте. В 1102 г. король Балдуин I в письме к императору обвинял его в том, что он не помог крестоносцам в 1101 г.; письмо было вручено епископу по имени Манассия, который собирался заехать в Константинополь по пути в Италию из Палестины. Алексей пытался объяснить Манассию, что Балдуину неверно изложили факты, и сожалел о случившемся. Он попросил Манассию изложить его точку зрения папе.

Папа Пасхалий II, преемник Урбана, был слабым, чувствительным человеком, не имевшим проницательности своего предшественника. Когда Манассия, не любивший ни императора,

ни византийцев вообще, пересказал свою недружественно искаженную версию устного послания Алексея, Пасхалий пришел в ярость. Алексей не получил ни ответа, ни сочувствия³⁴.

В 1102 г., пока Боэмунд находился в плену у данишмендских турок, его племянник и регент Танкред захватил последние византийские владения в Сирии — Латтакию. Два года спустя византийский флот, отправившись на Восток, вернул Латакию и некоторые другие киликийские порты, захваченные норманнами. Только что освободившийся Боэмунд решил вернуться в Италию специально, чтобы искать помощи против Византии. Папу он застал уже восстановленным против императора, так что ему было легко окончательно убедить его в том, что Византия срывала Священную войну. Когда Боэмунд отправился дальше во Францию, его сопровождал папский легат Бруно де Сеньи, который должен был помочь ему организовать крестовый поход против Византии³⁵.

Если изгнание патриарха Иоанна из Антиохии было первым поворотным моментом к схизме, то вторым, причем более опасным, стала поддержка Пасхалием Боэмунда. Византийцев потрясло отлучение Григорием VII их императора; однако оно вскоре было отменено, да и сам император, конечно, был грешен, как всякий человек. Его отлучение не означало отлучения его подданных. Однако объявление Священной войны против империи, православной Романской империи, могло означать только одно: отныне папа считает всех ее граждан неверными. Признание этого факта означало объявление схизмы, раскола. К счастью для христианского мира, эта Священная война не удалась. Боэмунд пересек Эпир в октябре 1107 г. в сопровождении папских представителей, однако после 11 месяцев несчастной войны он должен был сдаться императору. По соглашению, подписанному в лагере императора у реки Девол с папским представителем в качестве свидетеля, Боэмунд должен был вернуться в антиохийские земли, но как вассал императора, которому отныне он приносил ленную присягу, распространявшуюся и на наследника императора. Он также дал согласие на восстановление греческого патриарха в Антиохии. На деле же согласие при Деволе осталось мертвой буквой: поскольку Антиохию к тому времени удерживал Танкред, вовсе не собиравшийся стать вассалом императора или признать греческого патриарха. Он отказался признать подпись своего дяди и вскоре вновь занял византийские морские порты в Сирии и Киликии. Впрочем, отныне император мог сослаться на соглашение, засвидетельствованное папским легатом, в деле передачи спорного патриархата грекам³⁶.

Папа Пасхалий понял свою ошибку. Сразу же он начал писать к Алексею; в свою очередь, Алексей сделал вид, что ничего не заметил. В Византии, однако, ничего не забыли, так что византийцы еще больше невзлюбили Рим³⁷.

Прошло более полустолетия, прежде чем греческий патриарх вновь водворился в Антиохии. Когда император Иоанн посетил

Антиохию как ее верховный правитель в 1138 г., он почел за лучшее не настаивать на восстановлении греческой иерархии. Как раз накануне папа Иннокентий II прислал в Антиохию запрещение латинянам оставаться в армии Иоанна, буде он предпримет шаги против латинской иерархии; и это в то время, когда Иоанн искал военного союза с латинянами³⁸. Позднее император обнаружил, что его союзники недисциплинированны и малопригодны, так что спустя четыре года он предпринимает поход на Антиохию с требованием, чтобы город был передан ему, причем обещал возместить эту потерю принцу территорией в другом месте. Такое развитие событий привело бы и к восстановлению греческого патриаршества. Принц отверг это предложение на том основании, что его не одобрил бы папа, так что Иоанн был уже готов предпринять военные действия против Антиохии, но в это время он неожиданно умер, в марте 1143 г.³⁹

Его сын император Мануил вступил в Антиохию как ее владыка в 1159 г. Антиохийский князь Рейнальд де Шатильон тремя годами ранее предпринял особенно жестокий и кровавый набег на православный греческий остров Кипр — действие, которое не могло расположить к латинянам их греческих соседей. Так что Мануил делал все возможное, чтобы унижить Рейнальда. Впрочем, возможно, из-за плохих отношений Рейнальда с латинским патриархом Аймери Мануил не стал вмешиваться в церковные дела⁴⁰. Но в 1165 г., когда Рейнальд оказался пленником у арабов, а князем Антиохии был Боэмунд III, чья сестра была женой императора, Мануил обязал Боэмунда в обмен на денежные субсидии возвести на трон греческого патриарха Афанасия II, а также и остальные вакантные епископские места предоставить грекам. Аймери в знак протеста удалился в близлежащий замок, а его жалобы стали слышны в письмах из Рима, угрожавших императору и антиохийскому князю отлучением. Впрочем, этот поворот событий завершился по воле Божьей. В 1170 г. город потрясло сильное землетрясение; во время службы крыша кафедрального собора упала, и под ней были погребены греческий патриарх и сослужившие ему. Князь поспешно восстановил на престоле Аймери. Император в это время находился в таком положении, когда он не мог протестовать⁴¹.

Греческий патриарх был восстановлен на антиохийском престоле в 1206 г. Боэмундом IV. К тому времени Византия была разрушена Четвертым крестовым походом, так что князь не боялся подпасть под власть императора. Напротив, теперь он страшился киликийских армян и был раздражен тем, что папа их поддерживал. Он нуждался в расположении своих греческих подданных. Когда же папа отлучил его и поставил весь город под запрещение, он сам и другие миряне-латиняне с радостью стали посещать богослужения в греческих церквях⁴². Вскоре латинская линия опять восстановилась; и хотя монголы позднее настаивали на возвращении к греческому служению⁴³, только после полного разрушения франкского княжества восторжествовала наконец

греческая линия. К тому времени, однако, Антиохия лежала в руинах и численность христианских общин трагически сократилась⁴⁴.

Мы можем определенно говорить, что в Антиохийской церкви наступил раскол еще в 1100 г. Хотя греческое священство и общины должны были подчиниться латинской иерархии, а по временам латинское священство и конгрегации — греческой, такое подчинение было вызвано исключительно давлением правительства. Каждая община сохранила искреннюю преданность лишь по отношению к своему собственному патриарху. Раскол, однако, не был абсолютным. Между двумя родами общин заключались браки, особенно в среде *bourgeois*. Даже император Мануил взял в жены латинянку из Антиохии, а принц Боэмунд III — гречанку из Константинополя. Их родственникам, может быть, повезло в том, что они признавали греков и латинян принадлежащими к разным общинам. Как бы то ни было, каждый патриарх заявлял, что он представляет единственно законную апостольскую линию от Иоанна Оксита, и каждая община надеялась навязать свое богослужение и своих иерархов другой. Когда в XIII в. папство попыталось разрешить проблему, предоставив грекам иметь своего патриарха при условии, что он признавал бы власть Рима, т. е. предоставив грекам положение униатов, было уже поздно. Уже накопилось слишком много горечи; да и сам компромисс не отвечал требованию непрерывности апостольского служения⁴⁵.

Иной была ситуация в Иерусалимском патриархате. Греческие патриархи в изгнании не признавались, да и не были известны, внутри патриархата. Между двумя общинами не было глубокого разделения или вражды, пока Саладин не захватил вновь Иерусалим под власть ислама. Едва он водворился в городе, как из Константинополя прибыло посольство с просьбой вернуть патриархат греческому кандидату. Это требование лишний раз демонстрировало латинянам коварство византийцев даже в вопросе веры, но для такого обвинения не было оснований. Мусульмане, конечно, не могли разрешить местным христианам в их новых владениях подчиняться латинскому патриарху, жившему в том районе царства, которое они только намеревались покорить. Греческий патриарх прибыл из Константинополя и расположился в Святом Граде⁴⁶. Впрочем, Саладин отказался выполнить дальнейшие требования, чтобы Святые места находились под исключительным контролем греков. По соглашению в Кур-де-Лион он позволил латинянам сохранить имевшиеся уже учреждения и даже сам Святой Гроб⁴⁷. Таким образом, с 1188 г. сохраняются два патриарха Иерусалимских в Святой Земле: греческий в Иерусалиме и латинский — в Акре, причем оба претендуют на апостольское преемство. Тем временем на остальных латинских территориях, как можно видеть из *Assises des Bourgeois*, опубликованных в Акре в 1240 г., греки, т. е. местные православные, рассматривались как отдельная община⁴⁸.

Не таково было положение в течение XII в. С 1229 по 1244 г., когда Иерусалим был снова захвачен крестоносцами, латинские патриархи вернулись в город, хотя уже больше не имели здесь постоянного пребывания. Что случилось в это время с греческими патриархами, можно только догадываться.

Очень неясна история патриархов Александрийских. Патриарх Софроний посетил Константинополь в 1161 г.; причем патриархи Александрийские вообще сохраняли связь с Константинополем, где их имена регулярно заносились в диптихи⁴⁹. По политическим соображениям, как подданные мусульманского правителя, они не могли иметь широкого общения с франками в Палестине. Однако они охотно причащали латинских купцов, осевших в Египте, а также латинских пленников, содержавшихся там; причем латинским священникам разрешалось служить по-своему. Около 1190 г. Марк, патриарх Александрийский, обращает в послании византийскому канонику Феодору Вальсамону вопрос, следует ли продолжать общение с латинянами. Безусловно отрицательный ответ Вальсамона, за которым последовали строгости в отношении Александрийской церкви из-за разрешенного там коптского богослужения, кажется, вызвали раздражение Марка, заподозрившего, возможно, Константинополь в таких же диктаторских наклонностях, какие демонстрировал Рим⁵⁰. Конечно, патриархат не прервал отношений с папством: патриарх Николай в начале XIII в. не только рукополагает латинского священника, но посылает также своего представителя на Латеранский собор 1215 г.⁵¹. Некоторое время в течение этого века, впрочем, отношения были прерваны, возможно, под давлением правительства мамелюков, которые в отличие от Аюбитских князей не выказывали сочувственного интереса к западным делам. В 1310 году папа назначил латинского патриарха Александрийского. И, хотя назначение было чисто формальным, оно демонстрировало, что Рим отныне не признает греческой линии⁵².

Таким образом, главнейшей причиной схизмы между тремя восточными патриархами и Римом было появление колоний крестоносцев на территориях восточных патриархов. В это время патриархами здесь были греки или последователи греческих школ. В главных храмах и соборах служба совершалась на греческом языке, хотя в деревенских церквях служили на местном наречии. К своему константинопольскому собрату они не всегда были расположены дружелюбно и всегда противились его попыткам стать над ними. Если уж им приходилось признать церковное начальство, они предпочитали далекий Рим. Однако во время мусульманского правления они привыкли искать у византийского императора защиты их церковной жизни от притязаний других владык, а патриарх Антиохийский более столетия находился прямо под началом императора. С ослаблением власти Византии они, по-видимому, выказывали предпочтение тому владыке, который находился от них подальше на Западе. Одного

они не могли перенести — своего вытеснения латинскими самозванцами, которые осмеливались претендовать на законность их назначений. Если бы папа пришел к идее униатских церквей на сто лет раньше и если бы он был готов признать, что туземные иерархи являются законными владыками в своих епископатах, а латинские иерархи могут возглавить общины колонистов, тогда, возможно, восточные патриархи и признали бы без ропота превосходство Рима. В 1215 г. патриарх Александрии, где не было иерархов-крестоносцев, признал, как кажется, авторитет Иннокентия III на Латеранском соборе. Однако было бы напрасно ждать от крестоносцев взгляда на себя как на захватчиков, хотя они и признавали себя солдатами папы. Восточные церкви почувствовали, что у них силой отняли их законные и освященные традицией права, причем отняли по приказу папы, проявлявшему к тому же враждебность по отношению к их естественному защитнику — византийскому императору в Константинополе. Если они порвали с Римом, то не потому, что хотели перейти под начало Константинополя, но лишь потому, что папа попрали их права и пошел на разрыв с императором. Действия Урбана II, в результате которых началось движение на Восток крестоносцев, одержимых верой, что они освободят восточные церкви и помогут императору, породили результаты очень далекие от первоначальных намерений этого великого папы. Крестоносцы принесли не мир, но меч, и этот меч разрубил христианский мир.

ДИПЛОМАТИЯ И ДИСПУТЫ

Трения между восточными патриархатами и Римом возникли главным образом из-за вторжения крестоносцев на восточные земли и их колонизации. Противоречия Константинополя и Рима в XII в. были и тоньше, и сложнее по своей природе. Рим никогда не понимал вполне положения дел в Константинополе. Папа, видя, что император диктовал свою волю церкви, был склонен предполагать, что церковь станет повиноваться любому приказу императора. На деле же цезаропапизм императора имел свои границы: ни один император не мог пойти против общественного мнения; он не мог также пренебрегать законами и традициями империи, где имелся сильный и хорошо образованный слой мирян; да и народ Константинополя придерживался строгих взглядов и застарелых предубеждений, которые он не задумываясь выражал. В формировании этих воззрений священство было более влиятельно, чем императорский двор. Даже Алексей Комнин в своих попытках, руководствуясь государственной необходимостью реформировать Византийскую церковь, добился лишь продолжительной непопулярности и породил интриги против своей персоны. По своему опыту он вскоре узнал, каков предел его власти.

Сам Алексей, его сын Иоанн и внук Мануил очень хотели сохранить добрые отношения с Римом, отчасти из искреннего желания поддерживать мир среди христиан, отчасти же из дипломатических соображений. На протяжении почти всего XII в. императорский двор проводил уклончивую политику, избегая всяких трений с Западной церковью. Однако византийское священство не принимало в расчет политику императора. Церковь Константинополя вполне осознавала, что она является церковью величайшего града христианского мира. За последние столетия она начала понемногу презирать Римскую церковь, и не без причин. В Константинополе вообще не поняли силу неожиданно возродившегося папства, так что претензии папы на мировое господство представлялись отсюда до смешного напыщенными. Чувство собственного достоинства Византийской церкви питалось искренним неприятием таких моментов западной богослужебной практики, как употребление опресноков. Византийцы также с негодованием и страхом могли ждать от Рима, что там станут настаивать на односторонних изменениях в принятом

Символе веры христиан. Так что всякий шаг, в котором таилась уступка Риму, встречался горячим неприятием со стороны Византийской церкви. Общественное мнение мирян в Константинополе поначалу не доходило до высокой точки кипения. В начале крестовых походов народ Византийской империи доброжелательно встречал своих западных братьев-христиан. Затем, однако, неуправляемость и недружелюбие западных солдат породили нелюбовь к ним местного населения. Также и все увеличивающееся количество итальянских купцов в Византии, забиравших по-немногу в свои руки торговлю, возмущало греков. Так что ко времени, когда Церковь начала пропаганду против Запада, почва была уже готова. Император, несмотря на свою власть, был по необходимости осторожным. Впрочем, даже духовенство еще не было готово принять идею схизмы. Доколе это было еще возможно, все цеплялись за мысль, что Христианская Церковь едина и неделима.

Эту идею выражают латинские хроники Первого крестового похода. Константинополь представлен в них особенно святым градом. Роберт Отшельник провозгласил, что он мог бы считаться равным Риму по величию и святости, если бы Рим не был местом сидения папы. Жиберт Ногентский заявил, что Константинополь заслуживает всемирного почета, а Экхард де Аура — что он заслужил дарованное ему Божественное покровительство¹. В народной среде установились доброжелательные отношения на протяжении всего Первого крестового похода, несмотря на тот печальный факт, что спутники Петра Отшельника слишком много себе позволяли в ответ на радушный прием балканского населения, причем местное население отнеслось с уважением и к самому западному святому². Забавный эпизод произошел в Афинах в 1099 г., когда некоторые крестоносцы, намеревавшиеся по морю достичь Палестины, принуждены были из-за непогоды высадиться в Пирее. Правитель Афин отнесся к ним подозрительно, приняв их за пиратов. Тогда крестоносцы обратились к местному отшельнику Мелецию, и он приветствовал их как своих братьев, убедивши афинские власти и население отнестись к пришельцам по-доброму³.

Это доброе отношение было поругано беззаконием крестоносцев. Подозрительность афинян объяснима, если вспомнить, что несколькими месяцами раньше пизанский военный отряд, сопровождавший архиепископа Пизанского, отчасти с полномочиями папского легата, задержался в пути и разграбил Корфу, Левкас и Занте⁴. Даже терпимый Феофилакт Болгарский, через чье епископство прошли многочисленные армии крестоносцев, сравнивает их с варварским нашествием, причем замечает, что сам он со своей паствой был готов потерпеть всякие неудобства. Население Константинополя пришло в ужас от воровства и других грабительских замашек солдат-крестоносцев; последние, впрочем, почувствовали вскоре установившуюся неприязнь местного населения и стали отвечать на нее взаимностью. С обеих

сторон и власти старались бросить тень на противника: когда дела пошли плохо, простые крестоносцы обвиняли не византийцев вообще, а императора с советниками. Они презирали греков — «проклятых маленьких греков, ничтожнейших из людей», как пишет о них Жиберт Ногентский⁵, — однако до времени он чувствовал неприязнь лишь к правителям греков. Со своей стороны византийцы с готовностью принимали крестоносцев-пилигримов и солдат как братьев-христиан, а ответственность за их дебоши и грубость возлагали на их предводителей.

Среди этих предводителей были латинские епископы и священники. Византийцы были глубоко потрясены, увидевши в армии крестоносцев такое количество священников с оружием в руках, принимавших к тому же участие в битвах⁶. Зрелище это оскорбляло религиозные чувства восточных христиан, ужаснувшихся, что люди, посвятившие себя Богу, принимают активное участие в военных походах. Еще охотнее они прислушивались к тому, как греческое священство порицало священников-латинян. Больше того, в образованных кругах Византии было хорошо известно, что папе принадлежит высший авторитет на Западе, так что враждебность западных людей и священства приписывалась в конечном счете враждебности папы. Разве не Григорий II восстановил Гвискарда против Византии, а Пасхалий II — Бозмунда? Дружелюбие Урбана II при этом забывалось. За агрессивной враждебностью западных князей ощущалось влияние Рима.

В этих условиях император Алексей, хорошо знавший меру папского влияния и цену его возможной дружбы, должен был действовать осмотрительно. Главной его целью было возвращение земель в Азии из-под власти турок, так что для него было существенно обезопасить свои западные границы и в особенности прекратить норманнское вторжение. Примерно в то же время, как Алексей восстановил отношения с Урбаном II, он вступил в личную переписку с аббатом Монте-Кассино, Одерисием, одним из самых почтенных и бескорыстных прелатов Италии. Произошел обмен весьма сердечными посланиями, в которых ничего не говорилось о таких обоюдоострых предметах, как *Filioque* или опресноки. Император поведал аббату о своем горячем желании помочь крестоносцам, причем намекнул, что с ними не всегда легко сотрудничать⁷. Когда в 1105 г. Одерисий умер, то переписку продолжали Отто и Жирар, хотя, возможно, она и прерывалась, когда папа Пасхалий поддался льстивым речам Бозмунда. Несмотря ни на что, Алексей демонстрировал свое расположение к латинской церкви. Примерно в это время он основал в Циветоте странноприимный дом для пилигримов Запада и поручил его содержание клонийцам⁸. Поэтому, когда в 1111 г. стало известно, что он хочет сблизиться с папой, в Италии легко нашлись друзья, пожелавшие стать посредниками. Императору казалось, что настало время для установления крепкого союза или даже для создания своего форпоста в Италии. Норманнски-

ми доминионами правили безобидные вдовы Аделия Фландрская в Неаполе и Констанция Французская в Таренто и Аделаида Монферратская в Палермо.

Император и папа могли предпринять дипломатическую атаку без вмешательства норманнов. Папа Пасхалий также горячо желал взаимопонимания. Временное ослабление норманнов лишило папу естественной местной защиты от германцев. В 1111 г. германский король Генрих IV предпринял марш на Рим, пленил и заключил папу и принудил короновать его как императора и пойти на такие уступки, о которых папа немедленно пожалел. В январе 1112 г. Алексей посылает Жирару де Монте-Кассино письмо, в котором сожалеет о пленении папы⁹. Затем последовало письмо к римским властям, в котором император одобрял их смелую поддержку папы и, по-видимому, предлагал им вручить западную императорскую корону ему самому или его сыну Иоанну. Римляне ответили посылкой ободряющего посольства в Константинополь, и Алексей обещал посланным, что он сам прибудет в Рим тем же летом. К лету, однако, он заболел и не мог предпринять такого путешествия. Да, впрочем, нам сомнительно, чтобы он мог серьезно строить подобные планы. Он лишь приобрел влияние в Италии. Вместо того чтобы ехать в Италию лично, он отправил своего посла к папе¹⁰.

Если бы Пасхалий считал Алексея схизматическим правителем, он никогда бы не позволил переговорам зайти так далеко. Однако ему хотелось прояснить ситуацию в церковных делах прежде, чем сделать следующий политический шаг. В конце 1112 г. он пишет Алексею письмо, в котором высказывает свое желание, чтобы сначала были прояснены отношения между двумя церквями. Он напоминает императору, что в былые времена Константинопольский патриарх находился в подчиненном отношении к Риму, а теперь патриарх отказывается принимать письма из Рима или легатов. Он даже жалобно ворчит, что его задача гораздо труднее, чем императора, поскольку он вынужден править многими столь различными народами, в то время как император — повелитель своей империи и своего клира. Первый вопрос, поднятый Пасхалием, состоит в том, чтобы его «*confrater*» Константинопольский признал примат и достоинство Римского престола. После этого можно было бы провести общий собор и обсудить и решить остальные вопросы¹¹.

Письмо Пасхалия было логичным и прямым. Он предлагал вернуться к положению вещей VI—VII вв., когда император мог угрозами заставить патриарха демонстрировать почтение к Риму. Однако с тех пор многое переменялось, и общественное мнение Византии ожесточилось. Какова бы ни была власть императора над церковью, он не мог заставить патриарха следовать подобным указаниям. Да вряд ли бы он стал и пробовать. Папских легатов, прибывших с этим письмом, кажется, отправили с похожим ответом¹².

Год спустя, в конце 1113 г. или в начале 1114 г., Петри

Хризолан (или Гризолан), архиепископ Миланский, прибыл в Константинополь и был приглашен участвовать в дискуссии с греческими богословами (и в присутствии императора) по вопросу о Св. Духе и азимитах¹³. Среди других несчастных иллюзий у человечества сохраняется представление, будто какие-то вопросы можно разрешить в споре. Увы, напротив, ни одна сторона никогда не признает поражения, но будет вместо того накапливать все новые аргументы для убеждения своего противника. Император, возможно, хранил в тайне письмо Пасхалия; но дебаты с Хризоланом произвели как раз то действие, которого больше всего боялся император: вырвался на волю смерч полемических аргументов греческого духовенства. В последние перед диспутом годы наступило временное затишье. Единственное антилатинское произведение — трактат против азимитов — был написан Иоанном Окситом, экс-патриархом Антиохийским. В этой работе приводятся обычные символические доводы и цитаты из Отцов Церкви; лишь собственный опыт Иоанна придает необычному горечью его изложению, хотя он и обращается постоянно к добродетели умеренности¹⁴. Теперь же целый сонм писателей берется за перо. Официальными представителями точки зрения Византийской церкви были Евстратий, митрополит Никейский, и игумен Иоанн Фурн, изложивший те аргументы, которые были использованы во время диспута¹⁵. В том же ключе были написаны трактаты двух других богословов — Никиты Сайда из Иконии и монаха-хрониста Иоанна Зонары и двух мирян: поэта Феодора Продрома и философа Феодора Смирнского. О диспуте стало широко известно в обществе, где к нему пробудился горячий интерес¹⁶.

Этот диспут, конечно, не мог быть окончательным. И Хризолан, и его оппоненты были опытными полемистами, вооруженными логичными и хорошо обоснованными доводами. Впрочем, читатель, если он внимательно прочтет длинные отчеты и трактаты, скоро поймет, что ни одна сторона не отвечала на аргументы другой, поскольку доказательства выстроены на разных основаниях. Латинские доводы в пользу Filioque кажутся на первый взгляд более ясными и убедительными, чем греческие; однако латинское представление о Св. Троице лишено тонкости и уравновешенности, и поэтому тщательная аргументация Хризолана не затрагивает фундаментальные представления его оппонентов. По вопросу об азимах греки заготовили впечатляющий список цитат из патристики в пользу собственной точки зрения, но латиняне не приняли во внимание цитаты из Отцов Церкви как безусловный аргумент. Единственный исход для обеих церквей мог лежать только в области *икономии*, о которой так часто говорили православные богословы. Однако Рим не был склонен допускать отклонения, а греки, хотя и могли бы пойти на некоторые уступки по богословским вопросам и вопросам богослужбной практики, не могли смириться с добавлением к Символу веры, что представлялось им прямым выпадом против авторите-

та Вселенских соборов. Они так же не могли признать, будто чтобы то ни было в их издревле установившемся чине могло быть неверным. Главным вопросом был вопрос об авторитете папы, мог ли папа делать добавления к Символу веры по своему усмотрению и мог ли он настаивать на единообразии богослужения? Однако, возможно по желанию императора, вопрос об авторитете папы на диспуте не поднимался.

Алексей, конечно, старался избежать споров, которые бы завели слишком далеко. Когда его любимый богослов Евфимий Зигабен опубликовал свои *Panoplia Dogmatica*, задуманные как официальное постановление о ересь, то вопрос об употреблении опресноков был помещен в разделе об уставных ошибках армян. Ни слова не было сказано по этому вопросу против латинян. И хотя пространно обсуждается вопрос о Св. Духе, *Filioque* рассматривается в единственном разделе, фактически воспроизводящем трактат Фотия по этому вопросу, причем этот раздел, по-видимому, был добавлен позднее каким-то благочестивым переписчиком работы Зигабена¹⁷. Впрочем, император, как кажется, испытывал чувство личной обиды на двух пап: Григория VII и Пасхалия II — оба дурно с ним обошлись; эта обида отозвалась и в его биографии, написанной его дочерью Анной Комниной.

Анна написала свою большую работу где-то после 1140 г. К тому времени она уже около 20 лет как оставила мир. Со времени смерти ее отца в 1118 г. она не имела доступа к официальным документам; так что на ее взгляды повлияла и долгая жизнь вдали от двора, и специфика монастырской жизни, где она теперь оказалась¹⁸.

На протяжении всего своего труда она исходит из того, что между греками и латинянами существует полнота молитвенного общения. Она полагает, что рукоположения должны быть обоюдными у двух церквей. Так, в соглашении при Деволе, когда Алексей настаивал, чтобы грек был снова возведен на патриарший престол Антиохии, указывалось, что греческий патриарх, конечно, будет совершать все рукоположения: как латинских священников, так и греческих¹⁹. Как сильно ни сожалела Анна о варварстве крестоносцев, а также о заносчивости и вероломстве их вождей, она все же считала их воинами Христовыми, на которых почилла благодать Божья²⁰. Она сочувствует целям простых пилигримов, которые, по ее словам, «действительно хотели помолиться у Гроба Господня и увидеть Святые места»²¹. Латинских епископов она называет «возлюбленные Богом»²². Однако, как только речь заходит о папах, тон ее рассказа меняется: ни один папа не назван по имени. Целое правление Урбана II, имевшего хорошие отношения с ее отцом, вовсе не упоминается. Она даже не воздает ему должного в деле организации крестовых походов. Создается впечатление, что ей было невыносимо хорошо говорить о папах, но плохо говорить об Урбана она не смела. Без упоминания по имени Григория VII у нее приводится подроб-

ное и исключительно недобросовестное описание его ссоры с Генрихом IV по поводу инвеститур.

Из ее рассказа следует, что германский король обвинил папу в узурпации, поскольку он захватил апостольский трон без его согласия, папа же со своей стороны обвинил короля в продаже бенефиций недостойным мужчинам и женщинам за деньги или дары. Когда же король послал папе своих послов с угрозами, папа их заключил в тюрьму и унизил; и последующее Анна описывает с удовольствием, намекая на такие вспышки насилия, о которых женщине и принцессе не следует даже говорить²³.

На самом деле Григорий защитил послов от безобразных выпадов римской толпы, однако Анна предпочитает верить слухам, пущенным в Германии недоброжелателями папы²⁴. С неодобрением говорит она об объявлении папой войны против Германии и с презрением о том, что он вынужден был прибегнуть к помощи норманнов²⁵. Однако нигде Анна не упоминает об отлучении Григорием ее отца, а также о том, что это отлучение побудило норманнов совершить первое нападение на империю; не упоминает она и о том, что на папу оказал влияние Гвискард с его ставленником — самозванным императором Мануилом. По каким-то причинам она преуменьшает роль папы в натравливании Гвискарда на Византию. И только в описании событий, происходивших уже на ее памяти и связанных с Бозмундом, Анна обвиняет папу в соучастии в норманнских вторжениях. Она повествует о том, что Бозмунд обманом добился поддержки папы Пасхалия II, указавши ему во вспомогательных войсках императора на печенегов; печенеги же не были мобилизованы Алексеем на борьбу против христиан-крестоносцев, а находились в войске императора в качестве пленных. Получается, что лишь глупое незнание папы обеспечило Бозмунду его поддержку. Однако эти действия, пишет Анна, вызывали негодование в Византии²⁶.

В отношении папских притязаний она так же категорична и несправедлива. Так, относительно выдуманного гнева Григория на германских послов Анна пишет: «Таково было деяние первосвященника, да, римского первосвященника, деяние человека, который претендует на власть над всем миром, как с уверенностью говорят латиняне, в своей великой гордыне. На самом же деле, когда трон императора перенесен был оттуда в нашу страну и в наш великий град вместе с сенатом и всей администрацией, тогда же и туда же был перенесен и высший сан епископской иерархии. С тех пор императоры отдают предпочтение Константинопольскому епископату; и больше того, Халкидонский собор возвысил Константинопольского епископа превыше всех и подчинил ему всех епископов Ойкумены»²⁷.

Даже если Анна употребляет термин «Ойкумена» в обычном смысле, т. е. в смысле «Империя», ее утверждение неправильно. Фессалоника, например, оставалась в подчинении Риму до VIII в. Так что ее интерпретация 28-го правила Халкидонского собора совершенно неверна. Причем вообще Анна — скрупулезный писа-

тель, принимающий во внимание источники и имевший богословское образование. Здесь же она была настолько уверена в себе, что не потрудилась выверить свои утверждения. Если при всем своем образовании она уверена, что первенство в Халкидоне было отдано Константинополю, значит, она отражает широко распространившееся мнение тех общественных групп Византии, для которых притязания Римского престола представлялись возмутительными и ошибочными. Принятие таковых притязаний лишило бы Константинополь положения столицы христианского мира. Национальная гордость никогда не позволила бы византийцам отказаться от своих прав.

Следует заметить, что официальная Восточная церковь никогда не давала подобного толкования 28-му правилу Халкидона. Напротив, согласно учению Восточной церкви Рим пользовался почетным первенством до тех пор, пока не стал преувеличивать своих прав и пока не внес изменения в Символ веры. Впрочем, официальная точка зрения пока еще не была нигде сформулирована.

Наследник Алексея I — Иоанн II продолжал западную политику своего отца. Он намеревался сохранить итальянских союзников, в особенности для борьбы с норманнами, и в случае необходимости с готовностью вступал в дружеские переговоры и с папой, и с западным императором. Так же свободно он строил матримониальные отношения между членами своего царствующего дома и членами западных королевских семей. Однако, хотя его письма к папе были полны благочестивых намерений относительно большего взаимопонимания между двумя церквями, он и в этих письмах был весьма осторожен, чтобы не завести слишком далеко ни себя, ни свое духовенство. В начале его правления установилась атмосфера сердечности. Однако около 1120 г. мы обнаруживаем, что Петр Благочестивый, последний великий аббат Клуни, пишет императору, который, как он это выразил, предназначен наблюдать за всеми церквями мира, и просит его продолжать являть свое императорское благоволение дому клунийцев в Циветоте, основанному и благодетельствованному его отцом²⁸. В то же время Петр пишет патриарху Константинопольскому, называя его «преподобным и великим наместником Бога в Константинополе». В этом особенно дружеском письме он сообщает, что желал бы посетить столицу империи, «христианский град, основанный Господом Иисусом Христом и императором Константином», чтобы увидеть церкви и святыни великого града. «Тогда увижу я [пишет он] ваше лицо, которое желаю созерцать; тогда смог бы я почтить в вашем лице всех благословенных епископов вашего града... Мы бы заключили нерушимый союз и поклонились в нашей общей духовной любви, при вашем соизволении. Я бы молил у вас изустно то, о чем теперь прошу издалека, чтобы вы с вашим народом по милости вашей наградили нас — меня и мою паству — вашими общими молитвами; а мы бы возносили молитвы за вас с той же любо-

вью»²⁹. Всякий, кто прочтет это письмо, подумает, что если две Церкви были в схизме с 1054 г., то аббат Петр этого не знал.

Продолжались дипломатические обмены, но без всяких конкретных результатов. Ничего не вышло из посольства, отправленного Иоанном к папе Каллисту II в 1124 г., ничего не вышло и из ответного, посланного папой Гонорием II к императору два года спустя³⁰. Богословских споров, кажется, к счастью, избегали, поскольку они лишь усугубляли разногласия. В 1136 г. посланник западного императора Лотара III епископ Ансельм посетил Константинополь, с тем чтобы обсудить возможность совместных действий обеих империй против Роджера II Сицилийского. Ансельма прекрасно приняли, и политически его миссия была вполне успешной. Однако во время его визита ему было предложено принять участие в диспуте в присутствии императора по богословским вопросам, разделявшим две Церкви. Его оппонентом был Никита, архиепископ Никомидии. Как можно вывести из отчета, направленного несколько лет спустя Ансельмом папе Евгению III, диспутанты были обходительны и уравновешенны, а официальный переводчик итальянец Моисей из Бергамо делал свое дело подчеркнуто корректно. Впрочем, Ансельм изложил позицию Византии относительно папских притязаний так ясно, что, несмотря на всю его преданность Западной церкви, остается впечатление, будто он как германский епископ наслаждается возможностью продемонстрировать итальянскому папе и Римскому двору, что у рассматриваемых вопросов есть и другая сторона³¹.

Два главных предмета диспута составляли Исхождение Св. Духа и употребление опресноков. Что касается первого, то архиепископ Никита заявил, что готов признать исхождение Св. Духа через Сына, но не от Сына. Он надеется, что эта формула, которую и последующие греческие богословы охотно признавали, удовлетворит латинян как толкование, хотя он не считает, что даже эти слова могут быть прибавлены к Символу веры³². Что же касается опресноков, то он показал, что разные папы смотрели на этот вопрос несогласно. Он привел цитаты, взятые у пап IV в. Мильтиада и Сириция, из которых ясно следовало, что они употребляли квасный хлеб для совершения Божественной литургии. «Если, — говорит он, — авторитет римских епископов кажется вам достаточным аргументом в споре со мной, то он должен быть признан достаточным и в споре с вами»³³. Никита, однако, вскоре подчеркнул, что сам он не считает авторитет папы решительным аргументом. Существо его позиции изложено в следующей речи: «Мой драгоценный брат, мы не отрицаем за Римской церковью первенства среди пяти ее сестер — других патриархатов; и мы признаем за ней право на самое почетное место на Вселенских соборах. Однако она отделила себя от нас собственными деяниями, когда из гордости взяла на себя права монарха, которые ей не принадлежат... Как нам принимать от нее распоряжения, когда они делаются без согласования с нами

и даже без нашего ведома? Если Римский первосвященник, сидя на своем величественном и славном троне, желает метать в нас молнии и, так сказать, запускать в нас папскими рескриптами, и если он хочет вершить над нами суд и управлять нами и нашими церквями не путем совместных с нами советов, но по своей воле, что же это за братство, или даже что же это за отцовство? Мы тогда станем рабами, а не сыновьями такой Церкви, а Римская диоцеза станет тогда не благочестивой матерью своих детей, но суровой и властной правительницей рабов». «В чем, — восклицает Никита, гордясь всей той византийской культурой, на которую он опирается, — будет тогда польза всей нашей греческой учености, всего нашего знания Священного Писания и Отцов Церкви?» Никита заключает свою речь пожеланием папе большего смирения, если он действительно хочет обрести сотрудников во дворах Господних. «Прошу у вас прощения, — добавляет он, — за мои слова о Римской церкви, потому что и я почитаю ее, как и вы. Но я не могу во всем следовать за ней вместе с вами, да и не думаю, что за ней обязательно надо влачиться через все»³⁴.

На это Ансельм ответил, что Рим заслуживает быть верховным судьей, поскольку его суды всегда были правыми. Никогда Рим не впадал в ересь. Затем он выдвигает обычные доводы, основанные на преемственности апостолу Петру³⁵. Никита, однако, их не принимает. Отвечая, он сказал, что в Пятидесятницу Святой Дух сошел не только на Петра, но и на всех апостолов. Всем апостолам дано было право «вязать и решить»; причем он думает, что все христиане имеют право высказываться по вопросам вероучения и церковной дисциплины. Возникающие вопросы учения и чинопоследования не представляются ему неразрешимыми: они могут быть разрешены Вселенским собором. Диктату же из Рима он отказывается подчиняться, поскольку «первосвященник Рима не является князем среди священства, ни верховным священником, ни чем бы то ни было в этом роде, но всего лишь епископом ведущего епископата»³⁶.

Никита, подобно Феофилакту Болгарскому, на полвека раньше принадлежал к либеральному крылу Византийской церкви. Он хотел избежать распада христианского мира из-за вопросов богослужения. Ему хотелось сохранить в целостности христианский мир, несмотря на отличия в богослужении, даже на различия в доктрине; однако он не допускал добавлений к Символу, принятому Вселенским собором, и твердо стоял против любых форм подчинения Византийской церкви Риму. Среди современного ему духовенства были люди, которые хотели бы пойти дальше в дружбе с Римом. Никита из Маронеи, хартофилакс Константинополя, а позднее — архиепископ Фессалоник, не имел ничего против *Filioque* и не понимал, почему его соотечественники готовы допустить только *per Filium*, что ему казалось равнозначным. Впрочем, он порицал Рим за то, что последний настаивал на добавлениях к Символу веры. Что же касается схизмы, то он винил свою

собственную Церковь в ее развязывании и сожалел о враждебном отношении Византии к Риму. Он, однако, не мог заставить себя признать все притязания папы³⁷. Армянский философ Феориакий, поставивший себе целью примирение своей Церкви с византийской, объявлял, что и армяне и византийцы не должны отделяться от православной епархии Рима. Впрочем, и он замолкает, когда речь заходит о верховном авторитете³⁸. Такие взгляды, однако, встречались редко. Византийское духовенство было в большинстве своем враждебно Риму; да и все византийцы были потрясены вмешательством папы в церковную политику. Никакой любви к германскому королю у них не было, и ему бы они никогда не уступили титула императора, но они пришли в ужас, когда Римский епископ буквально объявил войну монарху — помазаннику Божию. Именно это направление деятельности Григория VII вызвало глубочайшее осуждение Анны Комнины. Приблизительно одновременно с посольством Ансельма в Константинополь аббатство Монте-Кассино по пути ко двору императора Лотара навестил византийский посол, чье имя не засвидетельствовано, но, по-видимому, это был мирянин. Произшел спор с Петром Диаконом, официальным летописцем аббатства. Они обсуждали Символ веры, и когда посол обвинил латинян в необоснованном прибавлении *Filioque*, Петр резко возразил, что греки также делают добавления к Символу, настаивая на слове *solo* после *Pater*. Подобно большинству язвительных замечаний, это было несправедливо: греки никогда не настаивали на таком добавлении. Латиняне же искренне думали, что, настаивая на Исхождении Св. Духа исключительно от Отца, греки разделяют Неделимую Троицу. Впрочем, посла больше беспокоила не богословская сторона дела. «Ваш папа стал монархом», жаловался он и добавлял, что не может одобрить Церковь, «чьи епископы пускаются в военные предприятия, как ваш папа Иннокентий, раздают деньги и вообще присваивают себе порфиру»³⁹.

Император Мануил, получивший византийский трон в 1140 г., стремился, как и его отец Иоанн, к политическому взаимопониманию с Римом; кроме того, у него была и личная симпатия к западным народам и их обычаям. Несмотря на растущую враждебность между греками и латинянами в связи главным образом с крестовыми походами, он поощрял дипломатические обмены и богословские споры и неуклонно шел вперед по избранному пути добрых отношений с Римом и Западом вообще. В 1154 г. епископ Ансельм из Хавельберга нанес второй визит в Константинополь, а на обратном пути домой остановился в Фессалониках, где у него состоялся диспут с архиепископом Василием Охридским. Были затронуты те же темы, что и в диспуте с Никитой, однако Василий оказался менее обходительным диспутантом. Снова доводы за и против *Filioque* и относительно употребления опресноков были подвергнуты рассмотрению без окончательного решения, и снова оказалось, что действительным камнем преткновения были притязания папы на первенство⁴⁰.

Где-то в следующем году папа Адриан IV написал архиепископу Василию, прося оказать внимание двум папским посланцам, следующим через Фессалоники к императорскому двору, куда они направлялись для обсуждения политического союза против норманнов. К несчастью, рекомендательное письмо содержало длинный список папских притязаний. В нем члены греческой церкви назывались «заблудшей овцой», в нем также заявлялось, что соборы препоручили разрешение всех еkklesiологических вопросов Риму⁴¹. Василий ответил письмом преувеличенно вежливым, замечая, что у папы, конечно, было бы право называть греков «заблудшей овцой», если бы они что-то добавили к Символу веры или же употребляли опресноки. Однако, по его замечанию, различия между двумя Церквями крайне незначительны и могли бы быть разрешены по доброму согласию между «епископами, действующими по Вашим указаниям, и нами, кто на Востоке приняли славу священства от величественного трона Константинополя». Он, таким образом, совершенно ясно дал понять, что считает две упомянутые Церкви во всем равными, добавив, что первый шаг на пути проявления доброй воли должен быть сделан папой⁴².

Совершенно ясно, что все эти усилия в направлении церковного объединения были обречены на неудачу, в случае если бы не произошло решительных перемен в поведении как Рима, так и Византии. Ни император, ни папа не желали разрыва. Прозападные вкусы и стремления Мануила получали там поддержку, поскольку папа периодически искал светского защитника от агрессивности норманнов и западного императора. Мануил продолжал писать письма, в которых заверял, что он страстно желает объединения греческой церкви с матерью-церковью Рима, «как это было в старое время», прячась за фразами, хотя и дружескими, но неясными⁴³. Со своей стороны папа Александр III начал пересматривать всю концепцию западной империи и подумывал, что, может быть, разумнее признать Мануила единственным законным императором. Сомнительно, чтобы он поддержал византийскую теорию, согласно которой, как писал историк Иоанн Киннам, ромейский император, т. е. император в Константинополе, был как раз той персоной, которая должна делать назначения на папский престол; поскольку же императоры пренебрегали этой своей обязанностью, папы избирались священством своей диоцезы, и германский король не имел права вмешиваться⁴⁴.

Поелику же папа как священник не должен был сам брать в руки оружие против светского монарха, он должен призвать законного императора для защиты своих прав, пусть даже посредством войны. Папа Александр III не подписался бы под этим; однако его позиция в целом вдохновляла Мануила, который как неисправимый оптимист воображал себя правителем в древнем Риме и в Константинополе одновременно. В 1166 г. император предложил объединение Церквей при условии его коронации в Риме. В 1169 г. эти планы казались так близки

к исполнению, что он в письме Александру предлагал, как только его войска войдут в Рим, объединить Церкви Рима и Константинополя простым назначением папы патриархом. Патриарх Лука Хризоберг почил в начале того года, так что, без сомнения, вакантность патриаршего престола дала Мануилу эту незаурядную идею. Папа был несколько ошеломлен. Он в ответ заверил императора, что поддержит все его светские начинания. Раньше он уже предлагал ему, по словам враждебно настроенного германского писателя, «всякую суету сует, чего и сам Мануил не ожидал»⁴⁵. Однако новые еkkлесиологические предложения Мануила показались ему излишними. Было бы лучше, чтобы патриарх согласился на три его маленьких предложения: 1) признать первенство папы; 2) признать право разрешения спорных вопросов за Римом; 3) вновь включить его имя в диптихи в Константинополе⁴⁶. Император, возможно, и заставил бы свою Церковь принять два требования. Если бы имя папы было включено в диптихи, тогда его первенство, никогда не оспаривавшееся официальным мнением Восточной церкви, автоматически было бы вновь признано за ним. Однако и в этом случае возникали трудности. Установившаяся в Византии процедура требовала, чтобы прежде включения имени понтифика в диптихи он прислал декларацию своей веры, а если бы папа включил *Filioque*, его декларация не была бы принята. Больше того: для Византии первенство было лишь почетным, для Рима это означало господство. Требование же признать за Римом право верховного судьи не могло быть принято Константинополем ни в коем случае.

Мануил не мог откладывать избрания нового патриарха Михаила Анхиальского. Когда император переслал ему письмо папы, Михаил ответил грозным меморандумом, в котором рассматривал почти исключительно притязания Рима на наследство Св. апостола Петра. Михаил отказывал Риму во всем: если Рим пользуется авторитетом первенствующего града, то благодаря лишь высокому достоинству города Рима, а не из-за первенства апостола. Если притязания Рима основаны на владении апостолом Петром этой диоцезой, то что сказать об Антиохии, которой также правил Петр и которая была основана раньше Рима? Что сказать об Иерусалиме самом, где проповедовал и пострадал Господь Иисус Христос? С его точки зрения, управление вселенской церковью должно основываться на соображениях современного положения вещей, а не на сомнительном свидетельстве апостольских начинаний. Константинополь был избран Богом престольным градом христианской империи. Так что, каким бы почетом ни пользовались более старые патриархаты, и в особенности Рим, он находит смешной самую мысль о том, что высшее еkkлесиастическое правительство империи располагалось бы в ином месте, чем Константинополь. Его отвращение к проекту подчинения чужому церковному авторитету заводит его дальше: он бы лучше видел свою Церковь под началом неверных мирян, чем под духовным руководством Запада. «Пусть мусульманин

станет моим телесным хозяином, — заявляет он, — чем латинянин — духовным. Если я буду в подчинении у первого, он хотя бы не заставит меня перейти в свою веру. Но если я буду религиозно связан с последним, перейду к нему под контроль, я могу отлучить себя от Бога»⁴⁷.

Этот крайний и резкий взгляд вновь оживает в византийской истории позднее и получает свое наиболее известное выражение накануне турецкого порабощения, когда великий князь Лука Нотар объявил, что он предпочитает султанский тюрбан кардинальской шапке. На первый взгляд кажется, что здесь мы имеем пример узкого сектанства; однако здесь налицо и разум, и интуиция. Византийцы искренне боялись предать великие традиции своего прошлого и высокие идеалы настоящего, в случае если они будут поглощены Западом, который они не без основания считали варварским, жестоким и безбожным. Отношение к делу Михаила ничего не давало христианскому единству, однако оно было продиктовано не завистливой непокорностью, но желанием сохранить духовную независимость своей Церкви.

Встретившись с подобным сопротивлением, император отказался от своего проекта, но по-прежнему искал случая угодить папе. У него было много и других затруднений с Церковью из-за его горячих, но малоинформированных вмешательств в богословские диспуты по плохим советам. К концу своего правления он затеял спор с патриархом о форме клятвы, приносимой обращенными из ислама, император стремился изменить эту формулу в сторону смягчения. На деле возникшие недоразумения были несколько бессмысленными, поскольку проистекали из неверного перевода отрывка Корана. По ходу спора Мануил предложил обратиться к Риму как к арбитру. Поскольку к тому времени он вполне хорошо узнал настроения своих епископов, можно предположить, что он их намеренно дразнил, демонстрируя дурной вкус и сомнительные манеры⁴⁸.

Дипломатические обмены между папами и тремя императорами династии Комнинов дали незначительные и недолговечные результаты. Религиозные дебаты, которые они поощряли, послужили только тому, что подчеркивали невозможность формального примирения Церквей на приемлемых для обеих сторон основаниях. Впрочем, обмен мнениями все еще происходил в обстановке почтительности и внешней доброжелательности. Никто еще не был готов признать, что произошел окончательный и бесповоротный разрыв. К несчастью, в течение этих лет политические события способствовали росту неприязни, которую чувствовало население и на Западе, и на Востоке к противоположной стороне. Греки и франкские народы быстро расходились.

Глава 6

РОСТ ВРАЖДЕБНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

В самой Италии интересы папы и Византийской империи были столь сходными, что правительства Рима и Константинополя легко шли на сотрудничество. Однако добрые их отношения неуклонно подвергались разрушению далеко на Востоке. Долгое время нельзя было забыть спора за Антиохию. В 1139 г. папа Иннокентий II не позволил латинянам служить в армии Иоанна, если тот будет вмешиваться в церковные дела Антиохии, а затем поставление императором Мануилом патриарха в Антиохию в 1165 г. — все это привело к натянутым отношениям латинян с греками; выросшая на этой почве враждебность не ограничивалась князьями, иерархами и богословами — ее чувствовали и простые люди. Еще больше эта враждебность возросла из-за Второго крестового похода.

Немногие исторические события начинались столь радужными надеждами и терпели такое сокрушительное поражение, как Второй поход. Он был начат по проповеди Св. Бернарда из Клерво, величайшей личности того времени на Западе. Короли Франции и Германии оба взяли Крест и выступили во главе великих армий. Однако глупость и зависть знаменовали каждый этап этого похода. Покуда крестоносцы собирались в 1147 г., император Мануил, находившийся в то время в состоянии войны с турками, неожиданно согласился на предложенное султаном перемирие, за что и был сразу же объявлен на Западе предателем христианства. На деле же он, хотя и хотел развязать себе руки на время, когда крестоносцы шли через его земли, но еще более ему было необходимо приготовиться к атаке Роджера Сицилийского, о которой он был предупрежден. Сицилийские войска действительно вторглись в Грецию летом 1147 г.; и, хотя папе самому была не по душе эта агрессия против империи, общественное мнение на Западе было все-таки занято тем, как предательство короля Роджера повредило общехристианскому делу¹. Едва германская армия под водительством короля Конрада вступила в балканские провинции Византии, она немедленно начала бесчинства и грабежи. Местные христиане отвечали тем же: так что, когда какие-то разбойники убили немецкого рыцаря, отставшего от армии племянника короля Фредерика, будущий император Барбаросса сжег близлежащий монастырь и перебил монахов, что было дурным поступком для князя, гордившегося

своим благочестием². Франкская армия, шедшая по следам германцев, обнаружила, что запасы еды, приготовленные Мануилом, были уже почти полностью уничтожены, а население встречало их подозрительно враждебно; впрочем, в этом они обвиняли византийское правительство больше, чем германцев³.

Напрасно Мануил убеждал обе армии вступить в Азию через Геллеспонт, не подходя к Константинополю. Армии были сильно возбуждены, и каждый солдат желал непременно посетить великий город и его святыни. Обе армии прошлись грабежами по окраинам Константинополя, хотя Мануилу и удалось переправить германцев через Босфор до подхода франков. Настроение в армии у франков к тому времени было таково, что многие во главе с епископом Лангрским, кузеном Св. Бернарда, советовали королю напасть на город. Только влияние епископа Лизье, широко образованного и довольно светского ученого-гуманиста, предотвратило такой оборот⁴. Германцы, вежливо отклонившие добрый совет Мануила, углубились в центр Анатолии и около Дорилеи были остановлены турками. Те, кто остался в живых, присоединились к франкам, за исключением нескольких пилигримов, направлявшихся своим путем, против чего их предупреждали греки; на пути они перенесли тяжелые испытания. Франки же с остатками германцев по совету Мануила двинулись вдоль побережья, но дошли лишь до Эфеса, где заболевший Конрад покинул свою армию, вернулся в Константинополь и продолжал путь в Палестину по морю. В Эфесе короля Людовика настигло письмо Мануила, предупреждавшего его о том, что турки выступили в военный поход, и умолявшего не выходить за пределы византийских пограничных укреплений. Тот, однако, настойчиво продолжал путь по территории, контролируемой турками, где он обнаружил, что христианское население больше расположено к туркам, чем к франкам. После изнурительного марша крестовосцы достигли порта Атталии. И хотя зима была уже в середине, они пришли в неописуемый гнев, когда узнали, что местный правитель, латинянин по происхождению, Ландольф, не может предоставить им немедленно достаточно кораблей для переправы по морю. Те немногие корабли, которые нашлись, были захвачены для короля Людовика, его свиты и старших офицеров. Рядовые же, лишившись своих предводителей, отказались оставаться в лагере, предоставленном Ландольфом, и даже отвергли его проводников, и пустились в трудный путь в Сирию по суше⁵. Немногие добрались до цели. Ничего не добились крестовосцы и в самой Палестине, и эта последняя неудача прибавила горечи общему их настроению.

Король Конрад посетил Константинополь вновь по пути домой и был очарован оказанным ему приемом. Тогда же был подписан союзный договор, а его сводный брат Генрих Австрийский женился на племяннице императора. Греки считали этот брак мезальянсом, и мать невесты получила многочисленные соболезнования, одно из них — от придворного поэта,

назвавшего жениха «диким зверем Запада»⁶. Да и германцы не разделяли восторженного отношения своего монарха к грекам. Племянник короля Фридрих так никогда и не простил грекам ни их враждебности, ни их «вероломства». Также и франки со своим королем стали откровенно враждебны. Людовик отплыл из Палестины с сицилийским отрядом. Византия в это время все еще находилась в состоянии войны с Сицилией, так что греческий флот напал на этот отряд и захватил некоторые корабли, включая корабль с багажом Людовика, и лишь по прошествии нескольких месяцев он смог получить назад свое добро. Это была последняя капля⁷. По прибытии домой франки возложили вину за все свои неудачи исключительно на греков. Это мнение распространилось столь успешно, что получило поддержку даже Св. Бернарда. Бернارد не мог поверить, что дело, на которое он воодушевил своих соотечественников, потерпело бы поражение, если бы не вмешались враждебные силы, так что, когда Людовик объявил злодеями греков, он охотно согласился, как и Сугерий из Сан-Дени и Петр Почтенный из Клуни, который за 25 лет до того писал самые дружеские письма византийскому императору и патриарху. Папский легат в Германии кардинал Тейдвин присоединился к ним и начал искать вдохновителей нового крестового похода — теперь против Константинополя. Впрочем, папа Евгений III оказался умнее и не поддерживал этих усилий, как и король Конрад, не желавший иметь ничего общего с таким движением. И если бы люди такого масштаба, как Св. Бернارد и Петр Почтенный, стали обдумывать последствия Священной войны с Византией, то, несомненно, поняли, что это было бы губительно для будущего церковного мира⁸.

Вся история Второго крестового похода представляет собой важный и злополучный поворотный момент в отношениях христианских народов Востока и Запада. Снова на Западе стали думать, будто византийцы неверны Святому делу и вероломны. Здесь были возмущены поведением гордого и могущественного императора и считали, что он мало способствует делу продвижения христианства, понимая под этим собственное движение: он поддерживает связи с неверными; он отнесся недружелюбно к христианским князьям в Антиохии; он позволил своему народу выставить крестоносцев в неприглядном виде как неорганизованных и неумных воинов. На Западе стали приходить в ужас при мысли, что драгоценные реликвии христианства остаются в Константинополе в руках нехристианских владык. Именно после Второго крестового похода западный обыватель перестал думать о восточных христианах как о своих братьях. Византийцы же во время этого похода убедились, что люди с Запада еще более грубы, неуправляемы и ненадежны, чем им казалось прежде. Могли ли они отдать свою великую и святую Церковь под власть епископа, происходящего из такого народа? Больше чем когда бы то ни было притязания Рима казались нелепыми и надменными.

Замечательно, что франкские колонисты, осевшие на Востоке,

не так враждебно относились к византийцам, как их родственники в Западной Европе. Князья и знать из Утремера часто посещали Константинополь и завели там множество друзей. Знаменитый историк Вильям Тирский, хотя и отзывается по временам неодобительно об акциях Византии, однако в целом не высказывает особого предубеждения против византийцев, а политикой императора Мануила даже восторгается⁹. Покуда Мануил был жив, между Константинопольским и Иерусалимским дворами поддерживались хорошие отношения, причем даже неудача совместной франко-византийской экспедиции в Египет в 1169 г. не повредила этому союзу.

Смерть Мануила в 1180 г. стала вторым поворотным пунктом к ухудшению отношений, поскольку латиняне были уверены в постоянной личной дружбе Мануила, хотя сама его политика им не всегда нравилась. Он щедро тратился в их интересах, часто лично выплачивая выкуп за рыцарей-крестоносцев, захваченных сарацинами. Латинская церковь, осуждая вмешательство в Антиохию, в целом не сомневалась в его искреннем желании взаимопонимания. Силой своей личности Мануил твердо правил собственным народом. Однако он не был хорошим императором. Его преувеличенные амбиции привели к напрасной трате ресурсов империи, причем сам он отказывался признавать экономический упадок. В 1176 г. по собственной глупости он привел великую армию империи к тяжелейшему поражению от турок при Мириокефалоне; с тех пор военная мощь Византии так и не восстановилась. Его пристрастие к латинянам не вызывало сочувствия ни в Константинополе, ни в провинциях: казалось, все важнейшие посты в армии и администрации переходят в руки франков. По его протекции и посредством собственного политического шантажа итальянские города постепенно прибирали к рукам торговлю в Византии; процветание и заносчивость этих купцов возмущали греков, благосостояние которых в то же время падало. С уходом же замечательной личности императора потаенные чувства греков начали находить выражение¹⁰.

Мануил был женат дважды: его первая жена, немецкая принцесса, умерла, оставив ему дочь, кесариссу Марию Порфирородную, которая в свою очередь вышла замуж за итальянского князя Райнира из Монферата. Вторая жена, латинская принцесса Мария Антиохийская, родила ему сына, Алексея II, по смерти отца наследовавшего трон в возрасте двенадцати лет при регентше вдовствующей императрице Марии. Даже греки восхищались красотой и очарованием Марии, неудивительно, что все кавалеры при дворе искали ее расположения. К несчастью, она выбрала своим наставником и возлюбленным самого жалкого из кузенов покойного мужа — протосевастора Алексея Комнина. Он был особенно непопулярен в Константинополе, а теперь успех у императрицы прибавил ему врагов. Естественно, что Мария была склонна опираться на латинских друзей Мануила. Также и непопулярность ее возлюбленного у соотечественников побудила его

искать себе друзей среди латинян. Раздраженным византийцам казалось, что все правительство перешло в руки латинян, так что соперники императрицы без труда могли восстановить население против союзников своих хозяев. На деле же лидеры оппозиции сами были по преимуществу латинянами. Во главе оппозиции стояли сводная сестра юного императора — кесарисса и ее итальянский муж. Прошло едва более года, и кесарисса в расчете на антилатинские настроения в столице составила заговор с целью свергнуть правительство «иностранки», как называли греки императрицу-регентшу. Вскоре тайна этого заговора была раскрыта, а главные заговорщики укрылись в храме Св. Софии, зная о симпатии к ним патриарха и духовенства. Императрица и протосевастор отправили отряд латинских солдат, чтобы арестовать их, однако не смогли пробить себе дорогу в храм. Под давлением общественного мнения правительство было вынуждено отпустить на свободу кесариссу и ее мужа. Затем императрица попыталась сместить патриарха Феодосия и заключить его в монастырь, однако он был народом с триумфом принесен оттуда. Лишь посредством своих латинских войск императрица могла еще поддерживать порядок в городе. Тогда она обратилась за помощью к своему свояку королю Венгрии¹¹.

За все возрастающими трудностями правления императрицы-регентши с интересом следил ее родственник Андроник Комнин, человек, прославивший себя в юности романтическими и беззаботными любовными похождениями, но теперь живший в ссылке и забвении в Анатолии. Он засылает целую вереницу своих агентов в Константинополь, с тем чтобы возбуждать антилатинские настроения и распространять слухи, будто он один может спасти империю от западников. Весной 1182 г. он выступает маршем через всю Анатолию, причем в ряды его сторонников обильно вливаются недовольные греки, и в мае становится лагерь в Халкидоне, на Азиатском побережье против столицы. Как только стало известно о его прибытии, взбунтовался весь Константинополь, и в латинских кварталах началась безобразная бойня франков и итальянцев, прекратившаяся только тогда, когда Андроник неспешно вошел в город и захватил власть¹².

Резня латинян, которую затем устроили греки в Константинополе, никогда не забывалась на Западе, хотя, возможно, ее ужасы были несколько преувеличены хрониками. Единственное подробное и современное описание этого события находим у Вильяма Тирского, писавшего издалека; причем рассказ сохранился в деталях и после его путешествия в Палестину. Греческие историки упоминают об этом событии лишь мимоходом, хотя дружно его осуждают. В венецианских источниках вовсе не находим ничего; только находим упоминание в генуэзских и пизанских источниках, между тем как пизанцы пострадали, кажется, больше всех. В действительности же, единственное свидетельство серьезного отношения итальянцев к происшедшей резне состоит в размере потребованной ими компенсации. Из папских булл

только одна мимоходом отмечает «преследование» латинян. Таким образом, не следует, по-видимому, верить каждому слову повествования Вильяма, оставившего нам страшную картину разъяренной толпы, которая врывается в больницы, убивая несчастных прямо в кроватях и не щадя ни женщин, ни детей. Впрочем, при всех скидках на преувеличение следует признать, что многие в то время расстались с жизнью, включая папского легата и капеллана пизанской колонии, а имущество, в том числе и церковное, было разграблено в громадных размерах. Но ни по своим размерам, ни по жестокости описываемое разграбление и резня не могли сравниться с тем, что устроили крестоносцы, когда взяли у мусульман Иерусалим. Еще более жестоким было разграбление христианского острова Кипр Рейнольдом Шателонским. Важно то, что греческая резня была более неожиданной, поскольку она не явилась следствием военной победы или кампанией ради захвата добычи: это было спонтанное и широкое движение населения в самой столице восточного христианства против официально мирных колонистов того же города, пострадавших лишь по той причине, что они принадлежали к латинскому народу. У Запада теперь появились веские основания призывать к Священной войне против Византии. Теперь уже забылось, что такие призывы в прошлом провоцировали восстания как реакцию гордого и гневного народа против правительства, находившегося, казалось, в руках враждебных союзников¹³.

Около пятидесяти латинских кораблей, стоявших в Константинопольском порту, сумели уплыть, нагруженные беженцами, солдатами и купцами, причем отплывшие немедленно взяли реванш, устроив набег на острова Мраморного моря и города Фракийского побережья. Тем временем Андроник Комнин восстановил в столице порядок. Императрица-регентша была заключена в темницу, а ее юный сын вскоре был принужден подписать ей смертный приговор. В то же время был казнен и ее возлюбленный, протосевастор. Затем за ним последовали кесарисса Мария с супругом. Андроник стал последовательно регентом и императором-соправителем, а год спустя он приказал умертвить своего юного племянника и единолично воцарился на троне. Зловещая череда смертей отвратила от него многих его сторонников. Патриарх Феодосий угрожал ему отлучением. Но среди населения Андроник все еще был популярен. С легкостью был сведен с престола патриарх, и на его место взшел малозаметный клирик Василий, всецело послушный своему хозяину¹⁴.

В новом императоре мы находим странное сочетание бесстыдных и неоправданных притязаний с высокими политическими идеалами. Им были предприняты чрезвычайные меры, для того чтобы очистить администрацию от коррумпированных и бездействующих чиновников. Сборщики податей при нем были честными людьми, причем его чиновники защищали бедных от эксплуатации. При Андронике крестьяне в провинциях получили хоть и на короткое время защиту и процветание. Однако он

никогда не чувствовал себя в безопасности в Константинополе, где из-за его жестокости и грубой тирании росло число его врагов. Он захватил трон в борьбе против латинян, но, уже ставши императором, почел за лучшее переменить политику. Латинские церкви были вновь отстроены и открыты, а латинских купцов вернули в город. Венецианские колонии продолжали свое существование почти непрерывно, а в провинциальных городах, таких, как Фессалоники, итальянцев вообще не потревожили. Генуя и Пиза между тем потребовали возмещения своих потерь, и, в то время как, с одной стороны, они слали императору требования компенсации за свои потери в Константинополе, с другой стороны, они возбуждали власти Западной Европы против него. Политика умиротворения мало ему помогла. Папы прервали отношения с Константинополем. Император Фридрих Барбаросса, веривший в то, что христиане должны иметь одного императора, и именно его самого, и одну Церковь, управляемую слугой императора, папой, нетерпеливо побуждал к походу на Византию. В то же время его итальянская политика, хотя и увенчалась успехом — заключением мира при Констанце, — в целом вела к быстрому ухудшению отношений с папой, так что ни один из них не решался начать действия на Востоке. На Дунайской границе предпринял демонстративные действия король Венгрии. Единственный правитель, готовый открыть кампанию против Андроника, был Вильям II Сицилийский. Один из принцев в семье Комнинов, носивший подобно многим своим братьям имя Алексея, бежал ко двору сицилийского короля и торопил его выступить против императора. Вскоре за ним последовал юноша, выдававший себя за императора Алексея, убитого Андроником. Прикрываясь притязаниями этого самозванца, Вильям посылает войска на восток весной 1185 г. В августе его военачальники неожиданно атаковали Фессалоники и после недолгой осады, во время которой им помогали итальянские купцы, жившие там, взяли город. Утвердившись в Фессалониках, норманно-сицилийская армия готовилась к маршу на Константинополь¹⁵.

В Константинополе популярность императора угасала, он же в свою очередь нервничал, становился подозрительным и производил аресты и казни с такой исключительной жестокостью, что вызвал взрыв общественного негодования. К неудовольствию греков, итальянские купцы получали от него все большее покровительство, так что известия о падении Фессалоники и продвижении врага на столицу ускорили падение Андроника. В сентябре он попытался взять под стражу благородного и немолодого Исаака Ангела, своего кузена. Исаак успел укрыться в храме Св. Софии, когда же императорская стража попыталась преследовать его и там, жители столицы взбунтовались и штурмовали дворец. Андроник был схвачен и умер в жестоких пытках, в то же время Исаак Ангел неожиданно для него был возведен на трон¹⁶.

Правление Исаака начинается блестящей военной победой. Его генерал Бранас наголову разбил норманнов и вернул Фес-

салоники, однако победа целиком приписывалась императору. Тот сразу же начал переговоры с Западом, и в обмен на обещание новых торговых привилегий венецианцы стали его союзниками в борьбе с норманнами. Генуэзцы и пизанцы после долгих переговоров получили компенсацию за свои потери в 1182 г.¹⁷. Установились контакты с Римом и возобновились разговоры о воссоединении церквей¹⁸. Однако попыткам Исаака подружиться с Западом мешала восточная политика: для приобретения поддержки против турок он искал союза с Саладином — главным врагом крестоносцев; и снова франки увидели в этом союзе очередной пример византийского вероломства. Когда в 1187 г. Саладин вернул себе Иерусалим, Исааку сразу же было предложено возвести на престол греческого патриарха в Святом Граде¹⁹. Трудно винить здесь императора, поскольку его священным долгом было наблюдать, чтобы на землях, завоеванных мусульманами, христиане не были оставлены без церкви. Поскольку же все это возмущало латинян, то в конце концов Исааку пришлось иметь дело с армией под руководством Фридриха Барбароссы, шествовавшей через его владения в 1189 г. Фридрих давно ненавидел Византию и открыто призывал к штурму ее столицы. Он вел теперь гораздо более дисциплинированную армию, чем прежние армии крестоносцев, и ее набеги, хотя и более редкие, чем прежде, были гораздо страшнее. Исаак попробовал оказать давление на Фридриха, задержав его послов как заложников, но результат оказался противоположным. Если бы Фридрих не торопился дальше в Палестину как можно скорее, могло бы произойти серьезное столкновение. Исаак извинился, а германцы согласились проследовать в Азию через Дарданеллы, так что Константинополь избежал от их посещения²⁰.

Внутренняя политика императора Исаака была неудачной. Чрезмерные и несправедливые налоги спровоцировали восстание в Сербии и Болгарии, которые не удалось подавить, и вскоре весь внутренний Балканский полуостров был утрачен. Кузен императора Исаак Дука Комнин, правитель Кипра, провозгласил себя независимым императором и отражал попытки центрального правительства вернуть его в свое подчинение. Тем временем турки расширяли свои территории в Анатолии за счет империи²¹.

Два года спустя, после того как Фридрих Барбаросса пересек Византию, отношения между восточными и западными христианами испортились в результате захвата Кипра Ричардом Английским. В то время Исаак Ангел, возможно, и не опечалился из-за устранения ненавистного ему Исаака Комнина²².

Однако установление латинской государственности на Кипре означает подчинение здесь греческого духовенства латинским пришельцам. На Кипре обстоятельства отличались от ситуации в Палестине столетием раньше, когда греческие епископы отпраздновали в ссылке и их престолы были фактически вакантными и где туземное христианское население не было греческим. На Кипре греческий епископат был отстранен и получил приказание

подчиниться вместе со своими приходами чужакам. История борьбы церквей на Кипре лежит за пределами нашего обзора, однако отметим, что это был постоянный источник неудовольствия и обид. Около 1230 г. 13 греческих священников даже были приговорены к смерти за отказ подчиниться Риму. В следующем веке греки-киприоты были принуждены принять статус униатской церкви, хотя такое решение они всегда отвергали. Как скоро в XVI в. турецкое завоевание покончило с латинскими хозяевами Кипра, причины подчинения Риму были устранены²³.

В самой Византии Исаак Ангел попытался укрепить свои позиции, строго контролируя церковных иерархов. Он назначал ничтожных людей на патриарший престол и запрещал им все, что могло бы привести к открытому разрыву с Римом. Латинским церквям по всей империи он разрешил собственное служение и даже поощрял это. Сам он женился на латинянке Маргарите Венгерской²⁴. Однако Византийская церковь не обеднела выдающимися и деятельными пресвитерами. Споры по поводу еucharистических отступлений вызвали к жизни массу богословских писаний, причем самого высокого уровня. Евстафий, архиепископ Фессалоникийский, умерший около 1195 г., был одним из учеников и свободомыслящих мужей своего времени. Его ученик Михаил Акоминат Хониат, брат историка Никиты и сам архиепископ Афинский с 1175 по 1205 г., был человеком высочайшей культуры, причем он практически единственный из византийских писателей употреблял простой и чистый литературный стиль²⁵. Такие люди не могли подчиниться западным угнетателям. Сам Евстафий был свидетелем норманнского погрома в Фессалониках в 1185 г. Михаила изгнали латиняне в 1205 г. Для дела церковного воссоединения было фатальным то, что в Византийской церкви появился один из немногочисленных великих правоведов — Феодор Вальсамон. Вальсамон издал компендиум по каноническому праву и еще при жизни стал тем непререкаемым авторитетом, к которому обращались по вопросам права вообще все в православном мире. Он был назначен патриархом Антиохийским, однако действительными хозяевами в этом патриархате были латиняне, так что его титул был только номинальным. Мы видим, что у него была и личная неприязнь к латинянам.

Если бы мы задались целью найти «отрицательного героя» схизмы со стороны православных, то скорее Вальсамон был бы первым претендентом скорее, чем Фотий или Керуларий. До тех пор главным достоинством православия в споре с Западом было учение об *икономии*, добродетели милосердия, которая позволяла не замечать и даже прощать некоторые отклонения в интересах мира и добросердечия. Но Вальсамон был правоведом, а правоведы любят расчленять и выхолащивать рассматриваемые дела. Милосердие им мало свойственно.

Основные взгляды Вальсамона на отношения Церкви и Государства были в корне противоположны тем, которых придерживались в Риме. Он воскресил довольно неясное утверждение,

найденное в старинных кодексах права Византии, согласно которому император и патриарх являются двумя важнейшими источниками власти в империи и их согласие между собой — главный принцип. Впрочем, императора он ставил выше, как имеющего дело с материальными и духовными делами, в то время как патриарх занят исключительно духовными. Император, по его мнению, не подчиняется ни законам, ни канонам, он подчиняется лишь учению христианской веры, веры семи Вселенских соборов. Из этого следует, что император выше папы и что при всей своей власти он не должен отдавать Византийскую церковь Риму. Буде же он сделал это, он бы пренебрег постановлениями семи Вселенских соборов, которые, как верили византийцы, установили пентархию патриархов и утвердили Боговдохновенный Символ веры, к которому Рим незаконно добавил слово²⁶.

Относительно Латинской церкви Вальсамон придерживался ясных и бескомпромиссных взглядов: когда патриарх Марк Александрийский просит разрешить его сомнения, должен ли он причащать латинян, в ответе Вальсамона не было никаких колебаний. «Уже много лет, — писал он, — как Западная церковь прекратила духовное общение с четырьмя другими патриархатами и стала чуждой Православию... поэтому папа не поминается в диптихах. Так что не следует общаться ни с одним латинянином, если он прежде не отречется от учения и обычаев, которые разделяют его с нами, и не станет подчиняться канонам Церкви вместе с православными». Впрочем, перекрещивать латинян не требуется: они не таковы, как еретики яковиты и несториане. Однако для него, без сомнения, разделение Церквей уже совершилось, причем он полагает, что это случилось, когда имя папы было вычеркнуто из диптихов. Впрочем, он не говорит, находятся ли Церкви в схизме с 1009 г., а также не упоминает о синоде 1089 г., который постановил, что имя папы было вычеркнуто по небрежности. По его мнению, Рим уклонился от правой веры, и нельзя пребывать в общении с римскими епископами²⁷.

Высокая репутация Вальсамона придала его взглядам авторитетности, их стали разделять многие византийцы; причем с течением времени и последующим развитием событий его влияние росло, так что наконец всеми признавалось, что в его время Церкви уже находились в схизме. На деле же некоторые современники не принимали его точки зрения. Спустя двадцать лет Димитрий Хоматиан писал, что многие находят в его взглядах излишнюю суровость и категоричность и не считают правильным исключать из общения латинян на основании принятых у них обычаев. Ведь ничто в их практике не было подвергнуто синодальному осуждению, и никогда латиняне не признавались еретиками. Напротив, для них было естественно участвовать в православном богослужении и молиться с православными²⁸. Следовательно, можно сказать, что большие группы византийского населения признавали полноту общения восточных и западных конгрегаций, несмотря на разногласия между иерархами.

Что касается латинян, то к концу столетия среди них бытовало отношение к грекам как к схизматикам. Правоведам Рима отказ православных признать превосходство Рима представлялся декларацией схизмы. Общество больше не считало Константинополь Святым Градом, как это было во времена Первого крестового похода. Когда после Четвертого крестового похода граждане Анжера получили священные предметы, похищенные в Византии, они приветствовали их прибытие гимном с такими словами: «Constantinopolitana Civitas diu profana...» («Град Константинополь, Так долго бывший безбожным...»²⁹).

Впрочем, как и греки, они не могли сказать, давно ли установилась безбожная схизма. В то же время Виллехардуин в своем описании Четвертого крестового похода считает греков братьями во Христе. «Вы — христиане, и мы — христиане», — говорит император Алексей III крестоносцам, а те не возражают³⁰. Вся экспедиция планировалась не как *contra schismaticos*, но как обоснованная попытка посадить на византийский трон законного претендента. Однако, когда крестоносцы изложили свои претензии императору, важнейшим оказалось подчинение Римской империи Риму, «от которого она в прошлом отделилась»³¹. Казалось, что со стороны Запада выставляется только одно требование — подчинение восточных церквей папе.

Между тем дворы Рима и Константинополя продолжали поддерживать связи. В результате дворцового переворота был смещен император Исаак Ангел; его ослепили и заключили в тюрьму, а трон занял его брат Алексей. Падению Исаака способствовала прежде всего компенсация, которую он дал итальянцам в возмещение потерь 1182 г. — слишком большая щедрость на византийский вкус³². Таким образом, уже начало правления Алексея Ангела ознаменовалось борьбой с латинянами. Вскоре, однако, ему пришлось начать переговоры с папой. Западный император Генрих VI, сын Барбароссы, захватил наследственные владения его жены на Сицилии в 1194 г. Желание покорить Византию можно считать у него унаследованным от собственного отца и от норманнских предков жены. Безграничные амбиции Генриха равно возмущали и папу, который не мог допустить расширения его власти. Общность интересов способствовала сближению императора Алексея и папы Целестина III; и хотя не было заключено формального союза между ними, возможно, что их совместные действия ограничивали до некоторой степени планы Генриха³³. Обстановка разрядилась только в 1197 г. после неожиданной смерти Генриха, впрочем, наследник Генриха, его брат Филлип Швабский, хотя и не обладал такой же силой, но обнаружил вскоре почти те же амбиции; причем у него была личная вражда к Алексею, поскольку он был женат на дочери свергнутого императора Исаака. Когда в 1198 г. Целестин сменил Иннокентий III, Алексей прислал поздравления новому папе, предлагая также и политический союз³⁴.

Позиции Иннокентия были посильнее, чем Целестина: он был воспитателем младшего сына Генриха Фридриха Сицилийского, так что он возглавил оппозицию Филиппу Швабскому в Германии, и, приветствуя дружественные предложения императора, он, однако, заметил в ответ, что было бы довольно трудно ему вступить в союз с правителем, принадлежащим Церкви, которая не признает превосходство Святейшего папского престола. Папские послы разъяснили затем императору, что его первейшей задачей является дело возвращения дочерней церкви Константинополя под руку матери-церкви Рима, причем от императора ждали также обещания принять участие в крестовом походе против неверных³⁵. Алексей отвечал осторожно, что с радостью поддержит крестовый поход и готов отдать за него жизнь; однако и ему трудно быть союзником латинян на Востоке, противозаконно похитивших его остров Кипр. Что же касается воссоединения Церквей, то его легко достигнуть, стоит лишь подчинить «волю людей Божественной воле», т. е. следует созвать Вселенский собор, которому поможет Сам Дух Святой. И Церковь Константинополя с радостью пошлет представителей на такой собор. Патриарх Иоанн Каматир также ответил папе; он только что был возведен на престол в Константинополе благодаря влиянию своей кузины императрицы Ефросиньи, причем новый патриарх был гораздо более сильной и заметной личностью, чем его непосредственный предшественник. Иоанн выразил удивление в связи с претензией Рима на роль матери-церкви христианства. Если бы мы захотели присвоить какой-то церкви этот титул, замечает патриарх, это была бы церковь Иерусалима, ведь Сам Господь Иисус Христос основал Ее. Не кто иной, как Рим, добавляет он, раздирает ризы Христа, поскольку, подписавшись под деяниями Никейского собора, теперь изменяет Никейский Символ веры³⁶.

Выдержанный ответ Иннокентия показывает, что он все еще искал дружбы: пространно объясняет он патриарху, что Рим является матерью-церковью не по возрасту, но благодаря своему достоинству — такой аргумент мог принести мало пользы в Константинополе, где собственный град почитался достойнейшим Рима. Императору папа ответил, что приветствует идею нового собора и подумывал сам об этом. Однако прежде созыва собора Константинополю следует признать превосходство Рима³⁷. При таких обстоятельствах переговоры зашли в тупик, хотя папа и император продолжали обмен церемониальными посланиями. Ни один не хотел отбросить окончательно идею союза, поскольку оба тревожились относительно возможных планов Филиппа Швабского. У Иннокентия тем не менее больше не было надежды на действительную помощь византийцев крестоносцам.

Крестовый поход оставался главной целью, превосходящей по своему значению даже задачу объединения Церквей. Однако в результате величайших усилий по его осуществлению воссоединение Церквей сделалось совершенно невозможным.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Критическим для отношений Церквей Рима и Константинополя стало движение, известное в истории как Четвертый крестовый поход. С момента своей интронизации папа Иннокентий III страстно желал начать новый крестовый поход. Он призвал таких подвижников, как Фульк и Мартин, к делу проповеди нового похода по стране. Осенью 1199 г. его надежды, казалось, вот-вот исполнятся. В сентябре этого года граф Тибальт Шампаньский пригласил своих друзей на турнир в Экри-сюр-Ион. Среди них неожиданно появился Фульк из Нейли и говорил с ними так горячо, что все они немедленно взяли Крест. Их примеру последовали рыцари повсюду в северной Франции, Лотарингии и Германии¹. Папа пришел в восторг, однако два новых обстоятельства вывели все движение из-под его контроля. Тибальт Шампаньский, возглавивший этот крестовый поход, весной 1201 г. умер до того еще, как крестоносцы приготовились выступить. На его место по предложению французского короля был избран маркиз Бонифаций Монферратский. Такое назначение казалось весьма подходящим, поскольку Бонифаций состоял в родстве и с французским, и с германским царствующими домами. У него были немалые связи с Востоком, где умер его отец и выслужились братья, да и сам он был опытным и отважным воином. Но он состоял в близкой дружбе с врагом папы — Филиппом Швабским². Во-вторых, нуждаясь в кораблях, они решили нанять их у венецианцев. Условия Венеции оказались такими тяжелыми, что вскоре по прибытии туда крестоносцы, будучи в большом долгу перед хозяевами, вынуждены были предложить республике свою помощь в проведении сугубо местной кампании, в результате которой они вернули город Зару, недавно аннексированный венгерским королем. Венгерский король был добрым католиком, и известие о нападении крестоносцев на христианский город привело папу в ужас. Его протесты, однако, были оставлены без внимания, и в ноябре 1202 г. крестоносцы вместе с венецианцами осадили и захватили Зару³.

Когда по возвращении они праздновали победу, отлученные папой, который, впрочем, вскоре простил крестоносцев, но не венецианцев, к ним присоединился юный византийский принц Алексей, сын свергнутого императора Исаака Ангела. Он только что бежал из заключения, где его держал Алексей III, его дядя,

и бежал ко двору своей тетки — жены Филиппа Швабского. Филипп заинтересовался делами свояка и вместе с Бонифацием Монферратским решил воспользоваться крестовым походом, чтобы посадить юношу на византийский трон. Бонифаций обратился к венецианскому дожу Андреа Дондоло, много лет назад потерявшему зрение в уличной драке в Константинополе и с тех пор ненавидевшему византийцев. Юный Алексей пообещал сразу же по своем восшествии на престол помочь крестоносцам крупными суммами денег и войском, а также предоставить торговые концессии и ссуды венецианцам. С папой не советовались, и, когда до него дошли известия об этих планах, он был очень недоволен: молодой Алексей, по слухам, не внушал доверия, а папа хотел, чтобы крестоносцы как можно скорее отправлялись в Святую Землю. Однако он был не в силах предотвратить это отступление от намеченной цели, хотя многие крестоносцы, придерживаясь того же мнения, покинули основные силы и отправились прямо в Палестину. Большинство же рыцарей и простых воинов были воодушевлены перспективой византийской помощи и личной пожизны⁴. В апреле 1203 г. крестоносцы отплыли с Алексеем из Зары и достигли порта Константинополя 24 июня. Дядя, император Алексей III, не был готов отразить вторжение, отчасти потому что у него была неверная информация, отчасти же потому что не доверял ни армии, ни подданным. Но и надежды крестоносцев, что претендент сразу же будет принят византийцами как их законный властелин, не оправдались. Совершенно неожиданно у правящего императора оказалась надежная поддержка, так что франкам и венецианцам пришлось атаковать городские укрепления, причем византийцы их отчаянно защищали. Это не было борьбой латинян с греками: местные генуэзцы и пизанцы не без оснований подозревали венецианцев, оборону же византийцев возглавили отряды императорской гвардии, варяги, набранные в это время из англичан и датчан. 17 июля венецианцы пробили брешь в стене; император Алексей III бежал из города, памятуя, как удачно бежал царь Давид от Авессалом. Византийцы поторопились доставить из его вынужденного изгнания слепого экс-императора Исаака, отца претендента. Этот изобретательный ход вынудил Алексея снять осаду союзников. Крестоносцы и венецианцы согласились заключить перемирие при условии совместного правления императора и его отца и выполнения ими данных раньше обещаний. Ему вменялось также принудить духовенство признать превосходство Рима⁵.

Новый император Алексей IV оказался не в состоянии выполнять эти условия: казну он нашел гораздо более пустой, чем думал, так что он не смог дать своим союзникам ту денежную помощь, которую они требовали. Византийское духовенство же прямо отказалось поддерживать его пророманскую политику. В городе росло беспокойство, а крестоносцы в это время с нетерпением ждали вознаграждения. Наконец Дандоло решился поставить вопрос ребром, выдвинувши (ко всему) венецианские притя-

зания. В январе 1204 г., когда его новые требования стали известны, в городе поднялось возмущение, которое Алексею едва-едва удалось успокоить. В феврале франки и венецианцы посылают во дворец делегацию, настоятельно требующую немедленных обещанных выплат. Алексей признался в своей несостоятельности, причем разгневанная толпа едва не разорвала послов на куски, а затем устремилась в храм Св. Софии, где Алексей был провозглашен низвергнутым. Предводители этой толпы предложили затем трон престарелому и родовитому Николаю Канабу, который в это время молился в храме. Он в ужасе отказался от такой чести, и толпа, теперь под водительством зятя Алексея III, Алексея Мурчуфла, снова ринулась во дворец. Алексей IV был схвачен, брошен в темницу и затем задушен. Его отец, старый император Исаак, проводивший последние месяцы запершись с астрологами, не получая, впрочем, никакого утешения от их предсказаний, был снова заточен и умер спустя несколько дней от горя не без помощи, однако, и плохого обращения. Тем временем Алексей Мурчуфл вззошел на трон и стал Алексеем V⁶.

Крестоносцам был брошен прямой вызов. Теперь дож призвал разрушить Византию и заменить ее Латинской империей; крестоносцы были с ним согласны. В течение целого месяца марта в лагере обсуждали будущее устройство новой империи. Порешили избрать императора шестью выборщиками от крестоносцев и шестью — от венецианцев, причем в случае успеха императору отойдет императорский дворец и четверть остального города и империи. Остаток будет разделен надвое между крестоносцами-предводителями, которые будут владеть новыми землями как феодальными поместьями императора, и между венецианцами, совершенно суверенными в своих правах. Такое устройство провозглашалось договором «во славу Божию, папы и империи». С папой никто не советовался⁷.

Вторая атака крестоносцев на Константинополь началась 6 апреля 1204 г. У императора Алексея Мурчуфла не доставало денег и людей. Он не мог даже выдать жалованье варягам, которые начали дезертировать. Однако и в этих условиях первый штурм был отражен, но 12 апреля венецианцы прорвались там, где земляные стены спускались к Золотому Рогу. Защитники, впрочем, удерживали еще внутренние ограждения, но за их спиной вспыхнул пожар; тогда они были принуждены отступить, и оборона пала. Мурчуфл бежал из города во Фракию, где присоединился к своему тестю. Другой зять Алексея III, Феодор Ласкарь, попытался собрать силы городского гарнизона и побудить варягов продолжать бой, однако самый дух защитников был сломлен, и, покуда враг ворвался в город, Ласкарь и патриарх бежали морем в Азию.

Битва на городских улицах вскоре утихла. Уже к утру дож и виднейшие рыцари-крестоносцы заняли дворец, солдатам же город был отдан на три дня на разграбление. Погром, учиненный крестоносцами в Константинополе, — одна из отвратительных

и трагических страниц истории. Византийцы не без основания гордились своей высокой культурой и ученостью. Теперь они увидели свои библиотеки в огне, и там гибли древние манускрипты, а также величайшие произведения искусств прошлого и настоящего. Еще более бесчеловечным кошмаром стала расправа с мужчинами, женщинами, детьми, священниками, монахами и монахинями. Богобоязненный Восток содрогнулся в особенности при виде святотатства, учиненного в христианских церквях. Скверные французские девки веселились в алтаре храма Св. Софии. Одна из них уселась на патриаршее место, причем французские солдаты, издеваясь, воздавали ей почести, перемежая это развлечение разрушением великолепного серебряного иконостаса и алтаря, а также срывая шелковые церковные завесы. Они не пощадили ни одного храма. Так, богобоязненный аббат Мартин из Парижа гордился позднее тем, что по тонкости своих чувств грабил только священные обители. Сколько было разрушено без всякой пользы, мы никогда не узнаем, а то, что уцелело, захватили победители. Венецианцы, более образованные и утонченные, чем франки, сумели захватить для себя самое ценное; впрочем, и после невиданного этого разрушения горы добычи были так велики, что крестоносцы не верили собственным глазам. Никогда, замечает Виллехардуин, ни в одном городе не бывало такой добычи. За это было заплачено вечной враждебностью греческих христиан⁸.

Восточные христиане никогда не забыли и не простили Четвертого крестового похода. С этого поворотного пункта определенно начинается схизма между греческой и латинской Церквями. В то же время трагедия падения Константинополя произвела такое разрушительное действие на самый дух византийского мира, что у папы неожиданно появились особые возможности найти в грехах союзников. Так что, будь папа Иннокентий III более гибким в своей политике, он смог бы подчинить Церковь Константинополя. Папа пребывал в трудном положении: он вовсе не одобрял того, что крестоносцы изменили свой маршрут; он воистину был потрясен тем, что воины, отправившиеся на Священную войну с неверными, обратили свое оружие против христианского народа, пусть даже этот народ не признавал превосходства папы. Однако он не мог упустить случая заложить основание Латинской империи, которая привела бы Византию вместе с ее Церковью в объятия Рима. Папа был удовлетворен тем, что победители избрали не его врага Бонифация Монферратского, но дружественного и благочестивого графа Болдуина Фландрского⁹. Хотя он и сожалел о поспешности избрания венецианца Морозини патриархом без его одобрения, тем не менее Морозини, будучи избран, оказался неизменно почитителен по отношению к Святейшему престолу¹⁰. Едва услышав о взятии города и воцарении латинского императора, он горячо поздравил письмом нового императора и восславил Бога¹¹. Однако по получении дальнейших сообщений его озабоченность росла. Осо-

бенное раздражение вызвали у него известия о том, что крестоносцы не намереваются идти сражаться дальше в Палестину, но собираются осесть на византийских землях и посвятить свою энергию и умение основанию там колоний. Его охватил нешуточный ужас затем, когда он услышал о подробностях погромов в Константинополе, кровопролитии и святотатстве. Именно у папы в его изложении полученных сообщений мы находим самую трагическую и суровую оценку этих ужасных дней¹². Его осмысление событий запоздало: на Востоке запомнили лишь первый восторг. Большинство православных не сомневалось, что папа приложил руку к этим делам¹³.

Иннокентий же в действительности понимал, что основание Латинской империи породит неразрешимые еkkлесиастические проблемы. При греческом населении Византии будут навязаны латинская светская аристократия и латинская церковная иерархия. Греческую церковь нельзя просто устранить или латинизировать; папа решил, что не следует трогать греческих иерархов, если только они признают превосходство Рима. Однако множество греческих епископов отказались признать латинскую власть и отправились в изгнание. Иннокентий умолял новую власть не спешить с назначением латинских епископов на пустующие кафедры, он стремился по возможности помочь грекам. Единственное его требование сводилось к подписанию каждым епископом декларации следующего содержания: «Отныне я обязуюсь быть верным и повиноваться Св. Петру, Святой Римской Церкви, апостольскому престолу и моему господину Иннокентию и его католическим преемникам. Я буду защищать, насколько хватит моих сил, от всякого Римского папу, его честь, достоинство и имущество. Я прибуду на собор, как только потребуется мое присутствие. Я нанесу визит *ad limina* (то есть ко двору папы) или лично, или через моего представителя. Наконец я с почетом приму легата Апостольского престола и во всем окажу ему помощь»¹⁴. Кроме того, каждый епископ должен внести имена папы и латинского патриарха Константинополя в диптих своей церкви¹⁵.

К сожалению, эта политика примирения была обречена на провал. Во-первых, крестоносцам не удалось завоевать всю Византию. Появилось три греческих государства-преемника: Феодора Ласкаря и его преемников в Никее, государство ветви Комнинов в Трапезунде и ветви Ангелов — в Эпире. Таким образом, у греков, отказавшихся признать латинское господство, оставалось несколько возможностей переселения, причем на новых местах они могли продолжить антилатинскую пропаганду. Многие известнейшие греческие епископы, включая таких уважаемых, как Михаил Акоминат из Афин, покинули свои епархии или под натиском латинян, или по своей воле, предпочитая бегство правлению латинян, причем большинство удалилось в Никею¹⁶. Во-вторых, у латинян не было ни малейшего желания примирения. Большинство рыцарей-победителей стремились воз-

наградить своих спутников да и себя самих и занимали синекуры и поместья, как светские, так и церковные; они не останавливались и перед захватом имущества греческих монастырей и епископств. Другие латиняне, как Бонифаций Монферратский, ставший королем Фессалоники, и его жена экс-императрица Маргарита, вдова Исаака Ангела, стали проводить иную линию: в надежде на поддержку населения, дабы обезопасить себя от народных возмущений, они охотно поддерживали греческое духовенство в борьбе с латинским вплоть до отказа от сотрудничества¹⁷. Наконец, была еще проблема патриархата. Греческий патриарх Иоанн Каматир прожил до 1206 г.¹⁸. Он не оставлял своего служения, так что избрание Морозини было совершенно неканоничным. Даже те греческие епископы, которые склонялись к компромиссу с Римом, не могли заставить себя признать самозванца. Однако папа не мог не признать Морозини; он, кажется, находил, что латинский патриарх необходим для соединения Церкви Константинополя с Римом, и в этом очень просчитался.

В 1206 г. Иннокентию представилась замечательная возможность: Иоанн Каматир скончался, и греки считали место патриарха свободным. Первый латинский император Балдуин, захваченный в плен, исчез в болгарском замке; новый же император, его брат Генрих, единственный государственный деятель, которого произвела Латинская империя, был тем человеком, которого равно почитали греки и латиняне. Греческие государства-наследники ссорились друг с другом, и ни одно, казалось, не выживет. Тогда греческие клирики, остававшиеся на территории новой Латинской империи, собрались вместе. Реально смотря на вещи, они понимали, что Византийская империя вряд ли возродится, и были готовы признать императором Генриха. Они были готовы признать даже превосходство Рима при условии, что им будет позволено придерживаться старых традиций. Папе послали письмо, в котором говорилось, что они признают папу как традиционного апостола и по предложению Генриха будут прибавлять к его имени традиционное императорское приветствие в конце литургии. Они даже провозгласили, что их страдания будут оправданы, если на них процветет действительный союз Церквей. Единственное, о чем они просили, чтобы патриархом был человек одного с ними языка, обычаев и традиций. В прошлом, как они говорили, у них было — впрочем, это не вполне точно — два патриарха и один король в Антиохии и Иерусалиме; так почему же не в Константинополе?¹⁹. Греки просили, так сказать, униатской церкви с собственной литургией, иерархией при верховном управлении из Рима. Подобный план папы пытались осуществить позднее, примерно через сорок лет после того, в Антиохии; Иннокентий же нашел его слишком смелым. В нем был неустрашимый изыск: при таком положении вещей греческая линия неизбежно и по праву считалась бы законной апостольской линией преемственности, а латиняне признавались бы захватчиками;

да и на деле это устройство недолго продержалось в Антиохии. Между тем, если бы Иннокентий прислушался к требованиям греков, он мог бы заполучить константинопольскую церковь себе в союзники. Византия была в полном упадке: значительный шаг к примирению со стороны Рима и появление папы — защитника греков против франков и венецианцев могли бы побудить народ Византии забыть свою былую гордую независимость, покоившуюся на величии самой Империи. В таком случае за Константинополем последовали бы и провинциальные церкви. Тогда бы греки разделились, а Латинская империя устояла.

Иннокентий же оставил это предложение без ответа, поскольку он еще не был готов пожертвовать хоть чем-нибудь из требований латинских патриархов. По недостатку сочувствия с его стороны дело примирения перешло в руки ожесточившихся изгнанников. Большинство епископов поспешили в Никею и там избрали патриарха, которого принял весь православный мир²⁰. Появление собственного патриарха влило новые силы в сопротивление захватчикам, и при его поддержке правитель Никеи Федор Ласкарь стал всеми признанным законным императором. Умеренные, однако, продолжали переговоры с папой и просили о созыве Вселенского собора. В ответ папа ставил условием такого созыва назначение представителей от Константинопольской церкви латинским патриархом, а не греческим в Никее. Папа не облегчил положения и светских дел, отказавшись присвоить Феодору Ласкарю иной титул, кроме «благородный господин»²¹.

Так не была использована последняя возможность. Общественное мнение греков никогда особенно не поддерживало политику компромисса. И греческие епископы вскоре оправались от недолгого отчаяния; с духовным подъемом возрастала вновь и их гордость за великие традиции православия, наследниками которых они себя почитали. Переговоры Рима и Византии прекратились не сразу: папа был слишком важной фигурой международной политики, чтобы какой-нибудь правитель, как бы он ни был схизматичен, отказался поддерживать с ним контакты. Зять и наследник Феодора Ласкаря Иоанн Ватацес постарался исправить нерасположение папы к Никейской империи и принудил для этой цели своего патриарха Германа II вступить в переписку с папой и условиться о прибытии к Никейскому двору папских представителей: двух францисканских и двух доминиканских монахов. Собор же, проведенный в Нимфеуме в 1234 г., окончился полной неудачей. Греки возлагали большие надежды на Вселенский собор и пригласили представителей восточных патриархатов. Присутствовал также Ефимий, сосланный греческий патриарх Антиохии. Однако папа Григорий IX не дал обсуждениям официального статуса. Оба — и император и папа — стремились пойти на некоторые уступки: Григорий, казалось, был готов признать греческого патриарха в Никее законным патриархом Константинополя. Ватацес склонял свое духовенство принять латинское понимание Евхаристии: т. е., признавая правильным употребле-

ние квасного хлеба, считать употребление латинянами опресннков наиболее символическим; он же требовал от латинян взамен этой уступки отказ от *Filioque*. Ни одна сторона не пошла бы на такие уступки, и папские делегаты настаивали, чтобы прежде всего греки подчинились Святейшему папскому престолу. Доброе согласие начала собора очень скоро испарилось. Наконец даже латинские монахи в гневе покинули зал дебатов, а греческие епископы в это время кричали им: «Вы — еретики. Мы признаем вас еретиками и прекращаем с вами молитвенное общение». На что те отвечали: «Вы — тоже еретики»²².

Теперь уже никто не мог отрицать наличия схизмы. Когда император Фридрих II послал свою дочь Констанцию в жены (вторично женившемуся) Ватацу, ее проклинали в Риме за брак-мезальянс со схизматиком²³. На соборе в Лионе в 1245 г. папа Иннокентий IV объявил, что он озабочен «схизмой ромеев, то есть греческой церкви, которая уже в наше время, всего несколько лет назад, глупо превозносясь, отделилась и отлучила себя от груди своей матери, как будто это была не мать, а мачеха»²⁴. И хотя Рим и православные дворы Востока все еще обменивались посольствами, а между царствующими домами Востока и Запада по-прежнему заключались браки, все же факт разделения Церковей выступал с несомненной очевидностью. Обвинения в ереси слышались то с той, то с другой стороны лишь в минуты гнева, хотя для православных прибавления Рима к Символу веры были искажением вероучения семи Вселенских соборов, как для католиков отрицания греками притязаний Рима на наследство Петра были как раз тем, что и следовало считать ересью. Разница между ересью и схизмой не всегда вполне ясна, но без сомнения трагичным было раздирание «свыше истканной» ризы Христа.

Дальнейшая история схизмы великих Церквей, как и попытки ее преодоления, лежат за пределами этого исследования. Дважды этот разрыв был формально преодолен; дважды церковь Константинополя официально признавала превосходство Рима — в Лионе в 1276 г. и во Флоренции в 1439 г. В обоих случаях император и подчиненный ему патриарх искренне одобрили союз. Однако в обоих случаях первопричина была политической, так что оба раза союз был одобрен лишь небольшой частью греческого духовенства и греческого народа. В таких условиях соглашения оказывались бессмысленными и вскоре переставали действовать. Патриархаты Антиохии и Иерусалима находились теперь в постоянной схизме с Римом, проводившим линию латинских патриархов — соперников. Патриархат Александрии находился в схизме с XIV в. В Константинополе же неудачная попытка Запада освободить Византию от смертельных объятий турок означала и потерю последней надежды на воссоединение.

ДАТИРОВКА И ПРИРОДА СХИЗМЫ

В начале XI в. христианский мир оставался единым: исключая давно оформившиеся еретические течения на Востоке — несториан и монофизитов, — все прочие великие церкви считали себя единой Церковью, или, что то же самое, единым миром христианских народов. К середине XIII в. церкви восточного и западного христианства осознавали свою отдельность. Когда же совершилась Великая Схизма?

Общепринятой датой разделения Рима и Константинополя считается 1054 год. В 1054 г. патриарх Михаил Керуларий поссорился с кардиналом Гумбертом — этот безобразный и несчастный эпизод церковной истории, без сомнения, способствовал созданию атмосферы схизмы; однако данный эпизод не был ни первым, ни последним в печальной истории раскола. Современники датировали раскол иначе, хотя немногие из них соглашались друг с другом. В наше время простой православный клирик считает, что отсутствие имени римского епископа в диптихах Восточных Церквей символизирует раскол, и в этом он следует точке зрения правоведа Вальсамона; хотя трудно поверить, что сам Вальсамон ввел разделение церквей с 1009 г., когда Константинополь, очевидно, в последний раз помянул папу в диптихах. Хартофилакс Никита указывает, что раскол удалось преодолеть, хотя и не говорит, как и когда. Византийские клирики в 1089 г. провозгласили, что имя папы было устранено по ошибке и недоразумению. В течение всего этого периода восточные патриархи сожалели о том, что Рим отходит от братьев-патриархов, делая добавления к Символу Веры. Однако вплоть до Вальсамона нет и намека на то, чтобы простой греческий клирик считал отпавшей всю Западную церковь. Тем более латиняне не решались объявить восточные церкви пребывающими в схизме. Как мы уже видели, папа Иннокентий IV в своей речи в 1245 г., когда схизма стала уже несомненным фактом, полагал, что она совершилась при его жизни. Возможно, он вел ее с 1206 г., когда греки открыто воспротивились назначению латинского патриарха Константинополя и назначили собственного. Впрочем, западное общественное мнение хотя и не произносило самого слова «схизма», но давно уже смотрело на греков как на враждебных и заблудших христиан, в то же время Барбаросса писал с возмущением, что греки обвиняют латинян в ереси.

На деле невозможно предложить точную датировку схизмы по самой ее природе. Настоящее явление следует рассматривать в нескольких планах. В плане богословском — схизма породила множество противоречивых трудов или просто раздор в вопросе об Исхождении Св. Духа (что не было само по себе причиной схизмы), а также литургические различия. Заметим, что в начале исторического существования Церкви допускалась возможность неединообразности чина; и даже после разделения церквей наиболее здравомыслящие церковные деятели допускали возможность сосуществования разных чинопоследований. Аналогично и противоречия по вопросу об Исхождении Св. Духа отражали лишь незначительные различия в воззрениях на Св. Троицу, т. е. по вопросу, который не рассматривался Вселенским собором, ни каким бы то ни было другим авторитетным вероучительным постановлением. Взаимная терпимость, к которой часто призывали с обеих сторон, могла бы предотвратить разделение.

Однако взаимной терпимости не хватало сил. Вопросы чинопоследования и вероучительных различий были поглощены практическими и непосредственными вопросами церковного управления и церковной власти. Иерархи в попытке упрочить свою власть стали требовать единообразия со своим собственным верованием и литургией. По вопросам особенностей службы вскоре согласились с необходимостью некоторой широты, но вероучительный вопрос весьма обострился, поскольку Рим включил решающее *Filioque* в официально употребляемый Символ веры. Это был вызов, которым Восток не мог пренебречь. Трудно принимать всерьез те выражения ужаса, которые греческие богословы имели обыкновение употреблять, живописуя еретическую природу взглядов Рима; на деле же римские апологеты легко могли обвинить греческое богословие в том, что оно не обеспечивало в прошлом ясного и последовательного воззрения на Исхождение Св. Духа. Восточная церковь искренне порицала добавление к Символу веры, принятому после долгих и прямых споров и, как верили, по вдохновению Отцами Вселенских соборов. Какого бы мнения ни придерживался Восток относительно прав Римского епископа выносить вероучительные определения, подобные определения в прошлом получали одобрение Вселенского собора. Больше того, добавление Римом *Filioque* было одиозным для греков и по политическим соображениям: оно свидетельствовало о победе германцев в Риме. Однако гораздо важнее то, что таким образом подымался вопрос о праве папы выносить решения относительно христианского вероучения.

Сначала вопрос богословского авторитета был не так важен, как вопрос административного авторитета. В распоряжении Рима находились лучшие свидетельства Православия, чем у других патриархов; и компромисс Халкидона, когда Рим подтвердил истины веры, выработанные и подтвержденные собором, до поры оставался удовлетворительным, хотя ученые мужи обеих сторон могли по-разному их толковать. Еще большую насто-

женность вызывало притязание Рима на вмешательство в дела других патриархатов. Папа часто отваживался разоблачать ересь; однако преследование ересей было любимым времяпрепровождением большинства восточных церковников, и они с радостью принимали поддержку Рима в таких преследованиях, так что и вмешательство папы в подобных случаях не отвергалось с негодованием, как в случаях, когда Рим пытался настаивать на праве Римской курии быть высшим церковным судом, куда бы апеллировали отовсюду в христианском мире. Сардийский собор предоставил такое право Риму. Однако Сардийский собор не был вселенским, град Константинополь в то время еще даже не был основан и не установился константинопольский патриархат. Вскоре Константинопольская церковь могла заявить, что те же права и привилегии, что и Риму, были дарованы ей Вселенскими соборами.

Вопрос был запутанным. Легко сослаться и на восточных отцов, которые, казалось, признают все притязания Рима; легко сослаться и на других, отрицающих те же права. Даже апологеты Рима, прибегающие скорее к правовой логике и прецеденту, не всегда последовательны. Были ли притязания Рима основаны на праве апостольского преемства римских епископов от Св. апостола Петра, если и правда, апостолу Петру было дано исключительное право «вязать и решить», или были ли они основаны на имперском величии Рима, столицы Ойкумены? Или опять же какую роль сыграла эминенция римских епископов или их свидетельства безукоризненной ортодоксии? Кажется, что Восток отдавал Риму первенство и оказывал особое почтение из неясного и неосознанного смещения всех этих причин. Однако один папа Римский Анастасий II был объявлен еретиком своим собственным церковным народом, а другой, Гонорий I, был проклят как еретик Вселенской церковью. Тем временем основание Нового Рима — Константинополя неизбежно отнимало часть уникального достоинства Ветхого Рима как столицы империи. Поскольку император и имперское правительство обосновались в их городе, константинопольцы, естественно, почитали, что их Церковь должна пользоваться теми же привилегиями, что и Церковь покинутой столицы. Возможно, они считали себя великодушными, когда признавали за Ветхим Римом почетное первенство; причем они так поступали в основном из-за слабости притязаний своей Церкви на апостольское основание. Правые и виноватые были неопределенны и переменчивы. Ход истории еще усугубил эту путаницу.

На Западе, когда Римская империя распалась накануне вторжения, Римский епископат уцелел как непрерывный интернациональный институт. Однако город Рим, погибавший среди своих громадных развалин, больше не был центром материальной политической мощи. На Востоке постоянно возрастал в богатстве и славе Константинополь; впрочем, власть его патриархов ограничивалась присутствием императора. Никогда не прерыва-

лись политические связи между двумя этими городами, но культурные связи уменьшались. Международным языком западного христианства был латинский, а восточного — греческий; причем один не понимал другого. Только двуязычные земли южной Италии поставляли переводчиков. Были времена, когда взаимодействие Запада и Востока усиливалось, однако по большей части это были времена конфликтов. Когда иконоборцы преобладали в Константинополе, местная оппозиция под водительством Студийских монахов настаивала на своем праве апеллировать в этом кризисном положении к Риму. Миссионерская деятельность середины IX в. и обстоятельства правления патриарха Фотия привели к целой серии гневных взаимообвинений. Однако по большей части Церкви Востока и Запада шли каждая своим путем, создавая собственные традиции и обычаи и избегая ясного определения своих взаимоотношений. Даже в случаях ссор и противоречий между иерархами конгрегации не вовлекались в них. Св. Константин-Кирилл, апостол славян, бывший личным другом Фотия и других ведущих государственных деятелей Византии, без колебаний засвидетельствовал свою лояльность Риму, когда он прибыл в район, где связи с Римом казались ему более важными. Св. Нил Калабрийский совершенно не ощущал никаких барьеров между Церквями Константинополя и Рима. Простой христианин на Западе и Востоке все еще чувствовал себя принадлежащим единой Церкви.

Может быть, принимая во внимание их различные обычаи, интересы и идеи, сдвига между восточным и западным христианством была неизбежна. Однако действительный кризис был спровоцирован чрезвычайным сплетением политических событий в XI—XII вв. Замечательная реформа папства, проведенная сначала западными императорами, а затем, в годы временного упадка Западной империи, самой церковью, привела к агрессивной церковно-империалистической политике со стороны пап; эта политика проводилась и тогда, когда папство было в упадке и пренебрежении. Примерно в то же время начинается норманнское вторжение в южную Италию, покорение провинции, бывшей по преимуществу греческой, деятельными авантюристами, принадлежавшими латинской церкви. Византия, внутренне уже нездоровая, вынуждена была отражать не только норманн, но и гораздо более опасного врага — турок. Соответственно византийцы не могли реагировать достаточно энергично в Италии. Папство могло бы им помочь, но новая политика пап раздражала и потрясала византийцев. Патриарх уже продемонстрировал свое неприятие германского влияния в Риме, проявившегося и в добавлении *Filius* к Символу веры, так что в знак протеста патриарх отказался включить имя папы в диптихи. Да и, памятуя о недавнем умалении папства, византийцы не могли серьезно отнестись к новым требованиям пап: им казалось абсурдным перенести свои апелляции из собственных церковных дворов в Рим. Патриарх Евстафий вполне сознавал, какие про-

блемы могут возникнуть, если предложить новую формулу определения диоцез, более соответствующую новому положению дел. Запад в его тогдашнем настроении не согласился бы. В то же время императору был нужен союзник в Италии против норманнов; на эту роль особенно подходил папа.

Переговоры 1054 г. были попыткой решить непосредственные политические проблемы, и трагическая неудача этих переговоров проистекала в основном из личного характера протагонистов. Даже вмешательство населения Константинополя было вызвано не национальными или идейными переживаниями, но явилось демонстрацией в поддержку популярного патриарха против непопулярного императора и против чужака-самозванца, оскорбившего его и святыню — храм Св. Софии. Попытка патриарха заручиться поддержкой восточных иерархов в контратаке на Рим имела очень ограниченный успех. Однако этот эпизод способствовал росту взаимного отчуждения, так что обе стороны начали заявлять о своих воззрениях с той точностью, которой было бы лучше избежать. Различия в отношении Символа веры и в богослужении были подчеркнуты, а ситуация в южной Италии придавала действительное содержание выявившимся разногласиям. Тем временем Восток в противовес папским притязаниям на вселенское первенство выдвинул теорию пентархии патриархатов и авторитета Вселенских соборов. Спор пока еще шел между иерархами и между политиками, и конгрегации почти не вовлекались в него, кроме как в южной Италии, где новые латинские хозяева пожелали ввести латинское богослужение, а затем отчасти — в Константинополе, когда (в ответ) император закрыл латинские церкви. Однако позднее папы стали задевать национальные чувства византийцев, отлучив императора и поддерживая агрессивность норманнов. Впрочем, по обе стороны оставались государственные и церковные деятели, готовые восстановить дружеские отношения. При папе Урабане II и императоре Алексее Комнине добрые отношения, казалось, восстановились.

Вскоре начались крестовые походы. Алексей надеялся, воспользовавшись оживлением добрых отношений, пополнить западными рекрутами свою истощенную армию. Урбан, стремившийся услужить императору, да и сам обеспокоенный продвижением ислама и трудностями паломничества к Святым местам, а также имея в виду разрешить и некоторые местные западные проблемы, благословил Первый крестовый поход, поход, принесший гораздо больший результат, чем предвидел папа. Величайшая трагедия крестовых походов состояла в том, что они свели взаимное непонимание восточных и западных христиан на уровень народных масс. Византийцы отнеслись к идее Священной войны как чуждой и непонятной. Заинтересованные в союзниках против турок, они, однако, не могли поддерживать ведение войны в Палестине. Тем временем громадные, неуправляемые армии мародеров шествовали через их земли, и, естественно, что византийцы не принимали их как желанных гостей. В свою очередь

крестоносцы, которые верили в свою миссию освободителей восточного христианства, были удивлены и задеты отношением местного населения, не желавшего их поддерживать. Вскоре император жестоко поссорился с крестоносцами по поводу Антиохии и ее исторической церкви, и в этом споре латинское и греческое христианство определенно встали в оппозицию друг другу. Южнее — установление франкского королевства в Иерусалиме и в еще большей степени его падение привели к расколу между латинянами и местным православием, патроном которого являлся сам император. Второй и Третий крестовые походы еще увеличили взаимную неприязнь простого византийского гражданина и рядового солдата и пилигрима Священной империи. Эта неприязнь подогревалась и, кажется, оправдывалась на продолжавшихся диспутах апологетов обеих сторон. В то же время в течение всего XII в. отмечаются политические течения, стремившиеся избежать разрыва. Сам византийский император хотя и решительно не одобрил франкского князя Антиохии, однако считал, что франкский король Иерусалима может быть полезным союзником. Еще больше ему была нужна дружба папы для реализации его итальянских планов, а также для поддержки против сицилийских норманнов и Западной империи. Непосредственное вмешательство императора долгое время препятствовало серьезному разрыву.

Одновременно с крестовыми походами или даже под их влиянием росла торговая власть итальянских морских республик. Отчаянное экономическое положение империи побуждало императоров предоставлять им торговые концессии и привилегии в обмен на срочную военную (морскую) и финансовую помощь, так что вся международная торговля Византии постепенно переходила в их руки. Редкие попытки императорского правительства контролировать здесь положение быстро подавлялись. Надменное процветание итальянских купцов было постоянным вызовом для византийцев и способствовало росту в обществе антилатинских настроений. Личные пристрастия императора Мануила Комнина, а также его предпочтения, отдаваемые людям Запада и их методам, еще подогрели общественное недовольство. После его смерти византийцы нашли, что все правительство оказалось в руках латинян. Ответом стала бойня в Константинополе в 1182 г., которая послужила лишь тому, что вызвала гнев Запада. Тем временем церковные деятели и в Риме, и в Константинополе не переставая защищали свои расхождения, как бы давая религиозную санкцию все возрастающему обоюдному ожесточению. Слабые императоры из дома Ангелов не в силах были остановить этот рост открытой враждебности, каковая и нашла самое отвратительное воплощение в Четвертом крестовом походе. Действительное развитие этого похода шло скорее случайно, чем по намеченному плану, однако нельзя сомневаться, что рано или поздно дело дошло бы до подобного кризиса. Ужасы осады Константинополя вызвали столь сильную ненависть, что ее уже

нельзя было забыть. Хотя Византия временно исчезла совсем, а в дальнейшем так никогда и не возродилась вполне, Церковь Византии стяжала силу, какая дается мученикам. Папа, с одной стороны, весьма довольный общими результатами, а с другой — отнюдь не одобрявший методов, упустил свою единственную возможность восстановить добрые отношения в Востоком. В критический момент ему не достало сочувствия и понимания, и ему нет прощения.

Если бы схизма происходила из споров иерархов относительно предпочтений и обычаев или даже относительно административного и вероучительного авторитета, искренние попытки последующих императоров поправить дело могли бы увенчаться успехом. Трагедия же схизмы в том, что она не была делом исключительной ревности или соперничающих церковных традиций. Дело зашло дальше: она возросла из взаимной неприязни восточных и западных христианских народов, неприязни, проистекавшей из политических событий XI—XII вв. Военная агрессия норманнов, торговая агрессия итальянских морских городов и всей аристократии, задумавшей и грубо осуществившей крестовые походы, — вот в чем крылись причины схизмы, а не в мелких уколах Михаила Керулария и кардинала Гумберта. Случались расколы и раньше, но их удавалось преодолеть осторожностью и терпением, поскольку они затрагивали лишь высший слой общества. Когда же папу в его притязаниях стало поддерживать агрессивное общественное мнение Запада, где настаивали на подчинении Востока; когда также общественное мнение православного Востока с его памятью о крестовых походах и Латинской империи увидело в папских притязаниях на первенство грубую форму чужеземного владычества, тогда сделалось уже невозможно достичь какого бы то ни было компромисса по вопросу об исхождении Св. Духа или употреблению опресноков. Восток не хотел подчиниться Западу, а Запад был согласен только на подчинение Востока. И хотя позднее, казалось, что единственным спасением для Византии мог быть союз с Западом, тем не менее мудрейший из позднейших императоров Мануил II с грустью предостерегал своего сына от таких попыток союза, полагая что от этого разрыв только увеличится, поскольку латиняне были слишком горды, а греки — слишком упрямы, чтобы сойтись вновь.

Самый ход политической истории еще усугубил схизму, и положение вещей стало непоправимым; кроме политических распрей сохранялись глубокие различия в идеологии. В «постгильдебрантский» период папы предприняли отчаянные попытки дать миру новый порядок. Секулярная власть на Западе стала сугубо местной и ограниченной. Даже Западная империя не обладала полнотой власти на всей территории. Именно папство как неумирающий институт со всем немалым престижем Рима обеспечивало контроль и управление христианским миром как христианским единством. Впрочем, эта замечательная концепция власти

была недоступна православному сознанию христианского Востока. На Востоке секулярная императорская власть стала наследником престижа Рима. Кесарь стал теперь христианином, однако все же кесарю следовало «отдавать кесарево». Жалобы византийского посла в Монте-Кассино на то, что папа стал императором, демонстрируют типичную для византийца нелюбовь к новым западным порядкам. Однако для западных мыслителей, уверившихся, что они нашли путь переустройства общества на христианских основаниях, отказ Востока принять власть наследника апостола Петра, викария Христова, казался бессмысленной и дурной помехой. Различия мировоззрения дополнялись также и вековыми различиями темперамента Рима и Греции, причем римляне склонились к законности и авторитарности, а греки — к философичности и индивидуализму. Сама история помешала церквам Рима и Востока идти одним путем: у них были разные проблемы и они по-разному их решали; для сохранения единства требовались широта, мудрость, терпимость и терпение — то, на что человечество в основном не способно. Взамен решающими оказались невежество, глупость и мелкая зависть; ими посеянные семена были взращены силами, вышедшими из-под контроля.

Не место здесь подсчитывать потери, понесенные в результате схизмы, или предлагать пути, как по прошествии столетий можно было бы залечить или хотя бы уменьшить разрыв. Приятно было бы завершить наше исследование надеждой, что в наши мрачные дни христианство как-нибудь сомкнет ряды в истинном единении. Однако трудно ждать от обеих великих церквей, что они откажутся от притязаний и убеждений, за которые их адепты страдали и ради которых они так много потрудились. Мы можем только смиренно молиться, чтобы последователи Христа выказали больше любви друг к другу; чтобы Святая Кафолическая Церковь, если уж она не может выступить против врага как единая армия, чтобы она была по крайней мере единством союзников, связанных дружбой, уважением и пониманием.

ПРИМЕЧАНИЯ*

Глава I

Исторические основания

¹ I Коринф. XI 18—19.

² [87], кол. 193. См. [193], с. 19—20.

³ [193], с. 19—20.

⁴ О значении диптихов см. [184], с. 31 и [216], с. 46.

⁵ О принципе *икономии* (*οικονομία*) см. [216], с. 47—50.

⁶ См. [172], с. 113—118 («Конституция позднеримской империи»).

⁷ См. [171], т. II, с. 415 цитирует «Эклогу» Льва III; [41], с. 68.

⁸ В 491 г. патриарх Евфимий отказался короновать Анастасия I из-за подозрений в его неправомерности, пока тот не разъяснил достаточно удовлетворительно свое кредо: см. [170], I, с. 431. В 969 г. патриарх Полиевкт отказался короновать Иоанна Цимисхия, пока тот не разорвет незаконной связи с императрицей Феодано: см. [44], II, с. 380—381.

⁹ Многие учнейшие патриархи, как Никифор и Фотий, были сначала мирянами. См. ниже.

¹⁰ См. [184], с. 27—31.

¹¹ [163], с. 95; [213], с. 39—42. Много неприятностей в споре с Фотием произошло из-за непонимания и неправильного перевода принятой формы обращения. Папа Николай I был оскорблен обращением к нему как «епископу Ветхого Рима», хотя таково было почетное византийское название его епархии. См. [182], с. 104—105.

¹² [213], с. 57—100 приводит многочисленные примеры, начиная с IV в. признания Восточной церковью главенства Рима. Но я думаю, что он преувеличивает правовую сторону этих признаний и в то же время не проводит четкой границы между первенством и верховенством.

¹³ Соответствующие канонические правила — 3 и 5 — даны у [206], II, I, с. 762—766, 769—777.

¹⁴ [206], II, 2, с. 24—27 3-й канон Константинопольского собора и комментари, с. 815—818 (28-й канон Халкидонского собора), с. 840—841 (протест папы против этого канона). Из ответа патриарха Анатолия (там же, с. 855) следует, что он изымет канон, если он не будет одобрен Римом. Но в действительности он был принят восточными церквями.

¹⁵ [206], II, 2, с. 735, 740. См. [242], с. 44—57.

¹⁶ *Tomus*, или *Epistola Dogmatica*, папы Льва дана в [206], II, 2, с. 567—580. Адресовано Флавиану Антиохийскому.

¹⁷ [206], II, 2, с. 865—868 и примечания.

¹⁸ [181], с. 113—128; [127], I, с. 258; Данте. Ад, IX, 8—9.

¹⁹ Переписка Юстина I с Римом приведена в [7], II, с. 586—638.

²⁰ [206], III, I, с. 511—512.

²¹ *Gregory I. Epistolae*, XIII, 31, M. P. L., vol. LXXVII, кол. 1281—1282.

²² [206], III, I, с. 578—580.

²³ См. [213], с. 22—24. Халкидонский собор предложил такой титул папе Льву I, но он отказался от него. См. [206], II, 2, с. 834—835.

²⁴ Согласно Евтихию Александрийскому (M. P. G., vol. CXI, кол. 1156), ни один константинопольский патриарх не упоминается в иерусалимских и александрийских диптихах со времени арабского вторжения до 937 г. Яхья из Анти-

* Библиографические ссылки приведены в том виде, как они даны в оригинале.

охии (Patrologia Orientalis, vol. XVIII, с. 706—708) подтверждает и добавляет, что и папа также не поминался с 683 по 999 г. за недостатком информации. Эти заявления, возможно, преувеличены, поскольку константинопольский и восточные патриархи, без сомнения, находились в общении во время иконоборческой ереси и во времена Фотия, а Рим имел полноценные контакты с Иерусалимом со времени Карла Великого. Большие пробелы в диптихах возникали, по-видимому, из-за отсутствия соответствующих посланий в связи с интронизациями.

²⁵ См. [229], с. 125—133.

²⁶ См. [229], с. 148—151, 160—162.

²⁷ [206], III, 2, с. 741—798.

²⁸ [206], IV, 1, с. 110—115; [169], с. 147—153. Позиция Феодора Студита не всегда была последовательной: в своих письмах в Рим он предлагал считать папу высшим авторитетом в вопросах веры и церковной дисциплины, но императору он говорил, что следует обратиться к Риму, поскольку Константинополь не в состоянии разрешить возникший спор самостоятельно (письмо II, 86, М. Р. Г., vol. XCIX, кол. 1332). В частном письме он, однако, замечает: «Что нам Рим?» (I, 28, кол. 1001). Возможно, на его взглядах отразился отказ папы безусловно поддерживать самого Феодора Студита. См. его письмо I, 34, там же, кол. 1021.

²⁹ Анекдот, рассказанный Св. Константином-Кириллом Анастасию Библиотечарю в Манси (Sacrogum Conciliorum Collectio, vol. XVI, кол. 6). Дворник, однако, считает ([182], с. 32—33), что вся история выдумана врагами Фотия.

³⁰ [64], письмо 1.13; М. Р. Г., vol. CII, кол. 722—741. Специфическая позиция Фотия объясняется, конечно, тем страхом, который испытывала Византия перед германским влиянием в Риме и на Балканах.

³¹ См. [229], с. 208—209, 219; [182], с. 275 и сл.

Глава 2

Михаил Керуларий

¹ См. [189], с. 218—228.

² Лучший новейший обзор реформы Западной церкви можно найти у Дюма А. в [186], т. VII, кн. III и там же, т. VII, гл. I. Идея всемирного правления папы отмечается уже у последователей папы Симмаха в начале VI в., в «Даре Константина» VIII в. и ясно выражена Валафридом Страбоном в IX в. (М. Р. З., vol. CXIV, кол. 963—966).

³ См. [231]. Сомнительно, имелось ли такое добавление в Деяниях Первого собора в Толедо (400 г.), но оно точно появляется в Деяниях Четвертого собора там же (633 г.).

⁴ Совет Франкфурта (794 г.) принял настоящую формулу и осудил константинопольского патриарха Тарасия за употребляемую им формулу per Filium — «через Сына», [206], III, 2, с. 1061—1091.

⁵ Переписка папы Льва по данному вопросу приведена в М. Р. Л., vol. CXXIX, кол. 1257—1260, а его ответ франкскому послу в Смарагде М. PLL, — vol. CII, кол. 971—976. См. также М. Р. Г., vol. XCIV, кол. 205—8, где упомянут этот эпизод и [206], III, 2, с. 1127—1131.

⁶ [127], II, с. 26.

⁷ О Париже см. Hales. Summa Theologica (Cologne edition), I, с. 218.

⁸ См. выше, сн. 5 и 6; а также [182], с. 122, 196, 444.

⁹ По утверждению хартофилаксы Никиты, папа Христофор (903—904) прибавил Filioque к Символу в своем окружном послании к Николаю Мистику, в связи с чем последний отказался его принять. См. ниже, сн. 11. О появлении Filioque в 1014 г. см. Берно из Рейхенау (М. Р. Л., vol. CXLII, кол. 1060—1061). Берно присутствовал на упомянутой церемонии.

¹⁰ Уже блаженный Августин понял, что имеются расхождения между западным и восточным воззрениями на понятие Троицы (De Trinitate, VII, 4, М. Р. Л., vol. XLII, с. 939—942). Св. Ансельм, несколько упрощая, говорит, что латиняне называют одну Сущность и три Лица, а греки — одно Лицо и три Сущности (письмо к Рейнальду М. Р. Л., vol. CLVIII, кол. 1144; De Fide Trinitatis там же, кол. 284). Вернее, может быть, сказать, что Запад исповедует Бога как абсолют, а Лица Св. Троицы находятся внутри него, в то время как Восток исповедует трех

Лица, имеющих собственные черты, но соединенных в ипостасное Единство. [184], с. 87 — Эвери в своем пристрастном изложении основного различия идет несколько дальше, заявляя, что греческие богословы признавали за каждым Лицом собственную ипостась. Они особенно подчеркивали одну ипостась — *τὴν μίαν τῆς αἰῶος τριάδος ὑπόστασιν* — как Петр Антиохийский определяет в своей Декларации веры дружественным патриархам. (См. его письма в [222], II, с. 432—454). Беспристрастное изложение учений о Filioque, развившихся к концу XI в., дается в [217], с. 331—344.

¹¹ Два различных текста, приписываемые хартофилаксу Никите из Никеи, повествуют один о включении папой Христофором Filioque и о последующем принятии этого добавления папами Сергием III и IV; а другой — не так ясно — о «схизме между двумя Сергиями», причем автор добавляет: «Я не знаю, по какой причине». Тексты приведены в [222], II, с. 20—40, а второй напечатан также в М. Р. G., vol. CXX, кол. 713. Весь трактат, посвященный позднейшим схизмам между Римом и Константинополем, критикует греков. Трудно поверить, что он был написан Никитой из Никеи, другие работы которого были определенно антилатинскими (см. [215], с. 81—82). Я предполагаю, что это — ранняя работа Никиты из Маронеи, ставшего позднее епископом Фессалоникийским и сторонником примирительной политики императора Мануила Комнина, написанная в то время, когда он был хартофилаксом Константинополя, и что была когда-то допущена ошибка в рубрикации манускрипта. Юги ([213], с. 166—167) сомневается, что «схизма между Сергиями» связана с Filioque, но первый из текстов Никиты, кажется, предполагает именно это. См. [222], I, с. 20—23.

¹² См. [222], с. 16; также [189], с. 387—398.

¹³ См. выше.

¹⁴ См. выше. О паломничествах см. [189], I, с. 38 сл.

¹⁵ Житие Св. Нила Калабрийского опубликовано в М. Р. G., vol. CXX. О Иоанне Филагате см. [189], с. 391—395.

¹⁶ История византийского демарша приводится Радульфом Глабером М. Р. L., vol. CLII, кол. 671. Синодикон 1025 г. опубликован [222].

¹⁷ Chronica S. Petri Erphordensis moderna, M. G. H. Ss, vol. XXX, с. 407; Chronica minor auctore minorita Erphordensis, там же, vol. XXIV, с. 189.

¹⁸ См. ниже.

¹⁹ [217], с. 82—83, 100—101.

²⁰ [189], с. 414—429.

²¹ [189], с. 433, сл. [176], I, с. 1—188.

²² См. ниже.

²³ О возвышении и характере Михаила Керулария см. [240], vol. X, 2, кол. 1677 и сл., и [213], с. 187 и сл. Оба автора настроены весьма критично по отношению к своему герою. Гей ([189] особенно с. 498—499) указывает на искренность намерений Михаила, что бы о нем ни говорили. Не находится надежных свидетельств современников о нем. Плесс произнес обвинительный приговор против него перед синодом 1059 г. и панегирическое надгробное слово спустя два месяца — и то и другое недостаточно убедительно (первое издано — *Brèhère* in *Revue des Études grecque*, vol. XVI (1903), с. 375—416 и vol. XVII (1904), с. 35—76; последнее — [33], vol. IV, с. 303—387). Самые поступки Михаила Керулария свидетельствуют, что это был высокомерный и не очень приятный человек, хотя, без сомнения, очень популярный в Константинополе. С большой симпатией он представлен несторианцем Ион Бутланом, написавшим для Керулария трактат против азимитов. См. [192], с. 44—70.

²⁴ Эвери, [184], с. 166, полагает, что особое внимание Керулария к употреблению опресноков было вызвано его желанием склонить армян к конформизму. Нам остается упомянуть, что армянский католикос Петр был вызван императором в Константинополь в 1049 г., где был с почетом принят императором и патриархом; однако в целом отношения Византии с Арменией вскоре испортились.

²⁵ Лев IX, письма 19 и 29, М. Р. L., vol. CXLIII, кол. 758, 764; там же, кол. 1002. Гумберт обвиняет греческие власти в том, что они спровоцировали мятеж, когда закрыли церкви и попрали Тело Христова.

²⁶ [53], кол. 836 и сл. См. [222], т. II, с. 282—291.

²⁷ Лев IX. *Epistola C ad Michaelē Constantinopolitanum*, М. Р. L., CXLIII, кол. 744—769; *Adversus Graecorum Calumnias*, там же, кол. 931—974 (неверно

озаглавлено *Dialogus inter Romanum et Constantinopolitanum*). [222], I, с. 43—76 показал, что автором был Гумберт.

²⁸ Эти письма известны только по ответам папы (см. ниже. сн. 29) и из письма Керулария к Петру Антиохийскому М. Р. Г., т. СХХ, кол. 781—796). Папа был глубоко уязвлен (как и отец Жюжи [213], с. 188) заявлением Керулария, что он проследит, чтобы имя папы поминалось *in toto orbe terrarum* — «по всей земле». Между тем притязание контролировать Церковь во всем мире было совершенно непохоже даже на Керулария. Кажется ясно, что и здесь мы имеем дело с неправильным переводом. Керуларий употреблял греч. *οικουμένην* — «вселенная» в византийском смысле «в империи», в то время как римляне вложили в перевод буквальный смысл «весь обитаемый мир». Неприятности к титулу «вселенский» были вызваны тем же недопониманием.

²⁹ [189], с. 492—500 делает убедительные предположения относительно позиции и характера папы (письмо к Петру Антиохийскому, кол. 788), так что его крутой поворот и последующая реакция были, по-видимому, следствием рапорта Иоанна.

³⁰ [213], с. 197—198; Гей ([189], с. 492—500) доказывает (вопреки [166], с. 97 и сл.), что оба папских письма были лично привезены легатами в Константинополь. Текст двух последних писем приведен в М. Р. Л., vol. CXLIII, кол. 773—781.

³¹ Керуларий пишет о своих сомнениях Петру Антиохийскому (кол. 784—875). Он был потрясен тем, что Аргир удержал для себя деньги, посланные императором для передачи папе на оплату его же войск.

³² Эта новость могла достичь Константинополя не позднее чем спустя два месяца. Замечательно, что Керуларий нигде не говорит о смерти папы наверняка, но лишь делает предположение. Керуларий в целом придерживался политики как можно меньше втягивать папство, думая, по-видимому, что следующий папа подтвердит полномочия легатов. Папа Лев вернулся в Рим за несколько дней до своей смерти ([37], с. 171 и сл.).

³³ Папа Виктор прибыл в Рим 3 апреля 1055 г. Он не одобрял стремления Льва к союзу с Византией и вообще не был осведомлен в текущей политике почившего папы. См. [213], с. 199, сн. 4.

³⁴ Трактат Стифата опубликован [222], II, с. 322—342, где он издан лучше, чем [179], I, с. 18—36. Перевод Гумберта приводится в М. Р. Л., vol. CXLIII, кол. 973—983 и в М. Р. Г., vol. СХХ, кол. 1012—1022, а его ответ в *Contra Nicetam* в М. Р. Л., vol. CXLIII, кол. 983—985.

³⁵ Меморандум Гумберта, написанный, как он утверждает, по требованию императора, приводится в [222], I, с. 97—111.

³⁶ В упомянутом выше меморандуме Гумберт ссылается на этот совет. Впрочем, других ссылок не имеется, если не считать, что Ансельм, как кажется, использовал некоторые из аргументов, выдвинутых Львом IX в исследовании *De Spiritus Sancti Processione* (см. ниже).

³⁷ Булла отлучения приводится в М. Р. Л., vol. CXLIII, кол. 1002—1004, а греческий превосходный перевод напечатан вместе с патриаршим синодальным эдиктом в М. Р. Г., vol. СХХ, кол. 741—746. Переводчиками были протоспатарий Косма, Пир Римлянин и монах Иоанн Испанец.

³⁸ Синодальный эдикт, см. сн. 37; [212], с. 208—211.

³⁹ У Босо в «Жизни Льва IX» в 127, II, с. 355 говорится, будто миссия 1054 г. была тепло принята и имела большой успех. Автор упоминает императора 'Монахам', но не патриарха. Но «Жизнь Вибера» в М. Р. Л., vol. CXLIII, кол. 498—499 с удовлетворением повествует об отлучении Керулария, причем она вместе с широко распространенным отчетом Гумберта привела к общему убеждению, что отныне Византийская церковь осуждена на схизму. См., например, *Sigebert of Gembloux. Chronicon*, M. G. H. Ss, vol. VI. с. 359—360 (ad ann. 1054) и *Annalista Saxo*, там же, с. 689 (ошибочно ad ann. 1051) — в обоих случаях хвалебный отзыв об акте отлучения Гумбертом греков. Доминиканский трактат, написанный в Константинополе в 1252 г., объявляет Фотия виновником схизмы, а «Керулария» — верного последователя Фотия — объявляет бунтовщиком против папы [182], с. 348.

⁴⁰ О взглядах на эти события Пселла см. ниже. Реабилитация Керулария, которой весьма способствовал Пселл, привела к тому, что его стали почитать

святые, постепенно преувеличивая важность его антилатинской деятельности.

⁴¹ Памфлет издан в [208], с. 62—71.

⁴² Михаил Керуларий, письмо 6 к Петру Антиохийскому, М. Р. Г., vol. CXX, кол. 781—796.

⁴³ Об ответе Петра см. ниже.

⁴⁴ О дальнейшей судьбе Керулария см. [172], с. 198, 202, 213—214 («Византийские императоры от Василия II до Исаака Комнина»); [162], кол. 1678—1680: [222], с. 155—156. Как свидетельствует ибн Бутлан, Керуларий вовсе не был доволен развитием событий в 1054 г., как можно было бы предположить по одному его письму к Петру Антиохийскому, ибн Бутлан нашел его в большом беспокойстве, когда увидел 20 июля, четыре дня спустя после возложения буллы легатов в соборе Св. Софии: он был обеспокоен не только происшедшим разрывом, но и возможной реакцией при императорском дворе. См. [192], цит. место.

Глава 3

От 1054 года до Первого крестового похода

¹ [189], с. 508—509; [176], I, с. 160.

² Письмо в М. Р. L., vol. CXLIX, кол. 961—962 приписывается Виктору III. Риян [30], с. 50—53 полагает, что это письмо, адресованное «императрице А», следует атрибутировать как письмо Виктора III, адресатом же была правящая императрица Феодора, так что «А» означает 'Augusta'. Лейб же [217], с. 87 и сн. 3, считает, что автором письма был Виктор III, а адресатом — Анна Далассина, которая время от времени правила от имени своего сына Алексея I, когда он отсутствовал в столице, участвуя в военных походах. В таком случае письмо должно было быть написано в 1086—1087 гг. Однако император был в это время отлучен папским судом, и непохоже, чтобы папа стал писать в таком случае в дружеских тонах матери отлученного императора. Больше того, из письма следует, что в то время множество пилигримов регулярно отправлялись в Палестину. Это имело место в 1055—1056 гг., но не в 1086—1087 гг., когда войны с норманнами и набеги турок на Палестину мешали и угрожали паломникам. В письме говорится о посещении пилигримами Гроба Господня; эти пилигримы платили пошлины византийским чиновникам. Возможно, что папа имел в виду только те пошлины, которыми облагались пилигримы на пути в Иерусалим, однако во времена Феодоры, вполне возможно, собирались пошлины и непосредственно возле Гроба Господня, поскольку Константин IX как раз тогда окончил Его восстановление и получил право на сбор пошлины по соглашению с египетским халифатом.

³ [189], с. 509.

⁴ [126], M. G. H. Ss., vol. VII, с. 702—703.

⁵ О соглашении в Мельфи см. [189], с. 516—519; [176], с. 170—172.

⁶ Письмо, которое цитирует Бенцо из Альбы, M. G. H. Ss., vol. IX кол. 622. Sm. [12], № 952, II, с. 14—15. Константин X, как говорят, признавал Кадалла (Гонория II) «патриархом Рима, вознесенным императорским признанием над всемирной церковью».

⁷ [95], Aa. Ss., 3 августа, с. 230.

⁸ [95], там же. Служа своей вдохновенной мечте, император даровал Петру деньги на восстановление церкви св. Магнуса в Ананьи. О роли Ксифилина и Пселла см. [240], vol. XV, 2, кол. 3618—3620.

⁹ [39], с. 37, 43; [75], с. 297. Брачный контракт Елены и Константина опубликован в [3], с. 23—32.

¹⁰ [39], с. 43—47; [129]; [20], с. 330; [35], с. 42 — указ епископам южной Италии об отлучении императора; [20], с. 640 — запрещение венецианцам иметь дело с отлученными.

¹¹ [177], с. 62—65. Отлучение Алексея прямо нигде не засвидетельствовано, однако папский caveat венецианцам ясно на это указывает (см. ниже). Несмотря на войну с норманнами, Алексей оказывал почести норманнской принцессе Елене, а затем отправил Елену ее дяде Роджеру Сицилийскому [149], с. 153—155.

¹² [129], кол. 1192.

¹³ О переговорах Жильбера с Византией см. ниже, сн. 26.

¹⁴ Важная переписка относительно этих переговоров была обнаружена Хольцманом [211], с. 38—67.

¹⁵ Переписка Петра III Антиохийского с Константинополем, Градо и Римом приводится в М. Р. G., vol. CXX, кол. 752—820, а его окружное послание в [222], vol. II, с. 432—457. См. также [221]; [223]. О праве Константинополя возводить на патриарший престол см. [204], с. 283—284; об осложнениях по поводу дьякона см. [203], с. 140—141. В одном из своих писем Доминику в Градо Петр высказывает мысль, что, строго говоря, только престолодержатель Антиохийский является патриархом. Епископы же Рима и Александрии являются папами, а епископы Константинополя и Иерусалима — архиепископами (М. Р. G., vol. CXX, кол. 757).

¹⁶ Николай III Константинопольский подчеркивает значение учения о пентархии в письме Симеону Иерусалимскому, написанному около того времени, когда он вел переговоры с папой Урбаном II ([200], с. 104—117).

¹⁷ О перенесении мощей Святителя Николая см. [217], с. 51—74.

¹⁸ [116], с. 444—445.

¹⁹ [39], с. 84—99.

²⁰ Михаил Пселл, письмо Керуларию в [33], vol. V, с. 509 речь на погребение: там же, vol. IV, с. 348 и сл. Те же места приведены в [222], т. II, с. 476—481; см. [179], с. 8.

²¹ Peeters. 'Vie de S. Georges l'Hagiorite', *Analecta Bollandina*, vol. XXXVI—XXXVII, с. 137—138.

²² [203], с. 142—144.

²³ Керуларий жаловался Петру Антиохийскому, что в Александрии все еще поминают папу и что патриарх допускает азимитов (М. Р. G., vol. CXX, кол. 787—790). Других свидетельств о делах в Александрии у нас нет.

²⁴ См. [222], с. 24—40. Михель не находит доказательств разрыва между Иерусалимом и Римом. См. [184], с. 157—159.

²⁵ [12], с. 30.

²⁶ [217], с. 32—37 — полное изложение со ссылками на переписку Иоанна Киевского с Жильбером. Текст его письма приведен у Павлова ([232], с. 167—186).

²⁷ Иоанновы «Канонические ответы монаху Джеймсу» опубликованы в [13], с. 98 и сл. и у Павлова [232], приложение № 22 к Трудам Российской императорской академии наук № 5. О позднейших установлениях Русской церкви см. [191], с. 820—828.

²⁸ [71], vol. CXXVI, кол. 221 и сл.

²⁹ Там же, кол. 228—229. Он говорит, что латиняне употребляют *procedere* вместо греч. *εκτορευεσθαι, κεισθαι, διαδισαι, προβαλλειν*.

³⁰ См. [71].

³¹ См. [217], с. 29.

³² Важно заметить, что в отличие от греческого армянский патриарх Иерусалима не помышлял о том, чтобы покинуть этот город вплоть до осады Иерусалима крестоносцами ([157], с. 225). Египетский визирь аль-Афдаль, будучи армянином-ренегатом, всегда отдавал предпочтение своим бывшим единоверцам.

³³ Трактат Симеона опубликован в [23], с. 85—107. Лейб сомневается в авторстве Симеона, поскольку настоящий трактат появился как ответ на произведение Бруни из Сеньи ок. 1108 г. Однако Михель доказывает, что у Бруно мы имеем плагиат более раннего трактата Лаика, на чью действительно работу отвечал Симеон. [220], с. 34—47, где приведен текст Лаика. Работа Бруно об азимитах опубликована в М. Р. L., vol. CLXV.

³⁴ [206], с. 459—460. См. [217], с. 287—294.

³⁵ [89], с. 249.

³⁶ *St. Anselm of Canterbury. De Azymo et Fermento* (письмо Вальраму), М. Р. L., vol. CLVIII, кол. 541 и сл., *De Fide Trinitatis*, там же, кол. 259 и сл. и *De Sancti Spiritus Processione*, там же, кол. 285 и сл.

Церковь и крестовые походы

¹ [93], с. 461; [206], v. I, с. 394—395; [234], I, с. 104—105.

² Пять хроник претендуют на передачу действительных слов Урбана. Несмотря на разночтения, они согласны в том, что папа подчеркивал необходимость помочь восточным христианам, просившим о такой помощи ([110], с. 130—138; [138], с. 727—729; [90], с. 12—15; [114], с. 137—140; [150], с. 393—398. См. также [225], с. 231 и сл.; [234], с. 106—108).

³ [234], с. 121—133.

⁴ Там же, с. 134—171.

⁵ Верховной властью в армии пользовался епископ, т. е. Адемар ([136], с. 255).

⁶ [42], кол. 681.

⁷ «У латинян не таково представление о священнике, как у нас... Латинский варвар совершает Божественную литургию и в то же время носит щит на левой руке и копье — в правой, он преподает Тело и Кровь Христовы и в то же время наблюдает военную резню и себя самого оскверняет пролитием крови» (39, т. II, с. 218). На самом деле латинским священникам запрещалось носить оружие. [22], № 190, № 638, № 641, с. 117—118, 401, 402, где цитируется Тертулиан *Sanones Apostolorum* и Собор в Толедо в 400 г. Это запрещение, однако, было неофициальным, так что им часто пренебрегали. Даже преподобный Адемар, хотя, возможно, сам он не носил оружия, принимал активное участие в битве, так что во многом благодаря ему была выиграна битва при Дорилее.

⁸ [234], с. 163—164.

⁹ [234], с. 174 и сл., [214], с. 57—78, где, как мне кажется, убедительно доказано, что Боэмунд подделал соответствующее место в секретном договоре с Алексеем.

¹⁰ [76], с. 433 называет патриарха Иоанна «*virum Christianissimum*».

¹¹ [82], с. 36—38.

¹² [76], VI, 39, с. 489.

¹³ Письмо Адемара в [15], с. 141—142).

¹⁴ Письмо Адемара в [15], с. 146—149). На Западе, кажется, до сих пор считают Иерусалимский патриархат более важным, чем Антиохийский. Некоторые даже полагают, что он должен быть первым среди других патриархов. См. анонимный трактат [143], с. 659.

¹⁵ [82], X, 30, с. 166; [136], XIII, с. 262; [110], XXVIII, с. 258; письмо принцев в [15], с. 164.

¹⁶ Письмо принцев.

¹⁷ Крестоносцы к тому времени уже наткнулись на поселение павликиан возле Антиохии ([82], IV, II, с. 62).

¹⁸ [76], VI, 29, с. 489.

¹⁹ [136], XXI, с. 302; [110], I, XXX, с. 309—310; [152], с. 369.

²⁰ [110], III, III, с. 368—369; [157], II, CLXX, с. 233—234.

²¹ [110], II, VIII, с. 396.

²² [155], с. 75—83.

²³ Местные христиане имели доступ к франкским дворам и могли, таким образом, оказывать на них влияние через докторов или возниц — обычно выходцев из местных православных общин. Можно вспомнить Сулеймана ибн Дауда и его старшего сына, бывшего придворным доктором при Амальрике I, а также его младшего сына, бывшего придворным учителем верховой езды. См. [174], с. 351—360.

²⁴ [31], с. 106—107. О связях Мелесинды с иаковитами см. [226], с. 421—431.

²⁵ См. [234], III, с. 379—381. О присутствии греческих священников у Гроба Господня см. [32], с. 177.

²⁶ [63], с. 31, 34.

²⁷ Ираклий был избран патриархом вопреки желанию местных франков под руководством Вильяма Тирского, проводившего политику добрых отношений с местными общинами ([106], с. 82—84).

²⁸ Список приводится [218], III, с. 498—503 на основании списка в [180], II, с. 1243: по традиции патриархата были даны имена патриархам от Симеона II до Афанасия II, т. е. патриарха, который согласно Досифело вернулся в Иерусалим

в 1187 г. Имеются в виду патриархи Агапий I, Савватий, Евхерий I, Макарий III, Иаков II, Арсений II, Иоанн VII или Николай и Никифор II. Под сомнением Ле Квин ставит имена Агапия, Ефхерия и Макария.

²⁹ Хотя патриарх Афанасий II отправился в Иерусалим в 1187 г., мы застаем в Константинополе в 1191 г. Иерусалимского патриарха Досифея ([59], с. 529). По-видимому, император стал назначать Иерусалимских патриархов в последние годы своего изгнания. В 1191 г. только что умер патриарх Леонтий, а Досифей, возможно, был только что назначен, но еще не отбыл в свой патриархат. Он был по происхождению венецианцем.

³⁰ Этот диптих опубликован в [167], I, с. LII 500—502. В нем упоминаются «О здравии» Никифор Иерусалимский, Лука Константинопольский, Софроний Александрийский и Афанасий Антиохийский. Соответственно его можно предположительно датировать 1166 г. Иоанн упоминается как правящий патриарх Иерусалимский.

³¹ [177], с. 642, 648, 651, 653; [215], с. 91.

³² Брачная церемония в Константинополе в декабре 1161 г. между императором Мануилом и Марией Антиохийской была совершена патриархами Лукой Константинопольским, Софронием Александрийским и Афанасием Антиохийским ([46], с. 210—211). Патриарх Иерусалимский, который признавал императоров, также находился в указанное время в Константинополе и, возможно, сослужил.

³³ Об Иоанне Оксите см. [204], с. 286 и сл. Сам Иоанн, без сомнения, считал, что он удалился от дел только по прибытии своем в Константинополь. Его Акт об отречении сохранился и приводится в [2], с. 279. Официальную латинскую точку зрения можно найти у [152], с. 273—275.

³⁴ [76], VIII, 41, 47—48, с. 582, 584—585. Альберт называет епархией Манассии «Барзенона» или «Барсенона». Конечно, речь идет не о Барселоне, где в то время епископом был Беренгард II. Я сам не смог идентифицировать это место.

³⁵ [131], с. 210—213; [152], XI, I, с. 450; [39], I, vol. III, с. 53.

³⁶ [39], XII, 4, 8, XIII, 2—12, т. III, с. 64—65, 77—85, 91—139.

³⁷ Св. Кирилл Фракийский, родители которого совершили паломничество в Рим, т. е. до некоторой степени были расположены к латинянам, сам был резко враждебно настроен к Боэмунду, поражение которого он описывал императору ([24], с. 381, 387).

³⁸ [234], с. 211—219. Письмо Иннокентия II приводится в [32], с. 86.

³⁹ [234], с. 222—224.

⁴⁰ [234], с. 351—354.

⁴¹ [234], с. 371, 389.

⁴² [175], с. 612—613; [234], с. 136—137. Имя Симеона II не появлялось в поменниках антиохийских патриархов в Константинополе. Поскольку же византийский мир лежал в то время в хаосе — в результате Четвертого крестового похода — и император Никеи еще не стал его новым главой, то ни император не мог назначить его, ни патриарх Константинопольский. Из быстро следовавших друг за другом событий выходило, что он уже в Антиохии.

⁴³ [153], 436; [97], с. 213—214; см. [234], III, с. 306—307, 319—320.

⁴⁴ Различные христианские церковные организации покинули Антиохию еще до XV в. Когда Бертрандон де ла Брокьер посетил Антиохию в 1432 г., он нашел там около 300 обитаемых домов и почти исключительно турецко-мусульманское население ([103], с. 84—85).

⁴⁵ [175], с. 684—685; [234], с. 231.

⁴⁶ [12], № 1584, 1591, 1593, II, с. 94—95; [154], с. 198—201, рассказывает о переговорах Саладина с императором.

⁴⁷ [120], с. 431—438; [79], с. 317—327; [154], с. 334—335.

⁴⁸ Assises des Bourgeois, R. H. C. Lois, vol. II, с. 178—179. Относительно датирования см. [233], с. 329 и сл.

⁴⁹ См. выше, сн. 23. К XII в. относится небольшое прямое свидетельство об Александрийском патриархате.

⁵⁰ См. ниже.

⁵¹ Иннокентий III находился в общении с Николаем Александрийским [28]. № 1430, 4365, 4726, I, с. 128, 376—377, 472—476. О представителе Александрии на Латеранском соборе см. [206], vol. 2, с. 1318.

⁵² [218], III, с. 1141—1144. Латинский епископ Дамьетты был назначен в 1221 г. — [108], с. 138, где указывается, что ему была положена плата в 1000 талантов. Неясно, считался ли он под началом патриарха Александрийского или под началом латинского патриарха Иерусалимского.

Глава 5

Дипломатия и диспуты

¹ [138], с. 750; [114], с. 132; [105], с. 69—70.

² Добрые слова о Петре мы находим у Анны Комнина. См. ниже. Дружеское отношение балканских крестьян, когда их не грабили, засвидетельствовано у [76], с. 282—283. Именно грек, совершивший смелый побег из Циветота, спас народную армию, потерпевшую там поражение; там же, с. 289.

³ [61], с. 32 и вступление с. XXVIII—XXXII.

⁴ [39], с. 41—44.

⁵ [114], с. 154.

⁶ См. выше, сн. 7.

⁷ Письма Алексея Комнина в [15], с. 140—141, 152—153. Монахи Монте-Кассино почитали Алексея как особенно преданного друга и патрона ([133], с. 770, 792).

⁸ См. ниже. Точная дата, когда Алексей передал клюнийцам это учреждение в Циветоте, неизвестна. В [39], с. 211—212 рассказывается о том, что латиняне возвели фортификационные сооружения со стороны битвы при Циветоте и использовали как метательные снаряды кости павших. Странноприимный дом клюнийцев как-то был связан с этой кошмарной конструкцией.

⁹ [30], с. 138—140.

¹⁰ [133], с. 785; [177], с. 261.

¹¹ [132], кол. 388—390.

¹² [177], с. 262.

¹³ Там же. Речь Хризолана приводится полностью в М. Р. G., vol. CXXVII, кол. 911—920.

¹⁴ Трактат Иоанна, который был написан, возможно, как часть полемики Хризолана, опубликован [23], с. 244—263.

¹⁵ Речи Евстратия опубликованы в [11], с. 47—198, а Иоанна Фурна там же, с. 36 и сл. См. [215], с. 85 и [179], с. 11—12.

¹⁶ [215], с. 85—87; [179], с. 12—21.

¹⁷ *Raporia* опубликованы в М. Р. G., vol. CXXX. Самый ранний из сохранившихся манускриптов содержит главу, взятую у Фотия, но он не современен автору. Трудно поверить, что Зигабен, сам глубокий и горячий богослов, не написал бы по этому поводу собственных соображений, буде он этого желал. Замечательно, что в вопросе об азимах он не упоминает латинян.

¹⁸ См. [168], в особенности кн. II и V — общий анализ обстоятельств жизни Анны и ее взглядов.

¹⁹ [39], XIII, 12, vol. III, с. 134.

²⁰ В рассказе Анны о том, как было обнаружено Св. Копье в Антиохии, чувствуется неподдельное уважение к благочестию крестоносцев. [39], XI, 6, vol. III, с. 30—31.

²¹ Там же, х. 5, vol. II, с. 209.

²² *Оеοφιλέтото* имена латинских епископов не встречаются у нее без этого эпитета.

²³ Там же, [39], vol. I, с. 47—49.

²⁴ См. [68], с. 308.

²⁵ См. [39], цит. место.

²⁶ Там же, XII, 8, vol. III, с. 79—80.

²⁷ Там же, vol. I, с. 48.

- ²⁸ [134], кол. 260—261.
²⁹ Там же, кол. 261—262.
³⁰ [36], с. 1—4.
³¹ Отчет Ансельма приводится в [9], с. 161 и сл.
³² Там же, с. 190.
³³ Там же, с. 200. На самом деле папа Мильтиад не говорил о Хлебе как о fermentum [137], с. 74—75.
³⁴ Там же, с. 196.
³⁵ Там же, с. 197.
³⁶ Там же.
³⁷ [58], кол. 224 и сл.
³⁸ Феориан см. в М. Р. G., vol. CXXXIII, кол. 258. См. [238], с. 245—253.
³⁹ [133], с. 833.
⁴⁰ В общем списке литературы нет. Schmidt. Des Basilius aus Achrida, Erzbischofs von Thessalonich, bisher unedierte Dialoge, passim.
⁴¹ [25], с. 795.
⁴² Там же, с. 799—802.
⁴³ Письма Мануила Комнина цитированы по [37], с. 404, 410.
⁴⁴ [46], с. 229.
⁴⁵ [96], с. 138 датировано декабрем 1161 г.
⁴⁶ [127], с. 419—420; [46], с. 262; [I], II, с. 664—665; а также ниже, следующая сноска.
⁴⁷ «Диалоги» Михаила из Анхиалуса приводятся в [24], с. 344—357.
⁴⁸ [59], с. 278—284. См. [177], с. 661—663, в особенности с. 661, сн. 4.

Глава 6

Рост враждебности в обществе

- ¹ См. [177], с. 257—259, 317—318. Мануил, по-видимому, считал, что только франки собираются в крестовый поход, и намеревался составить с ними вместе экспедицию против турок, однако, услышав об участии германцев, он поторопился освободить себе руки ([46], с. 59). Весной 1147 г. он заключил мир с турками, Роджер напал на греческие острова и материк весной или летом 1147 г. (см. [177], с. 318, сн. 1), как раз в то время, когда там не было войска. [107], с. 53 упоминает о нападении Роджера безотносительно его последствий для политики Мануила. См. также [227], с. 81—84.
² [46], с. 71; [59], с. 85.
³ [107], с. 35—44.
⁴ [107], с. 45—48.
⁵ [46], с. 80—86; [107], с. 53—80; письмо Конрада в [147], с. 152—153; Луи VII, письма Сугеру R. H. F., vol. XV, с. 488, 495—496. См. [234], с. 267—274.
⁶ См. [177], с. 326—327. Продром написал одно стихотворение, воспевающее этот брак. — R. H. C. Grecs, vol. II, с. 772, а другое — соболезнование матери невесты. — Там же, с. 768.
⁷ [46], с. 87; письмо Сугера [142], с. 258—260; [151], т. XX, с. 46. Корабль, на котором отплыла королева Франков Элеонора, греки некоторое время удерживали ([121], с. 61).
⁸ Об этом проекте крестового похода на Византию см. [164], с. 810—814; [239], с. 425—428; [227], с. 44—46.
⁹ Вильям Тирский дважды побывал послом при дворе императора Мануила, император произвел на него большое впечатление, так что он искренне горевал при известии о его смерти ([152], с. 945—947, 1066—1069). Особое восхищение вызвала готовность Мануила заплатить выкуп за крестоносцев, попавших в плен к мусульманам, например за Балдуина из Ибелина ([106], с. 56—59).
¹⁰ О концессиях итальянским городам, предоставленных Мануилом, см. [209], с. 198—222.
¹¹ О правлении Алексея II см. [229], с. 314—316. Главный источник — [59], с. 291—355.

- ¹² [229]; [59], с. 325—326; [152], XXII, 10—11, с. 1079—1082.
¹³ [209], с. 222—224.
¹⁴ [59], с. 343—345. См. [229].
¹⁵ О правлении Андроника см. [229], с. 316—319; [243], с. 379, 433—438.
¹⁶ [59], с. 444—463.
¹⁷ [209], с. 225—230. Различные хризобуллы в пользу итальянцев приводятся в [12], № 1576—1578, 1583, 1589—1590, 1606, 1607, 1610, 1616, с. 93—95, 97—101.
¹⁸ [12], № 1615, с. 100, где упоминается, впрочем, без деталей посольство императора к папе Целестину III.
¹⁹ См. выше.
²⁰ [59], с. 525—537; [83], с. 27—66; письмо Фридриха I королю Генриху, см. [4], с. 152. Фридрих заявил, будто патриарх прилюдно молился в храме Св. Софии, побуждая греков убивать латинян. Он желает поставить папу в известность об этом.
²¹ [229], с. 323—328; [210], с. 313—314.
²² [210], с. 315—321; [59], с. 547—548, коротко сообщают о покорении Кипра, причем с некоторым удовольствием — о падении Исаака Комнина. Местный документ [57], с. CLXXXV—CLXXXIX сообщает с горечью о захвате Кипра латинянами, но также радуется падению Исаака.
²³ [210], с. 45—47, III, с. 1041—1104. Мученичество греческих священников на Кипре составляет предмет повествования [33], vol. II, с. 20—39.
²⁴ [209], с. 225. Без сомнения, собственные церкви были у венецианцев и почти наверное — у генуэзцев и пизанцев: [59], с. 481.
²⁵ О Михаиле Хониате см. [236].
²⁶ [40], кол. 93.
²⁷ [40], Письма Марку Александрийскому, кол. 968.
²⁸ [48], кол. 956—960.
²⁹ [29], vol. II, с. 45.
³⁰ [145], с. 144.
³¹ Там же, II, с. 24. Прелаты убедили крестоносцев, что для удовлетворения папы следует вернуть Константинополь под его власть; Письмо Балдуина Фландрского (R. H. F., vol. XVIII, с. 522).
³² [209], I, с. 226. Восстание Бранаса, возросшее на антиитальянских чувствах, было жестоко подавлено латинскими наемниками Исаака под руководством Конрада Монферратского ([59], с. 502—510).
³³ [227], с. 130—133; [12], с. 103.
³⁴ [12], № 1643, II, с. 104.
³⁵ Письмо Иннокентия III, I [119]. Ответ Алексея приводится в письме Иннокентия, II, 210, там же, кол. 765—768.
³⁶ Письмо патриарха приводится в письме Иннокентия, II, 211, там же, кол. 768—769.
³⁷ Иннокентий III, цит. выше письмо.

Глава 7

Четвертый крестовый поход

- ¹ [145], с. 2—6.
² Там же, с. 40—46; [137], с. 4—6; M. P. L., vol. CCXIV, кол. 132, где говорится, что король Франции повлиял на назначение Бонифация. Отец Бонифация был бароном в Палестине и там умер. Старший брат был женат на возможной наследнице Иерусалима, Сибилле, и их сын стал королем Иерусалима. Его брат Райнер женился на порфирородной Марии и был убит в Константинополе Андроником (см. выше). Его брат Конрад сначала женился на сестре Исаака Ангела, затем отправился в Палестину, где освободил Тир от Саладина и женился на наследнице Иерусалимского престола Изабелле. Мать Бонифация была сводной сестрой деда Генриха VI, а его отец — сводным братом бабушки французского короля Филиппа.
³ См. [234], III, с. 113—115.
⁴ Там же, с. 112 (и сн. 2), с. 115—117.

⁵ См. [234], III, с. 117—119.

⁶ Там же, с. 119—121.

⁷ Там же, с. 121. Отчет Балдуина папе передает в общих чертах решение крестоносцев (письмо Балдуина Фландрского, R. H. F., vol. XVIII, с. 522).

⁸ Разграбление Константинополя описано с греческой стороны в [59], с. 757—763; Николаем Месаритом — [17], с. 41—48; и в письме греческого духовенства Иннокентию III в [8], с. 510—514; Латинские описания, в которых больше внимания уделяется размерам добычи и алчности крестоносцев, в [145], с. 52—58; [137], с. 68—69, 80—81; [115], с. 104—108; письмо Балдуина Фландрского, R. H. F. vol. CCXV, с. 522; [106], с. 374—376. Самое убийственное описание приводится Иннокентием III в связи с полученными им сообщениями в его письме VIII, 126, M. P. L., vol. CCXV, кол. 699—702. Изложение с позиции греков дается в [158], с. 245—246.

⁹ См. ниже.

¹⁰ Иннокентий отменил назначение Морозини, а затем вновь сам его назначил (M. P. L., vol. CCXV, кол. 512—517).

¹¹ [119], vol. CCXV, кол. 454—455. Взятие Константинополя он называет *magnifica miracula*.

¹² [119], vol. CCXV, кол. 699—702.

¹³ [158], там же, целиком обвиняется папа в подстрекательстве крестоносцев.

¹⁴ [119], vol. CCXV, кол. 1352. В письме XI [24] Морозини (vol. CCXV, кол. 1353) он говорит, что греческих епископов, которые уже были хиротонисаны, не следует хиротонисать по латинскому чину, однако все последующие хиротонии должны совершаться по латинскому чину. То же предлагает он и в письме архиепископу Тирново, письмо VII, II там же, кол. 295.

¹⁵ [119], письмо XI, 23.

¹⁶ См. [187], с. 67, 97—100. О Михаиле Акоминате см. [224], с. 34, 71—72. Михаил, однако, не был столь уж непримирим и дал совет аббату Кайзариани найти общий язык с завоевателями. Общий взгляд на дела греческого духовенства можно найти в [47], с. 495 и сл. — документ, появившийся, по-видимому, в Никее вскоре после 1204 г.

¹⁷ Сообщение архиепископа Патры, цитируемое у Иннокентия, письмо XIII, 161, M. P. L., vol. CCXVI, кол. 338, содержит жалобы на незаконное действие и ненадзорность рыцарей. Письмо Иннокентия (IX, 189) к архиепископу Патры и Феб и епископу Фермопил (M. P. L., vol. CCXV, кол. 1467—1468) содержит указание предостеречь императрицу Маргариту, покровительствовавшую греческому духовенству в диоцезе Ларисы.

¹⁸ См. [187].

¹⁹ Письмо греческого духовенства Иннокентию III приводится у [8], с. 514 и сл. и напечатано как часть — [47], гл. LXXXV и дальше. См. [219], с. 251—256. Кажется, что греческое духовенство поддерживал император Генрих в противовес новому папскому легату кардиналу Пелагию. Датировано 1214 г.

²⁰ См. [187], с. 97—98. Михаил Отореан, новый патриарх, уже патриаршествовал перед смертью Каматира, причем его недруги сомневались относительно каноничности его избрания, поскольку не все епископы присутствовали при его избрании, а сам он был назван Феодором Ласкарем, которого позднее и короновал.

²¹ Продолжались также переговоры Никейского двора, Фомы Морозини и, позднее, папского легата Бенедикта из Сан Суссаны. Николай Мезарит, епископ Эфеса, и Михаил Акоминат также были втянуты в переговоры. См. [207], ч. II, ч. III. См. также [227], с. 215—233. Иннокентий послал Феодору Ласкарю высокомерно критическое послание 17 марта 1208 г. (письмо XI, 47, M. P. L., vol. CCXV, кол. 1272).

²² [206], vol. 2, с. 1569—1572.

²³ Там же, с. 1678. Это стало одной из причин отлучения Фридриха на соборе в Лионе.

²⁴ [130], vol. IV, с. 434.

СОКРАЩЕНИЯ

- Aa.Ss. Acta Sanctorum Bollandiana, Antwerp — Paris — Rome, Brussels, 1643 — (in progress).
 M.G.H.Ss. Monumenta Germaniae Historica, Scriptores, ed. G. H. Perts, T. Mommsen, and others. Hanover, 1826 — (in progress).
 M.P.G. Migne, J. P., Patrologiae Cursus Completus. Series Graeco-Latina, 161 vols. in 166, Paris, 1857—1866.
 M.P.L. Migne, J. P., цит. соч., Series Latina, 221 vols., Paris, 1844—1855.
 R.H.C.Grecs. Recueil des Historiens des Croisades, Académie des Inscriptions et Belles Lettres, Historiens Grecs, 2 vols, Paris, 1875—1881.
 R.H.C.Lois Там же, Lois, 2 vols., Paris, 1841—1843.
 R.H.C.Occ. Там же, Historiens Occidentaux, 5 vols., Paris, 1844—1895.

1. Общие источники

1. *Allatius, L.*, De Ecclesiae Occidentalis et Orientalis Perpetua Consensione, Cologne, 1648.
2. *Benechewitch, V.*, Catalogus Codicum Manuscriptorum Graecorum qui in Monasterio Sanctae Catharinae in Monte Sinai asservantur, St. Petersburg, 1911.
3. *Bezobrazov, P. V.*, 'Documents for the History of the Byzantine Empire' (по-русски), Journal of the Ministry of Public Instruction, vol. ccixv, St. Petersburg, 1889.
4. *Bohmer, J. F.*, Acta Imperii Selecta, Innsbruck, 1870.
5. *Brigliament, F. E.*, См. Bibliography, II.
6. *Chroust, A.*, Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaiser Friedrichs I, M. G. H. Ss., new series, vol. V, Berlin, 1928.
7. *Collectio Avellana*, ed. O. Gunther, 2 vols., Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum, No. XXXV, Vienna, 1895.
8. *Contelerius, J. B.*, Ecclesias Graecae Monumenta, 4 vols., Paris, 1677—1692.
9. *D'Achery, L.*, Spicilegium sive Collectio veterum aliquot Scriptorum, 2nd edition, 3 vols., Paris, 1723.
10. *De Khitrowo, B.*, Itinéraires Russes en Orient, Société de l'Orient Latin, Série Géographique, No. V, Geneva, 1889.
11. *Demetracopoulos, A.*, Bibliothèque Ecclésiastique, 2 vols., Leipzig, 1866.
12. *Dölger, F.*, Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, 3 vols., Munich/Berlin, 1924—1932.
13. *Goetz, K.*, Kirchenrechtliche und Kulturgeschichtliche Denkmäler Altrusslands, Stuttgart, 1905.
14. *Golubovitch, G.*, Biblioteca Bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Franceseano, 5 vols., Florence, 1906—1927.
15. *Hagenmeyer, H.*, Die Kreuzzugsbriefe aus dem Jahre 1088—1100, Innsbruck, 1902.
16. *Hefele, C. J.*, см. Bibliography II.
17. *Heisenberg, A.*, Neue Quellen zur Geschichte des Lateinischen Kaisertums, Munich, 1923.
18. *Hergenröther, J. A. G.*, Monumenta Graeca ad Photium ejusque Historiam pertinentia, Ratisbon, 1869.
19. *Holtzmann, W.*, см. Bibliography II.
20. *Jaffe, P.*, Monumente Gregoriana, Bibliotheca Rerum Germanicarum, vol. II, Berlin, 1865.
21. *On же, Regesta Pontificum Romanorum*, 2nd edition, ed. W. Wattenbach and others, 2 vols, Leipzig, 1885—1888.
22. *Kirch, J. P.*, Enchiridion Fontium Historiae Ecclesiasticae Antiquae, Freiburg-im-Breisgau, 1910.
23. *Leib, B.*, Deux Inédits Byzantins sur les axymes au début du XIIe siècle, Orientalia Christiana, vol. IX, Rome, 1924.
24. *Loparev, C.*, Description of some Lives of Greek Saints (in Russian), Vizantiiskii

Vremennik, vol. IV, St. Petersburg, 1897.

25. *Mansi, J. D.*, Sacrorum Conciliorum Collection, 31 vols., Florence/Venice 1759—1798.
26. *Michel, A.*, см. Bibliography II.
27. Patrologia Orientalis, ed. R. Graffin and F. Nau, Paris, 1907—(in progress).
28. *Potthast, A.*, Regesta Pontificum Romanorum inde ab anno 1198 ad annum 1304, 2 vols., Berlin, 1874—1875.
29. *Riant, P.*, Exuviae Sacrae Constantinopolitanae, 3 vols. (3rd vol. by F. de Mely), Geneva, 1877—1904.
30. *On жє*, Inventaire critique des lettres historiques des Croisades, Paris, 1880.
31. *Rohricht, R.*, Regesta Regni Hierosolymitani, 2 vols, Innsbruck, 1893—1904.
32. *Rozière, E. de*, Cartulaire de l'Eglise du St. Sépulcre, Paris, 1849.
33. *Sathas, K. N.*, Μεσαιωνική Βιβλιονήκη Bibliotheca Graeca Medii Aevi, 7 vols., Venice/Paris, 1872—1879.
34. *Sudendorf, H.*, Registrum oder Merkwürdige Urkunden für die deutsche Geschichte, 3 vols., Jena — Berlin, 1849—1854.
35. *Taccone Gallucci*, Regesti dei Pontifici Romani per le Chiese della Calabria. Rome, 1902.
36. *Theiner, A.*, Monumenta Spectantia ad Unionem Ecclesiarum Graecae et Romanae, Vienna, 1872.
37. *Watterich, J. M.*, Pontificum Romanorum qui fuerunt inde ad exeunte Saeculo IX usque ad finem Saeculi XIII Vitae, 2 vols., Innsbruck, 1880—1885.
38. *Zachariae von Lingenthal*, Jus Graeco-Romanum, 7 pts., Leipzig, 1856—1884.

2. Греческие источники

39. *Anna Comnena*, Alexiad, ed. B. Leib, in Collection Byzantine de l'Association Guillaume Budé, 3 vols., Paris, 1937—1945.
40. *Balsamon, Theodore*. Patriarch of Antioch, Opera, in M.P.G., vols. CXXXVII — CXXXVIII.
41. *Basil I*. Emperor, Epanagoge Basilii, Leonis et Alexandri, in Zachariae von Lingenthal, Jus Graeco-Romanum, pt. IV.
42. *Basil of Caesarea*, Saint, Letters, in M. P. G., vol. XXXII.
43. *Basil of Ochrida*, Archbishop of Thessalonica, Des Basilii aus Achrida Erzbischofs von Thessalonich bisher unedierte Dialoge, ed. J. Schmidt, Munich, 1901.
44. *Cedrenus, George*, Synopsis Historiarum, ed. J. Bekker, 2 vols., Bonn, 1839.
45. *Cerularius, Michael*, Patriarch of Constantinople, Letters, in M.P.G., vol. CXX; Synodal Edict, там же; Adversus Francos (attributed to Cerularius), *Hergenröther*, Monumenta Graeca ad Photium Pertinentia.
46. *Cinnamus, John*, Epitome Historiarum, ed. J. Meineke, Bonn, 1836.
47. Criminationes adversus Ecclesiam Latinam, in *Cotelerius*, Monumenta Ecclesiae Graecae, vol. III.
48. *Demetrius Chomateanus*. Letters, in M.P.G., vol. CXIX.
49. *Eustratius of Nicaea*, Orations, in *Demetracopoulos*, Bibliothèque Ecclésiastique, vol. I.
50. Greek clergy, letter to Innocent III, см. выше под Criminationes.
51. *John of Kiev*, Canonical Answers to the Monk James, ed. A. Pavlov, as 'Fragments of the Greek Text of the Metropolitan John's Canonical Answers' (по-русски), Additions No. 22 to the Publications of the Russian Imperial Academy of Sciences, No. 5. Also in *Goetz*, Kirchenrechtliche und kulturgeschichtliche Denkmäler Altrusslands.
52. *John the Oxite*, Patriarch of Antioch, Sur les Azymites, in *Leib*, Deux Inédits Byzantins.
53. *Leo*, Archbishop of Ochrida, Epistola ad Loannem Episcopum Tranensem, in M.P.G., vol. CXX.
54. *Leo III*, Emperor, Ecloga Leonis et Constantini, in *Zachariae von Lingenthal*, Jus Graeco-Romanum, pt. IV.
55. *Mesarites, Nicholas*, Opera, in *Heisenberg*, Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums, vol. I.
56. *Michael of Anchialus*, Patriarch of Constantinople, Dialogue, приводится

- у С. Loparev, 'On the Unionism of the Emperor Manuel Comnenus' (по-русски), *Vizantiiskii Vremennik*, vol. XIV, St. Petersburg, 1917.
57. *Neophytus of Paphos*, De Calamitatibus Cypri, напечатано в *Itinerarium Regis Ricardi*. См. след. раздел.
 58. *Nicetas Chartophylax*, De Schismate Graecorum, in *Michel*, Humbert und Kerullarios, vol. II, и in M. P. G., vol. CXX.
 59. *Nicetas Choniates Acominatus*, Historia, ed. I. Bekker, Bonn, 1835.
 60. *Nicetas of Maronea*, Archbishop of Thessalonica, Dialogi de Spiritu Sancto, M. P. G., vol. CXXXIX.
 61. Nicholas of Methone, Βίος Μελετίου του Νέου ed. V. G. Vasilevsky, Publications of the Palestinian-Russian Society (по-русски), vol. VI, pt. 17, St. Petersburg/Jerusalem, 1886.
 62. *Peter III*, Patriarch of Antioch, Letters, M. P. G., vol. CXX; Systatic Letters, in Michael, Humbert und Kerullarios, vol. II.
 63. *Phocas, John*, A Brief Description, trans. A. Stewart, Palestine Pilgrims Text Society, vol. V, London, 1896.
 64. *Photius*, Patriarch of Constantinople, Letters, M. P. G., vol. CII.
 65. *Phurnes, John*, Αντλρηρητικη Απολογία in *Demetracopoulos*, Bibliothéque Ecclesiastique, vol. I.
 66. *Prodromus, Theodore*, Poems, R. H. C. Grecs, vol. II.
 67. *Psellus, Michael*, Accusation of Michael Cerularius, ed. L. Brehier, 'Un Discours inédit de Psellos', Revue des Études Grecques, vols. XVI—XVII, Paris, 1903—1904; Funeral Oration on Michael Cerularius and Letters in *Sathas, Μεσαιωνικη Βιβλιοθηκη* vol. IV.
 68. *Stethatus, Nicetas*, Against the Latins, in *Demetracopoulos*, Bibliothèque Ecclésiastique, vol. I, и in *Michel*, Humbert und Kerullarios, vol. II. Latin translations в M. P. L., vol. CXLIII, и M. P. G., vol. CXX.
 69. *Symoen II*, Patriarch of Jerusalem, Sur les Azymites, in Leib, Deux Inédits Byzantins.
 70. *Theodore of Studium*, Letters, M. P. G., vol. XCIX.
 71. *Theophylact*, Archbishop of Bulgaria, De lis in quibus Latini Accusantur, M. P. G., vol. CXXVI.
 72. *Theorianus*, Letters, M. P. G., vol. CXXIII.
 73. Vita Sancti Mili, M. P. G., vol. CXX.
 74. *Zigabenus, Euthymius*, Panoplia, M. P. G., vol. CXXX.

3. Латинские и другие западные источники

75. *Aime*, Ystoire de li Normant, ed. O. Delarc, Rouen, 1892.
76. *Albert of Aix*, Liber Christianae Expeditionis pro Ereptione, Emundatione et ARestitutione Sanctae Hierosolymitanæ Ecclesiae, R. H. C. Occ., vol. IV.
77. *Alexander of Hales*, Summa Theologica, Cologne, 1622.
78. *Alexius I, Comnenus, Emperor*, Letters, in *Hagenmeyer*, Die Kreuzzugsbriefe, и in *Riant*, Inventaire des Lettres historiques des Croisades.
79. *Ambroise*, l'Estoire de la Guerre Sainte, ed. G. Paris, Paris, 1897.
80. 'Analista Saxo', Annales, M. G. H. Ss., vol. VI.
81. *Anastasius Bibliothecarius*, Acta Concilii Constantinopolitani IV, in *Mansi*, Sacrorum Conciliorum Collectio, vol. XVI.
82. Anonymi Gesta Francorum et Aliorum Hierosolimitorum, ed. L. Bréhier (as Histoire Anonyme de la Première Croisade), Paris, 1924.
83. *Ansbert*, Historia de Expeditione Friderici Imperatoris, in *Chroust*, Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaiser Friedrichs I.
84. *Anselm, Bishop of Havelberg*, Dialogi, in *d'Archery*, Spicilegium, vol. I.
85. *Anselm, Saint*, Archbishop of Canterbury, Opera, M. P. L., vol. CLVIII.
86. Assises de Jérusalem, in R. H. C. Lois.
87. *Augustine, Saint*, De Fide et Symbolo, M. P. L., vol. XL; De Trinitate, там же.
88. *Baldwin I*, Emperor, Letter to Innocent III, R. H. F., vol. XVIII.
89. *Barthelemy*, Vita S. Nicolai Peregrini Transensis, Aa. Ss., June, vol. I.
90. *Baudri of Dol*, Historiae Jerosolimitanæ Libri IV, R. H. C. Occ., vol. IV.
91. *Benzo of Alba*, Ad Heinricum IV Imperatorem Libri VII, in M. G. H. Ss., vol. IX.

92. *Berno of Reichenau*, Epistolae, M. P. L., vol. CXLII.
93. *Bernold of Constance*, Chronicon, M. G. H. Ss., vol. V.
94. *Boso*, Vita S. Leonis IX and Vita Alexandri III, in *Liber Pontificalis*, vol. II (см. ниже).
95. *Bruno of Segni*, De Azymis, M. P. L., vol. CLXV; Vita S. Petri Ananiensis, Aa. Ss., August, vol. I.
96. *Burchard*, Epistola ad Nicolaum Sigebergensem Abbatem, in *Sudendorf, Registrum*, vol. II.
97. '*Chrétien de Terre Sainte*, Lettre à Charles d'Anjou', ed. O. Delaborde, *Revue de l'Orient Latin*, vol. II, Paris, 1894.
98. Chronica de Mailros, ed. J. Stevenson, Bannantyne Club, Edinburgh, 1835.
99. Chronica Minor auctore Minorita Erphordensis, M. G. H. Ss., vol. XXIV.
100. Chronica S. Petri Erphordensis Moderna, M. G. H. Ss., vol. XXX.
101. *Chrysolanus, Petrus (Grossolano)*, Archbishop of Milan, Oratio, M. P. G., vol. CXXVII.
102. *Conrad III, King of Germany*, Letters, см. ниже, *Wibald*.
103. *De la Broquière, Bertrandon*, Le Voyage d'Outremer, ed. C. Schefer, Paris, 1892.
104. *Dominic, Patriarch of Grado*, Letter to Peter of Antioch, M. P. G., vol. CXX.
105. *Ekkehard of Aura*, Hierosolymita, ed. H. Hagenmeyer, Tübingen, 1877.
106. *Ernoul*, Chronique d'Ernoul et de Bernard le Trésorier, ed. M. L. de Mas Latrie, Paris, 1871.
107. *Eudes of Deuil*, La Croisade de Louis VII, ed. H. Waquet, Paris, 1949.
108. *Eugenius III, Pope*, Epistolae, M. P. L., vol. CLXXX.
109. *Frederick I, Emperor*, Letter to King Henry, in *Bohmer*, Acta Imperii Selecta.
110. *Fulcher of Chartres*, Gesta Francorum Iherusalem Peregrinantium, ed. H. Hagenmeyer, Heidelberg, 1913.
111. Gesta Innocentii III, M. P. L., vol. CCXIV.
112. *Glaber, Radulf*, Historia Sui Temporis, M. P. L., vol. CLXII.
113. *Gregory VII, Pope*, Letters, in *Jaffe*, Monumenta Gregoriana and Regesta, и in *Taccone Gallucci*, Regesti.
114. *Guibert of Nogent*, Historia Hierosolymitana, R. H. C. Occ., vol. IV.
115. *Gunther of Paris*, Historia Constantinopolitana, in *Riant*, Exuviae Sacrae Constantinopolitanae, vol. I.
116. Historia Translationis Sancti Mamentis, As. Ss., August, vol. III.
117. *Humbert of Silva Candida*, cardinal Bulla excommunicationis Michael, Constantinopolitani and Brevis et Succincta Commemoratio, M. P. L., vol. CLXIII; Contra Nicetam Stethatum, там же, и in *Michel*, Humbert und Kerullarios, vol. II, см. также Leo IX, Pope, ниже.
118. Innocent II, Letter to the Church of Antioch, in *Rozière*, Cartulaire du Saint-Sépulcre.
119. *Innocent III*, Epistolae, M. P. L., vols. CCXIV—CCXVI.
120. Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi, ed. W. Stubbs, Rolls Series, London, 1864.
121. *John of Salisbury*, Historia Pontificalis, ed. A. Lane-Poole, Oxford, 1927.
122. *Laycus*, Rationes de Sancti Spiritus Processione, in *Michel*, Amalfi und Jerusalem, см. Bibliography II.
123. *Leo I, Pope*, Epistola Dogmatica, in *Hefele-Leclercq*, Histoire des Conciles, vol. II. 2.
124. *Leo III, Pope*, Epistolae, M. P. L., vol. CXXIX.
125. *Leo IX, Pope*, Epistolae, M. P. L., vol. CXLIII; Adversus Graecorum Calumnias (Dialogus inter Romanum et Constantinopolitanum) — в действительности написанное кардиналом Гумбертом — там же.
126. *Leo of Ostia*, Chronica Monasterii Casinensis, M. G. H. Ss., vol. VII.
127. Liber Pontificalis, ed. L. Duchesne, 2 vols., Paris, 1886—1892.
128. Louis VII, King of France, Letters to Suger, R. H. F., vol. XV.
129. *Malaterra, Gaufredus*, Historia Sicula, M. P. L., vol. CXLIX.
130. *Matthew Paris*, Chronica Majora, ed. H. R. Luard, 7 vols, Rolls Series, London, 1872—1883.
131. *Ordericus Vitalis*, Historia Ecclesiastica, ed. A. Le Prevost, 5 vols., Paris, 1838—1855.
132. *Paschal II, Pope*, Epistolae, M. P. L., vol. CLXIII.

213. *Jugie, M.*, Le Schisme Byzantin, Paris, 1941.
214. *Krey, A. C.*, 'A Neglected Passage in the Gesta', in The Crusades and other Historical Essay presented to D. C. Munri, New York, 1928.
215. *Krumbacher, K.*, Geschichte der byzantinischen Litteratur, Menich, 1897.
216. *Langford James, R. Ll.*, A Dictionary of the Eastern Orthodox Church, London, 1923.
217. *Leib, B.*, Rome, Kiev et Byzance à la Fin du XIe siècle, Paris, 1924.
218. *Le Quien, M.*, Oriens Chriatianus, 3 vols., Paris, 1740.
219. *Luchaire, A.*, Innocent III: La Question de l'Orient, Paris, 1911.
220. *Michel, A.*, Amalfi und Jerusalem im griechischen Kirchen — streit, Orientalia Christiana Analecta, No. 121, Rome, 1939.
221. *Он же*, 'Die Botschaft Petros III von Antiocheia an seine Stadt über seine Ernennung', in Byzantinische Zeitschrift, vol. XXXVIII, Munich, 1938.
222. *Он же*, Humbert und Kerullarios, 2 vols., Paderborn, 1924—30.
223. *Он же*, 'Die Romischen Angriffe auf Michael Kerullarios wegen Antiocheia', in Byzantinische Zeitschrift, vol. XLIV, Munich, 1951.
224. *Miller, W.*, The Latins in Levant, London, 1908.
225. *Munro, D. C.*, 'The Speech of Pope Urban II at Clermont', in American Historical Review, vol. XI, New York, 1906.
226. *Nau, F.*, 'Le Croise lorrain Godefroy de Ascha', in Journal Asiatique, aeries 9, vol. XIV, Paris, 1899.
227. *Norden, W.*, Das Papsttum und Byzanz, Berlin, 1903.
228. *Oster, E.*, Anna Comnena, 3 vols., Rastatt, 1868—1871.
229. *Ostrogorsky, G.*, Geschichte des byzantinischen Staates, 2nd edition, Munich, 1952.
230. *Ostrogorsky, G.*, Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites, Breslau, 1929.
231. *Palmieri, A.*, статья 'Filioque' in *Vacant et Mangenot*, Dictionnaire de Théologie Catholique, vol. V. см. ниже.
232. *Pavlov, A.*, Critical Essays on the History of Ancient Greco-Russian Polemic against Latins (по-русски) St. Petersburg, 1878.
233. *Praver, J.*, 'L'Etablissement des coutumes du marché à Saint-Jean d'Acre', in Revue Historique de Droit Francais et Étranger, series 4, vol. XXIX, Paris, 1951.
234. *Runciman, S.*, A History of the Crusades, 3 vols., Cambridge, 1951—1954.
235. *Salaville, S.*, статья 'Jean Xiphilin' in *Vacant et Mangenot*, Dictionnaire de Théologie Catholique, vol. XV.
236. *Stadtmüller, G.*, Michael Choniates, Metropolit von Athen, Orientalia Christiana, vol. XXXIII. 2, Rome, 1932.
237. *Throop, P. A.*, Criticism of the Crusades, Amsterdam, 1940.
238. *Tournebize, H. F.*, Histoire politique et religieuse de l'Arménie, Paris, 1901.
239. *Vacandard, E.*, Vie de Saint Bernard, Abbé de Clairvaux, 2 vols., Paris, 1895.
240. *Vacant, A.*, et *Mangenot, E.*, Dictionnaire de Théologie Catholique, 15 vols., Paris, 1899—1950.
241. *Vailhe, S.*, статья 'Constantinople, Église de', in *Vacant et Mangenot*, Dictionnaire de Théologie Catholique, vol. III.
242. *Он же*, 'L'Erection du Patriarche de Jerusalem en 451', in Revue de L'Orient Chrétien, vol. IV, Paris, 1896.
243. *Vasiliev, A. A.*, History of the Byzantine Empire, Madison, 1952.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТЕОКРАТИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Осенью 1973 г. я был приглашен Йельским институтом Цинциннати прочитать цикл лекций по вопросам Церкви и Государства в Византии. Я испытываю глубокую благодарность за это приглашение не только потому, что встретил в Цинциннати исключительное гостеприимство, но также и потому, что эта задача побудила меня привести в порядок свои мысли по главному вопросу византийской истории.

Шесть лекций, прочитанных в Йельском институте, приводятся здесь с теми небольшими изменениями, которые необходимы, когда устное слово переводится в печатное. В небольшой книге, посвященной столь необъятному предмету, было бы совершенно немислимо пытаться подтвердить каждый факт и эпизод соответствующими источниками. Я указываю на источники при прямом цитировании, однако в целом ссылаюсь на современные труды, где заинтересованный читатель сможет найти дополнительную информацию и библиографию по всем тем вопросам, о которых бы ему захотелось узнать побольше. Мои ссылки на ученые труды демонстрируют также, сколь многим я обязан другим ученым, прояснившим для меня многие аспекты затронутого предмета.

Нельзя не отметить специальной проблемы транслитерации греческих собственных имен. Абсолютно последовательную систему, мне кажется, невозможно представить без скрупулезного соблюдения до смешного непривычных форм. Поэтому в каждом случае я пользовался тем, что представлялось мне наиболее распространенной формой транслитерации.

ВВЕДЕНИЕ

Цель нашего небольшого исследования — дать представление об империи, конституция которой — если пользоваться этим юридическим термином — была основана на чисто религиозном убеждении, что империя есть образ Царства Божия на земле. Многие племена и народы считали себя излюбленными чадами Божиими или его избранниками. При установлении любой монархии монарх всегда представлялся в начале или эманацией Бога, или сыном Божиим, или по крайней мере Его Верховным Священником — человеком, предуказанным Богом для того, чтобы пасти людей.

Однако империя, которую для простоты мы называем Византийской, придерживалась более сложных представлений. Византия считала себя вселенской империей. Идеально она должна была соединить всех людей на земле, которые — идеально — должны были стать членами единственной истинной христианской церкви, т. е. членами ее собственной православной церкви. Как человек был создан по подобию Божию, так и царство людей на земле было создано по подобию Царства Божьего. Как Господь царствует на небесах, так и император по Его подобию должен править на земле по Его заповедям.

Зло, однако, проникло в Божье создание и повредило человека грехом. Но если бы удалось достичь подобия — греческое слово *mimesis* «имитация», а император с министрами и советниками подражали бы Богу с Его архангелами и ангелами и сонмом святых, тогда бы и сама жизнь на земле действительно стала приготовлением к истинной жизни на Небе. Византийская империя просуществовала одиннадцать веков, причем в основном это было время ее упадка, так что в конце император правил не более чем разваливающимся городом-государством. Грех восторжествовал, и Господь наказал земное царство за то, что оно не сумело устроиться по образу Божьему. Однако в глазах самих византийцев император до последнего оставался наместником Бога, священным главой людей на земле.

У этого представления нет параллелей. Священная Римская империя Запада, которая, как давно заметил Вольтер, не была ни священной, ни Римской, ни империей, была знакома с идеей божественного наместничества императора лишь в туманной форме; причем глубоко погрязшая в феодальных и национальных традициях, она и не пыталась воплотить эту идею; у западного императора имелся могущественный соперник в лице Римского

понтифика, ограниченного, в свою очередь, собственным священством. Мусульманский халиф был, возможно, ближайшей параллелью: поскольку идеально и ислам был универсальной религией, главой верных мусульман являлся их священник — царь; но исламское богословие не считало последнего наместником Бога. Даже пророк был лишь пророком Бога. Халиф не был земным подражанием Богу, но скорее Его вдохновенным премьер-министром.

Теория была простой и ясной. Но практика была гораздо сложнее. Византийская империя была на деле Римской империей. Константин Великий придал ей новый облик, перенес столицу на Восток и обратив свое царство в христианскую империю. Однако ей не удалось скрыть своего римского прошлого. В особенности не могла она забыть римского права, бывшего по преимуществу гражданским правом; выработанное чередой администраторов-практиков, оно стало основательной и почтенной базой общества. Каковы были отношения наместника Бога с этим дохристианским инструментом правления? В этом вопросе также Римская империя, в особенности в ее восточной части, где находилась новая столица Константинополь, с гордостью сознавала себя наследницей эллинской культуры, философии и науки политики. Можно ли было пренебречь этим сознанием? Новая вера пусть и вытеснила отчасти философию, но могла ли она уничтожить такие слова, как «тирания», «олигархия» и «демократия»? Самое принятие новой религии породило дальнейшие вопросы. Религия с ее собственной организацией неизбежно порождала священную иерархию: с одной стороны, тех, кто обучен и предназначен для религиозного служения, и, с другой стороны, высших иерархов, занимавшихся созданием религиозных структур. Станут ли священство и иерархия подчиняться наместнику Бога, когда они сами обязаны толковать Божьи повеления и организовывать служение Ему? Подобные проблемы по необходимости и на деле влияли на теорию византийской теократии; причем главенствующей была проблема, как ее обычно определяют, взаимоотношений Церкви и Государства.

Здесь позволим себе дать осторожное определение слову «церковь». Для восточных христиан греческое слово *ecclesia*, или «церковь», всегда обозначало собрание верных, живых и умерших. В таком смысле церковь упоминается в Символе веры. Однако на практике, в особенности это касается Запада, мы все больше и больше употребляем слово «церковь» для обозначения священной иерархии, противопоставляя ее светским властям. В самом деле, в английском языке не находится другого подходящего слова для иерархии; так что, противопоставляя Церковь — Государству, мы делаем различие, не имевшее смысла для византийцев; причем одновременно мы совершаем историческую и филологическую ошибку. Именно отсутствие означенного противопоставления стало главной проблемой византийской теократии.

ХРИСТИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: ОБРАЗ БОГА НА ЗЕМЛЕ

Было или не было даровано императору Константину видение, обратившее его к христианству, — вопрос, о котором всегда будут спорить историки, следуя собственным наклонностям. Биограф императора Евсевий рассказывает, что много лет спустя Константин поведал ему довольно скромно, что по пути в Италию, куда он собирался вторгнуться, в 312 г. ему было видение Креста, сиявшего при полуденном солнце, а ниже слова: «Сим побеждай». Той же ночью во сне он видел Господа Иисуса Христа, повелевшего ему поставить на щитах его войска лабарум (*labarum*), т. е. христианскую монограмму ХР¹. Историки-рационалисты отвергают этот рассказ как выдумку самого Константина или даже выдумку Евсевия, прославившего среди них ненадежным льстецом. Благочестивые христиане усматривают здесь чудо. Другие считают, что Константин действительно видел редкое, но не уникальное природное явление и преувеличил его в своем воображении. Историк Лактаний свидетельствует, что солдаты Константина действительно несли лабарум на своих щитах в битве на Мильвийском мосту несколькими неделями позднее видения; однако Лактаний утверждает, что Константин имел видение непосредственно накануне битвы². Эти повествования не обязательно рассматривать как противоречивые. Константин говорил с Евсевием через 26 лет после самих событий и мог искренне забыть временной разрыв между двумя своими видениями. Надежно засвидетельствовано, что, когда он победителем вошел в Рим в конце октября 312 г., знаменем его войск был христианский символ; затем они несли это знамя и в тех восточных походах, которые сделали Константина властелином мира³.

Среди историков принято изображать Константина тонким и мудрым политиком, видевшим, что союз с христианами послужит делу империи. Боюсь, однако, что такие историки крепки задним умом. Римскую империю, конечно, одолевали проблемы: организационные и военные, социальные и экономические — они порождали атмосферу безнадежности и страха и ею же возрастали. Мудрые правители давно уже искали моральную силу, которая бы соединила и воодушевила их подданных. При этом преследование отдельных сект как христиан было частью официальной политики, нацеленной на моральное единство. Если императоры и склонялись к культу непобедимого Солнца, то все же

никогда они не считали его безусловно единственным. Он должен был стать лишь основой нового синкретизма. Начать покровительствовать христианам, религия которых была по существу своему единственной, означало революцию в политике. Кроме того, это было рискованной игрой. Было подсчитано, что во время Миланского эдикта в 313 г., когда христианской церкви была дарована свобода служения и законный статус, количественно христиане составляли не более седьмой части населения империи. В армии же христиан было очень мало, а это был главный ресурс императорской власти. Константин, возможно, верил и надеялся, что его собственная преданность Солнцу могла сочетаться с христианством, поскольку христианские писатели часто использовали Солнце как символ незаходимого Божьего света.

Верно, что из религиозных сект империи христиане были лучше других образованы, а их лидерами стали многие активнейшие граждане. Однако в описываемое время, как это вскоре стало известно Константину (если не было известно заранее), христиане разделялись схизмой и ересями, что умаляло жившую в них силу. Трудно поверить, что он рискнул бы отождествить себя с христианами, и это при том, что он никоим образом не стал нетерпимым к язычникам, если бы его обращение не было исключительно глубоким и искренним. Последующие слова и дела Константина продемонстрировали, что он очень серьезно взялся оберегать христианство. Если же его образ действий усилил также власть имперской автократии, то это скорее благодаря обстоятельствам, а также желаниям и чувствам христиан, чем далекоим расчетам с его стороны⁴.

Покуда христиане оставались группой меньшинства, не имевшей правового признания, у них не могло быть ни устойчивого богословия, ни церковной дисциплины. Нельзя было удерживать ересь, когда не было ясной официальной ортодоксии, нельзя было предотвратить схизму, когда не было законных основ управления. Впрочем, насколько это было возможно, христиане имели достаточно действенную организацию. Каждая поместная церковь находилась в полной власти своего епископа, пожизненно избранного духовенством и представителями мирян данного диоцеза с согласия также соседних епископов, один из которых его рукополагал, так что поддерживалась апостольская преемственность от учеников Христа.

Восточное христианство никогда не подвергалось сомнению харизматическое равенство всех епископов. Однако в конце III в., в период между гонениями Валериана и Диоклетиана, когда резко возросло число христиан, епископы взяли за обычай собираться время от времени в местной митрополии, под председательством епископа этой митрополии, который таким образом постепенно стяжал бесспорный административный и даже духовный авторитет среди своих собратьев. Удобства ради диоцезы географически совпадали с административными правительствен-

ными единицами, так что, когда Диоклетиан объединил провинции в крупные диоцезы, епископы больших городов—резиденций префектов получили действительную власть над провинциальными митрополиями.

К началу IV в. три епископа выдвинулись из прочих. К тому же времени Римский епископ уже приобрел определенное первенство среди других епископов, поскольку Рим был не только столицей империи, но и городом, где пострадали Св. апостолы Петр и Павел, а также поскольку по традиции первым епископом Рима считался Св. апостол Петр — первый среди апостолов. Епископ Антиохийский считался главой епископов азиатских провинций империи, причем его диоцез также был основан Св. апостолом Петром. Епископ Александрийский, чей диоцез был основан всего лишь апостолом Марком, а территория ограничивалась Египтом, имел под своей рукой практически самую обширную из трех территорий. Александрия являлась интеллектуальным центром империи. Густонаселенный Египет был почти исключительно христианским и превосходил численностью христианское население Европы и Азии; и Александрийский епископ, подражая примеру светского владыки Египта, который до Диоклетиановых реформ пользовался всей полнотой власти наместника императора, также присвоил себе право самому поставлять епископов в своем диоцезе. Несколько уступал трем названным епископ Карфагена, где, впрочем, также имелось немалочисленное христианское население; однако сам епископ безуспешно отстаивал свою независимость в борьбе с Римом⁵.

Эти выдающиеся иерархи стремились соблюдать не только дисциплину, но и единоверие каждый на своей территории и, насколько позволяла взаимная ревность, поддерживали отношения друг с другом в вопросах политики и доктрины, что было не так легко, поскольку единственным средством борьбы была эккоммуникация (отлучение), а многие доктрины еще не определились. Двое из величайших христианских отцов доконстантиновой эпохи — Ориген Александрийский на востоке и Тертуллиан Карфагенский на западе — оба уклонились от общепринятого православия и, хотя вследствие этого ни один из них не был канонизирован, оба оказали глубокое влияние на богословие. Гностические секты действительно были извергнуты из Церкви, но главным образом потому что не имели желания оставаться в ней. С другими вопросами и отклонениями не так легко было разобраться.

Константин едва успел предоставить христианам свободу богослужения, как уже оказался втянутым в их внутреннюю борьбу. Споры бушевали и в Египте, и в остальной Африке, причем возникали они на общем основании. Во время преследований некоторые христиане, как священство, так и миряне, подчинились власти язычников. Могли ли они быть вновь присоединены к церкви? Уже после гонений Декия римский пресвитер Новатиан возглавил тех, кто отказывался вступать в общение с вероотступ-

никами, несмотря на покаяние последних; и новатианцы не прекратили своего существования⁶.

Во времена гонений Диоклетиана возникла перебранка между двумя египетскими епископами Петром Александрийским и Мелитием Ликополиским, в связи с тем что Петр предложил облегчить эпитимью для верующих, совершивших жертвоприношения, причем наказание было различным в зависимости от того, что угрожало отрекшемуся — смерть, пытка или только заключение. Когда Петр, освободившись из заключения, начал претворять в жизнь свою программу, Мелитий со своими приверженцами его не поддерживали; так что позднее, когда Петр был вновь схвачен и претерпел мучения в 312 г., мелитианцы не признали его преемника Александра⁷. Одновременно в Африке языческая власть потребовала выдачи ей священных книг христиан. Некоторые епископы ради спасения своих конгрегаций пошли на это; однако партия экстремистов не желала иметь с ними ничего общего.

В 311 г., когда был избран новый епископ Карфагена Цецилиан, эти экстремисты, поддержанные богатой матроной Лукиллой, лично невзлюбившей Цецилиана, оспорили законность избрания на том основании, что в рукоположении принимал участие некий Феликс, епископ Аптогонский, которого обвиняли в «традиторстве» — выдаче священных книг властям. Взамен был избран некто Майорин, вскоре же умерший, а за ним — Донат, по имени которого получила название вся секта⁸.

Мелитианцы не распространились за пределы Египта, так что лишь по прошествии нескольких лет император узнал об их существовании. Что же касается донатистов, то они явились пред очи императора спустя лишь несколько месяцев после его воцарения в Риме. Мильтиад, епископ Римский, африканец по рождению, был глубоко обеспокоен этим расколом, как и епископ Кордовы Осия, избранный Константином в духовные наставники. Осия посоветовал императору поддержать Цецилиана. Тогда донатисты обращаются к императору, жест тем более знаменательный, что, как кажется, они в то время еще не знали о принятии императором христианства. Константин оказался втянутым в сугубо еклесиастический спор. Он с готовностью откликнулся. В письме к Мильтиаду, где он называет невыносимым положение, при котором народ, врученный Божественным провидением (его заботам), оказался разделенным на два лагеря, он поручает римскому епископу возглавить комиссию из трех епископов из Галлии (донатисты специально указывали на галльских епископов как на беспристрастных). Собор должен был опросить по десять африканских епископов от каждой стороны. Организация такой комиссии — типичный способ разрешения споров гражданской римской властью. Мильтиад ловко превратил эту комиссию в церковный собор, включив в нее тринадцать итальянских епископов. Константин оценил этот шаг, и, когда донатисты отказались признать решения этого собора, он созвал всех западных епископов на собор в Арле в 314 г.⁹.

Что бы ни думал Мильтиад, но именно Константин созвал собор в Арле, почитая это своей обязанностью. Константин, хотя и относившийся терпимо к языческим культам, был искренне опечален расколом в Церкви и считал себя лично ответственным за восстановление ее единства. В своем письме африканскому префекту Константин приказывает прислать африканских епископов в Арль и также пишет: «Я считаю решительно неверным скрывать от меня подобные споры, поскольку из-за таковых Господь может вооружиться не только против меня самого, кому он Своим Божественным повелением поручил управлять всеми делами людей»¹⁰. Собор в Арле отклонил апелляцию донатистов; однако еретики отказываются признать его решения. Тогда Константин обращается с посланием к епископам в Арле и, не скрывая своего гнева, повторяет, что он будет считать своим долгом императора проследить, чтобы раскольники были наказаны¹¹. В 316 г. он наконец выносит решение в пользу Цецилиана¹².

Проблема донатистов была проблемой раскола, поскольку никто не затрагивал глубинного богословского вопроса: продолжает ли почивать благодать на епископе, совершившем смертный грех? Вскоре, однако, перед Константином встала проблема, затрагивавшая основы христианского богословия. К концу 324 г., будучи уже поборником христианства, он одержал верх над своим соперником Ликинием и стал единовластным правителем империи. Но едва он обосновался в Никомидии, тогдашнем административном центре Востока, как он узнал, что Восточная церковь раскололась по вопросу доктрины.

Здесь неуместно подробно обсуждать арианство, однако следует привести на память некоторые основные факты. Арий, ученый, Александрийский пресвитер и проповедник, выступил около 319 г. с учением о том, что Христос сотворен во времени, рожден же он для творения мира Богом как орудие творения и искупления. Он был Сын Божий, но иной природы, чем Бог Отец. Это учение было не новым. Отчасти оно проистекает из идеи монад неоплатоников, отчасти из иудейской традиции и в мягкой форме из субординационизма, т. е. из поставления Сына в подчиненное положение относительно Отца. В скрытой форме этого учения придерживались такие Отцы Церкви, как Юстин, Ириней и Климент Александрийский, а Ориген — более явно; также и священномученик Лукиан Антиохийский, бывший учителем Арии, как кажется, открыто исповедовал это учение. Сам Арий придал уже существовавшему учению лишь более определенную и ясную форму, за что и был отлучен собором египетских епископов, созванным Александром, епископом Александрии.

Однако в Египте у Арии оставалось множество последователей, в особенности среди женщин. Говорят, его обычно сопровождали 700 благочестивых и крикливых дев. Были у него сторонники и в Азии. По его требованию Евсевий, епископ Никомидийский, некогда обучавшийся с ним вместе у Лукиана,

созвал собор епископов в своей провинции Вифинии, и этот собор одобрил учение Арии. Затем Арий отправился в Палестину, где нашел сочувствие и у Евсевия, епископа Кесарийского. Собор палестинских епископов также поддержал его учение, однако побудил его искать примирения с Александром Александрийским. Александр, миролюбивый по натуре человек, надеялся, что Арий успокоится и противоречия исчезнут. Однако Арий, имевший к тому времени могучую поддержку, не собирався молчать. Последовала война памфлетов, полных взаимных обвинений в ереси, становившихся все более резкими по тону¹³.

К своему ужасу, Константин обнаружил на Востоке такие же неистовые споры, как и в Африке, причем по поводу, представлявшемуся ему малозначительным. Он написал письмо и приказал Осии Кордовскому отвезти его в Египет и передать и Александру, и Арию. Пусть они берут пример с философов, писал император, которые хотя и расходятся по пустякам, но все же остаются сотрудниками для сохранения цельности философской доктрины. Он бы сам желал посетить Египет, однако не может сделать этого ввиду подобных споров. «Откройте мне вашим согласием дорогу на Восток, которую вы закрыли вашим раздором»¹⁴.

Осий вскоре обнаружил, что ни Александр, ни Арий не склонны к соглашению, причем он узнал еще об одном расколе — мелитианстве. Тогда он посоветовал императору действовать. Тем временем неистовый противник Ария Маркелл, епископ Анкирский, решил созвать местных епископов на собор и отлучить Ария; в согласии с этим и сирийские епископы, собравшись в Антиохии для избрания нового епископа, не только избрали другого горячего антиарианца Евстрафия, но и отлучили трех епископов, включая Евсевия Кесарийского, за арианство. Константин был недоволен, однако он перехитрил Маркелла, перенес собор в Никею, куда он призвал всех христианских епископов¹⁵.

Никейский собор, Первый Вселенский собор, стал центральным событием в истории христианства, хотя в действительности мы знаем о нем очень немного. Присутствовало, возможно, около пятисот епископов, почти все они с грекоязычного Востока, при этом примерно сто епископов — из Малой Азии. Запад не проявил интереса. Епископ Римский Сильвестр сказался больным и послал для представительства двух дьяконов. Только один епископ прибыл из Италии, один — из Галлии, и один — из Иллирии. Присутствовал Цецилиан из Карфагена, но никого не было из Британии и никого — из Испании, кроме Осии Кордовского, прибывшего в качестве представителя императора. Пять епископов приехали из-за границ империи¹⁶. Официально собор открылся 20 мая 325 г. После того как собрались все епископы, вошел император в пурпурных одеждах византийского монарха, однако он смиренно отказывался сесть, пока епископы не дали ему позволения. После торжественных приветствий епископа,

расположившегося справа от него, возможно Евстафия Антиохийского (имя этого епископа не упоминается), император произнес короткую речь по-латински, затем последовал ее греческий перевод. В своей речи император сожалел о раздорах внутри Церкви и призывал епископов снискать Божию милость и благодарность императора, покончивши с несогласиями.

Не вполне ясно, как часто появлялся затем император во время дебатов и насколько широко были полномочия Осии¹⁷. Так же не ясен самый ход дебатов. Мы, впрочем, знаем, что Евсевий Кесарийский, без сомнения, по просьбе императора, знавшего его как умеренного, предложил, чтобы собор присоединился к традиционному для церкви Кесарии Символу веры. Предложенное им *credo* отличалось безупречностью формулировок относительно естества Господа нашего Иисуса Христа, причем ничто в нем не задевало ариан. Епископы не могли не принять его, хотя антиариане настаивали на добавлении и более сильных определений¹⁸. По мере того как дебаты становились все более острыми, Константин предложил добавить определение *homoousios* — «единосущный» для описания отношения Сына к Отцу. Это определение не было новым в богословии: в 268 г. оно было отвергнуто Восточным собором, однако Рим считал такое определение ортодоксальным, и, без сомнения, именно Осия, западник, не сведущий в истории Востока, рекомендовал это добавление императору¹⁹. Обе партии Востока неодобрительно относились к этому добавлению, однако они трепетали перед императором, а антиариане внесли еще две-три разъяснительные фразы²⁰. При голосовании за принятие этой формулы только два епископа отказались ее поддержать. Вместе с Арием они были затем отлучены. В то же время мелитианский раскол кончился компромиссом: епископство мелитиан признавалось благодатным, если они соглашались признать Александра Александрийского. По-видимому, мелитиане были противниками Арии, и настало, таким образом, время их воссоединения²¹.

Константин был в восторге от результатов собора. «По Божьему внушению, — писал он Александрийской церкви, — я собрал в Никее огромное множество епископов, с которыми я как смиренный сотрудник сам подверг рассмотрению истину»²². При ближайшем рассмотрении, однако, его восторг оказался необоснованным. Арий не собирался молчать; и если Александр Александрийский был склонен к примирению, то его преемник Афанасий был покрепче. Вскоре же благодаря этой своей непреклонности он вступил в конфликт с императором, который к тому времени склонялся к умеренному субординационизму, возможно, под влиянием Евсевия Кесарийского, взявшего на себя после престарелого Осии роль главного духовного советника императора. Мать Константина Елена была исключительно предана Лукиану Антиохийскому, учителю Ария, ему посвятила она большую основанную ею церковь в Геленополе. Немудрено, что Евстафий Антиохийский недолго любил Елену и распространял

сомнительные истории о ее молодости. Его вскоре сместили, якобы за аморальность. Другой яростный противник Ария, Маркелл из Анкиры, был смещен за то, что выставил себя в глупом свете во время дебатов с Евсевием Никомидийским и Евсевием Кесарийским, — оба были наушниками императора. В конце концов даже Афанасий был сведен со своей кафедры и отправлен во временную ссылку. Константин желал принести мир в Церковь, однако она, как и прежде, оставалась расколотой²³.

Неудивительно, что император начинал гневаться и принимать свои меры. Мы обнаруживаем, что в приготовление к Тирскому собору 335 г. он пишет епископам: «Если же кто-нибудь не внемлет моему призыву, чего я не ожидаю, я пошлю своего подчиненного, чтобы доставить его и втолковать неслушнику, что он не имеет права сопротивляться приказам императора, ищущего защитить истину»²⁴. Мы обнаруживаем также в его посланиях еретикам, что их непотребства оправдывают вмешательство императора и репрессии. Себя он называет «епископом тех, кто вне Церкви», причем, как кажется, он считает себя ответственным и за души язычников, которых и впредь намерен терпеть, и за души еретиков, которых он терпеть не собирается²⁵. Также, как явствует из его письма царю Персии, он чувствует свою ответственность за христиан, живущих за границами его империи²⁶. И тем не менее он со смирением сознает, что дело епископов и собора, а не его высказываться по богословским и экклесиалогическим вопросам, хотя сам он и может, как в Никее, с достаточной властью предложить собственное решение. Возможно, неуверенность в себе была причиной того, что он откладывал собственное крещение до самого смертного своего часа, когда он был крещен наконец полуарианином Евсевием Никомидийским. Однако он совершенно искренне считал своим святым долгом императора следить, чтобы Церковь, к которой он обратился, была сильной и единой; это убеждение императора предопределило будущее.

Как могла Церковь принять этого нового владыку? До тех пор она оставалась автономной; до тех пор она старательно следовала велению Господа «оставить кесарю кесарево». Она прислушалась к приказу Св. апостола Павла повиноваться монарху. Св. Афиногор Афинский с готовностью признавал Марка Аврелия не только превосходнейшим из людей по власти и разумению, но также и по всесторонней учености²⁷. Тертуллиан подчеркивал преданность христиан императору. «Мы всегда за него молимся, — говорил он, — мы должны чтить его как избранника Божия. Я даже могу заявить, что он больше наш, чем язычников, так как он поставлен над нами Богом»²⁸. Христиане стремились быть добрыми гражданами, послушными светским властям. Если же император примет христианство, то, конечно, исчезнет всякая напряженность между правительством и Церковью. Однако победа Креста дала ли власть императору над духовной жизнью христиан?

Понятие священника-царя встречается в Ветхом Завете и связано с туманной фигурой Мелхиседека, а позднее — Давида; кроме того, есть Моисей, изведший свой народ из плена и лично получивший Заповеди Божьи, в то время как первосвященником был Аарон. Таким образом, как иудеям, так и первым христианам были известны правители, особенно связанные с Богом²⁹. Однако сама идея божественной монархии развилась в Персии. Именно там в дозоратустровы времена царь являлся также обладателем неземной славы, данной ему Богом Света. Символом этой славы был нимб, или, вещественно, сияющая диадема, и мерцающая одежда, которые царю следовало носить³⁰. Еще раньше египтяне подчеркивали божественное происхождение монархии; однако там власть жрецов контролировала царские притязания³¹. Греческая философия впитала многие персидские и египетские представления. Можно обнаружить у Аристотеля утверждение, будто идеальный властелин должен быть земным образом Зевса, а у Исократа — земным образом Геракла³². Однако только в эллинистических государствах, где монархия почиталась божественной по персидскому образцу, развилась философия царственности. В VI в. н. э. некий Иоанн Стобей издал антологию работ о царственности, которые он довольно безосновательно приписывал античным философам, но которые в действительности восходят к III—II вв. до н. э. Так, в «Архите» царь провозглашался одушевленным законом. «Стенид» объявлял мудрого царя подражателем и представителем Бога. В «Диотогене» читаем, что Бог есть то же во вселенной, что царь — в государстве, причем государство воспроизводит порядок и гармонию вселенной, так что и царь становится богом среди людей. Еще более многозначительны построения в «Экфанте», где говорится, что Божественный логос, который сеет порядок и посещает человека, чтобы восстановить то, что было похищено грехом, этот логос воплощается в царя³³. Некоторое время спустя Плутарх повторяет то же: Бог установил как свой образ на небесах солнце и луну, а в земном государстве такой образ и слава — царь, который должен руководствоваться логосом³⁴.

Константину повезло: его биографом и панегиристом стал Евсевий Кесарийский, ученый, без сомнения знакомый с приведенными текстами и сделавший их основой собственной теории христианской империи. Прежде всего ему следовало оправдать Римскую империю. Филон уже показал, что Рим принес в мир покой и единство и за это предпочтен Богом. Ориген прибавил христианский довод, указавши, что Бог благоволил послать Сына Своего в мир в тот момент, когда Рим обеспечил покой и единство, так что Евангелие могло беспрепятственно распространяться среди людей³⁵. По Евсевию, теперь, когда римский император принял христианскую благую весть, наступило торжество истории. Теперь он стал мудрым правителем, образом Божиим, а его царство может стать образом Царства Небесного. С некоторыми подходящими изменениями Евсевий просто при-

нял учение Диотогена, Экфанта и Плутарха. Царь — не Бог среди людей, но наместник Бога. Он не является воплотившимся логосом, но он стоит в особых отношениях с логосом. Его особенно избрал Бог, он вдохновляется Богом, он друг Божий, он толкователь Слова Божьего. Его глаза возведены горé, поскольку он ждет указания Божьего. Следовательно, его надо окружать таким почетом и славой, какие подобают земному подобию Божью. Он же «создаст свое правительство на земле по модели божественного происхождения, находя силы в согласии с властью Бога»³⁶.

Идеал был прекрасен, однако многие вопросы требовали ответа. Каковы должны быть отношения божественной империи с римским правом и традициями римской конституции? Евсевий был эллинизированным сирийцем и мало знал о римских обычаях. По римской теории императорская власть происходила из полуфиктивного *lex de imperio*, посредством которого народ Рима передавал свои суверенные права Августу. Последнего избирали армия, сенат и народ; и если, случалось, он был непопулярен или несостоятелен, выборщики заботились о его смещении или посредством армейского бунта, или интриг гражданского управления, или народного восстания. Можно ли было так обходиться с наместником Бога, даже если бы его грехи или недостатки и делали его неподходящим для такой роли? Новая теория не заметила этой проблемы, так что в конце концов старая практика осталась в силе. Среди преемников Константина, как и среди его предшественников, многие встретили свою судьбу в виде одной из трех описанных возможностей. Опять же, хотя в Риме император уже стал законодателем, все же закон был сильнее его. Новая теория хотя и предлагала считать императора законом во плоти, но не могла отменить святости самого закона. Закону должен был повиноваться и сам император. Византийские юристы бились затем над этой проблемой в течение столетий.

Появилась также проблема, порожденная самим триумфом христианства. Каково было место священной иерархии в рамках этой теории? Могла ли она терпимо относиться к императору, который, говоря современным языком, имел собственное отношение к Богу. Константин сам признавал, что по вопросам богословия может высказываться только собор епископов. Однако право созывать собор он оставлял за собой; он же (со своим особым отношением к Богу) мог направлять и возглавлять его. Ему повезло, поскольку он царствовал в то время, когда Церковь истово искала единства и мира, а также и потому, что в то время не нашлось сколько-нибудь выдающегося иерарха вплоть до Афанасия. Важно отметить, что Евсевий был субординационистом в своем богословии Троицы, так что ему было не трудно расширить свои субординационистские представления до того, чтобы включить в них императора как своего рода земную эманацию Троицы³⁷. На это никогда не могли пойти Афанасий и его школа с их разработанным учением о Троице. Великие иерархи старались быть хорошими гражданами; однако они все

еще контролировали Церковь. Как же мог человек, воспитанный подобно Афанасию в такой традиции, покориться светскому вмешательству, тем более что были основания сомневаться в строгости православия светской власти? В будущем виделась беда.

Однако в общем и целом установления Евсевия сохранялись в Византии несколько веков. Никогда его конституция не была законной, так что ее было легко приспособить к нуждам времени. Оставались живыми и римские традиции, которыми эта конституция испытывалась и которые напоминали императору, что если он представляет Бога перед людьми, то в его обязанность входит также и представлять свой народ перед Богом. На Западе новая конституция не привилась и с падением империи исчезла. Западная мысль отдала предпочтение противоположной концепции Св. Августина о Граде Божьем. В Византии же она укрепляла чувство единства, самоуважения и божественного предназначения — и все это до конца служило империи. Благодарить за это надо Константина, человека, который не был отмечен ни исключительным умом, ни святостью, но был практичным, терпимым и добросовестным администратором, искренне обратившимся ко Христу. И хотя он был крещен только на смертном одре и епископом сомнительного православия, он стал одним из самых почитаемых христианских святых, и его имя сохранилось в веках как равноапостольное.

Глава 2

НАМЕСТНИК БОГА: РАСЦВЕТ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

Константин умер, облаченный в белоснежное одеяние, 22 мая 337 г. Его владения перешли к трем сыновьям: Констанцию, Константину II и Константу. При разделе Константин II взял себе Галлию, Британию и Испанию, Констант — Италию, Африку и Иллирию, а Констанций — весь Восток. Таким образом, была как бы упразднена теория, что Бог — на небе и один император — на земле, если, конечно, не видеть в их тройном управлении отражения Божественной троичности. Вряд ли, однако, таковы были взгляды наследников, поскольку они были воспитаны в сочувствии арианству или, скорее, субординационизму, так что каждый стремился подчинить (в плане субординации) себе своего брата. Константин II был убит в 340 г. в ходе борьбы против Константа; Констант был умерщвлен узурпатором Максентием в 350 г., а Максентий был убит Констанцием в 353 г. С тех пор вплоть до своей смерти в 361 г., когда собственный племянник Юлиан поднял против него восстание, Констанций был властелином империи¹.

Историки недоброжелательно отнеслись к Констанцию, отчасти излишне симпатизируя Юлиану, ненавидевшему его, отчасти же потому что он оскорбил стойкого поборника тринитарного православия Афанасия. На деле же он был сведушим и добросовестным правителем с умеренно арианскими наклонностями, но терпимый и, подобно отцу, стремившийся утвердить в Церкви приемлемый компромисс. Его брат Констант, живший на Западе, принял никейскую веру и в 343 г. созвал собор в Сердике (Софии), подтвердивший никейские догматы, хотя он и был бойкотирован восточными епископами². Сам Констанций не однажды созывал соборы с целью примирения ариан, за что Афанасий относился к ним глубоко неодобрительно. Возможно, у Констанция не было такта и тем более влияния его отца. Старый друг Константина Осия Кордовский сурово писал ему: «Не вмешивайся в церковные дела и не распоряжайся там. Скорее у церкви проси совета», и далее: «как нам не разрешено управлять миром, так и вам не разрешено размахивать кадилом»³. В своей «Истории ариан» Афанасий сравнивает императора с Валтасаром и фараонами. Он — отцеубийца, похуже Пилата и предтеча Антихриста. Не следует, впрочем, забывать, что «История ари-

ан» предназначалась для узкого круга читателей и Афанасий просил вернуть ему все копии. Однако его стиль ясно показывает, что он не был готов принять наместника Бога, чьи взгляды расходились бы с его собственными⁴.

Если бы Афанасий мог знать, что следующий император вообще не будет христианином, он бы терпимее отнесся к Констанцию. Возвращение к язычеству Юлиана, как и презрительное пренебрежение с его стороны христианами, вызвало неукротимый гнев Афанасия, причем еще труднее было рядовым христианам, начинавшим верить, что император — это наместник Бога на земле; хотя исторический эксперимент Юлиана был заведомо устаревшим и потому недолгим. Даже если бы он не был убит, его фантастические верования не привились бы в империи, ставшей в основном христианской. Полувековое покровительство императора способствовало чрезвычайному росту числа христиан. Поздно было возвращаться к язычеству⁵. Впрочем, Афанасию были неуютны и последовавшие за Юлианом христианские императоры. Недолгое правление Иовиана прошло незаметно. Преемник его Валентиниан пришел с Запада, где арианство встречалось редко, и исповедовал то, что Афанасий одобрял; однако он назначил своего брата Валента Восточным императором, а Валент побеждался арианством. Ко времени своей смерти в 373 г. Афанасий был в опале, однако размах его личности и пылкость его писаний обеспечили окончательную победу его учений, хотя победа была достигнута посредством императорской власти, а его критика в адрес императоров была совершенно забыта⁶.

Император-арианец Валент был убит готами в 378 г. в битве при Андрианополе. Смерть императора-еретика привела в восторг такого православного святого, как Амвросий Медиоланский. Западный император Грациан, преемник Валентиниана, был православным; позднее он вручил Восточную империю другому выходцу с Запада, испанцу Феодосию, разделявшему религиозные взгляды Грациана. Феодосий твердо вознамерился установить религиозное единство. В начале 380 г. в Фессалониках было издано постановление, предписывающее всем христианам следовать никейскому учению, «преподанному апостолом Петром римлянам, а ныне исповедуемому Дамаскием Римским и Петром Александрийским»⁷. В этом же году Феодосий вступил в Константинополь, и, хотя чернь там имела симпатии к арианству, он не поколебался. В мае 381 г. он собирает в Константинополе церковный собор, известный как Второй Вселенский собор, хотя в действительности там не было ни одного епископа к западу от Адриатики, а римский епископ был представлен митрополитом Фессалоникийским. Собор подтвердил никейскую веру и учение и анафематствовал всех, кто от них отходил. Сам император, одобряя каноны, издал законы против тех, кто им противился⁸. Его твердость принесла успех. Отныне арианство, хотя еще и влачилося по азиатским окраинам, но своей силы лишилось повсюду, кроме готов и дружественных им племен. Готы были об-

ращены в христианство епископом Ульфилой, также готом, учеником Евсевия Никомидийского. Упорное арианство этих племен стало источником чрезвычайного беспокойства Западной церкви в последующие два столетия⁹.

Падению арианства на востоке содействовали три богослова из Каппадокии, к тому времени возглавившие православное христианство, — Василий Кесарийский, его брат Григорий Нисский и Григорий Назианзин. Они твердо стояли в вере и по временам храбро за нее бились, но они не были такими непреклонными, как Афанасий, и смогли присоединить многие общины, ранее оскорбленные им. Они не допускали применения силы к еретикам. По отношению к императору их взгляды напоминали взгляды Евсевия: император — наместник Бога на земле, однако долг священства направлять императора на верную духовную стезю. Император нуждается в помощи Церкви и лишь с ее помощью может стать христианским философом — царем. Феодосий прислушивался к каппадокийцам, которых он весьма почитал¹⁰.

Отношения же Феодосия с западным святым его времени Амвросием Медиоланским складывались не так удачно. Амвросий уважительно относился к императору Грациану и поддерживал его. Однако, когда наследник Грациана, Валентиниан II, попытался передать базилику арианам, Амвросий заявил ему: «Не думай, что у тебя есть императорская власть над тем, что Божье»¹¹. Когда после смерти Валентиниана II Феодосий прибыл в Италию, чтобы принять власть над целой империей, и там приказал епископу Каллиникийскому перестраивать синагогу, захваченную по приказу этого епископа, Амвросий публично порицал императора в своей проповеди за вмешательство в дела Церкви¹². Впрочем, позиция Амвросия была более сильной, когда он отказал в причастии Феодосию за его приказ избить мятежное население Фессалоники. Феодосий признал свою преступную вину. Весь этот эпизод затем был сильно преувеличен западными историками; однако следует помнить, что Западная церковь не вполне разделяла взгляды Евсевия, как это особенно ясно стало в будущем¹³.

Возможно, что именно под влиянием Амвросия Феодосий предпринял действия против язычников. Постановления, принятые в конце его правления, запрещали прежде всего языческие жертвоприношения. Кроме того, были закрыты языческие капища. Поначалу император предполагал освятить их и был недоволен, когда христианские фанатики их просто разрушили. После восстания язычника Арбогаста в 393 г. он принял более строгие меры. К концу столетия все языческие капища и празднества были запрещены, и жертвоприношения могли теперь совершаться лишь в частном порядке¹⁴.

Тем временем в еkkлeсиастической организации произошли значительные перемены. Одним из лучших государственных деяний Константина стало основание новой столицы Империи на месте городка Византия. Новый Рим, или Константинополь,

имел идеальное для столицы местоположение. До нее было легко добраться, но и оборонять ее было легко, столица имела превосходный порт и плодородные защищенные земли. Впрочем, при обширности обязанностей императоров, они не часто жилали в своей столице до конца IV в. Однако там сосредоточивались все гражданские службы, в особенности при Феодосии, и население этого города быстро росло. Епископ Византийский подчинялся митрополиту Гераклеи, но, очевидно, что со временем епископ огромного столичного города должен был занять более высокое положение. Скоро епископ Константинопольский сравнялся по положению с епископом Старого Рима, Александрии и Антиохии. На Константинопольском соборе император, любивший аккуратность, разместил эти великие диоцезы в определенном порядке: Константинополь следовал за Римом, а за ними Александрия и Антиохия. Соответствующий канон, впрочем, не принимался Римом и горячо отвергался Александрией, но вскоре новый порядок утвердился¹⁵. В следующем столетии великие иерархи этих диоцезов получили титулы патриархов, хотя епископ Римский предпочитал называться папой, а епископ Александрийский — и патриархом и папой; впоследствии диоцез Иерусалима был присоединен к патриархатам, скорее благодаря освященности этих мест, чем по своей действительной важности¹⁶. Феодосий выделил новое положение Константинополя, когда в июле 381 г. издал эдикт о том, что истинность веры обеспечивается общением с Константинополем и Антиохией и «важнейшими диоцезами Востока», которые перечисляются, как кажется, лишь по причине личных выдающихся качеств их епископов. Некоторые исторические диоцезы, как Эфесский и Никомидийский, опущены, несомненно, из-за меньшей значимости сравнительно с Константинополем¹⁷.

Феодосий I умер в Милане в январе 395 г., завещавши восточную половину империи своему старшему сыну Аркадию, который, впрочем, уже правил как наместник в Константинополе; западная половина империи была завещана более молодому Гонорию. Империя все еще считалась единой, и императорские указы и постановления издавались от имени обоих императоров независимо от того, которым из них они реально вводились. Жалкое правление Гонория остается в стороне от исследуемых нами вопросов, в то время как правление Аркадия было весьма важным для истории Византии. Он был первым императором, избравшим постоянным местом своего пребывания Константинополь, его предшественники постоянно переезжали. Аркадий редко беспокоил себя поездками за город, да и за стенами Великого Дворца появлялся редко. Теперь, когда императорский двор имел постоянное местопребывание, можно было разработать и привести в порядок придворные церемонии, о которых давно мечтал император. И в будущем появится немало императоров-воинов, лично ведущих за собой армии, но в Константинополе император стал недоступной личностью, которая появ-

лялась на публике лишь по особым случаям, в соответствии с ритуалом, в сопровождении придворных и окруженная помпой и тайной, приличествующими наместнику Бога на земле. В то же время росло влияние гражданской администрации, поскольку именно она постоянно входила в контакт с императором; по той же причине усилилась роль императрицы¹⁸. Замечательно, что именно о коронации жены Аркадия Евдоксии у нас имеются первые свидетельства. Начиная с этого исторического момента августа тоже становится участницей мистики церемониала¹⁹.

И тем не менее за парадным явлением императорской четы нам видятся простые смертные, каковых мы видим, в частности, в Аркадии и Евдоксии. Если Феодосий I надеялся, что, возвысив епископа Константинопольского до положения первоверховного в Восточной церкви, он превратит главу восточной иерархии в приживалку императорского дворца, готовую служить на побегушках, то он был слишком самонадеян. В 398 г. Аркадий способствует возведению на епископский престол в Константинополе выдающегося проповедника Иоанна, прозванного Хризостомом, т. е. Златоустом. Как человек Златоуст был импульсивен и противоречив. Он первый был готов считать земную империю отражением Царства Небесного и всячески одобрял и поддерживал императорский этикет и антураж. Но он был аскетом, и его ужасала пропасть, пролежавшая между баснословным богатством и причудами высших классов столицы и устрашающей нищетой городских трущоб. Он полагал, что у женщин должны быть равные права с мужчинами как в отношении имущества, так и в случае супружеской неверности, но вместе с тем считал, что женщины оказывают на мужчин нездоровое и легкомысленное влияние. В скором времени он поссорился с благочестивой, но любившей роскошь императрицей. Сначала он обвинил ее в присвоении имущества, по праву принадлежавшего бедной вдове. Затем наступило примирение, но вскоре он почувствовал себя оскорбленным, поскольку императрица искала благословения умиравшего Св. Епифания Кипрского, а Иоанн подозревал Епифания в интригах против него.

Он произнес неистовую проповедь в храме Св. Софии против женщин вообще, ссылаясь на нечестивую и развратную Иезавель (3 Цар. 16.29—22.40), причем, говоря, Иоанн взирал на императрицу. Та пришла в гнев. С помощью Феофила, епископа Александрийского, ревновавшего о своем диоцезе и своем влиянии, она убедила Аркадия созвать собор для низложения Иоанна. Однако Златоуст пользовался большой любовью в городе, где сразу же начались народные волнения, за ними последовало землетрясение. Суеверная императрица вновь призвала Иоанна на служение и постаралась его умиротворить. По своему возвращении Златоуст произнес целую евлогу императрице, и все могло бы окончиться благополучно, если бы городские власти не вздумали воздвигнуть серебряную статую Евдоксии на порфирной колонне как раз против врат храма Св. Софии. Соответствующие церемо-

нии в древней языческой традиции с музыкой и плясками помещали службе в храме. Разгневанный Златоуст уже на следующее воскресенье произнес в начале службы проповедь: «Вновь беснуется Иродиада... и ищет головы Иоанна». После этого императорская чета и епископ прекратили общаться; а через 6 месяцев в июне 404 г. Аркадий, не решавшийся до тех пор наказать столь популярного пресвитера, объявил Златоуста низложенным и выслал его. В день отбытия Иоанна вспыхнул огромный пожар, повредивший не только храм Св. Софии, но и расположенное рядом здание сената. В поджоге обвинили Иоанна и его друзей. Иоанн Златоуст умер в ссылке в 407 г.²⁰

Златоуст был не богословом, но моралистом. Его нападки на двор имели моральные основания, и в этом его поддерживало общественное мнение. Действительно его жертвой был не император, а императрица, не занимавшая столь священного положения. Однако нападки на императрицу были ясным, хотя и опосредованным обвинением императора. В результате за константинопольским патриархом закрепилась роль хранителя императорской совести: по вопросам морали император был вынужден слушаться священства²¹.

Однако вскоре новый богословский вопрос стал угрожать единству христианства. В V в. на Востоке разгорелись споры относительно истинной природы Христа; эти споры были отягощены восстаниями в крупнейших епископальных диоцезах. Александрийская церковь, в особенности после победы над Арием, подчеркивала Божественную природу Христа. Антиохийская церковь выделяла, скорее, Его человеческую сущность. В 428 г. Феодосий II, сын Аркадия, назначает на Константинопольскую кафедру антиохийского проповедника Нестория: тот же вскоре поднимает немалую бурю своим заявлением, что Деву Марию не следует называть Матерью Божьей. Кирилл, епископ Александрийский, пришел в ярость, поскольку его совершенно не радовала возможность объявить своего брата в Константинополе еретиком. Раздоры и несогласия относительно человеческой природы Христа вскоре захватили все восточные церкви. Многозначительно, что Кирилл и Несторий начали искать помощи императора не для того, однако, чтобы он произнес свое учительное суждение, но для того, чтобы он созвал собор, который бы вынес истинное решение. «Дай мне землю, свободную от еретиков, — писал Несторий императору, — и я дам тебе в награду небеса»²². Кирилл же, менее добросовестный, но более тактичный, писал к сведению императора — «образа Божия на земле» — о появлении ереси относительно Богоматери²³. У Феодосия не было сильной натуры его деда и тезки; он пришел в смятение.

Он скорее любил Нестория, в основном потому что его старшая сестра, долго его запугивавшая, не любила епископа. Он также был раздражен тем, что Кирилл за его спиной обратился к римскому епископу и просил его созвать собор в Риме для низложения Нестория. Феодосий не мог с этим смириться и яко-

бы в союзе с западным императором Валентинианом III созвал собор, известный как Третий Вселенский собор, в Эфесе в 431 г. Сам он отсутствовал на соборе, а его представитель граф Кандид совершенно не был в состоянии управлять происходившим. Первым прибыл Кирилл Александрийский, со свитой около двухсот епископов. Иоанн, епископ Антиохийский, и его спутники задержались, так что Несторий со своими сторонниками отказались участвовать в дебатах до их появления на соборе. Несмотря на протесты Кандида, Кирилл настоял на открытии собора, притом что в наличии были только его сторонники. Несторий был провозглашен низложенным. Когда наконец прибыл Иоанн Антиохийский, он вместе с партией Нестория открыл параллельный собор в соседней церкви при главенстве Кандида. Второй собор провозгласил низложенным Кирилла. Кандид попытался соединить оба собора воедино, но безуспешно. Когда обо всем сообщили Феодосию, он стал тянуть время, причем он признал обоих: и Нестория и Кирилла низложенными. Несторий с достоинством удалился в монастырь, однако позднее был сослан. Кирилл же, чьи сторонники подкупили константинопольских монахов, демонстративно вернулся на свою епископскую кафедру, заручившись полной поддержкой Рима и Запада²⁴.

Несколько лет спустя конфликт возобновился, и Феодосий снова оказался несостоятельным. Кирилл умер в 444 г., и вскоре пожилой константинопольский монах Евтихий, близкий Кириллу, выступил с учением о том, что Христос имеет одну природу — Божественную. Таково было естественное развитие взглядов Кирилла, но епископу Константинопольскому Флавиану они казались еретическими. Проведенный Флавианом синод осудил новое учение. Затем Диоскур Александрийский, сторонник Кирилла, выступил в его поддержку. Обе стороны постарались заручиться поддержкой Рима, однако римский епископ Лев I Великий отверг учение Евтихия. По мысли Льва в соборе не было нужды, однако он не возражал, чтобы такой собор был созван на Западе; также он составил документ *tomus*, содержащий верное, по его мнению, учение. Вся проблема могла быть разрешена, однако император думал иначе: следует созвать собор, и при том на Востоке. Император ничему не научился. Он снова позволил провести его в Эфесе и позволил Александрийскому епископу председательствовать на нем. Диоскур прибыл с охраной из восточных монахов, готовых вступить в схватку с противниками: в этих условиях посланники императора не сделали ничего, чтобы их осадить. Римским делегатам не было позволено присутствовать. Флавиан был смещен; Евтихий — провозглашен православным, а один из его сторонников, Анатолий, возведен на константинопольский престол. Император нехотя согласился. Этот «воровской», по определению папы Льва, собор сильно повредил авторитету и константинопольского епископа и императора²⁵.

Феодосий II, этот замутненный «образ Бога», умер в 450 г. Казалось, император навсегда утратил свой авторитет в Церкви.

Сына у него не было, и его сестра Пульхерия, задолго до того коронованная им как Августа, теперь нарекала ему преемника, преклонных лет полководца Марциана, который женился на ней. Здесь впервые мы сталкиваемся с тем, что позднее стало конституционной практикой: за отсутствием императора императрица имеет право передачи императорской власти²⁶. Пульхерия всегда порицала слабость своего брата; сама же она со своим царственным супругом правили в традиции Константина и Феодосия I. Невзирая на протесты Льва Великого, они созвали собор на Востоке, в Никее; впрочем, позже он был перенесен в Халкидон, где им было легче наблюдать за епископами. Папа Лев нехотя согласился быть представленным. Чтобы его умиротворить, папскому делегату было предоставлено первое место на соборе, а папский *totius* был взят за основу в дискуссии. Однако *totius*, написанный прямым латинским наречием, не мог передать тех тонкостей, которые обсуждали на своем языке греки. Так что была прибавлена некая формула Кирилла Александрийского. Было признано, что Христос имеет две природы, нераздельные и неслиянные, каждое естество (*ὁμοῦσας*) соединялось в одном лице (*φθσις*). Это был компромисс. «Никакоже претерпевшего изменения, или смешения или разделения, но обою существу свойство цело сохранившего... не во двою лицу разделяемый, но во двою естеству неслитно познаваемый» — с этим Запад мог согласиться, хотя папа и был раздражен тем, что его *totius* был принят не без обсуждения. Не было возражений и у последователей Кирилла, и Нестория в своей ссылке объявил такое решение приемлемым. Другие же постановления этого собора не так согласно приветствовались. Диоскур Александрийский был смещен, даже такой его бывшей друг, как Анатолий Константинопольский, не решился голосовать в его защиту. Константинопольский престол получал привилегии, равные римскому престолу, причем римские делегаты отказались поддержать это соборное постановление даже при признании старшинства Рима. Император поспешил отметить, что это были решения епископов, а не его собственные. Вместе с императрицей он присутствовал на нескольких заседаниях, причем Пульхерия была первой женщиной, допущенной на собор; императорские чиновники умело направляли голосование. Мягкая формулировка обязана своим происхождением императору или даже императрице, как это было с Константином в Никее²⁷.

Однако, как и Константинова, эта формулировка не принесла мира. Поздно прибывшие на собор армянские епископы отказались подчиниться его решениям, так же как и многие египетские и сирийские епископы, которые не согласились даже участвовать в соборе. Теперь, чтобы водворить на александрийский престол преемника Диоскура Протерия, потребовалась военная сила. Но не успел Маркиан умереть, как александрийцы убили Протерия и посадили некоего Тимофея Элуга, евтихианца и монофизита, как теперь называли эту ересь. Ювеналий Иерусалимский, подпи-

савший постановления Халкидонского собора, вынужден был бежать, спасая свою жизнь, не возвращаясь в свой город, где вдова Феодосия II Евдоксия отдавала предпочтение монофизитам, пока она не избавилась от своих заблуждений после сурового наставления, преподанного ей Св. Симеоном Столпником в послании из места его подвига близ Алеппо²⁸. В то время как монофизиты все еще надеялись склонить к своим воззрениям императора, убежденные последователи Нестория, несмотря на умеренность самого своего учителя, совершенно отпали от церкви и обосновались во владениях персидского царя, подальше от императора. Они не считали себя более гражданами Священной империи²⁹.

Богословская проблема, однако, все еще не была решена, но теперь инициатива переходит к императору. Последовавший за Маркианом Лев I пытался провести своеобразный референдум. Он написал ко всем главным церквям с целью узнать их точку зрения. В своих ответах все воздали должное императору за его благочестивое отношение к Церкви и сравнивали его с царем Давидом, Св. апостолом Павлом и даже с апостолом Петром. Даже папа обращается к нему как к священнику. С богословской точки зрения ответы были совершенно бесполезны³⁰. Позднейший преемник императора Зенон был более прямолинеен. В течение года его власть узурпировал Василий, успевший оскорбить и Рим и Константинополь своим покровительством монофизитам. Когда же наконец Зенон вернул себе трон, папа Симплиций прислал ему поздравления. «Мы радуемся, что видим в вас дух верного священства и царства», — писал он³¹. Однако Зенон искал примирения с монофизитами, преобладавшими теперь в Египте и Сирии. Василий в свое время издал энциклику от собственного имени, отменяющую решения Халкидонского собора и *totius* папы Льва. Невзирая даже на еретический характер этой энциклики, церковное мнение было шокировано притязанием императора высказывать суждения по вопросам богословия без поручения собора³². Между тем Зенон последовал этому примеру. В 481 г. он выступает с документом в форме письма к Египетской церкви, известным как *henoticon* — «объединяющий». В нем Символы веры Никеи и Константинополя объявляются достаточными и анафематствуется всякий, кто исповедует свою веру иначе, «как в Халкидоне или еще где-нибудь». Так что, хотя деяния Халкидонского собора не были отдельно осуждены, не было между тем и необходимости их принимать. Монофизиты за редким исключением были удовлетворены, но общественное мнение в Константинополе не успокоилось, а Рим пришел прямо в бешенство. Снова император дерзал выступить в учительном тоне и таким образом косвенно отвергал *totius* папы Льва. Папа Феликс III недвусмысленно посоветовал Зенону подчиняться священникам в вопросах веры. В то же время он, возможно не без оснований, считал епископа — или, как теперь его называли, патриарха Константинополя Акакия — вдохновителем

henoticon'a; впоследствии он отлучил Акакия. Благодаря генотикону в течение тридцати лет на Востоке держался ненадежный религиозный мир, правда ценой схизмы с Римом. Тем временем на Западе поколебалось представление о божественности императора³³.

Когда в 491 г. Зенон умер, не оставив детей, императрице Ариадне потребовалось избрать ему наследника. Она нарекла выдающегося сенатора Анастасия, бывшего также по склонности богословом. Со времени восшествия на престол Льва I, когда не оказалось в живых ни императора, ни императрицы, чтобы совершить коронацию, обязанность короновать императора была передана константинопольскому патриарху³⁴. Патриарх Евфимий, подозрительно относившийся к Анастасию, отказался короновать его до подписания такой декларации веры, какую патриарх мог бы признать православной. Анастасий с готовностью подписал такой документ, и никто не заметил, что появился таким образом опасный прецедент. Во всяком случае Анастасий, невзирая на условия подписанного документа, продолжал покровительствовать монофизитам и рассматривал генотикон как принятую основу учения. Это не могло понравиться в Константинополе, где возникали волнения дважды по низложению им православных патриархов — Евфимия и Македония; дело доходит даже до восстаний. Тем не менее Анастасий сумел удержаться на престоле и спокойно умер от старости³⁵.

Неизбежно его политика раздражала Рим. Династия западных императоров кончилась то ли смещением ребенка Ромула Аугуста в 476 г., как было принято думать на Западе, то ли со смертью Юлия Непота в 480 г., как полагали византийские юристы. Затем Зенон, а после него Анастасий стали законными правителями объединенной империи. В действительности же на Западе не было большего авторитета, чем германские полководцы, правившие там, где им хотелось³⁶. Папы, чрезвычайно не любившие готских властителей-ариан, еще больше не любили императора-монофизита. После отлучения патриарха Акакия они отказывались признать кого бы то ни было из его преемников, даже истинно православных, искавших возобновления дружественной связи. Когда Геласий I стал папой, он пренебрег даже обычной условностью — поставить императора в известность и просить у него конфирмации. Анастасий выразил свой протест, Геласий же ответил письмом, которое легло в основание будущего учения о папстве. Он провозгласил, что правление миром осуществляется из двух источников: авторитетом понтифика и властью императора, причем священническая власть выше, поскольку она отвечает перед Богом даже за королей. В мирских делах священство должно подчиниться императорским законам, однако сам император должен подчиняться тем, кто преподает Святые Тайны. Иными словами, император не должен вмешиваться ни в богословие, ни даже в управление Церкви, хотя он может с разрешения иерархов созвать собор³⁷.

Анастасию это не понравилось. В ответном послании он посоветовал папе подражать смирению Самого Господа Иисуса Христа и добавил: «Мы можем перенести оскорбление, но мы не позволим собой командовать». В своем письме римскому сенату он вызывающе именуется себя *Pontifex Inclytus*, *Imperium* не должен утратить свой священнический характер³⁸.

Следующий император, иллирийский крестьянин Юстин, побуждаемый своим племянником и наследником Юстинианом, покончил со схизмой, отменивши генотикон и признавши первенство Рима в Церкви³⁹. Юстиниан стремился восстановить императорский авторитет на Западе, и он понимал, что ему понадобится расположение Рима. Впрочем, он не согласился со взглядами Геласия. И в самом деле, его правление (527—565) обычно и небезосновательно считается временем наивысшей императорской власти над Церковью, покровительством тем более замечательным, что сам Юстиниан никак не мог сделать окончательный выбор в спорных вопросах богословия. У него не было сомнений относительно роли императора. Из-под его пера в избытке исходили фразы вроде «По воле Божьей мы правим империей, которая предана нам Его Божественной Властью» или «Один Бог и Император, слушающийся воли Божьей, могут справедливо править миром. Император должен милосердием подражать Богу, Богу, по милости которого единственно действует Его образ», чья власть, в свою очередь, простирается и на священство. Юстиниан отличал *sacerdotium* от *imperium* и придавал большее значение первому, ставя его выше и утверждая, что гармония необходима для благополучия в мире. Впрочем, соблюдать и обеспечивать гармонию должен император. *Imperium* всегда будет поддерживать решения и авторитет духовенства. Однако его слова «истина Божественной веры и достоинство духовенства — вот наша первая забота», — эти слова ясно показывают, кому принадлежала высшая власть. Проведенное Юстинианом разделение *sacerdotium*—*imperium* не помешало ему, однако, заняться законодательством в области религии, а его отношение к иерархам было по меньшей мере своевольным⁴⁰.

Своеволие императора было тем более незаконным, что он сам не имел твердой позиции. Он скоро понял, что примирение с Римом оскорбит монофизитов, составлявших большинство его подданных в Сирии и Египте, и к тому же его жена Феодора, не только оказавшая на него большое влияние, но и претендовавшая на собственную политику, имела определенно монофизитские наклонности. Первая попытка компромисса с его стороны состояла в том, чтобы признать истину за теопасхитской формулой, предложенной четырьмя скифскими монахами. Согласно этой формуле «один из Троицы пострадал в теле»⁴¹. Однако монофизиты посчитали эту уступку бессмысленной; и хотя папа Иоанн II, скрепя сердце, одобрил это учение в 533 г., оно вызвало яростное сопротивление самой влиятельной монашеской общины Константинополя — неусыпающих из Состениона, получивших

такое имя за то, что у них служили непрерывно — день и ночь⁴². Затем в 535 г. Юстиниан позволяет Феодоре назначить константинопольским патриархом Анфима, который сразу же объединился с патриархами-монофизитами Александрийским и Иерусалимским.

Настроенный антимонафизитски, патриарх Антиохийский немедленно сообщил об этом папе Агапиту, тот поспешил в Константинополь и убедил Юстиниана сместить Анфима и его александрийского единомышленника. Те исчезли, и лишь по смерти Феодоры в 548 г. Юстиниан узнал, что они все время спокойно жили в ее дворцовых апартаментах⁴³. Затем началось преследование монофизитов, которое Феодора решительно прекратила. Агапит умер в 536 г.; поскольку же его преемник Сильвестр отказался восстановиться на престоле Анфима, Феодора, вступив в заговор с императорским военачальником в Италии Велисарием, добилась ареста и ссылки Сильвестра, поставив вместо него Вигилия, некогда папского нунция в Константинополе, сумевшего дать понять императрице, что он не будет таким непреклонным. Однако Вигилий, едва он стал папой, превратился в такого же сурового врага монофизитства. Сладкоречивый нунций при императорском дворе Пелагий, правда, смог умиловить императрицу, но она так никогда и не простила Вигилию его обмана⁴⁴.

Тем временем Юстиниана убедили в том, что если анафематствовать работы трех богословов — Феодора Мопсуэтсийского, Феодорита и Иба, которые хотя и противостояли Кириллу Александрийскому, но получили молчаливое одобрение в Халкидоне, — то это несколько успокоило бы монофизитов. Посоветовались с четырьмя патриархами, и они нехотя согласились на анафематствование при условии, что к ним присоединится их римский собрат. Вигилий дал понять совершенно определенно, что он против. Тогда в конце 545 г. его просто похитили и привезли в Константинополь, где его сомнения оставались, однако, столь же великими, как и пережитое им унижение. В 546 г. Юстиниан издал эдикт, проклинаящий «Три главы», как назывались эти спорные труды. Вигилий наконец согласился поддерживать эдикт, но потребовал созыва Вселенского собора для его утверждения, хотя сам и отказался присутствовать на этом соборе. Пятый Вселенский собор открылся в Константинополе в 553 г. и в свою очередь анафематствовал «Три Главы», а заодно и папу, последний спасся лишь тем, что присоединился ко всеобщему проклятию. Папе позволили вернуться домой, но в дороге он умер. Его преемник, деликатный Пелагий, утвердил решения собора. Однако на Западе оставалось множество епископов и церквей, которые отвергали как сам собор, так и его деяния. На Западе он никогда не признавался Вселенским⁴⁵.

Императорская политика Юстиниана оказалась неэффективной. Монофизиты хотя и были обескуражены смертью Феодоры в 548 г., но не успокоились. В последние годы правления сирий-

ские монофизиты под руководством Якова Барадея, эдесского епископа-еретика, соединились в особую церковь, поначалу тайную и преследуемую, однако вскоре получившую поддержку большинства сирийцев. По имени Якова Барадея она до сих пор называется церковью яковитов. Так же и в Египте монофизитское движение развивалось в направлении создания отдельной коптской церкви⁴⁶.

На закате своих дней Юстиниан снова попытался поддержать компромиссное учение, когда выступил в защиту афтартодокии, догмата, выдвинутого Юлианом Галикарнассским, о том, что тело Господа Иисуса Христа стало нетленным по вселении в Него логоса. Отвергший это учение патриарх Евтихий был сослан. Высказали протест и некоторые другие патриархи, но их спасла смерть императора в ноябре 565 г.⁴⁷.

Юстиниан искренне считал своим долгом водворить в Церкви единство, однако все его усилия оказались бесплодными. На Востоке никто, как бы он ни был раздражен несогласием с его мнением императора, не подвергал сомнению само право императора выносить подобные постановления, если только они затем утверждаются Вселенским собором. Даже на Западе самовластное отношение императора к папам вызывало на удивление незначительное сопротивление, возможно по причине незначительности самих пап или, скорее, по причине того, что императорская армия находилась в Италии. Когда же иссякла реальная сила империи, Запад вернулся к учению Геласия о разделении властей. Идея Священной империи не могла дольше существовать, если исчезла сильная императорская власть. Блаженный Августин к тому времени уже поведал Западу, что Град Божий имеет иные основания. На Востоке же не столько подходы Юстиниана вызывали отрицательную реакцию, сколько их безрезультатность. Столько внимания он посвятил единству христианского мира, но уже до его смерти упрочились отделившиеся церкви, для которых он не был наместником Бога⁴⁸.

**БОРЬБА ОБРАЗОВ:
ВЫЗОВ ОБЩЕСТВЕННОМУ ВЕРОВАНИЮ**

Преемники Юстиниана унаследовали не только его проблемы, но и подходы к ним. Его племянник Юстин II, даже будучи сам православным, надеялся вернуть монофизитов. В начале своего правления он созвал собор в Каллиникуме на границе с Сирией; однако уже первое заседание этого собора закончилось бунтом. В 571 г. он выступает с программой, которую иногда называют Второй Генотикон. Этот тщательно составленный документ, будучи в основе своей православным, даже не упоминал Халкидона. Несколько умеренных монофизитов поддержали его, однако он не мог удовлетворить монофизитство в целом. Терпение императора истощалось, и в следующем году по наущению фанатичного патриарха Иоанна Симириса он лишил сана всех священников-монофизитов, закрыл монастыри, стоявшие на стороне монофизитов, а также заключил в тюрьму всех граждан высокого общественного положения, придерживающихся этой ереси, вплоть до их отречения¹. Все эти действия лишь придали силы сепаратистским тенденциям еретиков.

Юстин кончил сумасшествием в 574 г. В качестве регента и кесаря императрица София избрала подающего надежды молодого солдата Тиверия. В его руки империя перешла в 578 г. по смерти Юстина. Будучи удачным военным реформатором, он распределил свое внимание главным образом между войной с персами и (в поисках популярности) снижением налогов, и это в то время, когда казна была почти пуста. Кроме sporадического преследования монофизитов, он не обнаружил иного интереса к религии².

Наследовавший в 582 г. Тиверию его зять Маврикий проявил себя как умелый полководец, чей взор был постоянно устремлен на Восток, и в своих целях он искал примирения с монофизитами. По отношению к этим еретикам император проявлял терпимость и, стремясь упростить в будущем религиозную политику, намеревался передать константинопольскому патриарху такую же власть над восточными церквами, какую имел римский епископ — на Западе. Исходя из этого, он побудил патриарха Иоанна Постника официально принять титул «вселенского патриарха», причем этот титул константинопольский патриарх носит и поныне. В Византии греческое слово *Oecumene* — «вселенная» получи-

ло значение «собственно Империя» и не имело своего буквального смысла «весь обитаемый мир»; так что казалось вполне уместным, чтобы столичный епископ носил этот титул³. Результаты, однако, не совпадали с планами Маврикия.

Восточные патриархи независимо от своих (халкидонских или монофизитских) склонностей вовсе не собирались поступаться своими автономными правами в пользу новоявленного, с их точки зрения, диоцеза, тем более им был невыносим богословский диктат Константинополя. Папа Григорий Великий был в гневе от того, что Иоанн Постник присвоил себе титул, который по праву мог принадлежать только ему самому. Императору был направлен решительный протест. Не будучи, однако, последователем доктрины Геласия, он писал императору, что тот должен обеспечить мир в Церкви. Никто, писал Григорий, не вправе управлять государством, если он не умеет решать божественные проблемы, и Маврикий обязан приказать патриарху отойти и не нарушать установившуюся структуру Церкви.

Григорий написал также императрице Константине, указывая ей, что дерзость Иоанна Постника — верный признак приближения Антихриста. Все это никак не пронуло Маврикия, и он продолжал раздражать Григория, издавши указ, по которому государственные служащие не могли вступать в монастырь до времени окончания своей службы. Такой указ показался Григорию прямым оскорблением, поскольку он оставил в свое время государственную службу, чтобы стать монахом. Так что, когда в 602 г. Маврикий был низвержен узурпатором Фокой и жестоко умерщвлен вместе со своими малыми детьми, папа Григорий с восторгом поздравил нового императора и писал ему, что ангельские хоры, должно быть, поют «Глория!» на небесах при таких известиях; причем папа продолжал изливать похвалы императору Фоке во все время его правления, во время, которое отмечено самым диким террором за всю историю Византии⁴.

По глупости Фока спровоцировал новую вспышку войны с Персией; а его неумелые дальнейшие действия позволили персам проникнуть в самое сердце империи. Они оккупировали большую часть Сирии, а один отряд дошел до берегов Босфора, опустошая по пути пределы Малой Азии. Именно тогда Фока решает не только возобновить преследования монофизитов, но и принудить всех сирийских евреев принять христианство. Естественно, что как в еврейских, так и в еретических кругах был спровоцирован взрыв, и персов приветствуют как освободителей. Одновременно через Дунай на Балканы хлынули славяне, а ведь за ними стояла военная мощь аваров⁵.

Империя была спасена Ираклием, молодым полководцем армянского происхождения, сыном правителя Африки. Он отплыл в Константинополь и низложил Фоку в 610 г., однако лишь через 18 лет были разбиты персы и отброшены авары. Все же это время персы владели не только Сирией и Палестиной, но и Египтом. Местное население, в основном монофизитское, не оказывало им

сопротивления: хотя весь христианский мир был потрясен, когда в 615 г. оккупанты захватили величайшую святыню христиан — Честной Крест в Иерусалиме, обретенный императрицей Еленой. Это поношение произвело такое глубокое впечатление в Константинополе, что патриарх Сергий по собственному почину предложил от лица Церкви государству долг. Доходы Церкви были переданы императору. Были расплавлены (ради металла) церковные сосуды, а сама война превратилась в Священную войну. Государственная же казна была пуста благодаря неумеренным тратам Фоки, а также из-за потери доходов в Египте и Сирии. Именно Церковь предоставила Ираклию средства на военную кампанию. Сам император пришел к тому времени в столь глубокое отчаяние, что планировал перенесение столицы в Карфаген, поскольку Карфаген мог бы быть обеспечен хотя бы продовольствием, Константинополь же, зависевший от египетского зерна, находился на грани голода. План императора оскорбил константинопольцев, и они под водительством Сергия умоляли его не оставлять города и предложили добровольно отказаться от раздач хлеба, бывших незывлемым правом граждан столицы со времен еще римского владычества; теперь же правильность не могло больше осуществлять этого⁶.

Наконец персы были совершенно разгромлены, и в 629 г. Ираклий торжественно воздвиг Святой Крест в иерусалимском храме. Однако проблема монофизитов не была разрешена. Уже в середине войны Ираклий выступил с догматом, подсказанным ему патриархом: Христос имеет два естества, но одну силу и действие. Сергий считал такую формулировку естественно вытекающей из халкидонского учения, причем и он, и император полагали ее приемлемой для монофизитов. В особенности Ираклий надеялся удовлетворить своих соотечественников. Поначалу новый догмат встретил поддержку: патриархи-монофизиты Афанасий Александрийский и Кир Антиохийский готовы были под этим подписаться. Однако множество халкидонцев заподозрили, что готовится уступка еретикам, возглавил их палестинский монах Софроний, ставший иерусалимским патриархом в 634 г. Для успокоения халкидонцев Сергий обратился за поддержкой к папе Гонорию I, который хотя и не понимал вполне причины раздоров, но оказал полную поддержку Сергию⁷.

Однако вскоре стало ясно, что православные не могут принять учения об одной энергии, да к тому же и монофизиты все меньше и меньше стремились к компромиссу. В этих условиях Сергий выступает с исповеданием веры, известным как *Ecthesis*, где запрещает обсуждать Энергии, провозглашая, что у Спасителя есть только одна Воля (суждение, заимствованное из ответа Гонория). Сергий искал поддержку своему *Ecthesis* со стороны императора; Ираклию же это не очень нравилось, и он ставит свое имя под документом лишь в 638 г., и то вследствие особого своего расположения к Сергию, к которому он испытывал и благодарность, и дружеские чувства. Однако в монофелетизм, т. е.

учение об Одной Воле, не больше понравился православным, чем учение об Одной Энергии⁸. А между тем проблема монофизитства была разрешена самым решительным, хотя и не богословским образом.

Едва лишь кончилась война с персами, как на плодородные земли Сирии хлынули номады из Аравийской пустыни во имя пророка Магомета. Первое столкновение имело место в 622 г. еще во время персидской войны; однако целенаправленное вторжение начинается лишь в 634 г., два года спустя после смерти Пророка. Той же осенью захватчики одерживают победу в решительной битве при реке Ярмук. В начале следующего года пал Дамаск. Иерусалим, откуда император предусмотрительно вывез все величайшие святыни, пал после двухлетней осады в 637 г., а Антиохия — в 638 г. В конце 639 г. арабы вторглись в Египет. Ко времени смерти Ираклия в 641 г. вся эта богатейшая провинция была потеряна для империи, исключая Александрию, да и она пала через несколько месяцев⁹.

Монофизиты Сирии и Египта к персидскому владычеству отнеслись спокойно, но персы были для них чужими этнически и религиозно. Арабы же были родственными племенами. Почти все они были потомками тех, кто раньше вторгся на эти земли из пустыни; причем постоянная инфильтрация продолжалась через аравийскую границу и Красное море. Ислам, исповеданный Магометом, представлялся более близкой им религией, чем халкидонское православие греков и римлян. Местное население приветствовало захватчиков, которые проявляли терпимость и к тому же обложили их более низкими налогами, чем император. В растущем количестве они даже обращались в новую религию. И только в Малой Азии арабы встретили сопротивление местного населения, которое здесь было этнически другим и более православным. На века затем установилась граница между христианством и исламом по горам Тавра и Антитавра, отделяя гористые районы Анатолии от сирийских равнин¹⁰.

С потерей Сирии и Египта Константинопольский патриарх остался единственным восточным патриархом при христианском правительстве. Неизбежно патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима отошли на второй план, не будучи в состоянии теперь соперничать со своим константинопольским собратом. У императора же в его владениях был теперь только один патриарх, причем чрезвычайно трудным стало и положение патриарха. Религиозная оппозиция в Византии могла отныне апеллировать лишь к папе, западному патриарху, у него испрашивая поддержки против церковного руководства; а вмешательство Рима никогда не было популярно в Константинополе¹¹.

Впрочем, не следует забывать, что православные общины оставались и на территориях, захваченных арабами, особенно в Палестине; и в этом Восточном мире, где религиозная принадлежность занимала место национальной принадлежности, православные хотя и жили под властью мусульманского халифа, одна-

ко своим суверенным государем считали православного императора; причем халиф принимал такое положение дел¹². Восточным патриархом редко запрещали посещать Константинополь, где их встречали с таким почетом, как это пристало представителям диоцезов со старыми традициями, так что ни один собор не мог быть возведен в ранг Вселенского, если отсутствовали эти патриархи или их представители¹³.

Внук Ираклия Констант II, победивший других своих родственников в борьбе за трон в 642 г., придерживался монофелитства, хотя потеря монофизитских провинций лишала такую позицию политической окраски. Когда новый папа Феодор I, грек по происхождению, выразил свой протест, Констант в ответ издал эдикт, запрещающий дальнейшее обсуждение Воли Христа. Однако нельзя было заставить замолчать выдающегося богослова того времени Максима Исповедника. Он решительно выступал против монофелитства и заручился поддержкой преемника Феодора папы Мартина I, к тому времени успевшего оскорбить императора тем, что он пренебрег традиционным утверждением императора при избрании папы. Констант же, стремившийся восполнить потери империи на Востоке и вновь утвердить свою власть в Италии, послал в Рим войска, которые просто похитили папу и доставили в Константинополь. Там с ним обошлись очень сурово, обвинив в подстрекательстве к мятежу, неповиновении, и приговорили к смерти. Однако патриарх Константинопольский Павел, который хотя и придерживался тех же богословских взглядов, что и Констант, но был потрясен грубостью в отношении иерарха, просил о снисхождении к нему. Смертная казнь была отложена, но папа был выслан в Херсон в Крыму, где и умер в 658 г. Констант также преследовал Максима Исповедника, и это взволновало константинопольцев гораздо сильнее, чем тяжелая участь папы. Именно благодаря своей непопулярности в городе Констант уезжает в 662 г. в Италию. Поначалу он намеревался сделать своей столицей Древний Рим, однако, посетивши его в 663 г., он решает обосновать свое правительство в Сиракузах, где в 668 г. слуга убил его в ванне мыльницей¹⁴.

Его сын и наследник Константин IV Погонат, прозванный Бородатым, возвращается в Константинополь и обнаруживает, что в монофелитах больше нет нужды. В 678 г. он пишет папе, предусмотрительно называя его «вселенским папой», с просьбой о сотрудничестве в созыве нового собора в Константинополе. Папа Агафий дал согласие и, проведя предварительно собственный собор западных церквей, послал трех своих представителей на (теперь уже) Шестой Вселенский собор. Собор заседал в императорском дворце с ноября 680 по сентябрь 681 г. Император лично председательствовал на большинстве заседаний, причем по правую руку от него восседали патриархи Александрийский и Антиохийский и представители из Александрии, а представители Рима и Иерусалима — по левую. Состоялось 18 заседаний, и лишь на восьмом Георгий Константинопольский решился вы-

ступить против монофелитов; на девятом — Макарий Антиохийский отказался отойти от этого учения, к нему присоединился Стефан, епископ Коринфский. Оба были немедленно лишены престола, причем император возвысил некоего Феофана Антиохийского. Наконец все прошлые и будущие адепты этого учения были осуждены, и имена трех Константинопольских патриархов и самого папы Гонория были вычеркнуты из поминальных диптихов патриарха. Полностью была признана верховная власть императора. После восьмого заседания все собравшиеся, восставши, пропели: «Многая лета Хранителю православной веры, новому Константину Великому... Все мы — рабы императора»¹⁵.

В Церкви был восстановлен мир. Однако при Юстиниане II, блестящем, но непокорном сыне Константина IV, явилась новая беда. В 692 г. в том же колонном зале дворца, осененном куполом, император созвал собор, с тем чтобы завершить работу Пятого и Шестого Вселенских соборов дисциплинарными постановлениями. Этот собор известен как Пятошестой, или Трулльский, собор. Однако папские делегаты давно уже отбыли домой, и Собор осудил некоторые богослужebные каноны Запада — субботний пост и обязательный целибат священников. Поэтому папа Сергий I отказался утвердить постановления собора, и попытки Юстиниана принудить его к согласию посылкой войск в Рим потерпели неудачу. Вплоть до 710 г. между Римом и Константинополем удерживается схизма, конец которой положил мужественный папа Константин I, принявший приглашение посетить императора, о котором к тому времени не было известно, что он сумасшедший. Юстиниан принимает его на удивление торжественно и, кажется, говорит ему, что каноны Пятошестого собора не имеют отношения к Западу¹⁶.

Правление Юстиниана II кончилось анархией в 711 г. Его преемник — армянский военачальник Вардан Филлипик был старомодным монофелитом, и он всенародно сжег отчеты Шестого Вселенского собора, а также сделал попытку заменить ведущих епископов империи монофелитами. Однако к тому времени у этой ереси уже не было серьезной поддержки, так что, когда новости достигли Рима, папа Константин отказался признать нового императора. Филлипик был свергнут и ослеплен в 713 г. как за его неверную религиозную политику, так и за отказ предпринять серьезные шаги перед лицом готовившегося величайшего вторжения арабов, которые не скрывали своего намерения захватить Константинополь. Новый император Анастасий II, в прошлом заслуженный чиновник, не только восстановил в Церкви мир, но и собрал вооружение и продовольственные запасы для защиты империи. Однако ему не удалось склонить на свою сторону армию, чьи безответственные лидеры выдвинули собственного (скромного и безвольного сборщика податей) претендента на трон. Анастасию позволили удалиться в монастырь, и в течение двух лет Феодосий, сборщик податей, возглавлял безнадежно неумелое правительство, сохранявшее, впрочем, луч-

шие намерения. Так что в 717 г. он с радостью передал императорскую власть новому кандидату армии Льву III, прозванному Исаврянин¹⁷.

К счастью для судьбы империи, обстоятельства принудили арабов повременить со вторжением. Ко времени же, когда в конце августа громадная армия арабов появилась на берегах Босфора, как раз напротив Константинополя, Лев пребывал на троне уже пять месяцев, которые он посвятил спешному укреплению столицы. За сухопутной армией арабов последовал несколькими днями позднее громадный арабский флот, поднимавшийся по Мраморному морю.

Спустя 12 месяцев небольшой остаток арабской армии пробирался назад в Сирию, а от флота осталось только 5 кораблей. Победой христиане были обязаны надежности стен столицы, мужеству и искусству солдат, моряков и инженеров, а также находчивости дипломатов, однако главным образом и без сомнения — самому императору¹⁸ — человеку исключительного ума, энергии и умения; тогда же он решил, используя победу, перестроить всю империю, которой правил. Именно благодаря ему возникла так называемая система фем, при помощи которых отныне управлялись провинции империи. Он ввел пересмотренный свод законов Эклогу, а также издал усовершенствованные кодексы морского и сельскохозяйственного права¹⁹. Однако больше всего он стремился провести епископальную и богословскую реформы. Император был благочестив: Эклога привносит в закон некоторые христианские принципы, в особенности в том, что касается брака, и даже предоставляет матерям равные с отцами права на детей. Ему были отчетливо видны его императорские обязанности. В предисловии к Эклоге он пишет: «Поскольку Господь вручил нам императорскую власть по Своему благоволению... обязавши пасти овец Его, как некогда Петра, первоверховного апостола, мы веруем, что нет для нас ничего выше, чем по справедливости править теми, кто нам препоручен Его изволением». В первой же статье закон определяется как «Божье откровение». Во второй вменяется императору в обязанность обеспечивать соблюдение Заповедей Божьих и постановлений святых соборов и законов Рима. Патриарху предоставляется высочайшее положение в обществе, уступающее лишь императору. Они оба — главные члены политического организма, чье благополучие зависит от их согласных действий. Дело патриарха — следить за духовным благополучием империи, однако лишь император придает рекомендациям патриарха силу закона. Император обладает правом окончательного суждения по религиозным и гражданским делам. Он все еще остается наместником Бога на земле²⁰.

Таким образом, император Лев верил, что он призван провести религиозные реформы. Сириец по происхождению, он был выходцем из Германикеи, нынешний Мараш, и у него было устойчивое нерасположение семита к любому намеку на идоло-

поклонство²¹. К тому времени по всему христианскому миру распространились священные изображения и другие священные предметы. Многие Отцы ранней Церкви возражали против них, поскольку, как им казалось, это противоречит ветхозаветному запрету на сотворение кумира. Евсевий Кесарийский резко отчитал сестру Константина Констанцию, когда она попросила прислать ей из Палестины изображение Спасителя²². Св. Епифаний Капрский своими руками сорвал разрисованную завесу, которую он увидел в сельской церкви²³. Впрочем, многие Отцы, воспитанные в традиции неоплатонизма, были более терпимы к изображениям. Св. Василий провозгласил, что почитание иконы распространяется на первообраз, и прибавил, что изображение само по себе поучает верующего, напоминая о Боге и свя-
тых²⁴. Леонтий Неаполитанский, возражая на критику евреев, заметил, что и Ветхий Завет позволяет изображать херувимов, и, как бы то ни было, мы почитаем не само материальное изображение, не планки дерева, составляющие крест, но крест как символ того Креста, на котором Иисус умер за людей²⁵. Против аргумента же, что Бог по самой Своей природе не может быть изображен, защитники святых икон отвечали, что говорить так — значит отвергать самую суть христианства — воплощение Христа. Как воплотившийся и вочеловечившийся Он может быть изображен, а также, без сомнения, могут изображаться Его Пречистая Мать и святые. Что же касается ангелов — существ чисто духовных, здесь вопрос не вполне ясен. В Ветхом Завете, впрочем, рассказывается, о том, что глаза смертного могли видеть ангелов. Следовательно, и они могут изображаться²⁶.

Таковы были доводы богословов. И подданные империи, чьи предки всего несколько поколений назад воздавали почести изображениям богов и богинь, теперь в своем смирении столь же охотно почитали скульптурные и писанные изображения Спасителя и святых, наделяя их к тому же силой чудотворения²⁷. Жители Константинополя же считали, что их город находится под особым покровительством Божьей Матери. Во время осады в 626 г., когда персы и авары соединенными усилиями штурмовали стены города, именно Ее пречистый образ отбросил врагов. Она услышала и новые мольбы в 677 г. при нападении арабов, и даже Лев III, кажется, дозволил, если не сам и призвал, пронести Ее образ по улицам города во время осады 717 г.²⁸.

Церковь недвусмысленно одобрила иконы. И в самом деле Пятошестой собор постановил, чтобы Спаситель изображался отныне не символически в виде агнца, но лично, с тем чтобы подчеркнуть Его человеческое естество²⁹. Над главным входом в Священные палаты — Халкопротийскими воротами находилось громадное изображение Спасителя, по-видимому барельефное, водружение которого на этом месте традиция приписывает самому Константину Великому³⁰. Юстиниан II чеканил изображение Спасителя на монетах, хотя преемники затем не следовали его примеру³¹. Священные изображения и мощи можно

было найти в любой церкви, причем некоторые служили для неграмотных иллюстрацией Библии, а другие — для того, чтобы почитать изображенных святых³².

Тем не менее оставалось множество христиан, не одобрявших икон. В основном их можно было встретить в восточных провинциях Империи, где велика была примесь семитской крови. Были такие и в Константинополе, где в 670 г. западный путешественник Аркульф стал свидетелем того, как фанатик уничтожил изображение Приснодевы³³. В конце VII в. сильнейшее иконоборческое движение возникает в Армении и прилегающих районах³⁴. В мусульманском мире поначалу изображения допускались, однако к 700 г. совершенно запрещается изображать людей и даже животных. В 723 г. халиф Йезид потребовал, чтобы это запрещение было распространено также на церкви, синагоги и даже дома его подданных — немусульман. Этот приказ, хотя и был отчасти исполнен, однако вскоре же был отменен, и трудно поверить, чтобы он оказал сколько-нибудь значительное влияние на византийских иконоборцев, не одобрявших лишь религиозные изображения. Но он наглядно демонстрирует ту нелюбовь к изображениям, которую легко было найти в разных уголках семитского мира, а также он поддерживал утверждение защитников икон, что их противники вдохновляются религией неверных³⁵.

Этот приказ был, конечно, направлен против Константина, епископа Наколеи Фригийской, которого вызывали в Константинополь в 724 и 725 гг., где он получил выговор от патриарха Германа I за истребление икон. Епископ Константин вернулся домой, сделавши вид, что патриарх его убедил, однако, похоже, что в столице он повидался с императором, разделявшим его взгляды³⁶. Поговаривали, что халифа Йезида вдохновил палестинский еврей, которого греки прозывали Сарантапех «сорок локтей высотой». Сарантапех же был дружен с сирийским христианином по имени Безер, некогда захваченным арабами и обращенным в ислам; позднее он был освобожден и поступил на службу к императору, весьма его почитавшему³⁷. Что бы его ни вдохновило, но к 725 г. Лев уже искренне и окончательно убежден, что иконам и другим изображениям не место в христианстве. Он был и суеверен: страшное извержение вулкана на острове Санторин убедило его, что Бог гневается за промедление³⁸.

Без сомнения император знал, что патриарх и высшие иерархи не разделяют его взглядов, однако он считал, что как император он имеет власть, право и обязанность пренебречь их мнением. Сначала он предпринял осторожные шаги; в 726 г. он произносит речи и даже проповеди в пользу изъятия икон. Поскольку же это не имело результата, он приказывает снять икону Христа с Халкопротийских ворот дворца. Начинается бунт населения, и исполнителя императорского приказа взбешенные женщины забили насмерть. Впрочем, бунтовщиков сурово наказали плетью, увечьями и ссылкой³⁹. Последовали новые волнения. Лев мог полагаться на поддержку армии, поскольку в основном его воины, как

и сам он, вышли из тех регионов, где преобладала своего рода сдержанность религиозной обрядовости. Что же касается флота, то моряков рекрутировали главным образом с Эгейского побережья и островов, где горячо почитались иконы. В апреле 727 г. морское подразделение восстало и направило свой суд на Константинополь. Лев был вынужден истребить корабли огнем, а зачинщики были приговорены к смерти⁴⁰. Затем закрывается Университет, где слишком многие профессора не разделяют взглядов императора⁴¹. Патриарх и другие иерархи отказываются поддерживать императора, причем и в Риме он напрасно искал поддержки. Император посылает папе Григорию II несколько трактатов о неуместности икон и угрожает ему низложением в случае его несогласия. Григорий отвечает трактатами в защиту икон и, демонстрируя в целом преданность императору, отвергает его религиозную политику, уже успевшую вызвать в Италии протесты⁴².

Потерпев, таким образом, неудачу, император в 730 г. созывает силенцион — собрание высших чиновников империи, причем по его выбору для встречи во дворце в триклиниуме девятнадцати лож. Собрание одобрило постановление, представленное императором, о запрещении икон и удалении их из церквей. Патриарху Герману было приказано подписать это постановление, но он отказался, заявив, что исповедует веру Вселенских соборов. Он затем сорвал с себя патриаршее облачение и удалился в свой собственный дом⁴³. Константинопольская кафедра была объявлена вакантной, но лишь год спустя императору удалось найти священника, который бы был достоин и, что важнее, имел достаточное количество сочувствующих ему епископов, т. е. синод для избрания патриарха. Новый патриарх Анастасий сразу же послал синодальное письмо другим патриархам — его братьям, в котором заявил о своей приверженности доктрине императора⁴⁴.

Восточные патриархи, несмотря на их несогласие, ничего не могли поделать. Папа Григорий III, занявший папский престол после папы Григория II, в 731 г. созвал Собор итальянской церкви, на котором разрушители святых образов были отлучены. В ответ Лев посылает флот с целью навязать свою волю; однако флот разметало штормом. Императору пришлось удовлетвориться тем, что он стал удерживать доходы папы, получаемые последним в Сицилии и Калабрии; серьезнее было то, что он также передал провинцию Иллирик, включавшую западные Балканы и Грецию из Римского патриархата — в Константинопольский⁴⁵.

Лев умер в 740 г., и в последние десять лет его правления неуклонно истреблялись иконы и иные святые изображения в Константинополе и в меньших размерах в провинции. Всякого, кто бы вздумал препятствовать этим разрушениям, подвергали строжайшему наказанию, хотя, кажется, никто не был осужден на смерть⁴⁶. Сын Льва и наследник Константин V, в течение послед-

них 20 лет уже бывший соправителем, намеревался и дальше проводить политику отца. Однако почти сразу же он столкнулся с серьезным возмущением населения, которое возглавил его свояк Артавазд, правивший к тому времени уже год в Константинополе и, введший снова иконопочитание; его поддерживал переметнувшийся патриарх Анастасий. Когда Константин вновь захватил город, он провез Анастасия в составе своей триумфальной процессии на осле задом наперед, причем одновременно его били плетью. Впрочем, после этого унижения император оставил Анастасия на патриаршем престоле, считая его теперь безопасным. Затем последовал период активных военных действий, когда Константин удачно справлялся с серацинским натиском на восточной границе и болгарами на Балканах. В Италии ввиду ломбардской угрозы он почел за лучшее восстановить отношения с папой.

Эти внешние события не позволяли императору предпринять какие бы то ни было шаги против иконопочитателей, хотя он и продолжал публично исповедовать иконоборчество⁴⁷. Вплоть до 754 г. он не имел возможности нанести сколько-нибудь сильный удар по иконопочитанию. К тому времени исключительно выросла его популярность в армии. Большие колонии азиатских иконоборцев были переселены во Фракию, население которой до того сплошь почитало святые иконы. В течение жизни уже целого поколения для завоевания положения при дворе или в Церкви требовались от претендента иконоборческие симпатии, так что теперь он мог рассчитывать на поддержку как чиновничества, так и иерархов⁴⁸. Представлялось, в особенности его врагам, что собственные религиозные убеждения императора были совершенно еретическими. Говорили, что у него монофизитский взгляд на Спасителя, несторианский — на Пречистую Деву, что он не одобряет присвоение имени «святого» и даже симпатизирует неоманихейству павликиан⁴⁹. Без сомнения, он был умелым и изобретательным богословом, настроенным резко против иконопочитания. Наконец император решил, что настало время узаконить иконоборчество церковным собором.

Лев III издает указ против икон собственной властью императора, почитая себя понтификом, царем-священником, как он объяснил папе. Он оказался своевольнее даже Юстиниана I: он не только использовал мирское собрание для принятия сугубо религиозного закона, но даже перекраивал церковные провинции без всякой опоры на собор. Естественно, что по обоим пунктам Рим выразил протест. В Константинополе же, где передачу Иллирика могли бы приветствовать, патриарх Герман выразил общее мнение — протест, заявив, что только собор в праве решать вопросы Веры. Однако император с могучей армией за спиной и собственным немалым престижем был слишком силен, чтобы пошатнуться от этих протестов изнутри своих владений. Только внешние протесты могли оказать на него воздействие. Впрочем, и папские послания не произвели на императора большого впечатления.

Как это ни забавно, но наибольший удар по иконоборцам был нанесен из владений халифа. Св. Иоанн Дамаскин происходил из сирийской христианской семьи и до своего ухода в сирийский монастырь был, как его отец и дед, служащим при казне халифа. Сам он считал себя гражданином ойкумены и всегда именовал господином императора, а халифа — лишь эмиром. Три его знаменитых послания против иконоборчества стали основанием всех будущих выступлений на эту тему. Он напомнил императору, что только поставленный священник Церкви имеет право высказываться о вероучении, равно как и о структуре Церкви; с большим знанием дела он опроверг обвинения в идолопоклонстве. Он, однако, не затронул деликатных христологических аргументов Константина V⁵⁰.

Константин был фанатичнее, но и последовательнее своего отца. Он понимал, что его политика должна быть утверждена собором. В течение 752 и 753 гг. повсюду в провинциях были проведены силенция, когда его чиновники разъясняли взгляды императора и выступали против иконопочитания⁵¹. В феврале 754 г. он открывает церковный собор в Иерии близ Халкидона. Иконоборцы назовут его позднее Седьмым Вселенским собором; однако, поскольку ни папа, ни кто-либо из восточных патриархов не присутствовали, этот собор не может претендовать на вселенскость. Собор заседал шесть месяцев. Патриарх Анастасий умер, поскольку же новый патриарх не был избран, председательствовал Феодор, митрополит Эфесский, ученик Константина из Никоеи. Присутствовало 332 епископа. Константин, должно быть, был уверен в их безусловной поддержке. Тем не менее потребовались долгие дискуссии, прежде чем было достигнуто вероучительное соглашение. Орос, без сомнения инспирированный императором, провозглашал, что святой император был подвигнут Св. Духом на уничтожение нового язычества, порожденного злобой сатаны. Изображения Христа объявлялись еретическими, как и изображения Пречистой Девы и святых в земном обличье были провозглашены оскорбительными для изображенных. Любый, кто написал икону или почитал ее, или размещал икону в церкви и даже в собственном доме, в случае если он принадлежал к духовенству, лишался сана, а если он был простой монах или мирянин — отлучался от Церкви; затем их следовало также наказать по законам империи. Впрочем, не было дано разрешения входить куда бы то ни было, ни тем более что-то разрушать без специальных полномочий от императора и патриарха. Заручившись, таким образом, церковной поддержкой и назначивши вскоре нового и сговорчивого патриарха Константина II, император издал указ о том, что еретики приравниваются к государственным преступникам⁵².

Константин, кажется, надеялся, что все его подданные примут учение, одобренное церковным собором. Чиновничество, конечно, поддержало его; оно было также популярно в армии и в восточных провинциях, откуда были в основном набраны солдаты.

Однако в европейских провинциях и в Западной Анатолии большинство населения продолжало почитать святы иконы. Даже в столице, несмотря на присутствие императора, его армии и полиции, иконопочитание не удалось истребить. В столице были и убежденные сторонники императора, как это показала самосудная расправа со Св. Стефаном Младшим, однако монастыри были на стороне оппозиции. Император мог контролировать епископов, но не мог с тем же успехом руководить настоятелями монастырей и монахами. Монахи и возглавляли народ⁵³.

Непрерывное противоборство утомило Константина. В 761 г. он открывает жестокое преследование почитателей икон, и в первую очередь монахов. Мужские и женские обители разрушались, а их насельников принуждали или жениться, или отправляться в ссылку. В 765 г. непокорных монахов заставляли пройти процессией по Ипподрому, причем каждый сопровождал известную всем девку. По крайней мере шестерых приговорили к смерти. Мирян и мирянок, не желавших покориться, заключали в тюрьму, пытали и изгоняли. Причем в Константинополе и его окрестностях преследование отличалось особой жестокостью; отдельные губернаторы также заслужили одобрение императора исключительной жестокостью, как особенно Михаил Лаханадрогон, в чьих владениях находились Смирна и Эфес⁵⁴.

По прошествии шести лет преследования несколько ослабели. Императора отвлекла новая война с болгарами; но он, возможно, и начал понимать, что народное сопротивление иконоборчеству оказалось слишком сильным, чтобы подавить его обращением монахов в мучеников. В этой перемене можно усмотреть влияние нового патриарха. В 765 г. патриарх Константин II, поддерживавший преследование иконопочитания, оказался виновным в измене и был жестоко умерщвлен. Его преемник, славянин по рождению Никита I, выступил за более умеренную политику⁵⁵. Так что ко времени смерти Константина в 775 г. почитатели икон были запуганы, но никоим образом не истреблены. Главным же политическим результатом иконоборчества стала потеря византийской Италии, перешедшей к Ломбардии. Итальянцы были настроены решительно против иконоборчества, а папа, хотя, по видимости, расположенный к императору, не собирался делать ничего, чтобы ему помочь⁵⁶.

Сын Константина Лев IV под влиянием патриарха и императрицы Ирины — афинянки по рождению — поначалу придерживался умеренного курса. Он пытался вернуть симпатии монастырей назначением монахов на епископские кафедры, а также возобновил практику ссылки опальных министров в монастыри. В 780 г. Никита умирает, а сменивший его суровый иконоборец Павел IV приказывает схватить и пытать группу государственных служащих, заподозренных в иконопочитании, возможно, это было предостережение императрице Ирине не выступать против официального курса. Однако спустя всего лишь несколько месяцев император Лев умирает, и трон остается его девятилетнему

сыну при регентстве Ирины⁵⁷. Теперь у нее появляется возможность начать восстанавливать почитание икон. Однако она добилась лишь временного успеха, невзирая на присущий ей такт и умение. Спор с иконоборцами сотрясал империю еще полстолетия. Однако самое его существование показывает, что даже Святой император, царь-священник, как он себя называл, не мог навязать народу богословие, которое народ не принимал.

**УДАЧНЫЙ КОМПРОМИСС:
ГРАНИЦЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ**

Император Лев III ввел иконоборчество своевольно и от себя лично. Константин V хотя и заручился поддержкой церковного собора, однако был еще своевольнее в насаждении нового учения. Можно ли было теперь отказаться от ереси, не уронив достоинства императорской власти? Если бы новый царь-священник выступил с учением, прямо противоположным учению своего предшественника, были бы основания усомниться в его священстве. Так что, возможно, было удачей то, что возврат к почитанию икон был осуществлен не царем-священником. Императрица-мать Ирина, как коронованная августа, была признанным представителем императорской власти, и никто не подвергал сомнению ее право быть регентом при малолетнем сыне. Однако как женщина она не могла быть священником. В коронации императрицы отсутствовал элемент посвящения, которым сопровождалась коронация императора. Она не могла действовать как понтифик и давать от собственного имени заявления по богословским предметам, этого не мог делать также и император-дитя, ее сын. Поэтому, если она намеревалась изменить религиозную политику империи, ей следовало действовать через Церковь. Таким образом, Церковь одержала весьма существенную победу; но победителем стала женщина-регент, а не Святой император¹.

Ирина была благочестива и искренне предана почитанию икон, но действовать приходилось с осторожностью. Прежде всего следовало избавиться от чиновников-иконоборцев. Гражданские служащие должны были понять, что отныне предпочтение отдается тем, кто православно почитает святые изображения. Труднее было убедить армию в необходимости оставить иконоборчество. Ирина предпринимает несколько попыток заменить иконоборческих военачальников собственными сторонниками, однако не всегда разумно, так что получает отпор со стороны войска. Она так никогда и не завоевала доверия армии. Никакого труда не стоило найти сочувствующих священников на епископские места, но патриарх-иконоборец Павел представлял проблему. В 784 г., однако, он серьезно заболел и начал смотреть на свою болезнь как на Божью кару за богословские ошибки и вскоре сам отрекся от престола. Императрица посетила его на одре болезни, причем захватила с собой как можно больше иконо-

борцев-чиновников, чтобы вразумить их поучительным примером его публичного отречения².

Преемником Павла Ирина назначила мирянина Тарасия, главу императорской канцелярии. Сначала, однако, от отказался, заявив, что не имеет желания возглавлять Церковь, которая находится в схизме с другими Церквями христианского мира. Обнаруживши таким образом свое намерение покончить с иконоборчеством, он был единогласно избран синодом и без промедления проведен по всем ступеням иерархии. Среди монахов находились такие, которые считали возвышение до патриаршего престола мирянина негодной практикой, однако в следующие годы такая процедура не раз повторялась³.

Сразу же новый патриарх написал папе и восточным патриархам и пригласил их в Константинополь на собор с целью уладить дело с иконопочитанием; самого же папу он просил назначить время нового собора. Ответ Адриана I был вполне дружелюбным, хотя он не упустил усомниться в каноничности избрания Тарасия, а также ставил под вопрос законность передачи провинции Иллирик. Согласились на том, что собор будет проведен летом 786 г.⁴ К несчастью, пока Двор путешествовал во Фракии в начале лета, состоялся военный заговор. Когда же 17 августа делегаты собрались на первое заседание собора в церкви Св. Апостолов, туда ворвались солдаты императорской гвардии и других полков с угрозами убить всякого, кто не покинет немедленно собрание. Напрасно посылала императрица своих министров на усмирение солдат: собор не состоялся, и делегаты собирались домой. Однако Ирина не желала быть побежденной. Мятежные солдаты были отозваны из столицы к восточным границам под предлогом военной необходимости, а их место заняли надежные войска из европейских провинций. И все же лишь в мае 787 г. удалось вновь созвать собор. К тому времени папские делегаты находились на пути домой, в Сицилии их нагнали и повернули назад в Константинополь. К сентябрю вернулись все делегаты, и собор был открыт вновь, однако не в Константинополе, а в тихой Никее, подальше от возможных мятежей. Тарасий был председателем во все время собора вплоть до последнего заседания, которое состоялось в Большом золотом дворце в Константинополе. Присутствовали также императрица и ее сын, подписавшие Деяния пурпурными чернилами⁵.

Большую часть времени собор потратил на слушание рассказов о чудесах, что имело мало общего с его главными решениями. Было проведено различие между поклонением *latreia*, которого достоин один лишь Бог, и почитанием *prockynessis*, которое можно оказывать изображениям Спасителя и святых, причем это почитание распространяется и на изображаемых. Христология Ороса 754 г. была признана ошибочной, поскольку она отрицала воплощение. Признание иконопочитания бессмысленным было по существу равнозначно несторианскому разделению человеческого и божественного. В то же время приравнять

иконопочитание к идолопоклонству — это все равно что по-монофизитски смешивать человеческое и божественное. Собор провозгласил, что всякий, кто испортит святое изображение или попытается помешать его почитанию, будет отлучен. Римские и европейские делегаты подписали документы собора вместе с греческими епископами, так что собор совершенно законно мог быть признан Вселенским собором. На деле же папы так и не утвердили его канонов из-за сопротивления Каролингского двора⁶.

Добившись восстановления иконопочитания, императрица и патриарх в дальнейшем держались умеренной линии. Нераскаившиеся епископы были сведены со своих кафедр, но иначе не пострадали. Раскаявшиеся епископы были оставлены, хотя один или два временно лишились своих кафедр. Никаких иных мер против еретиков не принимали, но они больше не продвигались при дворе. И только монахи под водительством грозного настоятеля монастыря Саккудион и его еще более грозного племянника Феодора, ставшего затем настоятелем Студиона, не смирились. Подобно донатистам пятью столетиями раньше они не прощали отступников, симониаков, купивших себе епископство ценой единства. Они не могли простить Тарасию его милосердия⁷.

Если бы после Никейского собора Ирина умерла, историки бы стали почитать ее как мудрую и осторожную правительницу, вернувшую иконопочитание без большого шума и мстительности. Однако дальнейшие ее действия вызывают меньшее восхищение, и все из-за любви к власти. Императрица не смогла примириться с тем, что в свое время ее сын вырос и захотел взять управление в свои руки. Он был, впрочем, лишь глупым мальчишкой, любившим военную муштру, а не государственный порядок. Ему так и не удалось полностью лишить Ирину власти; отношения матери и сына становились все напряженнее, пока в августе 797 г. по поручению Ирины он не был схвачен и ослеплен, так что уже не годился в императоры. Ирина правила еще пять лет самовластно. Она могла бы объявить, что как Августа хранит императорскую власть, покуда не изберет нового императора; однако она этого не сделала и сохранила императорскую власть для себя. Правоведы примирились с этим, и два проведенных ею закона дошли до нас от имени «Ирины, богобоязненного Императора»⁸. От монахов, известных своей неугомонностью, можно было бы ожидать, что они будут протестовать против женщины в роли понтифика. Но монахи были преданы Ирине. Ее сын оскорбил общественное благочестие, когда развелся с женой, выбранной матерью, и женился на любовнице, которую он короновал. Патриарх Тарасий отказался венчать их, однако он не отлучил ни священника, совершившего обряд, ни самого императора, как того требовали монахи. Ирина, не таясь, симпатизировала монахам, которые поэтому поддерживали ее, пока она оставалась у власти, и почитали ее правление, удерживаясь от открытых выступлений против патриарха, с которым,

однако, у них не было общения. А в это время раздор, известный как Мохианский, или «адюльтерная схизма», продолжался⁹. Правление Ирины с его расточительной финансовой политикой было отмечено также унижительной внешней политикой. Не будучи уверенной в армии с ее иконоборческими настроениями и презрением к женскому правлению, Ирина была вынуждена платить громадную дань Багдадскому халифу¹⁰. Но еще более трагическим результатом ее правления было то, что Древний Рим заметил отсутствие на престоле императора, а так как Новый Рим ничего не предпринимал для заполнения этой вакансии, то папа Лев III почел себя вправе возложить корону на голову Карла, короля франков¹¹. Сам Карл, несмотря на свое горячее желание получить титул императора, был смущен тем, как именно он его приобрел, и из всех сил стремился узаконить свое положение в глазах Константинополя, где с негодованием отвергли поступок папы и никогда ему этого не прощали. Тогда Карл предложил жениться на Ирине. Императрица не возражала, но, прежде чем что-то вышло из этой идеи, она лишилась власти в октябре 802 г.¹².

Преемник Ирины Никифор I, бывший прежде ее казначеем, проявил себя как умелый финансист и терпимый человек в богословских вопросах. Он оскорбил монахов, проведя собор, на котором адюльтерный брак Константина VI был признан законным на том основании, что император может не подчиняться законам Церкви¹³. Его также подозревали в сочувствии еретикам¹⁴. Однако его правление могло бы стать успешным, если бы он оказался умелым полководцем. Его войска не шли ни в какое сравнение с войсками халифа в 806 г. В 811 г. он выступил против воинственного болгарского хана Крума и был разгромлен и убит в сражении в болгарских горах. В том же сражении был смертельно ранен и его сын и наследник; трон перешел к Михаилу Рангабе, который женился на дочери Никифора¹⁵.

Михаил был приятным человеком, и он сумел привести Феодора Студийского, теперь уже главу партии монахов, и патриарха Никифора, историка, сменившего Тарасия в 806 г. (разделявшего, кстати, умеренные взгляды своего предшественника), за стол переговоров. Встреча двух противников не имела успеха. Феодор не мог простить Никифору собора 809 г. Теперь, когда они встретились, патриарх предложил приговорить к смерти известных еретиков — павликиан и афинган. Феодор возразил, что остается еще возможность обратить их. Позднее, когда Крум предложил заключить мир на условиях выдачи бежавших предателей, причем оба — и патриарх и император — склонялись согласиться на эти условия, Феодор объявил, что было бы грешно возвращать бежавших болгар, многие из которых обратились в христианство, на верную смерть. Его точка зрения победила. Война возобновилась, и Михаил был наголову разбит Крумом при Вернисике весной 813 г.¹⁶.

Мохианская схизма ослабила партию почитателей икон. И те-

перь после военных неудач люди ностальгически вспоминали великих императоров-воинов иконоборческой исаврийской династии. Неудивительно, что, когда взбунтовавшаяся против неумелых действий Михаила армия вступила в Константинополь, никто открыто не возражал, чтобы на трон был посажен ведущий военачальник Лев Армянин¹⁷.

Лев V был иконоборцем, как это и пристало солдату из восточной провинции. Он дождался, чтобы болгарская угроза ослабла в связи со смертью Крума в апреле 814 г. Затем уже осенью он собрал смешанный комитет из духовенства и ученых, разделявших его взгляды (среди них самым ярким был молодой философ-армянин Иоанн Грамматик), чтобы свести воедино все аргументы и тексты в поддержку иконоборчества. Былработан так называемый *флорилегиум*, который император и передал патриарху, заявив при этом, что люди оскорблены иконами, причем это заявление было подкреплено осквернением образа Христа над дворцовыми воротами, который Ирина восстановила, а подстрекаемые солдаты вновь уничтожили. В канун Рождества 814 г. патриарх огласил *флорилегиум* собранию епископов и настоятелей монастырей, большинство из которых признали этот документ неприемлемым.

Император же в самый день Рождества после литургии в храме Св. Софии, где его видели творящим поклоны перед образом Спасителя, призвал к себе патриарха и все собрание во дворец. Он начал встречу заявлением, что группа ученых и богословов была опрошена относительно правильности иконопочитания и теперь следует выслушать их доводы. Император добавил, что считает своим долгом высказываться по религиозным проблемам. Если эти вопросы религиозные, спросил епископ из Кизика, почему они обсуждаются не в церкви, а во дворце? Император ответил, что почитает своим долгом также быть посредником. Почему же тогда, спросил епископ Синнады, вдохновляет он их противников и укрывает в своем дворце? Это тиранство, а не посредничество. Другие епископы поднимали богословские вопросы. Император старался оставаться беспричастным судьей, пока Феодор Студит не выкрикнул: «Не отнимай у Церкви ее дара; ведь Апостол сказал: имеем различные дарования, иные апостолы, иные пророки и иные евангелисты, иные имеют служение или учительствуют во исповедание Веры. Но он не упомянул императоров. Тебе, император, вручены политическое правительство и армия. Блюда их и оставь Церкви ее пастырям и учителям, как заповедал Апостол»¹⁸.

Такое противоборство было бы невозможно во дни Юстиниана или Льва III. Никогда раньше так грубо и прямо не отказывали императору в еkkлeсиастической власти прямо в лицо. Никифор сложил с себя сан и с достоинством удалился в монастырь, где написал несколько трактатов против иконоборцев¹⁹. Феодор Студит был сослан, и в ссылке он также выступал с заявлениями против ереси и еще более пылко против вмешательства импера-

тора в дела Церкви. Он прямо заявлял, что власть «решать и вязать» была дана держателям пяти патриарших диоцезов. Они составляют тот «суд», которому подлежит вероучение. На долю правителей и царей остается только «помогать, присоединяясь к свидетельствам о вере, а также заниматься мирскими делами. Ничего иного не дал им Бог в отношении божественного вероучения»²⁰. По разным поводам он несколько раз писал папе, называя его «предержателем Ключей Царства», хотя позднее, когда папа его разочаровал, он заявлял: «Какая нам разница, как поступает папа — так или иначе?»²¹. Но для него было далеко не безразлично, будет ли Церковь подчиняться прихотям императора. Он не смог добиться полной независимости Церкви, однако самые усилия в этом направлении, без сомнения, положили некоторый предел божественной власти императора.

На Пасху 815 г. император созывает собор в храме Св. Софии. К тому времени он успел назначить несколько епископов-иконоборцев; так что имели место безобразные сцены, когда епископов-иконопочитателей хватали и оскорбляли. Новый собор отменил решения Никейского собора и подтвердил решения Собора 754 г.²². Вновь начались гонения, причем студиты и их последователи стали главными жертвами. Вновь заключали в тюрьму, ссылали и мучили, хотя, кажется, никто не был приговорен к смерти. Преследования продолжались пять лет до Рождества 820 г., когда, к неопишуемому восторгу Феодора Студита, император Лев был убит в церкви своим адъютантом Михаилом Аморианом, захватившим трон²³.

Михаил II имел иконоборческие наклонности, но на практике был терпимым, отчасти из-за отсутствия интереса к религии — редкая черта у византийских императоров, — но также и потому, что в течение двух лет шла борьба у него со старым товарищем и соперником Фомой Славянином за трон, так что Михаил не мог восстанавливать против себя множество людей. Он вернул сосланных монахов, а в церквях позволили повесить иконы, за исключением константинопольских церквей. Единственным пострадавшим приверженцем иконопочитания был монах Мефодий, бежавший в Рим в правление Льва V и возвратившийся в Константинополь в 821 г. с письмом от папы Пасхалия I, в котором папа повелевал императору восстановить православие. Раздраженный тоном письма Михаил приказал бить Мефодия плетью и заключить в темницу как изменника. И, хотя было известно, что Мефодия вдохновляли студиты, монахи не пострадали, а сам Мефодий уже скоро стал близким другом императорской фамилии²⁴. Михаил попытался восстановить союз с Западной церковью и начал переговоры с Западным императором Людовиком Благочестивым: Людовик обязал в 825 г. папу Пасхалия одобрить решения Парижского собора, позволявшего вешать иконы в церквях, но запретившего воздавать им какое бы то ни было поклонение. Такой компромисс был вполне во вкусе Михаила, однако на Западе о нем вскоре забыли²⁵. Еще больше

Михаил оскорбил студитов, когда вторым браком женился на монахине. Этот брак был политическим, так как невеста Евфросиния была единственной оставшейся в живых дочерью Константина VI и внучкой Ирины. Патриарх Антоний I, определенно иконоборец, но терпимый к противникам, с радостью дал необходимое разрешение на брак; и общественное мнение, несмотря на позицию студитов, не было возбуждено. Этот брак был бездетным, и, едва овдовев, Евфросиния с радостью вернулась в монастырь²⁶.

Сын Михаила II Феофил, правивший самовластно с 829 по 842 г., сам был иконоборцем, однако подобно отцу проявлял терпимость. Да и в самом деле, ему было бы трудно преследовать почитателей икон, когда его любимая жена Феодора была одной из них, что не составляло секрета. Несомненно, иконоборчество сильно переменялось. При императорах-исаврийцах это было строгое и даже суровое направление, отвергавшее не только изображения, но и пышные украшения церквей вообще. Теперь во главе иконоборцев стояли люди вроде Иоанна Грамматика и самого Феофила, интеллектуалы, приверженцы классического знания и классического искусства; их нелюбовь к иконам определялась отчасти философией, но в еще большей степени нелюбовь к монахам, которые теперь представляли партию суровых протестантов в Церкви и проповедовали обскурантизм в образовании. Феофил был великим правителем. Даже его враги признавали, что никогда до него не торжествовала так явно справедливость, не было такого успешного управления экономикой, не поднимался настолько престиж императора. Он был также великим созидателем, так что сам он и его двор делали все возможное для расцвета интеллектуальной жизни и искусств.

Правда, эти действия Феофила попутно способствовали разрушению иконоборчества. Он запретил религиозную живопись. Церкви украшались изображением животных и птиц, рыб, цветов, так что, по замечанию одного автора того времени, стали похожи на зоосад²⁷. Однако художники, которым покровительствовал император, рано или поздно настаивали на своем праве обращаться в живописи к религиозным темам, если у них появлялось такое желание; также и в интеллектуальных кругах невозможно было ограничивать чтение Отцов Церкви, когда наибольшее восхищение с точки зрения философии и стиля вызывали Отцы-каппадокийцы, неоплатонические традиции которых одобряли изображение духовных сущностей. Неудивительно, что к середине IX в. интеллектуалы империи, оставаясь противниками монашеской партии, тем не менее отходили от иконоборчества²⁸.

Когда в 842 г. Феофил умер, оставив наследником двухлетнего сына Михаила III, регентство перешло к Феодоре. Феодора, подобно последней императрице-регентше Ирине, была полна решимости восстановить иконопочитание, однако, подобно той же Ирине, понимала, что надо соблюдать осторожность. Она выжидала до тех пор, пока не смогла убедить своего главного

министра Феоктиста, умелого администратора, возвысившегося при Феофиле, что весь народ поддержит эту перемену религиозной политики, а также до тех пор, пока не уверилась, что ее покойный супруг не будет анафематствован. В марте 843 г. она созвала собор, причем местом собора назначила дворцовую территорию. Епископы охотно снова утвердили каноны Никейского собора, единственным несогласным был патриарх, ученый Иоанн Грамматики. Он был низложен и удален на свою виллу на берегу Босфора, где изучал черную магию. Феодора посоветовала избрать на его место Мефодия, того монаха, который за 20 лет до того оскорбил Михаила II, но позднее стал близким другом императора Феофила. Мефодий, как и патриарх Тарасий за полвека до того, проявил умеренность: сведены со своих престолов были только те епископы, которые не пошли ни на какой компромисс. Не было никаких преследований; не анафематствовали видных иконоборцев. Как кажется, власти даже не сразу, а лишь по прошествии двадцати лет вновь установили мозаические изображения в таком грандиозном общественном здании, как храм Св. Софии. В Церкви восстановился мир ко всеобщему удовлетворению, исключением были лишь отдельные монахи-экстремисты, недовольные тем, что иконоборцы не были как следует наказаны. Однако и монахи не могли бы обвинить ни в чем богобоязненную императрицу, вернувшую им их священные изображения²⁹.

Феодора действовала даже успешнее Ирины, когда восстанавливала иконопочитание, не нанося ущерба престижу императорской власти. Однако вскоре отношения между императорской и патриаршей властью вновь испортились. Когда в 847 г. Мефодий умер, Феодора назначила его преемником монаха Игнатия, сына Михаила I Рангабе, который был оскотлен после того, как отец потерял власть. Игнатий стал монахом и со временем настоятелем монастыря на Принцевых о-вах и был там весьма почитаем за его благочестие и благотворительность. Императрица, конечно, надеялась, что при таком происхождении у него будет кругозор государственного деятеля. Она ошиблась. Игнатий был предан монашеской партии экстремистов. Неприятности начались уже во время интронизации, когда Игнатий отказался принять архиепископа Сиракузского Григория Асбеста, обвинив его в неканоническом поведении. Возможно, архиепископ, в прошлом друг Мефодия, уже собирал партию оппозиции новому патриарху. Григорий сообщил о происшествии папе Льву IV, который считал, что Сиракузы на Сицилии принадлежат его юрисдикции, и папа отправил в Константинополь представителей с требованием объяснений. Его требования не были удовлетворены; как не были удовлетворены они и при следующем папе, Бенедикте III, объявившем, что этот архиепископ не может быть низложен раньше, чем Рим рассмотрит его дело. Игнатий игнорировал требования папы. Отношения между папским престолом и патриархом осложнились³⁰.

В 856 г. Феодору отстранил от правления ее брат Варда, действовавший от имени шестнадцатилетнего императора Михаила III; Варда принял на себя правление с титулом Кесаря. Он был замечательным правителем: он оживил армию и флот; вновь основал университет; послал миссионеров, обративших славян и подготовивших обращение болгар. Но у него были враги, государственные служащие, протестовавшие против разбазаривания тех резервов, которые удалось собрать сестре, и духовенство, в особенности монашество, не одобрявшие его образа жизни. Впервые Игнатий вступил в конфликт с Вардой, когда отказался насильно постричь Феодору, а затем в 858 г. обвинил его в незаконной связи со снохой и отлучил его. Обвинение, возможно, было ложным, однако в целом репутация Варды, ведшего аморальный образ жизни и подбивавшего на скверности племянника, была такова, что он не решился протестовать. Взамен он измышляет обвинение в измене Феодоры и Игнатия. Феодора на этот раз была все же пострижена, а Игнатий сведен с престола Святейшим синодом по указанию императора³¹.

Преемником Игнатия Варда избрал выдающегося ученого своего времени Фотия. Фотий, внучатый племянник Тарасия, подобно ему был главой императорской канцелярии при назначении его патриархом; так что и с Фотием была произведена та же процедура поспешного ряда рукоположений. Он был возведен на престол на Рождество 858 г. Партия монахов, несмотря на плохие отношения Игнатия с Римом, решила обратиться за помощью к папе Николаю I, протестуя против назначения Фотия. Николай пришел в восторг от возможности вмешательства в греческие дела, однако сразу же уничтожил всякую надежду на мирное решение, поднявши вопрос о юрисдикции провинции Иллирикум, провинции, ставшей политически весомой в связи с недавним обращением в христианство расположенной здесь Болгарии. Для нашей темы неважно, как Фотий одержал победу над папскими легатами и ввел папу в заблуждение как относительно своей собственной позиции, так и относительно вопроса о болгарской церкви и как он вбил клин между Римом и монашеской партией, до тех пор искавшей у Рима поддержки. Для нашей темы важно лишь то, что Фотию удавалось осуществление его замыслов только при поддержке императора. Так что, когда в 866 г. его патрон Варда был свергнут и убит новым любимцем Михаила III, коннохом Василием Македонянином, робкие попытки Фотия простить убийство не помогли ему. В сентябре 867 г. Михаил III был убит приспешниками Василия, и Василий стал самодержцем. Едва ли не первым делом он лишил престола Фотия и вновь водворил Игнатия. В Риме пришли в восторг, пока не обнаружилось, что по указке Василия Игнатий, как и Фотий, не давал вмешиваться в византийские и болгарские дела. Тем временем Фотий после недолгой ссылки сумел вновь приобрести расположение Василия. Он становится ректором университета и наставником императорского наследника Льва VI. По смерти же Иг-

нания в 877 г. Фотий, полностью оправданный, вновь занимает патриарший престол³².

Фотий был деятельным патриархом, причем он особенно преуспел в реформе патриаршей школы. Однако его притязания росли, и, когда в 881 г. император становится подвержен припадкам безумия, Фотий, как кажется возбуждавший Василия против собственного сына Льва, фактически принимает правление на себя. Он наслаждается властью. Василий издал новый свод законов Ерапагоге, к которому Фотий набросал предисловие. Провозглашая в нем, подобно Юстиниану и Льву III, что «мир и процветание граждан, телесное и душевное, зависят от согласия царской власти и духовенства», он, однако, не дает царской власти никакого предпочтения. Возвышая патриарха, он делает его фактически партнером императора. Он — «одушевленный и живой образ Спасителя». Он один в состоянии разъяснять церковные каноны и постановления соборов. Такое определение больше бы подошло римскому понтифу, чем византийскому священнику³³. В конце концов Ерапагоге так никогда и не была связана официально, а гордость Фотия вскоре подверглась испытанию. Лев VI, получивший в 885 г. престол после отца, немедленно обвинил Фотия в измене. Следствие, длившееся несколько месяцев, кончилось смещением патриарха и его ссылкой, после чего Лев назначил патриархом своего девятнадцатилетнего брата Стефана. Кажется, сам Василий запланировал это назначение, полагая, что только надежный член императорской семьи на патриаршем престоле сможет предотвратить такие эксцессы, как диспут Игнатия и Фотия. Общественное мнение, по-видимому, не возражало против возвышения мальчика-принца. Партия же монахов была, возможно, слишком обрадована падением ненавистного Фотия, чтобы как-то протестовать³⁴.

Стефан мог бы быть превосходным патриархом, но он изнурил себя аскетическими подвигами и умер в возрасте двадцати трех лет. Затем Лев назначает уважаемого и умеренного клирика Антония II Кавлея, тот в свою очередь по приказу императора созывает синод³⁵ с участием делегатов из Рима; на этом синоде схизма, открытая Фотием и Игнатием, была провозглашена закончившейся, причем никто из ее протагонистов не был осужден. По смерти Антония в 901 году его преемником стал имперский секретарь, или *Mysticus* Николай. Николай был сыном итальянской рабыни из домашней челяди Фотия. Его карьера является примером того, что низкое происхождение не было препятствием социального продвижения в Византии. Фотий, в свое время пораженный умом мальчика, лично следил за его образованием. Николай вскоре становится близким другом императора, который имел к нему большое доверие. Будучи по природе тщеславным и упрямым человеком, он, однако, был готов сотрудничать со Львом. Судьба распорядилась иначе³⁶.

В Византии брак хотя и требовал церковного благословения, но вообще был делом гражданских учреждений. Мнение духовен-

ства, однако, давно уже склонялось к тому, что римское право по этому вопросу не отличается большой определенностью, в частности в вопросе, сколько повторных браков могут считаться законными. Многие христианские писатели придерживались строгих взглядов на этот предмет. Василий Великий, например, считал и второй брак нечестивым. Третий брак он рассматривал как «умеренный блуд», за который следовало наказывать отлучением на четыре года, хотя бы он и был законным. Четвертый же брак — это чистое скотство³⁷. В 870-е годы обнародуется закон от имени Василия I и его сыновей Константина (умершего в 879 г.) и Льва, закон склоняется к общественному мнению и позволяет третий брак лишь по особому разрешению и совершенно запрещает четвертый брак, который, будь он заключен, признается недействительным, а дети незаконными³⁸.

Льва в молодости женил отец на святой, но без сомнения непривлекательной женщине по имени Феофано, которую он не любил. Брак продлился одиннадцать лет, пока она не умерла в 897 г. совершенно всеми забытая. Тем временем Лев пребывал в объятиях негритянки Зои дочери Зауца³⁹. Зоя родила ему дочь Анну. Через несколько месяцев после смерти Феофано Лев женится на ней, таким образом узаконив ребенка. Однако Зоя умерла в 899 г., не оставив больше детей. Единственным мужчиной императорского рода, кроме самого императора, был в то время его младший брат Александр, беспутный молодой человек и тоже бездетный. Итак, в 900 г. Лев добивается специального разрешения на новый брак; но и новая императрица умирает в апреле 901 г. родами, а новорожденный мальчик пережил ее лишь на несколько дней. Двору неудобно было оставаться без императрицы, тогда Лев коронует свою юную дочь Августой, надеясь, возможно, что она с ее будущим супругом станут его наследниками. Он вынашивал планы выдать свою дочь за западного принца, но и она вскоре умирает. Непрерывность династии была под угрозой.

Лев решает официально обзавестись возлюбленной Зоей по прозвищу Карвонопсина, темноглазой девушкой из хорошей семьи. В 903 или в 904 г. Зоя родила дочь, которая умерла в юности. Затем в сентябре 905 г. она родила сына, Константина Багрянородного, поскольку он был рожден в пурпурных покоях императорского дворца, предназначенных для рождения императорских детей. Однако этот последний, несмотря на место своего рождения, был незаконнорожденный. Патриарх Николай соглашался крестить его лишь при условии удаления из дворца любовницы. На это Лев не смог согласиться. Чтобы узаконить сына, он должен был жениться на матери новорожденного. Брак был совершен сговорчивым священником в апреле 906 г. без ведома патриарха, в то же время Зоя была коронована и стала императрицей⁴⁰.

Лев нарушил закон, который сам утвердил. Общественное благочестие было глубоко потрясено. Монахи же, не перестава-

вшие в течение ста лет испытывать отвращение к адюльтерному браку Константина VI, теперь в особенности не скрывали своего гнева. Патриарх, как ученик Фотия, не одобрявший партии монахов, казалось, намеревался для того, чтобы узаконить ребенка, обратиться к *икономии*, принципу, согласно которому отклонение от канонического права может быть разрешено в отдельных случаях, если не затрагиваются основания веры. Однако, подобно Фотию, он стремился также утвердить власть патриарха, а Лев обманул его с женитьбой. Он, возможно, и был еще готов на компромисс, но внутри собственной фотиянской партии у него был соперник — Арефа, архиепископ Кесарии; человек большой учености и довольно недобросовестный, он, скорее чтобы озадачить Николая, чем по убеждению, связался с партией монахов и возбуждал общественное мнение против самой идеи специального разрешения. Разгоревшиеся страсти вместе с собственным гневом на непокорного императора побудили его к действиям. На Рождество 906 г. он закрыл двери храма Св. Софии перед носом императора. Однако Лев его перехитрил: он уже послал секретно доверенных лиц к папе и восточным патриархам, чтобы узнать их мнение по поводу четвертого брака, заранее зная, что на Западе вовсе нет ограничений повторным бракам, а восточные патриархи ради субсидий и дипломатической поддержки во всем станут на сторону императора. Причем все охотно уличили в ошибке Константинопольского патриарха.

Как только Лев узнал, что ответ Рима уже в пути, он арестовал Николая и принудил его отречься. Затем он обратился к монашеской партии, зная, что она со своими студитскими традициями без сомнения одобрит обращение к Риму и другим великим Церквам. Наиболее видным лидером монахов был праведный Евфимий, с которым Лев время от времени держал совет по духовным вопросам. Укрепляемый одобрением вселенской Церкви, он решается принять патриаршество и дать императору разрешение, благословляющее четвертый брак. Это согласие привело старую партию в полнейший беспорядок. Многие монахи стали теперь союзниками Николая, а в то же время Арефа Кесарийский и многие другие клирики Двора превратились в горячих сторонников Евфимия и четвертого брака⁴¹.

В начале 912 г. здоровье Льва стало слабеть; и в апреле того же года, когда он был уже при смерти, его брат Александр, номинально бывший соправителем многие годы, но фактически совершенно лишенный власти, отнял власть у молодого Константина, также коронованного соправителем в 911 г., но бывшему еще семи лет от роду. Лев умер в мае, а Евфимия Александр удалил еще раньше, причем императорская полиция грубо обошлась с патриархом и оскорбила его. На патриаршем престоле был восстановлен Николай, который постарался обеспечить себе контроль над Церковью смещением всех епископов, рукоположенных Евфимием, а также других иерархов, поддерживавших прежнего патриарха.

Однако многие с Арефой Кесарийским во главе отказались покинуть свои диоцезы. Общему смятению в Церкви способствовал и разрыв Николая с Римом. Покровительствовавший Николаю Александр умер в мае 912 г., оставив правление в руках регентского совета во главе с самим Николаем. Власть пришлось по вкусу Николаю. Он подавил бунт, который, как подозревали, сначала сам возбуждал. Он вел от своего имени переговоры с болгарским царем Симеоном и даже короновал его импровизированной короной, обещая, что юный Константин впоследствии женится на его дочери. За восемь месяцев он стал безусловно непопулярной фигурой. Ни один грек, каковы бы ни были его взгляды, не одобрял вмешательства священника в дела светской власти. В феврале 914 г. его легко отстранили от правления при помощи заговора, и регентство перешло к темноглазой Зое. Она пожелала восстановить Евфимия на патриаршем престоле, но он отказался от этого неудобного кресла. Поневоле пришлось смириться с Николаем, которому было приказано заниматься только делами Церкви⁴².

Несмотря на доброе начало, регентство Зои провалилось в ходе жестокой войны с болгарами⁴³. Великий адмирал Роман Лакапин захватил власть, женил юного императора на своей дочери, а себя провозгласил Василеопатром — «отцом императора», затем кесарем и, наконец, императором. Николая он держал под неослабным контролем, хотя иногда и пользовался его дипломатическим опытом. В 920 г. был созван Собор для объединения Церкви. Его постановления, собранные в *Tomus Unionis*, передавали контроль брачных законов Церкви, осуждали четвертый брак и даже ставили под вопрос допустимость третьего брака. Однако ради легитимации положения императора Константина был использован принцип *икономии*, также и для оправдания евфимиянского духовенства, благословившего четвертый брак Льва, был использован принцип *икономии*. В 923 г. Николай примирился с Римом, объявив, впрочем, без всяких доказательств о том, что папа продемонстрировал свою приверженность *Tomus Unionis*⁴⁴.

Tetragamia — дело о четвертом браке вызвало самый опасный кризис в отношениях между патриархом и императором в средневизантийский период. Разрешился он небольшим ограничением императорской власти. Лев был не прав и морально и юридически: он совершил действие, оскорбившее благочестивые чувства и тем нарушил свой собственный закон. *Tomus Unionis* продемонстрировал, что даже император не может пренебречь тем, что стало признанной религиозной проблемой, однако Церковь в особых обстоятельствах может обратиться к *икономии*, чтобы простить его. Однако общественное мнение Византии не было до конца последовательным. Оно позволяло императору поставлять и убирать патриархов, но, если только его моральность была сомнительной, он мог вызвать и схизму подобными действиями. Общественное мнение поддерживало патриарха, противостояще-

го императору на почве морали, но не патриарха, вознамерившегося управлять государством даже по завещанию самого императора. Главная задача Льва — основать династию — ему удалась. Константин, законнорожденность которого была под вопросом, позднее признавался совершенно законным императором. Даже узурпатор Роман Лакапин не осмеливался оспаривать его незыблемое право на власть. В обществе глубоко укоренилась привязанность к императорской семье, глубже, чем к какому бы то ни было патриарху, несмотря на всю силу авторитета последнего.

Роман Лакапин, подобно Льву VI, решил поставить в патриархи члена своей семьи. Когда в 925 г. умер Николай, принц, избранный им для этой цели, его младший сын Феофилакт, был еще слишком молод. Так что до того, как в 931., не достигши и пятнадцати лет, вступил на престол Феофилакт, были назначены два других временных патриарха. Ни один из них не имел ничего против этого назначения. Сам папа Иоанн XI благословил такое назначение; но следует помнить, что Иоанн XI был во власти своего сводного брата Альберика, принца романского, стремившегося к союзу с императором. Феофилакт был приятным молодым человеком, но его интересовали исключительно лошади. В качестве патриарха он был совершенно безвреден и умер в 956 г.⁴⁵.

Опыт с принцем-патриархом больше не повторялся, и преемником Феофилакты Константин VII, теперь единоличный владыка, избирает монаха Полиевкта. Такой выбор был ошибкой: Полиевкт только тогда чувствовал себя счастливым, когда мог протестовать. Он протестовал против действий и поведения министров. Он протестовал против положений *Tomus Unionis*. Константин VII был просто измучен, но умер раньше, чем мог сместить его⁴⁶. Когда в 963 г. умер сын Константина Роман II, оставив двух маленьких сыновей — Василия и Константина VIII — в качестве императоров при регентстве их матери Феофано, Феофано решила выйти замуж за великого полководца Никифора Фоку и передать ему всю полноту власти, тогда Полиевкт выступил с протестом, совершенно облыжно утверждая, что будущие супруги находятся в духовном родстве⁴⁷. Он снова протестует, правда с большим основанием и успехом, когда Никифор предлагает считать каждого солдата, павшего в битве с неверными, мучеником⁴⁸. Он сам становится соучастником преступления в 969 г., когда Никифор был убит Иоанном Цимисхием, пожелавшим затем жениться на Феофано. Полиевкт отказывается короновать Иоанна императором, если он не откажется от Феофано, чьим третьим мужем он бы в таком случае стал, и если он не аннулирует законодательство Никифора о монастырях и не признает, как было сказано, исключительного верховенства патриарха в церковных делах⁴⁹. Если бы Иоанн не был узурпатором и убийцей, он бы, конечно, смог удалить патриарха и назначить более подходящую ему замену. Однако он,

в его уязвимом положении, нуждался в Полиевкте. Впрочем, торжество патриарха было недолгим. Когда на следующий год утомительный Полиевкт умер, Иоанн назначает на патриарший престол благочестивого монаха. До нас дошла речь, произнесенная им при назначении. В этой речи император говорит о двух родах власти: священство и царство — однако его взгляд на соотношение этих властей проясняется, когда он затем заявляет, что в отсутствие главы священства он своей императорской властью сажает на церковный престол человека, который ему представляется достойным⁵⁰.

Семьдесят лет после этого ни один патриарх не бросал вызова императорской власти. Понадобился бы смелый клирик, чтобы бросить вызов императору Василию II, продержавшему почти пять лет вакантным патриарший престол после смерти Николая II Хризоберга из-за того, кажется, что Николай попытался добиться ослабления налогов на Церковь в то время, как император был захвачен гражданской войной. Когда же к концу правления Василия патриарх Сергей II осмелился пожаловаться на тяжесть налогов на церковные владения, его жалобы просто не были услышаны⁵¹.

За несколько дней до своей смерти в декабре 1025 г. Василий II назначил патриархом Алексия—настоятеля Студийского монастыря, который в дальнейшем оказался преданным другом императорской династии. Он решительно поддержал в 1043 г. племянницу Василия императрицу Зою, когда ее приемный сын Михаил V попытался отправить ее в ссылку. В следующем году он, однако, умер, и третий муж Зои Константин IX избрал, к несчастью, его преемником ученого-дипломата Михаила Керулария, ставшего в свое время монахом, чтобы избежать наказания за участие в заговоре против Михаила IV. Керуларий был честолюбив, а слабый характер Константина предоставлял ему удачный шанс. Это было время, когда реформы дали в руки папе верховную и строго централизованную власть над всей Западной церковью; временное же ослабление власти западных императоров, стоявших у истока самих этих реформ, позволило папе совершенно освободиться от контроля светской власти. Столь глубокие перемены не прошли мимо Керулария, и он мечтал также возвеличить власть патриарха. Однако, если константинопольский патриарх и стал бы восточным эквивалентом папства, ему следовало быть совершенно независимым не только от давления императора, но и от папства. Склонность византийской партии монахов обращаться за помощью к Риму в борьбе с местными иерархами к тому времени уже исчезла, в основном как результат дела о Tetragamia, но отчасти также благодаря возрождению Западной империи при Оттонах и новым агрессивным притязаниям папства, хорошо понимавшего, что для совершенного господства в христианском мире нужно было подчинить не только Западную церковь, но и церкви Востока. Рядовой грек смотрел теперь на Рим как на маленький провинциальный го-

род с великим прошлым и малозначительным настоящим, Римская же церковь представлялась некогда великой, но ныне попавшей в руки варваров. Так что критика притязаний Рима была бы популярна в Константинополе. Но был еще важный момент: византийские провинции в Италии управлялись к тому времени норманнскими захватчиками, чья незаконная активность тревожила и папу, поскольку под угрозой находились его собственные территории. Поэтому оформляется политический союз императора с папой, который в случае нужды мог бы использовать и свой религиозный авторитет для обуздания норманнов.

Керуларий покончил с этой политикой. Возможно, он имел в виду привести армянскую церковь в согласие с византийской, когда обратил внимание на некоторые служебные тонкости, сблизившие армянскую и римскую церкви, которые он не одобрял. В 1052 г. он приказывает своей властью закрыть все латинские церкви на территории своего патриархата. Сюда относились и церковь варангианской гвардии в Константинополе, церкви амальфитян и других общин итальянских купцов как в Константинополе, так и повсюду в империи, и он намеревался закрыть также латинские церкви в Византийской Италии. Затем он побудил Льва, митрополита Охридского, написать епископу Трани, главе церковного православия в южной Италии, послание, осуждающее некоторые особенности богослужебной практики Рима, и главное — употребление опресноков за литургией. Епископу было приказано распространять это послание повсюду в Италии.

Все это — без ведома и разрешения императора. Тем временем политическая ситуация в Италии накалилась, папа Лев IX был захвачен норманнами и вел с ними переговоры о своем освобождении. Константин IX поспешил написать папе сердечное письмо, предлагая и дальше поддерживать связь; он убедил и Керулария написать папе и предложить обсуждение еkkлесиастических позиций. В ответ на это Лев IX посылает в Константинополь легатов, с тем чтобы обсудить и политические, и религиозные вопросы. Император, однако, принимает их без почета. К несчастью, главный римский легат кардинал Гумберт был грубым человеком, к тому же он сам написал целый трактат об «ошибках» греков. Он не был готов подружиться с патриархом, который в свою очередь также был непримирим, к тому же слово патриарха в Константинополе многое значило. Папскую миссию представили как попытку грубых иноземцев поучать греков относительно их верований и богослужения. В этих обстоятельствах усилия императора несколько все сгладить ни к чему не привели. Наконец после взаимных оскорблений Гумберт, утративший уже свои полномочия легата, поскольку папа Лев умер в апреле 1054 г., появился в храме Св. Софии днем 16 июля 1054 г. и положил на алтарь буллу об отлучении патриарха — многословный, оскорбительный и неточный документ, потрясший даже императора. Керуларий ответил отлучением Гумберта. «Схизма» 1054 г. была, таким образом, случаем взаимного от-

лучения двух иерархов. На деле же, несмотря на искренние попытки примирения, добрые отношения между Римом и Константинополем так никогда и не возобновились⁵³.

Этот исторический факт ясно показывает, что там, где политика сплетается с религией, патриарх, уверенный в поддержке народа, может действовать, невзирая на императора, и погубить даже политические расчеты последнего. Однако и Керуларий, подобно Николаю Мистику, обнаружил, что вмешательство патриарха собственно в политику не находит поддержки у населения. Константин IX глубоко почитал Керулария; однако, когда патриарх попытался навязывать свои взгляды наследнице Константина, пожилой и незамужней Феодоре, она посоветовала ему заниматься Церковью. Следующий император, Михаил VI, пробовал следовать ее примеру, но он был всего лишь слабым стариком, не имевшим того веса, что Феодора. Керуларий выказал буквально презрение к нему, присвоивши себе право носить пурпурные туфли — прерогатива императоров — и принявши деятельное участие в заговоре воина Исаака Комнина против него. В свою очередь Исаак, восшедши на престол, наградил Керулария, предоставивши патриарху полный контроль над кафедральным собором императоров — храмом Св. Софии; вскоре, впрочем, высокомерный патриарх истощил терпение императора, и тот предпринял шаги для низложения его, причем общественное мнение было уже на стороне императора. Когда Керуларий узнал об этом, он пришел в такой гнев, что с ним случился апоплексический удар, от которого и умер⁵⁴.

Жизненный путь Керулария позволяет нам увидеть не только размах власти патриарха, но и ее границы. Обе стороны усвоили урок, и только спустя два столетия разразился новый кризис отношений между византийским императором и патриархом.

МОНАХИ И НАРОД: ОППОЗИЦИЯ ДВОРЦУ И ИЕРАРХИИ

В византийской истории мы встречаемся время от времени с политико-религиозной партией, опирающейся на монастыри. Даже в V в. монашеские общины, такие, как Состенион в Константинополе, оказывали влияние на общественную жизнь. Однако только главенствующая роль в споре с иконоборцами способствовала оформлению организационной партии монахов, которая затем становится властной силой в жизни Византии. По временам эта партия получала поддержку при императорском дворе. По временам из ее среды избирался патриарх. Однако по преимуществу она находилась в оппозиции не только императорскому давлению на Церковь, но и к высшим иерархам, которые, казалось, слишком обмирщались. Сила этой партии заключалась в том, что она тесно соприкасалась с общественным мнением.

Для византийцев вообще характерно, что при всем их глубоким почитании императора и патриарха на их взгляды и воззрения гораздо большее влияние оказывали монахи и святые, которые жили среди них. Император по самой сути своего положения представлялся фигурой малодоступной. Наместник Бога на земле должен был помнить свое место, оно было высоко. Император на публике появлялся величественным и милостивым, великодушным и благосклонным и должен был милостиво внимать просителям, искавшим у него правосудия или помощи. Он обязан был смиряться перед Богом. Но идея, столь популярная в наше время, что правитель должен непринужденно болтать с «человеком улицы», возмутила бы религиозные чувства византийцев и их представления о приличиях¹. Император, который, подобно Михаилу III, стал бы снисходить до фамильярности со своими подданными, вызвал бы у них только недоумение и не мог рассчитывать на их любовь². Так же и патриарх, хотя его фигуру и не окружала подобная тайна, должен был соблюдать достоинство в поведении. Почтение к божественной власти императора и патриарха не мешало, однако, византийцам бунтовать против всякого, кто им казался недостойным этого места. Даже тогда они восставали против конкретной личности, а не против его священной функции. Они восставали в конечном счете ради сохранения своих идеалов.

С высоты своего положения, однако, императору было трудно общаться с подданными. В те времена, когда не было печатного станка и соответственно не было ни газет, ни листовок, в те времена даже эдикты и предписания имели ограниченное хождение из-за трудности размножения. Объявления можно было развешивать на уличных стенах домов. Памфлеты можно было передавать из рук в руки в замкнутых придворных кругах, в служилой среде и несколько шире, через церковные сообщества. Но пропаганда велась исключительно живым словом. Император не произносил речей публично, за исключением нескольких праздников, когда он имел право проповедовать в храме Св. Софии, причем его проповедь состояла обычно из благочестивых, но общих мест³. От случая к случаю он обращался к Сенату, превратившемуся в довольно бесформенное образование из официальных лиц и членов знатнейших семей. Если же император хотел разъяснить свою политику всему народу в целом, он должен был разослать чиновников с разъяснениями к старшинам кварталов в городах и в деревнях, как это сделал Константин V, когда он захотел добиться поддержки своих иконоборческих намерений⁴. Правительственных чиновников встречали обычно неприветливо, не без основания связывая их появление со сбором податей. По вопросу религиозного характера император мог действовать через епископов, повелевая им проповедовать в пользу его политики и следить, чтобы так же поступали и простые священники. Однако священники, а порой и епископы не всегда стремились исполнять инструкции, которые были им не по нраву; но наказывать их за подобное неповиновение было делом глупым и непопулярным⁵.

В обществе был, однако, такой слой людей, которым было сподручно ходить по домам горожан и селян и разъяснять им, что им делать и думать. Речь идет о монахах. Византийское монашество в отличие от западного не имело строгого устава и орденов. Каждый монастырь имел свою структуру, оформившуюся обычно при его основании и отражавшую намерения и специальные цели основателей, каковыми часто бывали миряне и мирянки. Христианское монашество зародилось в пустынях Египта, куда в первые века христианства удалялись обычно аскетически настроенные мужчины и женщины для святой жизни и смиренного умозрения. Они были *monachi*, одинокие. Постепенно эти отшельники стали селиться маленькими группами для взаимной безопасности, а также для совместного служения. Такие группы назывались лаврами. У них не было строгой организации, как не было и установленных правил. Часто в них даже одновременно пребывали и мужчины, и женщины, а авторитет настоятеля был непререкаемым. В V в. Св. Василий Великий предложил реформировать монастырскую жизнь, упорядочить ее и сделать более действенной. Он считал, что монахи должны жить общинами, сообща пользуясь общим достоянием и безусловно подчиняясь правлению избранного настоятеля. Ка-

ждый должен работать и исполнять общественное служение помимо молитвы⁶.

В дальнейшем монастыри по уставу Св. Василия Великого или общежительные монастыри стали основываться во все возрастающем числе, некоторые по-прежнему в глубине страны, но другие поблизости городов или даже в самих городах, где общественное служение могло быть особенно плодотворно. Юстиниан I воспользовался своей властью императора, чтобы узаконить монастыри, проведя законы в направлении их единообразия. Все монастыри отныне должны были строиться по принципам Василия. Монахи принимались в монастыри только после того, как они совершенно отказывались от принадлежавшего им до тех пор имущества, и вели затем общежительную жизнь. Монахом или монахиней мог стать любой, кроме беглого раба или чиновника, не закончившего срок своей службы. Женатый мужчина должен был получить согласие жены, так же и жена — согласие мужа; в таких случаях обычно оба приносили одновременно монашеские обеты. Он или она до принесения обетов передавали свое имущество законным наследникам. Искус нововступивших продолжался три года до принесения окончательных монашеских обетов целомудрия, нестяжания и послушания⁷.

Настоятель монастыря — игумен *higument* руководитель или архимандрит *archimandrite* — глава паствы избирались голосованием монахов, однако избрание проходило утверждение местного епископа. Когда речь шла об основании нового монастыря, епископ осматривал место и благословлял его, а затем утверждал документы на право собственности. После чего монастырь становился самоуправляющимся, где настоятель имел полную власть, покуда он выполнял условия первоначальных документов на право собственности. Таких документов было два: *brevion*, список вкладов и перечень литургических обязательств, на которых настаивал основатель монастыря, и *typicon* — перечень особых прав и обязанностей монахов. От монастыря иногда требовалось содержать приют, школу или больницу или выделять священника для домочадцев основателя. Из монахов лишь немногие были иеромонахами, но настоятель если ко времени избрания он не имел сана священника, по избрании немедленно рукополагался; также монастырь должен был иметь достаточно священников для регулярных служб. Игумену в помощь придавался *oeconomus* — эконо́м, для ведения хозяйства монастыря, *chartophylax* — хартофилакс, который занимался документацией, и *bibliophylax* — библиотекарь, поскольку в монастыре обязательно была библиотека. В женских монастырях настоятельница также имела полную власть и тех же помощников; священников же для службы в храме назначал епископ⁸.

Епископ также мог регулировать внешние сношения монастыря и имел право вмешиваться во внутреннюю жизнь монастыря в случае большого скандала или несогласия настоятеля с насельниками монастыря. В некоторых случаях право такого вмеша-

льства принадлежало патриарху или потому, что монастырь был основан патриархом, или потому, что таково было желание основателя. Монастыри, основанные императором, находились под началом администрации императора, так что иерархи не имели права вмешиваться. Позднее появились так называемые *autodespotai*, по императорскому указу свободные от всякого внешнего контроля, хотя в случае серьезного кризиса или скандала сам император мог входить в дела монастыря⁹.

Несмотря на законодательство Юстиниана, повторенное позднее Юстинианом II после Трулльского собора, где были внесены некоторые поправки (как четырехлетний искуc), в отдаленных краях империи сохранялись лавры старинного (дореформенного) образца; впрочем, никто не стремился их уничтожить¹⁰.

Больше того, власти сами часто нарушали законы, особенно в отношении времени искуса. В VII в. сложилась практика ссылать опальных принцев и государственных чиновников в монастыри, где они спокойно могли покаяться в своих злодеяниях и откуда они уже не могли вернуться к общественной жизни. В таких случаях не давалось времени на первоначальный искуc, без малейшего промедления совершалось пострижение и приносились обеты. Кроме того, бывали случаи, когда император желал поставить мирянина в патриархи. Первым таким патриархом был Тарасий, поставленный Ириной. К тому времени вошло в обычай, чтобы иерархами становились только те, кто принес монашеские обеты. Так что поставляемый в патриархи мирянин должен был поспешно принести монашеские обеты и без промедления пройти несколько степеней посвящения¹¹.

Конечно, тот факт, что епископов стали избирать лишь из среды монахов, делал монашество более престижным. Приходский священник же тогда, как и теперь, отличался от своих прихожан лишь тем, что был более образованным и носил сан, позволявший ему совершать Божественную литургию. Он был обязан жениться, хотя и по смерти жены мог оставаться священником. Он никогда не ждал продвижения или повышения. В городах большие и более благоустроенные церкви обычно были при монастырях, которые и поставляли для них служащих священников. При громадных соборах Св. Софии и Двенадцати апостолов, кажется, состояло несколько простых священников; однако обычно там служили иеромонахи патриаршего дома, т. е. те, кто, принеся монашеские обеты, не был связан с каким-нибудь определенным монастырем¹².

Таким образом, перед способным и честолюбивым юношей, вступившим в монастырь, открывалась прекрасная карьера. Византийское общество было строго формализованным, но не закрытым. Конечно, перспективно было принадлежать к богатой и влиятельной семье, но при удаче всякий талантливый человек мог занять высокое место в обществе, несмотря на свое происхождение. Многие военачальники, включая тех, кто позднее становился императорами, вышли из низов. Интеллектуально од-

аренные юноши могли также вступить на гражданскую службу и со временем занять высокое положение¹³. Однако монастыри предлагали вернейший способ продвижения в обществе. Послушника с хорошими способностями быстро замечал настоятель и давал ему образование. Он мог остаться в монастыре и со временем стать его настоятелем, или проявить себя в монашеских кругах так, чтобы его предложили в епископы. Еще в юные годы его могли придать епископскому или даже патриаршему дому, где хорошее поведение и способности обеспечивали ему продвижение. Некоторые патриархи были принцами по рождению, другие — сыновьями рабов¹⁴.

Византийские монастыри так сильно различались и были столь независимы друг от друга, что, казалось бы, они никак не могли составить единую партию. И в самом деле, в первые века христианства они не играли особой роли, за исключением Египта, где монастыри имели уже долгую историю, хотя и постоянно между собой ссорились. Время от времени монастырь с хорошим, как Состенион в Константинополе, управлением и надежными связями мог оказывать давление при решении богословских вопросов; однако он действовал через посредство иерархов¹⁵.

У народа же особое уважение мог снискать скорее отшельник или подвижник. Он мог быть странствующим монахом, но чаще речь шла об отшельнике, постоянно живущем в пещере, на скале, или о столпнике. Вскоре после его водворения все благочестивые люди окружи начинали стекаться к нему за наставлением или благословением на какое-нибудь предприятие. Даже местные правители приходили к нему за советом. Величайший из отшельников Св. Симеон Столпник был так широко известен, что Св. Женевьева Парижская из далекой Франции шлет ему послание с выражением любви о Христе, доставленное одним сирийским купцом. Императоры следуют примеру своих подданных. Так, когда Св. Даниил Столпник обосновался на колонне в Константинополе, Феодосий II возымел к нему такую любовь, что посылал всякий раз после грозы узнать, каково пришлось святому. Св. Алипий в Пафлагонии, простоявший на столпе 53 года, пока паралич не вынудил его лечь, был избран настоятелем близлежащего монастыря и управлял им с места своих подвигов. Во время иконоборческих гонений Св. Феодул писал иконы на вершине своего столпа, где императорские солдаты не могли его достать. Были даже две женщины-столпницы¹⁶. Однако с течением времени и одинокие отшельники-святые начинают исчезать, благодаря скорее всего растущей привязанности к литургии, чему особенно способствовала победа иконопочитания. Благочестивый человек, ищущий уединения, предпочитает теперь селиться ближе к монастырю, куда и ходит на литургию, так что становится как бы приданным монастырю. Последние прославленные святые отшельники жили в X в. Таков Лука Столпник, чей столп находился в Халкидоне, и современные ему члены династии Ликапенов, как Василий Меньший, испрашивали его советов. На

Греческом п-ве подвизался Св. Лука Елладский, и к его пещере во множестве стекались и мужчины и женщины со своими вопросами¹⁷. Отшельническая жизнь возрождается в начале XIV в. Григорием Синаитом, который считал, что для созерцательной жизни участие в литургии необязательно. Впрочем, на территории Византии у него нашлось мало сочувствующих, и он отправился в Болгарию, откуда его учение распространилось в Россию, где и положило начало такому явлению, как старчество или странничество, последним представителем которых был известный Григорий Распутин¹⁸.

Когда умирал известный пустынник, обычно на месте его подвигов воздвигался монастырь, который становился духовным наследником святого. Так громадный монастырь Св. Симеона Столпника близ Алеппо стал влиятельным духовным центром этого района до завоевания его арабами. Когда почил Св. Лука Элладский в Стире, сам император прислал из Константинополя мозаики, украсившие монастырскую церковь, воздвигнутую на месте его уединения¹⁹. В самом деле, большинство монастырей было основано в память о святом или для хранения религиозных святынь. Естественно поэтому, что монахи одобряли почитание священных изображений и других реликвий. Кроме того, монахи были близки к простому народу и знали, что священные предметы оживляют библейскую историю и удовлетворяют потребность людей непосредственно соприкоснуться с духовной действительностью. В последние столетия считается особенно благочестивым делом — основать монастыри или сделать туда вклад. Исключительно выросло число монастырей и их богатство. Императоры-иконоборцы встретили в монахах особенно опасных противников и начали принимать против них суровые меры. Константин V находил даже особое удовольствие в том, чтобы закрывать монастыри и унижать монахов. Те же были все еще плохо организованы, чтобы надежно себя защитить. Однако гонения на монахов привлекли симпатии общества на их сторону, так что уже Лев IV посчитал за благо проводить более умеренную политику, чем его отец²⁰. В восстановлении иконопочитания при Ирине монахи не играли заметной роли, и это благодаря решимости и деликатности императрицы и мирянина Тарасия, ставшего при ней патриархом.

Однако к тому времени появился человек, выступавший от имени монахов, — Платон, настоятель Саккудиона в Вифинии, хотя его основной вклад в дискуссию по поводу икон и состоял в том, чтобы противостоять всякому проявлению терпимости по отношению к бывшим иконоборцам, как бы те ни каялись²¹. Взгляды Платона, настоятеля Саккудиона, и его монахов унаследовал его племянник Феодор, который выдвигается в 799 г. на место настоятеля Студиона, громаднейшего монастыря в Константинополе. Феодор был великим реформатором монашества. Широкое распространение получили его усилия ввести в монастырях более строгую дисциплину и более полезную деятель-

ность. Но в своем стремлении основать нечто вроде Ордена на западный манер, связующего цепочку монастырей, он потерпел неудачу. Тем не менее с того времени появляются во всех больших монастырях монахи, обученные в Студии и не порывающие с ним связи; слово, которое они несли, достигало монахов по всей Империи. Можно, следовательно, сказать, что возникает своеобразная партия монахов²².

Целая партия несла в себе черты личности Феодора. Монахи боролись с вмешательством императора в дела Церкви. Не отрицая за императором определенных административных прав — они, например, не возражали, чтобы окончательное решение при назначении патриарха принадлежало императору, — они решительно восставали против диктата императора в вопросах богословия, как это привилось при императорах-богоборцах. Император должен повиноваться церковным законам; ему при всей высоте его положения не дано права уклоняться от их исполнения.

Однако больше, чем император, вмешивающийся в богословие или нарушающий законы морали, им был ненавистен патриарх, участвующий в политических интригах или стремящийся к светской власти. В споре с манихеями они без устали нападали на патриарха Тарасия за то, что он не отлучил священника, совершившего венчание Константина VI (брак, почитавшийся адюльтером), долгое время даже после того, как сам Константин умер; также они не простили преемника Тарасия Никифора за то, что он не совершил отлучения, которого требовали монахи. Новые протесты, когда патриарх Мефодий после второго восстановления иконопочитания продемонстрировал, как до него Тарасий, готовность отпустить раскаявшихся иконоборцев без наказания, были вполне в духе Феодора²³. После смерти Феодора они отказались от некоторых идеальных представлений. Феодор глубоко почитал ученость — через полвека монашеская партия была определенно антиинтеллектуальна, и это, без сомнения, из-за того, что императоры второго иконоборческого периода, в особенности Феодил, покровительствовали образованию и наукам. Монахи с подозрением относились к классическим наукам, процветавшим при дворе, так что они порицали не только патриарха Мефодия за то, что он относился к ним терпимо, но еще больше Фотия — за его искренний восторг перед классическим знанием.

Известен рассказ о том, что во время патриаршества Игнатия Фотий придумал ересь ради удовольствия понаблюдать, как промонашеский патриарх станет выпутываться из богословских дебрей²⁴. Несколько позже они отказались еще от одного убеждения Феодора. Тот настаивал на праве апеллировать к Риму не потому, что он верил в верховенство папы в решении богословских вопросов, но в пентархии патриархов его он почитал высшим авторитетом в вопросах веры, причем папа был среди них и старшим и единственным, кто мог бы дать независимый и традиционный ответ. Если Константинопольский патриарх слишком

часто бывал орудием в руках императора, то жившие под властью неверных другие восточные патриархи не могли себе позволить ссориться с императором — их единственным защитником от халифа. Однако быть единоверцами с Римом было непросто, если папа ставил под сомнение даже законность избрания патриарха Игнатия — их главу; когда же Лев VI обратился за разрешением спора в Рим в связи с четвертым браком и папа благословил то, что представлялось местным ригористам настоящим блудом, отношения окончательно запутались. К концу X в. монашеская оппозиция в Константинополе была определенно враждебна Риму²⁵.

В самом деле ловкий маневр Льва VI с делом о четвертом браке (*Tetragamia*) ослабил монашескую партию и лишил ее голоса на полстолетия. Когда же их глава благоверный Евфимий перешел на сторону императора, а прежний противник Николай Мистик стал во главе их морализаторского движения, монахи совершенно растерялись. В 956 г. патриархом становится горячий монах Полиевкт и, кажется, получает полную поддержку монахов во всех своих многочисленных протестах. После его смерти монашеская партия снова становится бездействующей вплоть до того, как ее привлекает на свою сторону Михаил Керуларий в его нападках на Рим. Свои взгляды, с успехом бросавшие вызов императору, он распространял при помощи монахов. Однако, как только стало очевидным его мирское честолюбие, он потерял их поддержку²⁶.

Тем временем монахи слегка поутихли, отчасти уstraшенные грозной фигурой императора Василия II, отчасти же твердым намерением императора ограничить имущественную власть монастырей. Военные успехи императора привели к тому, что все провинции за исключением пограничных избавились от опасности вражеских набегов, так что стало прибыльным приобретать земли. В X в. значительно растут секулярные землевладения, которые активно, хотя и незаконно, поглощали и свободные села, т. е. земли, не огосударствленные, но поставлявшие за это продовольствие императорской армии. Кроме того, эти поселяне должны были платить высокие подати. Местный вельможа, предлагая хорошую цену за землю или принимая на себя тяжесть налогов, преобретал контроль над селением, откуда мужчины шли в его собственную армию. Монастырские владения не представляли такой политической опасности. Однако на землях, переходивших во владение монастырей обычно по завещанию, свободные крестьяне также исчезали. Монахи или обрабатывали их сами, обычно плохо, или сдавали внаем фермерам-арендаторам. Больше того, в то время как земля простого мирянина могла быть, хотя бы теоретически, перераспределена государством, монастырские земли отчуждались. К чести монастырей следует напомнить, что, подобно позднему систерцианству на Западе, монахи часто обосновывались в бесплодных и голых местах, таких, как гора Афон, которые благодаря их трудам наконец

процветали. Следует также помнить, что многие монастыри находились в больших и маленьких городах и часто не имели никакой земельной собственности, кроме нескольких близлежащих домов; причем на долю именно этих городских монастырей приходилась громадная социальная нагрузка: обслуживание больниц, богаделен и начальных школ. И все-таки громадные поместья, полученные монастырями по завещаниям и расположенные на плодородных землях, хотя часто на большом расстоянии от монастыря-владельца, экономически велись совершенно неудовлетворительно. К ним отрицательно относились официальные власти, недовольные политической деятельностью монахов и вмешательством этих последних не только в дела иерархов, но и даже в дела императорской фамилии²⁷.

В 964 г. император Никифор II законодательно запрещает создание новых монастырей, а также странноприимных домов и богаделен монахами, причем запрещается также дарение или завещание, или иным образом передача имущества этим заведениям, за исключением тех случаев, когда богадельням, доказавшим общественную свою пользу, грозит закрытие. Вторым эдиктом предписывалось всякое назначение епископа подвергать одобрению императора. Император намеревался таким образом следить, чтобы диоцезы не переходили к экстремистам из партии монахов. Никифор был не только известен исключительным благочестием, но и любил окружать себя монахами; он участвовал в создании монастырей на Афоне, но, будучи сам аскетом, не одобрял богатых монастырей. К тому же он был измучен патриархом Полиевктом²⁸.

Одно из условий, выдвинутых Полиевктом Иоанну Цимисхию перед коронацией того, была отмена законодательства Никифора относительно монастырей²⁹. Монахи торжествовали. Но недолго. Василий II придумал более действенный способ урезать монастыри. В 1003—1004 гг. он выступает с законом, согласно которому помещик должен был платить все налоги сельских общин, в каких у него была какая-нибудь собственность, что распространялось не только на светских землевладельцев, но и на монастыри. Такие налоги тяжким бременем легли на монахов, зависевших в своих доходах от принадлежавших земель. Многие монастыри вынуждены были продать государству значительные доли своих владений³⁰.

И хотя преемники же Василия II отказались от такой политики, богатство монастырей сократилось. Тогда монашеская партия стала полагаться на монастыри, находившиеся в Константинополе или близ него, а ее (партии) власть проистекала теперь из влияния монахов на беднейшее население города. В конце X в. наблюдается возрождение духовного и созерцательного монашества под влиянием такого великого учителя, как Симеон Новый Богослов. Отдаленным действием этого была, кажется, переориентация сельских монастырей с политических на духовные вопросы³¹. Однако константинопольские монахи не снисходили до

экономических учреждений и были очень сильно внедрены в мирскую жизнь. По-прежнему они традиционно отрицали право Государства вмешиваться в жизнь Церкви, порицали придворные нравы, все с большим подозрением относясь к столичным интеллектуалам; и все больше не любили Рим, чем так удачно воспользовался Михаил Керуларий³².

Власть монастырей в сельских районах еще сократилась из-за тех невзгод, которые обрушились на империю в последнее десятилетие XI в. Для монастырей Малой Азии трагедией стало вторжение турок-сельджуков: немногие из них уцелели, да и те потеряли связь с Константинополем. Бежали не только капподокийские монахи и из центральных монастырей этой местности; были изгнаны даже монастыри на Олимпе в Вифинии, важнейшем центре монашеской активности былого времени. Многие бежали за Трапезунд, на Эгейское побережье и гору Латмос, но и там они не были в безопасности. Еще больше монахов бежало на греческие острова и в расцветавшие общины на горе Афон. Беженцы всегда оказываются проблемой, и европейские и островные монастыри не так легко могли впитать этот поток, тем более что не многие были состоятельны. Даже гора Афон, только вступавшая на путь превращения в ведущий монашеский центр, пришла в ужасающий беспорядок. Император Алексей I был вынужден послать туда людей для рассмотрения жалоб на растущую безнравственность монахов. Он приказал ужесточить правила³³.

И в самом деле в тревожные годы конца XI в., когда империя стояла перед лицом вторжений по всей линии границ, монахи не могли не сотрудничать с правительством. Лишь константинопольские монахи все еще с готовностью осуждали падение нравов в верхах. Алексей I Комнин вскоре после захвата трона попытался по наущению своей матери развестись с женой Ириной Дукевой, с тем чтобы жениться на прекрасной вдове Марии Аланской. Будучи близким другом семьи Дуки, патриарх Козьма отказался утвердить развод. Впрочем, он был уверен в поддержке партии монахов, поскольку два мужа императрицы Марии еще были живы. Все общество, не без участия монахов, было потрясено замужеством с узурпатором Никифором Вотинианом, при том что ее муж Михаил VII Дука был насильно пострижен в монахи. Нельзя было вынести, чтобы она в точности повторила оскорбительный для общественной морали шаг и стала дважды прелюбодейкой, и Алексей понял, что ему надо отказаться от этого брака. К счастью, его брак с Ириной вскоре стал счастливым и даже принес ему большую пользу, поскольку Ирину глубоко уважали за ее набожность³⁴.

В других вопросах, однако, Алексей не собирался считаться с монахами. Когда, отчаянно нуждаясь в деньгах, он изыал золотые и серебряные сосуды из церквей, то встретил лишь умеренный протест со стороны иерархов, монахи же не протестовали вовсе, поскольку многие из них не одобряли церковных

богатств. Гораздо больше они были задеты, когда Алексей начал пользоваться системой, известной как *charistikia*. По этому проекту собственность монастырей, даже городские их владения, отдавались в управление мирянину.

Заботой харистикариоса, как называли такого управителя, было смотреть, чтобы монастырь получал все необходимое для повседневной жизни и имел запасы на случай нужды, остальное же харистикариос мог оставлять себе. В результате монастырские земли стали приносить больше дохода, а монахи могли не отвлекаться на хозяйство. Впервые, кажется, иконоборец ввел эту систему; однако, когда в начале XI в. некоторые епископы также воспользовались такой системой в своих монастырях, она была объявлена незаконной. Дядя Алексея Исаак Комнин первым, кажется, догадался предоставлять *charistika* друзьям и своим сторонникам; и его преемники, за исключением Константина X Дуки, не одобрявшего этого, следовали его примеру. Алексей извлек из системы харистик большую для себя пользу: она позволяла ему награждать нужных людей из чужих средств и в то же время контролировать монастырскую собственность. В церкви многие также приветствовали нововведение. Образованный и благочестивый Евстахий Фессалоникийский считал, что таким образом монахи освобождаются от забот о наживе, что благоприятствует чистой духовной жизни. Многие суровые монахи, особенно в Константинополе, ничуть не жалели, что их разбогатевших собратий принуждали еще больше выйти из мира³⁵.

Потрясения, которые испытывала империя, не отразились, однако, на численности монахов. Путешественнику — еврею Бенджамину из Тудела, посетившему Константинополь в правление внука Алексея Мануила I, сказали, что в городе столько церквей, сколько дней в году³⁶. Число это, конечно, слишком определенно, чтобы быть точным, но без сомнения около двухсот церквей было в то время в городе, причем по большей части они были при монастырях. Мануил и сам считал, что в столице слишком много монахов. В 1158 г. он издает указ, запрещающий отныне основывать новые монастыри в Константинополе и других крупных городах империи. Кроме того, для обеспечения преимуществ системы харистикий он распоряжается, чтобы впредь монастырским организациям не отчуждалась земля, но отходил монастырю лишь доход от поместья основателя или его наследников, которые соответственно становились законными харистикариями. Ни один из этих законов не только не исполнялся в полноте, но сразу же после смерти Мануила они были забыты³⁷.

В XII в. у монахов были уже другие проблемы: они действительно выступали со своим мнением, когда бы император ни пытался восстановить добрые отношения с Римом, поскольку оказывали широкую поддержку патриарху в его оппозиции императору. Однако благодаря разгону ересей монахи не были едины. Из Болгарии в Константинополь в конце XI в. распространилась

ересь богомилов, и здесь она слилась с другими дуалистическими ересями: мессалианством, павликианством и некоторыми более мелкими сектами, всегда влачившими скрытое существование и никогда полностью не истребляемыми. Дуалисты, настаивая на неистребимости зла в природе вещей, не принимали основного в христианстве учения о Воплощении. Церковь не могла их простить. Социальные теории дуалистов затрагивали также и гражданскую власть. Они были пацифистами; не одобряли деторождения, а их отношение к правительству и закону имело черты пассивного анархизма. Однако их горячая проповедь святой бедности привлекала многих строгих монахов; так что у них появились последователи в монастырях, включая самые богатые из них и прославленные. У мирян они снискали себе почет суровой чистотой жизни и умерщвлением плоти. Однако в целом общественное мнение не признало их антиобщественных настроений и иконоборчества, поскольку они выступали не только против священных изображений и мощей, но даже против святых символов вплоть до отрицания Креста как материального предмета, недостойного поклонения³⁸. Из мирян некоторые видные деятели обольстились ересью, включая, как кажется, мать императора Алексея I, бывшую регентшу Анну Делассину, которая неожиданно и без шума была удалена из дворца³⁹. Алексей сам лично возглавил борьбу с ересью, действуя при этом слишком сурово, даже по мнению духовенства⁴⁰. Ему не удалось, однако, достичь полного успеха, так что гнезда еретиков сохранялись по монастырям на протяжении всего XII в. В 1147 г. императору Мануилу выпала редкая и счастливая участь удалить патриарха Косму II за укрытие еретиков, причем этим своим деянием он заслужил одобрение Церкви⁴¹.

С такими немалыми внутренними проблемами ни иерархи, ни монастыри не были в состоянии бросить вызов власти императора, если только они не соединялись воедино, причем потерпели неудачу неоднократные попытки Мануила восстановить отношения с Римской церковью. К тому же с начала столетия Византия переживала крестовые походы, которые, если и принесли некоторую пользу империи, позднее с течением времени способствовали лишь росту враждебности с обеих сторон. Простой византиец приходил в неопишемый ужас при виде громадных армий, шедших с Запада по его земле по приказу папы и все грабивших на своем пути. Не меньший ужас вызывал самый вид священников с оружием в руках, шедших вместе с этими армиями. Кроме того, византийцы были раздражены чрезвычайным ростом влияния итальянских купцов, оседавших как в Константинополе, так и в других крупных городах империи и постепенно забиравших в свои руки торговлю. В кризисных обстоятельствах конца XI в. император обратился за помощью к итальянским портовым городам, предоставив им взамен такие торговые концессии, которые превосходили даже права собственных подданных. Для жителей Константинополя или Фессалоник было невыносимо

видеть, как эти надменные чужеземцы высагивают по их улицам и базарам, обогащаясь за счет местной торговли; когда же те привезли с собой собственных капелланов и стали возводить латинские церкви, гнев народа еще усилился. Неудивительно поэтому, что надежда Мануила на улучшение взаимопонимания с Римом, которого он искал из политических соображений, что эта надежда была разрушена отказом собственного народа и Церкви сотрудничать в этом направлении⁴².

Эта оппозиция была тем не менее негативной. Мануил, как раньше его отец Иоанн II, а также дед Алексей, строго контролировал Церковь в других вопросах, и за вычетом «Римской политики» его правительство пользовалось и почетом и доверием. Он и сам не утратил популярности, даже ввязавшись в богословские предметы, выступая в защиту так называемого голосфиризма, призванного облегчить мусульманам переход в христианство, что и было отвергнуто как ересь на соборе, который император созвал для обсуждения именно этого направления. Вообще это явление привлекло внимание лишь профессиональных богословов⁴³. Даже монахи считали, что императору пристало заниматься подобными вещами. Напротив, все были потрясены, когда император, а именно узурпатор Андроник Комнин, попросил не обсуждать в его присутствии богословских вопросов, поскольку он находил это скучным⁴⁴. Но Андроник и был безбожным и кровожадным человеком, чье возвышение не украсило трона; и монахи приняли участие в его низложении. Партия монахов оставалась важным элементом византийской жизни, и у нее было будущее.

Глава 6

УПАДОК И КРАХ: КОНЕЦ ЦАРСТВА БОЖИЯ НА ЗЕМЛЕ

XII век — последний период императорской власти в Византии; причем даже тогда величие этой власти было скорее показным, чем действительным. Богатейшим городом христианского мира еще оставался Константинополь с его заводами, мастерскими и шумными базарами; лишь деньги, которые там делались, утекали по преимуществу в кошельки итальянских купцов. Императорская армия еще оставалась грозной военной силой, однако состояла она по большей части из наемников, дорого достававшихся и малонадежных. Общественные проблемы середины XI в. и политические проблемы, порожденные концом македонской династии, соединились с глупостью и безрассудством императоров и их советников, позволивших туркам вторгнуться в Анатолию, пронестись через нее и утвердиться в тех районах, которые издавна поставляли в армию солдат, а в столицу — еду. Одновременно вновь оживились норманны и напали с Запада. При первых Комнинах удалось в незначительной степени восстановить силы, но надежной базы уже не было. Некоторое возрождение произошло главным образом благодаря тонкой дипломатии и в особенности благодаря венецианской помощи, за которую греки платили торговыми привилегиями; со временем и другие торговые города Италии стали настойчиво требовать таких же привилегий. Крестовые походы, хотя и оказались поначалу для империи полезными, затем так повредили добрым отношениям христианского Востока и Запада, что с лихвой перекрыли всю полезность; поскольку же схизма между Церквями все углублялась, то росла злая враждебность¹.

Сами византийцы чувствовали, что они живут в быстро меняющемся и неверном мире. Это чувство ощутимо в искусстве XII в. В искусстве X—XI вв. мы находим уверенность и безмятежность, оно имеет классические пропорции и классическую сдержанность при сверхчеловеческом владении светом и формой. Именно такое искусство пристало царству Божию на земле. В XII в. уверенность и безмятежность колеблется. Появляется пафос. Эмоционально преувеличены пропорции, обнаруживаются человеческие тревоги и печали. Спас в Силах все еще изображается на сводах соборов, но это суровый Бог; теперь художники чаще обращаются к земным страданиям Христа. Божья Матерь

является нам теперь не в величии и спокойствии, чаще она — *mater dolorosa*². В самом деле, империя не могла далее быть ни самодовольной, ни безопасной. Она утратила внутренние земли Анатолии. Не успел еще кончиться век, как она уже не контролировала Балканы, где отвоевали себе независимость Сербское и Болгарское царства. Отныне империя вынужденно действует с оглядкой и на западное христианство. Постепенно росло сознание того, что и на Западе государства владеют могущественными армиями и флотами, а их владыки имеют собственные честолюбивые замыслы и мало интересуются былым могуществом Византийской империи³.

В этих обстоятельствах Византии стало не по силам играть роль великой державы, и в последние два десятилетия XII в. наступает быстрый спад. В начале же следующего столетия происходит неожиданный, драматический и окончательный кризис: в 1204 г., когда армия крестоносцев, движимая собственной незаконной алчностью и подстегиваемая также расчетливой алчностью венецианцев, воспользовалась слабостью константинопольского правительства, чтобы напасть на великий город и разграбить его и основать здесь Латинскую империю под началом императора франков, разделившего власть с венецианским наместником⁴.

Победители не смогли, однако, оккупировать всю империю, Византия продолжала жить в виде трех районов. На Востоке ветвь династии Комнинов обосновалась в Трапезунде. На Западе отпрыски последней династии Ангелов — в Эпире. А ближе к центру Феодор Ласкарь, зять последнего императора, возглавил правительство в древнем и святом граде Никее. Долго еще не вставал вопрос, что считать официально империей в изгнании. Комнин Великий в Трапезунде, как вскоре он стал себя называть, жил слишком далеко, его империя просуществовала до 1461 г.; но в политике Константинополя она всегда оставалась на второстепенных ролях. Более грозными были Ангелы Эпира, в особенности после того, как они захватили Фессалоники в 1223 г. Однако географически они были поставлены в трудное положение; к тому же им недоставало конституционных преимуществ Феодора Ласкаря, каковым являлось присутствие в столице патриарха Константинопольского⁵.

Когда в 1204 г. пал Константинополь, патриарх Иоанн X Каматер бежал в Дидимотикон во Фракии. Формально не отрекаясь от престола, он отказался от предложения Феодора Ласкаря избрать местом своего пребывания Никеею. Тем временем победители — крестоносцы избрали Константинопольским патриархом венецианца Томаса Морозини. Морозини с другими итальянскими епископами, навязанными византийским диоцезам, пытались латинизировать Византийскую церковь, искореняя православие, и в особенности православную литургию. При получении известия о смерти Иоанна X в 1206 г. православное духовенство покоренных территорий, собравшись на общую встречу, обратилось к папе Иннокентию X за разрешением избрать гре-

ческого патриарха, который бы, признавая авторитет папы, вел Церковь традиционным путем Православия. Иннокентий III, не одобряя назначения Морозини, не был готов признать его. Грекам ничего не ответили. Имей Иннокентий государственный ум, он бы прислушался к ним и проявил большую готовность защитить православие от нетерпимости новых хозяев, тогда бы большая часть греческого мира признала превосходство его авторитета. Греки, находившиеся в отчаянном положении, приняли бы это; а для оставшихся независимыми греческих владык было бы невозможно отказаться от признания канонически избранного патриарха, пребывавшего в Константинополе. Тогда бы латинский император Генрих Фландрский, усиленно искавший поддержки у своих греческих подданных и любимый ими (причем, возможно, именно он был вдохновителем письма к папе), мог быть признан Православием как законный император. Генрих, однако, не мог повлиять на папу; так что непримиримость последнего поставила православный мир в еще худшее положение, чем до того⁶.

Поэтому, когда Феодор Ласкарь разослал приглашения всем епископам патриархата в Никею для избрания патриарха в изгнании, ряд епископов оккупированных областей присоединились к епископам собственной его земли. Непокорные греческие принцы Трапезунда и Эпира запретили своему духовенству отправляться в Никею. Синод собрался в Никее в марте 1208 г. и избрал Михаила Авториана, бывшего уже три года главой Церкви на Никейской территории. Тотчас по своем избрании Михаил короновал Феодора Ласкаря императором⁷. Каноничность происшедшего, однако, надо поставить под сомнение. Великий Комнин и его архиепископ вплоть до 1260 г. отказывались признать патриарха, избранного в Никее. Правитель Эпира при поддержке ученейшего архиепископа Охридского, Дмитрия Хоматиана, был даже еще более категоричен в своем неприятии. И только в 1261 г., когда император Никеи вернул Константинополь, патриарх был признан всем свободным греческим миром. Однако и до тех пор самый факт, что у никейцев был патриарх, признаваемый большинством православных, доставлял им тот авторитет, которого не было ни у кого из мятежных владык⁸.

В эту критическую эпоху император и патриарх сотрудничали по необходимости. Церковь не могла позволить себе ссориться с властями. И в самом деле, что бы ни думали монахи, официальная иерархия пришла к признанию верховных прав императора. Великий правовед Феодор Вальсамон около 1180 г. недвусмысленно заявлял, что император стоит над законом — светским и религиозным, и он один может вводить как религиозное, так и светское законодательство. Ему должно заботиться о душах своих подданных, равно как и об их телах. Единственное, что остается за пределами императорской власти, — это вероучение. Хоматиан, выступая в поддержку кандидатуры Феодора Дуки Ангела как императора (и собственной, подразумевалось как

патриарха), еще откровеннее высказывается о правах мирского владыки в Церкви⁹.

Никейская империя при Феодоре Ласкаре и тем более при его зяте Иоанне Ватаце была, несмотря ни на что, хорошо управляемой и процветающей страной. Ко времени смерти Иоанна в 1254 г. стало ясно, что именно никейцы вернут Константинополь, изгнав латинян, чье затяннувшееся правление было вызвано в большей степени несогласием Ангелов с никейцами, чем собственными усилиями латинян или помощью венецианцев. Правящие никейские императоры встречали полную поддержку иерархии. Тем временем патриархи с большим неудовольствием смотрели на имперскую политику переговоров с Римом о воссоединении Церквей; однако не сопротивление греков, а непримиримость Рима не привели переговоры ни к каким результатам. Церковные власти не могли особенно радоваться и тогда, когда Феодор Ласкарь женился вторым браком на дочери Западного императора. До открытого протеста дело дошло позднее, когда император задумал выдать собственную дочь за брата своей новой жены латинского императора Роберта: брак нельзя было заключить из-за близкого родства¹⁰. Когда же Иоанн Ватац женился вторым браком на незаконной (и узаконенной позднее) дочери Фредерика II Констанция, возражений со стороны Церкви не было, тем более что Констанция приняла крещение по православному обряду с именем Анна¹¹.

Ученый-клирик Никифор Блеммида похвалялся, что, рискуя вызвать гнев императора, он осадил итальянскую камеристку императрицы, о которой было известно, что она — возлюбленная императора¹². Впрочем, на Блеммиду нельзя полагаться, когда он рассказывает о себе самом: он отчаянно хотел стать патриархом, но напрасно, поскольку Иоанн Ватац, как затем и его сын Феодор II, были слишком умны, чтобы предложить патриаршество этому суетному и неуживчивому человеку. Сам Блеммида хотел бы уверить нас, будто Феодор II предлагал ему этот пост, обещая даже в случае его согласия дать ему больше власти и славы, чем кому бы то ни было из его предшественников, а он будто бы согласился при условии, что он сможет всегда ставить на первое место Славу Божью. «Нечего говорить о Славе Божьей», — ответил разгневанный император и взял свое предложение назад. Скорее всего, никакого предложения и не было¹³. Феодор II в своих записках не обинуясь говорит о полной власти императора над Церковью, так же и Блеммида в своем небольшом трактате о царстве, посвященном Феодору, заявляет, что император обязан блюсти духовное и моральное здоровье своих подданных¹⁴.

Император, однако, обязан и сам повиноваться моральному кодексу, и именно бесстыдное пренебрежение этим порядком стало причиной следующего, последнего большого конфликта между Церковью и Государством в Византии. Феодор умер в августе 1268 г., оставив своим наследником сына Иоанна IV,

которому к тому времени исполнилось 8 лет. Поскольку у ребенка не было уже и матери, Феодор поставил регентом своего министра Георгия Музалона и придал ему в помощь патриарха Арсения Автореана. Однако Музалон, чиновник, выпешедший из низов, не пользовался авторитетом ни в армии, ни у знати и Двора; в то же время патриарх, хотя и был до восшествия мирянином, проявил себя как строгий аскет, которым восхищались монахи и простое духовенство, но не епископы. Уже через несколько дней Музалона убили, и самый выдающийся военачальник империи, Михаил Палеолог — дальний родственник императора, был возведен на престол как Великий Дука и регент и принял с согласия патриарха титул деспота. В декабре он потребовал, чтобы патриарх короновал его как императора. Арсений, хотя и неохотно, согласился, считая это лучшим решением. В X в. были прецеденты, когда солдат захватывал самодержавную власть в малолетие законного императора, не претендуя в общем на высшие права законного императора. Однако ни у Никифора Фоки, ни у Иоанна Цимисхия не было сына, в то время как у Михаила была большая семья. Так, по настоянию Арсения мальчик Иоанн был коронован одновременно с Михаилом. Во время самой церемонии Михаил, оттолкнув ребенка, короновался первым, как и пристало самодержцу. Арсений должен был довольствоваться тем, что принудил Михаила торжественно поклясться, что он не предпримет ничего против интересов и самой личности своего соправителя¹⁵.

Начало правления Михаила было великолепным. В 1259 г. его войска одержали большую победу при Пелагонии в Фессалии над соединенными силами франкских принцев, короля Сицилии и деспота Эпира. Ангел утратил свою власть, и Михаил отнял у франков Пелопоннес, причем это завоевание последовательно расширялось его преемниками. Через два года, в июле 1261 г. армия вошла в Константинополь: Латинской империи пришел конец¹⁶. Праздничное настроение царило повсюду в Империи. Даже Арсений, оставивший патриарший престол из-за подозрений Михаила, согласился вернуться и совершить новую коронацию в храме Св. Софии. Но, несмотря, по-видимому, на ожидания патриарха, юный император Иоанн на торжестве не присутствовал. Коронованы были Михаил, его жена и старший сын, и еще до конца года Арсений узнал, что Иоанн был ослеплен по приказу Михаила, с тем чтобы навсегда лишить его права на трон. Это было уж слишком: Арсений отлучает Михаила и запрещает ему входить в храм Св. Софии¹⁷.

Мнения подданных разделились: император Михаил совершил беспрецедентную жестокость по отношению к ребенку, который был поручен его заботам, и, больше того, он стал клятвопреступником. Богобоязненный народ не мог не содрогнуться. Чувства были особенно сильны в азиатских провинциях, где еще помнили и любили старую династию. Там произошло два неудачных восстания в поддержку юного ослепленного и заключен-

ного в тюрьму императора. Однако, с другой стороны, Михаил был коронованным императором. Разве патриарх может отлучить императора? Даже Николай Мистик не решился отлучить Льва IV в связи с его четвертым браком и решился лишь на такой шаг, как закрыть двери храма Св. Софии перед лицом императора. Больше того, как бы тяжело он ни согрешил, но Михаил показал себя славным и удачливым императором, чьи поступки, очевидно, несли печать Божьего благословения; к тому же ни в Константинополе, ни в европейских провинциях никто никогда не видел юную жертву, чье существование едва ли даже было замечено. Напряжение росло. С одной стороны, партия монахов во главе с самим патриархом, всегда стоявшая за высокую мораль, которую должен уважать даже император, партия тех, кто без колебаний осуждал распущенные и дорогие привычки двора и легковесных интеллектуалов, теперь часто восходивших на епископские кафедры. С другой стороны, дворцовая партия хотя и не столь благочестивая и суровая, но не менее религиозная, считавшая императора наместником Бога на земле, причем этот наместник многое сделал для Церкви. Он согрешил, может быть; но для него как императора должно быть сделано исключение. Монахи не могли вынести самой мысли, будто грешный человек, как высоко бы ни было его положение, считает себя выше Божьих заповедей. Двору же казалось, что монахи не признают фундаментальной и святой конституции христианской империи¹⁸.

Разделение мнений продержалось много лет. И только в 1265 г. Михаил решился низложить Арсения на том основании, будто он был замешан в заговоре против императора. Доказательства вины были почти наверняка подложными, потому что Арсений, как бы он ни ненавидел Михаила, никак не был политическим заговорщиком. Поставленный затем императором патриарх Германий III был глуп и безнадежно простоват. Он оказался совершенно бесполезным для императора, и тот вынудил его отречься от престола. Позднее, в 1266 г., Михаил назначил вместо него монаха Иосифа, который после продолжавшихся несколько месяцев горячих споров согласился разрешить императору его грех. 2 февраля 1267 г. император, коленопреклоненный и с обнаженной головой, стоял перед патриархом и Святейшим синодом и исповедовался в своем грехе, после чего с него было снято отлучение¹⁹.

Для Церкви как хранительницы морали настало время ее торжества. Император был вынужден признать, что он как человек согрешил. Схизма, однако, не кончилась. Арсений, влацивший в ссылке жалкое существование, заявил, что он удовлетворен; арсенисты же, как называли его последователей, были не так снисходительны. Многие епископы при поддержке патриарха Александрийского (который предпочитал жить с удобствами в Константинополе, а не в Египте под владычеством мусульман) отказались признать Иосифа патриархом. Громадное число монахов последовало их примеру. Впрочем, монастырям было при-

казано изгонять этих мятежников с тем, однако, результатом, что, бездомные, они бродили по всей империи, завоевывая себе все больше симпатий. Некоторые из них призывали к неподчинению не только патриарху, но и светскому правительству. Эти монахи создавали значительные трудности для властей, тем более что они нашли поддержку у соседей, завидовавших Михаилу, таких, как Иоанн Незаконнорожденный, принц из семьи Ангелов, сделавшийся правителем Фессалии. В 1272 г. он проводит синод в поддержку мятежных монахов²⁰.

Внешняя политика императора также не улучшила его отношений с партией монахов. Появилась вполне реальная опасность, что латинский Запад вновь сделает мощную попытку захватить Константинополь, теперь под умелым руководством Карла Анжуйского, короля Сицилийского. Тогда Михаил решил, что единственная возможность противостоять этому натиску — повести переговоры с Римом о воссоединении Церквей. Эта политика была нелегка. Многие папы предпочитали, чтобы Греческая церковь подчинилась как побежденная. Однако, когда на трон в 1271 г. взошел папа Григорий X, преданный идее крестового похода, Рим переменял политику на примирительную, настаивая, впрочем, по-прежнему на признании своего превосходства. В 1274 г. Михаила пригласили прислать делегатов на сбор в Лионе, дабы предложить подчинить свою Церковь Риму.

Император принял приглашение, что вовсе не прибавило ему популярности в Византии. Немногие духовные лица, такие, как Иоанн Векк, великий хартофилак Св. Софии, были искренне убеждены, что курс на Рим верен. В целом же только придворные поддерживали идею союза, причем и они были подвижны скорее политическими, чем религиозными соображениями. Патриарх Иосиф выступал против, и, хотя он не был низведен, время от времени его отстраняли от дел. Среди духовенства единственными, кто согласился на поездку в Лион, были потерявший доверие бывший патриарх Герман и митрополит Никейский Феофан, не проявлявший никакого энтузиазма. Так что представителем императорской партии стал светский секретарь императора Георгий Акрополит. Делегация отправилась в путь на двух кораблях; и благочестивые греки не удивились, когда узнали, что они попали в жестокий шторм, из-за которого корабль с подарками папе пропал со всем содержимым²¹.

Лионская уния была подписана в июле 1274 г. Непосредственная политическая цель императора была достигнута: Карл Анжуйский оставил мысль о немедленном нападении на Константинополь. Однако угроза сохранялась, и окончательно ее удалось устранить лишь в 1282 г., когда в результате широко задуманной в Константинополе интриги войска Карла были перебиты в восстании, известном как Сицилийская Вечеря. Между тем росло несогласие в самой Византии: большинство епископов и сам патриарх Иосиф были настроены против унии. Иосиф в 1275 г. был низведен и заменен униатом Иоанном Векком; но Михаил не

мог позволить себе низложить других епископов за недостатком сторонников своей политики. Некоторые епископы сочли, что Иосиф недостаточно энергично осудил унию, и позволили ему присоединиться к арсенитам, которые были не прочь заполучить еще одно орудие борьбы с правительством в условиях, когда их поддерживало население. Уния не находила сочувствия даже в среде мирян, причем оппозицию возглавила собственная сестра императора Евлогия. Впервые со времен иконоборчества император заключал в темницы и даже пытал христиан, не повиновавшихся его религиозному диктату. В декабре 1282 г. Михаил умирает, причем к этому времени большинство его подданных испытывали к нему ненависть за подписание унии, которую он навязал своему народу, а папа между тем отлучил его за то, что он не сумел заставить греков принять унию²².

Сын и наследник Михаила Андроник II правил 39 лет вплоть до 1321 г. Для Византии это был период политических бедствий, когда большая часть азиатских территорий отошла к Османскому турецкому эмирату, а большая часть европейских земель — к сербам, кроме того, периодически возникали экономические трудности и общественные возмущения. В религиозном отношении этот период не просто важен, но он стал эталоном отношений между Государством и Церковью на много лет вперед. Андроник был благочестив. Мальчиком по принуждению отца он подписал унию и очень страдал от этого. Так что, несмотря на личное расположение к униату патриарху Иоанну Векку, он низвел его и сразу же восстановил на патриаршем престоле Иосифа. Затем освободил всех потерпевших от преследований Михаила. В январе 1283 г. созданный им синод повелел сжечь все документы, связанные с унией. Векка обвинили в ереси и сослали, однако не преследовали²³.

Вскоре после описанных событий, в марте патриарх Иосиф умер. К тому времени у императора установился контакт с арсенитами, надеявшимися, что преемника Иосифа император изберет из их среды; велико было их разочарование, когда император предпочел ученого Георгия Кипрского, ставшего Григорием II. Сразу же собрался новый синод, чтобы осудить униатов, не исключая и самого покойного императора. Православные люди в основном получили удовлетворение, однако экстремисты-арсениты были неумолимы. Андроник сам беседовал с их представителем. Он также вернул тело Арсения в Константинополь и перезахоронил его, воздавая те почести, какие подобают патриарху; он даже посетил слепого свергнутого императора Иоанна Ласкаря. Тем не менее арсениты не соглашались на сотрудничество с ним²⁴.

В 1289 г. Григорий II был низложен за то, что выступил с *tomos*'ом, который и латиняне и греки сочли еретическим. Его преемником стал монах с Афона — нового центра монашества. Афанасий I помимо других добродетелей имел действенное общественное чутье, однако он был груб, бестактен и строг, и его

трудно было полюбить. За четыре года он сумел стать настолько непопулярным, что император заменил его более сердечным монахом Иоанном XII. Иоанн также не был лишен общественного чутья: в 1299 г., например, он угрожал оставить престол, возражая против брака пятилетней дочери императора Симонии с пожилым и распутным королем Сербии. Его уговорили остаться, тогда он стал критиковать фискальную политику правительства, взявши на себя, подобно Афанасию, роль защитника бедных. Андроник отстраняет его в 1303 г. и возвращает Афанасия. Однако Афанасий оставался не только своеумным, но в еще большей степени и своевольным и все сильнее и сильнее вмешивался в политику. Только в 1309 г. его склонили сложить обязанности патриарха к облегчению не только императора, но и всех епископов. Да и бедные не испытывали особой благодарности ни к нему, ни к Иоанну XII, а арсениты обоих презирали. Патриарху не пристало вмешиваться в политику. Поговаривали, что Афанасий смотрит на империю как на свой монастырь²⁵.

Следующим патриархом император избрал Нифонта, епископа Кизикского. Это был человек совершенно иного склада: доступный и не очень придирчивый, он был известен как деликатный администратор. Он проявил свои способности, почти немедленно восстановив отношения с арсенитами. Своей сентябрьской энцикликой 1310 г. патриарх торжественно отметил их возвращение в Церковь, причем условия состоявшегося соглашения были разработаны министром императора Никифором Хумным и изложены в императорской хрисобулле. Арсениты признали патриарха и всех иерархов, однако продолжали настаивать на том, чтобы имя патриарха Иосифа было навсегда исключено из списка патриархов. В документе об этом исторжении было сказано, что человек в его положении, будь он свят, не захотел бы, чтобы его прославляли за мирские дела. Несколько экстремистов, однако, не пошли на примирение и оставались враждебными иерархами. Однако эти религиозные зилоты, как их называли, не имели большого влияния²⁶.

Андронику помогала его репутация богобоязненного человека, она позволяла ему сохранять контроль над Церковью. В 1314 г. патриарх Нифонт был удален за симонию, и Андроник целый год не делал нового назначения. Новый патриарх Иоанн XIII Глика был тихим, но одаренным ученым, из-за плохого здоровья он оставил патриарший престол в 1319 г. Через несколько месяцев был назначен монах в летах Герасим I, который уже в 1321 г. умер. Два года патриаршее место остается незанятым, а затем оно было предоставлено другому монаху, Исае. После всего, что Андронику пришлось пережить с Афанасием и Иоанном XII, он даже предпочитал обходиться без патриарха. Подобное положение дел развязывало ему руки и в реорганизации Церкви²⁷.

Реорганизация стала необходимой. Внезапная потеря территорий, в особенности тех, которые перешли к неверным, и как

следствие, переселения упразднили прежние границы епископатов. Немало городов были утрачены безвозвратно. Другие стояли покинутыми после вражеских набегов. Некоторые оказались совершенно изолированными. Сначала Андроник, к немалому удивлению всех, увеличил число епископов; возможно, хотел, чтобы все общины, включая изолированные, имели духовного пастыря. Однако постепенно их число сократилось, а самое распределение стало реалистичнее. Важно было создать действенный епископат. По мере продвижения вражеских отрядов имперские учреждения по необходимости отходили, и тогда именно епископ оставался с христианским населением. Именно епископ должен был вести переговоры с захватчиками, заботясь о благополучии своей паствы. Ему выпадало сохранять церковные здания и имущество, причем именно епископа новые хозяева считали ответственным за хорошее поведение христиан и исправную выплату налогов. Он становился, так сказать, представителем императора *in pastilus infidelium*. Так что императору было важно следить, чтобы назначались такие епископы, которые не покинут свои диоцезы, буде их захватят неверные²⁸. В то же время Андроник с готовностью расширил права патриарха, предоставив ему власть над монастырями, до тех пор принадлежавшую непосредственно императору, включая великую монашескую республику — Афон²⁹.

Андроник II достаточно умело правил Церковью, но ему как мирянину не все удавалось. Характерно для него, что, когда на встрече со священниками и главами монастырей один из них впал в мистический транс, император был глубоко потрясен³⁰. Со временем же, поскольку он и его советники старились, они становились все более некомпетентными. Сам Андроник даже вернулся к политике отца — переговорам с Римом, что весьма убавило ему популярности³¹. Примерно в то же время он объявляет и об увеличении налогов, что вызвало резкий протест. Семейная его жизнь также не была счастливой. Старший его сын, соправитель Михаил, умер в 1320 г., оставив сына Андроника, который в 1316 г. был коронован соправителем, однако вскоре после этого события он стал причиной смерти собственного брата в непристойной драке.

Император решает лишить его права на престол, и Андроник III при действенной поддержке придворной и аристократической молодежи поднимает восстание в 1321 г. Начинается гражданская война, которая то сильнее, то слабее длится семь лет. В целом общественное мнение поддерживало молодого императора. В 1327 г. Андроник II заключает патриарха Исайю в тюрьму за отказ отлучить Андроника III. И если бы партию этого молодого человека не раздирали интриги и зависть, он уже скоро мог одержать победу. Однако лишь в 1328 г. он полностью овладевает Константинополем и принуждает своего деда к отречению³².

Несмотря на свое сомнительное прошлое и ужасающее положение унаследованной им империи, Андроник III проявил талант незаурядного правителя. Огромную помощь ему оказывал глав-

ный министр и его личный друг Иоанн Кантакузен. К несчастью, он умер в 1341 г., оставив наследником шестилетнего Иоанна V. Ожидали, что регентом станет Кантакузен, поскольку мать ребенка Анна Савойская не имела ни склонностей, ни желания править. Однако против Кантакузена выступили двое им же выдвинутых людей: богатый аристократ адмирал Алексей Апокавк и патриарх Иоанн Калек. Иоанн IV оказался последним патриархом империи, имевшим вкус к политике. Дважды он оставался правителем Константинополя, пока Андроник III участвовал в военных кампаниях, так что почитал себя способным управлять и империей. Больше того, он был конфиденнтом императрицы-матери. Однако положение патриарха-регента никогда не было надежным, именно поэтому он призвал себе в помощь Апокавку, завистника Кантакузена.

Позднее, в 1341 г., в то время как Кантакузен участвовал в военной кампании, он был лишен своего поста, и с согласия императрицы правление перешло к патриарху и Апокавку. Это кончилось шестилетней разрушительной гражданской войной. В поддержку Кантакузена выступило сельское население в целом под водительством местной знати. Сам ученый, он привлек также на свою сторону интеллектуалов. Однако его как аристократа не любили в городах и по всей империи, а особенно в Константинополе, где по обычаю жива была сентиментальная привязанность к законной династии. Церковь разделилась: на сторону патриарха перешло почти все высшее духовенство и, как казалось поначалу, городские монахи. Провинциальное духовенство и монастыри поддерживали Кантакузена³³.

Впрочем, распределение сил осложнялось новым и напряженным религиозным спором, так называемым движением исихастов, обратившимся к природе мистицизма. Учение исихастов, у истоков которого стоял монах Григорий Палама, состояло в том, что истинный мистик может наконец узреть Бога, не суть Его, но Его энергию, т. е. Его нетварный свет. Против этого учения выступил калабрийский ученый Варлаам, высмеявший исихастов на том основании, будто они предлагают, упражняясь в сосредоточении, внимательно смотреть на свой пупок. Кантакузен поддерживал Паламу, но ему также сочувствовали и императрица, и Апокавк. Патриарх Иоанн Калек резко выступил против нового учения и привлек на свою сторону множество аристократов во главе с Ириной Хумн, дочерью великого министра Никифора Хумна и вдовой одного из сыновей Андроника II. Из ученых друзей Кантакузена Никифор Григора с его решительным антиримским настроением и Дмитрий Кидонис, ставший, напротив, обращенцем Рима, — оба невзлюбили новое учение. В то же время мирянин и созерцатель Николай Кавасила после некоторых колебаний склонился к исихазму. Сам Палама был дружески настроен по отношению к Риму, однако папский легат Павел Смирнский объявил учение Паламы ересью. Теперь дело было за правительством, — созвать собор, с тем чтобы одобрить

или осудить новое учение голосованием по указке властей. Собор в июне 1341 г. под председательством Андроника III, а также проведенный двумя месяцами позже собор под председательством регентствовавшего Кантакузена — оба одобрили учение Паламы; однако синод в 1344 г., созданный патриархом, несмотря на сопротивление императрицы, отлучил Паламу как еретика и приказал заключить его в темницу. Императрица, поссорившись с патриархом, организовала новый синод в феврале 1347 г., и он отменил эти решения. В том же году позднее, когда по завершении гражданской войны Кантакузен вступил наконец в Константинополь, собор, который он созвал уже в качестве императора и на котором присутствовали представители других православных церквей, т. е. который на православный взгляд был вселенским, провозгласил учение о Божественной Энергии истинно православным. Лишний раз мы видим, что самые яростные споры, доходившие до разделения семей и разрушавшие старинную дружбу, хотя они и были исключительно богословскими, разрешались церковными соборами по указке представителей императорской власти; впрочем, будет справедливым заметить, что окончательное решение соответствовало взглядам церковного большинства³⁴.

Такое же отсутствие логики можно видеть и в странном движении политических зилотов в Фессалониках, группы беднейших граждан, захвативших власть в этом городе в 1342 г. и удерживавших ее в течение семи лет, поначалу во имя преданности законному императору Иоанну V, а позднее отрицая всякую имперскую власть. Зилоты ограбили местную знать и богатых купцов в городе, многих из них убили и захватили имущество монастырей; Кантакузена они считали своим главным врагом, а Паламе не позволили въехать в город, когда он был назначен сюда архиепископом. Однако они дружелюбно отнеслись к беднейшему духовенству и простым монахам, т. е. тем, кто повсюду поддерживал (политически) Кантакузена и (религиозно) Паламу. Когда правление зилотов наконец пало, то это совершилось не усилиями правительственной администрации, но благодаря Паламе, его добросердечию и милосердию, а также в связи с тем, что он заранее отказался поддерживать всякие репрессии³⁵.

Имперский контроль Церкви хотя и признавался, но оставались пределы его, за которые мудрый император никогда не выходил. Иоанн V, правивший формально пятьдесят лет, но фактически оказывавшийся в подчиненном положении то по отношению к своему тестю Иоанну VI Кантакузену, то сыну Андронику IV и внуку Иоанну VII, сам был убежден в необходимости дружественных отношений с Западом, хотя бы и ценой унии с Римом. При посещении Италии в 1369 г. он признал свое личное подчинение папе; однако он не принуждал своих подданных к тому же, хотя и пообещал сделать все возможное для их обращения³⁶. Его деликатность была вознаграждена. К концу его правления появляется документ, четко определяющий права им-

ператора в отношении Церкви. Документ содержит 9 пунктов. Император должен назначить митрополитов, по своему усмотрению выбирая из трех представленных ему кандидатов; только император вправе перекраивать диоцезы; назначения на высшие церковные должности подлежат утверждению императора; ни он сам, ни его первые министры не могут быть отлучены без одобрения императора; каждый епископ при назначении на должность обязан приносить присягу верности императору; епископы должны повиноваться его приказам о прибытии в Константинополь или возвращении в свой диоцез; каждый епископ обязан подписывать решение синода или собора; каждый епископ обязан подчиняться этим решениям и не может поддерживать клирика или претендента на церковную должность, если тот возражает против таковых решений или не поддерживает политику императора в целом³⁷.

Территория патриархата к тому времени значительно расширилась по сравнению с первоначально урезанной империей. Но, контролируя епископат, император мог до некоторой степени контролировать и весь православный мир. Он все еще оставался Священным императором, наместником Бога на земле, как резко заметил патриарх Антоний IV в ответ на предложение великого князя Московии Василия I опускать за литургией имя императора. Император, пишет Антоний, все еще остается благословенным главой Ойкумены, Царем, которого апостол Петр заповедал почитать верным. На взгляд Антония, евсевиянское представление остается действительным³⁸.

Сын Иоанна V Мануил II имел случай проверить действительность этого конкордата, когда в 1414 г. он перевел Македонского епископа в Молдавский диоцез. Патриарх выразил протест формально на том основании, что епископ не может быть переведен, но фактически, как кажется, из-за того, что император не имел власти над Молдавией и патриарх боялся оскорбить Молдавского князя. Мануил победил в этом вопросе³⁹.

То же случилось, когда сын Мануила Иоанн VIII твердо решил отправиться с делегацией в Италию и там присоединить собственную Церковь к Римской. В конце своей жизни Мануил посоветовал Иоанну вести переговоры с Римом, но никогда не вмешиваться самому, так как никогда не удастся заключить действительный союз⁴⁰. Но Иоанн был в отчаянном положении: империя не могла устоять без помощи Запада. Используя свой авторитет, он собрал группу из епископов и ученых мирян и отправился с ними на Униатский конгресс в Феррару в 1438 г., вскоре этот конгресс был перенесен во Флоренцию. Там эти греки, настроенные на самостоятельное поведение и с трудом управляемые императором, конечно, не могли соперничать с командой хорошо обученных и хорошо руководимых латинских богословов. Некоторые греки действительно поддались аргументам Рима, другие осознавали политические нужды своей страны, и наконец, третьи не могли ослушаться императора, оказывавшего на них давление с тем, чтобы все они подписали унию.

Только один епископ не подчинился, Марк Евгеник, митрополит Эфесский, позднее лишенный своей кафедры⁴¹.

Иоанн, однако, как и многие императоры до него, обнаружил пределы императорской власти. По возвращении своем в Константинополь он увидел, что общественное мнение решительно противится унии, так что он не только не смог предложить унию, но многие епископы, известные ее сторонники, были изгнаны своими общинами и уехали в Италию⁴². И лишь зимой 1452 г., когда армии султана собирались для решительного приступа на христианскую столицу, брат Иоанна Константин XI сумел наконец добиться формального провозглашения унии в храме Св. Софии кардиналом, с которым прибыли войска для одобрения отчаявшихся граждан. Но даже и тогда, хотя никто не оспаривал авторитета императора, православные стали избегать не только собора Св. Софии, но и других храмов, где служили униаты. Только в самый последний день осады, когда стало ясно, что следующий день — роковой, все, кто только мог, собрались вместе с императором в храме Св. Софии для последней литургии, оставивши наконец все раздоры. Но было слишком поздно. 29 мая 1453 г. христианская империя, царство Божье на земле, окончательно пала⁴³.

До последнего, однако, держалось учение Евсевия и, принимая разные окраски, прошло через столетия, не изменяя сути. Евсевий мог бы одобрить слова патриарха Антония, написанные почти через тысячу лет. Византию часто ошибочно представляли неизменяющимся обществом. Она менялась. Развивались ее искусства и науки, хотя подчас и медленно. Время от времени реорганизовывалось управление, с тем чтобы удовлетворять изменившимся обстоятельствам. Однако империя была консервативна в истинном смысле этого слова. Византийцы верили, что они обязаны сохранить (консервировать) великие культуры прошлого, Греции и Рима, которым они наследовали, напитавши их духом христианства, так чтобы цивилизация не погибла в темном и неверном мире. Что же до религиозного чувства, то оно было искренним и сильным. Они глубоко веровали в вечную жизнь, но также и в то, что Божественное бытие находится за пределами человеческого сознания и может быть передано лишь посредством символов. Земная империя оказалась вещью эфемерной и могла быть оправдана только своей связью с Царством Божьим. Царство Божие — это невидимая и вечная Идея, и земное царство не может быть больше чем его земной тенью, осязаемым, но преходящим символом, средством приготовления к вечности. Такую роль может выполнять лишь справедливое и гармоничное царство, где царит Истинная Вера, поскольку эта Истинная Вера вообще может быть воспринята. Однако во временном мире прорастает грех. Византийцы прекрасно понимали, что их история полна слабости, глупости, гордыни, тщеславия и алчности. Они верили, что так проявилась их греховность, ставшая причиной их упадка и окончательного разорения. Однако идеал

сохранял свое высокое достоинство, как бы далеко ни отступило его практическое воплощение. В Византии искренне пытались создать христианскую человеческую общность, которая была бы созвучна небесной.

Вообще это представление восходит к язычеству. Таковы были представления Платона в интерпретации таких язычников, как Плотин, еврей Филон и христианин-еретик Ориген, соединенные с восточной традицией эллинистической монархии и прагматической авторитарностью римских императоров — на таком основании Евсевий построил свою теорию государственного правления. Теория, впрочем, выжила только потому, что, несмотря на все свое благочестие, византийцы были практичны. Они знали, что император, что бы он ни символизировал, был всего лишь человеком. Несмотря на коронацию, он не был священником. Да и в самом деле, поскольку ему приходилось вести армии в бой и заседать в гражданских судах, он не мог священствовать. Даже данная свыше власть имела границы. Император не мог высказываться по вопросам богословия, как это стало ясно из поражения иконоборцев. Богословие было делом собора всех епископов Ойкумены, на ком почивал Св. Дух, как он почил когда-то на учениках Спасителя в день Пятидесятницы. Будучи выше закона, император должен был уважать закон как гарантию общественного согласия. Лев VI нарушил им же принятый закон о четвертом браке, и хотя ему было дано позднее специальное разрешение, *tomus*, которым закончились дискуссии по этому вопросу, указывал, что он неправ: император не должен преступать моральных законов. Михаил VIII принес покаяние в связи со своими отношениями с Иоанном IV. Если же преступления императора переходили границы терпимого, народ восставал и прямо стаскивал его с престола, как это произошло с Фокой и Андроником I. Если же обнаруживалась опасная несостоятельность императора, тогда армия и государственная бюрократия смещали его. Человек должен быть достоин своего положения, тогда он безусловно самодержец.

Несмотря на усилия таких людей, как Фотий и Михаил Керуларий, патриарх оставался в безусловном подчинении императору. Общественное мнение побуждало патриарха блюсти совесть императора, да и всей империи. Однако ему не позволялось ставить себя наравне с императором или вмешиваться в светскую политику. В конце концов у Царя Небесного не было Первосвященника, чтобы ограничивать Его власть. Так же свободен должен быть и наместник Бога на земле. Притом в Византии всегда оставалось шумное меньшинство, оспаривавшее право императора давать указания Церкви. При хорошей организации, как под водительством Феодора Студита, они даже могли иногда влиять на политику императора. Но при всей их активности они никогда не нарушали установлений Евсевия.

Ни одна форма правления не может долго существовать без поддержки всего общества: невзирая на монахов, простые люди

империи верили, что Византия — это священная земная империя и благочестивый ее император представляет Бога перед людьми и людей — перед Богом. В течение одиннадцати веков — от первого Константина до одиннадцатого — конституция христианской Римской империи была по сути неизменна. Никакая другая конституция в христианскую эру не продержалась так долго.

ПРИМЕЧАНИЯ*

Глава I

Христианская империя

¹ *Eusebius of Caesarea*, Vita Constantini, ed. I. A. Heikel, Griechische Christliche Schriftsteller, VI—VII. Eusebius Werke (Leipzig, 1902), I с. 21 и сл. Евсевий, писавший по-гречески, приводит виденные Константином слова как бы греческими. Он не разъясняет, видел ли Константин их в действительности на латыни.

² *Lactantius*, De Mortibus Persecutorum, e. J. Moreu (Paris, 1954), с. 44 и сл. на с. 436—442.

³ См. *Baynes N. H.*, 'Constantine the Great and the Christian Church' Proceedings of the British Academy, XV (1929), с. 9—10, 60—65.

⁴ Там же: *F. Dvornik*, Early Christian and Byzantine Political Philosophy (Dumbarton Oaks Studies, Washington, 1966), II, с. 634—635.

⁵ Хорошее описание церковной экклесиастической организации можно найти у *A. H. M. Jones*, Constantine and the Conversion of Europe (London, 1948), с. 45—46.

⁶ См. *E. Amann*, 'Novatianisme', Dictionnaire de Theologie Catholique, ed. Vacant, Mangelot and Amann, XI, I (1931), кол. 816—849.

⁷ См. *H. I. Bell*, Jews and christians in Egypt (London, 1924), с. 38—99; *Amann*, 'Méletiens', Dictionnaire de Theologie Catholique, X, I (1928), кол. 531—536.

⁸ *W. H. C. Frend*, The Donatist Church (Oxford, 1952), с. 141 и сл.; *Jones*, Constantine, с. 103—107.

⁹ *Baynes*, 'Constantine the Great', с. 10—12; *Frend*, Donatist Church, с. 150 и сл.

¹⁰ *Baynes*, 'Constantine the Great', с. 12—13 приводит тексты, а также с. 75—78.

¹¹ Там же, с. 13—14, 75—78.

¹² Там же, с. 14—16; *Jones*, Constantine, с. 107—109; *Frend*, Donatist Church, с. 155—159.

¹³ См. *H. M. Gwatkin*, Studies of Arianism (Cambridge, 1900), с. 14—42; *X. Le Bachelet*, 'Arianism', Dictionnaire de Théologie Catholique, I, II, кол. 1779 и сл.

¹⁴ *Eusebius*, Vita Constantini, II, с. 67—71.

¹⁵ *Jones*, Constantine, с. 149—151; *Baynes*, 'Constantine the Great', с. 20—21, 84—85.

¹⁶ См.: *E. Honigmann*, 'Recherches sur les listes des Pères de Nicée et de Constantinople', Byzantion, XI (Brussels, 1936), особенно с. 429—439.

¹⁷ *Baynes*, 'Constantine the Great', с. 87—90.

¹⁸ *C. J. Hefele*, Histoire des Conciles, ed. and trans. H. Leclercq (Paris, 1907—1952) дальше цит. как *Hefele — Leclercq*, I, I, с. 436—442; *Jones*, Constantine, с. 159—160 приводит Кесарийский Символ веры.

¹⁹ *Hefele-Leclercq*, с. 434—435, 442. См.: *Jones*, Constantine, с. 161—163. Хефель доверяет скорее Анастасию, имевшему предубеждения, чем Евсевию, и принижает роль императора. См. также *A. E. Burn*, The Council of Nicaea (London, 1925), с. 29 и сл., особенно 36—37.

²⁰ См. *Jones*, Constantine, с. 163.

²¹ *Hefele-Leclercq*, с. 488—503; *Bell*, Jews and Christians, с. 40—41. Как показывает Белл, церковь мелитиан не исчезла совсем, но продолжала свое существование еще целое столетие.

²² *Baynes*, 'Constantine the Great', с. 21; *Jones*, Constantine, с. 172.

²³ *Baynes*, 'Constantine the Great', с. 22—23; *Jones*, Constantine, с. 172—180.

* Библиографические ссылки приведены в том виде, как они даны в оригинале.

²⁴ Baynes, 'Alexandria and Constantinople: a Study in Ecclesiastical Diplomacy', in Baynes, *Byzantine Studies and other Essays* (London, 1955), с. 102 и сл.; Bell, *Jews and Christians*, с. 45—71.

²⁵ Eusebius, *Vita Constantini*, II, с. 126. См.: Baynes, 'Constantine the Great', с. 25—26, 90—91.

²⁶ Baynes, 'Constantine the Great', с. 26—27; Jones, *Constantine*, с. 207—208.

²⁷ Athenagoras, *Supplicatio pro Christianis*, in *Corpus Apologetarum Christianorum Saeculi*, ed. J. T. Otto, VI (Jena, 1857), с. 184.

²⁸ Tertullian, *Liber ad Scapulam*, in J. P. Migne, *Patrologia Latina*, I, col. 778.

²⁹ Dvornik, *Early Christian and Byzantine Philosophy*, II, с. 280—281. Полностью дискуссия по этому вопросу и соответствующая библиография: K. H. Bernhardt, *Das Problem der altorientalischen Königsideologie im Alten Testament* (Leiden, 1961).

³⁰ Dvornik, *Early Christian and Byzantine Philosophy*, I, с. 84—101.

³¹ Там же, т. I, с. 9—19.

³² Aristotle, *Politics*, ed. H. Rackham (Loeb edn, London, 1932), с. 246; Isocrates, *Address to Philip* (Loeb edn, London, 1928), с. 322 и сл.

³³ Joannes Stobaeus, *Anthologium*, ed. C. Wachsmuth и O. Hense, IV (Berlin, 1909), с. 82 и сл. 265, 270, 278. См. Baynes, 'Eusebius and the Christian Empire', in Baynes, *Byzantine Studies*, с. 168—172, где описаны отношения между Евсевием и другими философами, на которых ссылается Стобей; см. также Dvornik, *Early Christian and Byzantine Philosophy*, I, с. 245—269.

³⁴ Plutarch, *Moralia: To an Uneducated Ruler*, ed. H. N. Fowler (Loeb edn, London, 1936), с. 52—70.

³⁵ Philo, *Legatio ad Gaium*, ed. F. H. Colson (Loeb edn, London, 1962), с. 76—82; Origen, *Contra Celsum* ed. P. Koetschau, in *Die griechische christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte*, II (Leipzig, 1899), с. 158.

³⁶ Eusebius, *De Laudibus Constantini*, ed. Heikel, II, с. 201.

³⁷ См. Baynes, 'Constantine the Great', с. 95—103, в целом о взглядах и целях Константина.

Глава 2

Наместник бога

¹ Историю сыновей Константина см. в E. Stein, *Histoire du Bas-Empire* (Brussels, 1959), I, с. 131—157.

² G. Bardy, 'La Reaction Eusébiennne et le Schisme de Sardique', in A. Fliche и Martin V. *Histoire de l'Eglise*, III, (Paris, 1939), с. 113—130.

³ Цитировано Афанасием. *Historia Arianorum*, in Migne, *Patrologia Graeco-Latina*, XXV, кол. 748.

⁴ Athanasius, *Historia Arianorum*, кол. 728, 733, 749, 773, 776. Следует заметить, что Григорий Назианзин как человек более добрый и мудрый, чем Афанасий, хотя и сожалеет, что Константин по временам впадал в ересь, но в целом превозносит его за верность Церкви (*Gregory of Nazianzus. Oratio IV, Contra Julianum, Patrologia Graeco-Latina*, XXXV, кол. 564).

⁵ О взглядах Юлиана и христианской реакции см. Dvornik, *Early Christian and Byzantine Philosophy*, II, с. 659—686.

⁶ См. там же, т. II, с. 731—742.

⁷ Codex Theodosianus, XVI, I, 2, ed. T. Mommsen, P. M. Meyer (Berlin, 1905), с. 833.

⁸ Полный отчет о соборе можно найти у Hefele-Leclercq, II, I, с. 1—40. См. также G. Berdy и J. R. Palanque, 'La victoire de l'Orthodoxie' in Fliche и Martin. *Histoire de l'Eglise*, III, с. 285—296.

⁹ J. R. Palanque, 'L'Expansion Chrétienne', in Fliche и Martin. *Histoire de l'Eglise*, III, с. 496—500.

¹⁰ См. G. Bardy, 'Le Déclin de l'Arianisme' там же с. 263—276; Dvornik, *Early Christian and Byzantine Philosophy*, II, с. 688—692.

¹¹ Ambrose. *Epistolae*, in Migne, *Patrologia Latina*, XVI, кол. 1041.

¹² Там же, кол. 1152.

¹³ Там же, кол. 1211. Dvornik, *Early Christian and Byzantine Philosophy*, II, с. 784—785.

- ¹⁴ См. J. R. Palanque. Saint Ambroise et l'Empire Romain (Paris, 1933), с. 518.
- ¹⁵ J. R. Palanque. 'Les Métropoles Ecclésiastiques à la fin du IVe siècle', in *Fliche* и *Martin*. Histoire de l'Eglise, III, с. 437—488.
- ¹⁶ L. Bréhier. Le Monde Byzantin, II (Paris, 1949), с. 447—449. А также B. Labanca, 'Del nome Papa nelle chiese cristiane di Oriente ed Occidente', в Actes du XIIe Congrès Internationale des Orientalistes (Rome, 1899), III (Florence, 1903), с. 47 и сл.
- ¹⁷ Codex Theodosianus, XVI, I, 3, с. 834.
- ¹⁸ О правлении Аркадия см. J. B. Bury, History of the Later Roman Empire (London, 1923), I, с. 106 и сл.; Stein, Histoire du Bas-Empire, I, с. 225 и сл.
- ¹⁹ Bury, History, с. 138. О титуле августы см. S. Runciman, 'Some notes on the role of the Empress', Eastern Churches Review, IV, 2 (Oxford, 1972), с. 119—124.
- ²⁰ Bury, History, I, с. 138 и сл.; Stein, Histoire du Bas-Empire, I, с. 241 и сл.
- ²¹ См. Dvornik, Early Christian and Byzantine Philosophy, II, с. 692—699, 785—786.
- ²² Об истории движения монофизитов вплоть до окончательного отделения монофизитских церквей см. W. H. C. Frend, The Rise of the Monophysite Movement (Cambridge, 1972); специально о Нестории см. с. 16 и сл. См. также Bury, History I, с. 351 и Stein Histoire du Bas-Empire, I, с. 300 и сл. Письмо Нестория императору приводится у Socrates, Historia Ecclesiastica, in Migne, Patrologia Graeco-Latina, LXVII, кол. 804.
- ²³ Cyril of Alexandria, Opera: Apologia ad Theodosium Imperatorem, in Migne, Patrologia Graeco-Latina, LXXXVI, кол. 453 и сл. и особенно кол. 458.
- ²⁴ Frend, Rise of the Monophysite Movement, с. 16—23. Отзыв Нестория о Соборе в Эфесе — «Кирилл председательствовал; Кирилл обвинял; Кирилл судил; Кирилл — епископ Рима; Кирилл был всем» — см. Nestorius, Le Livre d'Héraclide de Damas, ed. by F. Nau (Paris, 1910) с. 117. О осоре Пульхерии с Несторием см. там же, с. 89 и приложение с. 363—364; он ставил под сомнение ее непорочность. Список взятки Кирилла приводится там же, с. 368.
- ²⁵ Frend, Rise of the Monophysite Movement, с. 29—33 — замечательное исследование с прекрасным аппаратом.
- ²⁶ См. Runciman, 'Some notes on the role of the Empress' с. 120 и сл.
- ²⁷ Frend, Rise of the Monophysite Movement, с. 45—50. О постановлениях Халкидонского собора см. Acta Conciliorum Oecumenicorum, ed. E. Schwartz (4 tomes in 13, Strasbourg, Berlin, Leipzig, 1914—1940), II, с. 80 и сл.
- ²⁸ Frend, Rise of the Monophysite Movement, с. 153—156.
- ²⁹ См. A. S. Atiya, A History of Eastern Christianity (London, 1968), с. 251 сл. и сл.
- ³⁰ Frend, Rise of the Monophysite Movement, с. 157—165; Dvornik, Early Christian and Byzantine Philosophy, II, с. 795—798.
- ³¹ Epistolae Romanorum Pontificum Genuinae, ed. A. Thiel (Braunsberg, 1867—1868), II, с. 203.
- ³² Evagrius, Historia Ecclesiastica, III, 4, ed. H. Valesius (Oxford, 1844), с. 72—74; Zachariah of Mitylene, Syriac Chronicle, V, 1—4, trans. by F. J. Hamilton и E. W. Brooks (London, 1899), с. 103—112.
- ³³ Evagrius, Historia, ed. Valesius, III, 14, с. 80—82; Zachariah of Mitylene, Syriac Chronicle, V, 8, с. 121—123. См. Frend, Rise of the Monophysite Movement, с. 169—183.
- ³⁴ См. Bury, History, I, с. 429—483.
- ³⁵ Там же, с. 432 и сл.; Frend, Rise of the Monophysite Movement, с. 184—220.
- ³⁶ Bury, History, II, с. 405—411.
- ³⁷ Dvornik, Early Christian and Byzantine Philosophy, II, с. 803—812; Frend, Rise of the Monophysite Movement, с. 193—197. Анализ доктрины Геласия приводится см. W. Ullmann. The Growth of Papal Government in the Middle Ages (London, 1955), с. 14—20.
- ³⁸ Dvornik, Early Christian and Byzantine Philosophy, II, с. 811—814.
- ³⁹ О религиозной политике Юстина I см. A. A. Vasiliev. Justin the First (Cambridge, Mass., 1950), с. 132—253.
- ⁴⁰ Justinian, Novellae (Corpus Juris Civilis, ed. R. Schoell и W. Kroll, III, Berlin, 1928), VI, preface IV, с. 35 и сл., также с. 16, 58, 253; и Digesta (там же, vol. I, ed. T. Mommsen и P. Krueger, Berlin, 1928).

⁴¹ *Freud*, Rise of the Monophysite Movement, c. 245—246; 266—269.

⁴² *Bury*, History, II, c. 376—377.

⁴³ Там же, т. II, c. 377—378; *Freud*, Rise of the Monophysite Movement, c. 269—273.

⁴⁴ *Freud*, Rise of the Monophysite Movement, c. 276—280; *Bury*, History, II, c. 378—380.

⁴⁵ *Bury*, History, II, c. 380—381; *Freud*, Rise of the Monophysite Movement, c. 280—282.

⁴⁶ *Freud*, Rise of the Monophysite Movement, c. 285—287, 318—320.

⁴⁷ *Bury*, History, II, c. 393.

⁴⁸ *Dvornik*, Early Christian and Byzantine Philosophy, II, c. 840—847.

Глава 3

Борьба образов

¹ *Freud*, Rise of the Monophysite Movement, c. 319—322. Текст Программы приводится in *Evagrius*, Historia, ed. Valesius, v. 4, c. 146—149. История этих лет с позиции монофизитов см. *Michael the Syrian*. Chronicle, ed. J. B. Chabot (Paris, 1899—1910), II, c. 294 и сл.

² *Freud*, Rise of the Monophysite Movement, c. 322—323. Тиберий был популярен у монофизитов, поскольку он уменьшил налоги. Иоанн Эфесский оправдывает преследования с его стороны тем, что Тиберий был занят войной. *John of Ephesus*, Historiae Ecclesiasticae Pars Tertia, ed. and trans. by R. Payne Smith (Oxford, 1860), c. 200—204. Коптский писатель, *John of Nikiou*, in Chronicle, ed. and trans. by R. H. Charles (London, 1916), c. 150—151, называет Тиберия благодетелем, положившим конец преследованиям.

³ О термине «экуменический» см. *F. Dvornik*, Byzance et la Primauté romaine (Paris, 1964), c. 70—72, с объяснением истинного значения этого наименования; автор, однако, недооценивает позицию Григория.

⁴ *Gregory I*, Epistulae, in *Migne*, Patrologia, LXXVII, кол. 746—747, 1281—1282.

⁵ О правлении Фоки см. *J. B. Bury*, History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (London, 1889), II, c. 197—206 и *L. Bréhier*, 'L'Empereur Phocas et l'Eglise', in *Fliche* и *Martin*. Histoire de l'Eglise, II, c. 69—77.

⁶ *Bury*, History... from Arcadius to Irene, II, c. 207—226; *A. Stratos*, Byzantium in the Seventh Century (по-гречески; Athens. 1966), I, I, c. 248 и сл.

⁷ *Freud*, Rise of the Monophysite Movement, c. 343—351, изложение, сочувственное доктрине монергизма; *Bréhier*, 'La crise de l'Empire et le redressement d'Héraclius', in *Fliche* и *Martin*. Histoire de l'Eglise, II, 85—90, и 'La nouvelle crise religieuse', там же, c. 103—124.

⁸ *Bréhier*, 'L'Ekthesis, la fin du règne et la succession d'Heraclius', там же, c. 131—134.

⁹ Об арабском вторжении см. *Stratos*, Byzantium in the Seventh Century, III (Athens, 1969) и *A. J. Butler*, The Arab Conquest of Egypt (London, 1902).

¹⁰ *Bréhier*, 'L'Ekthesis', c. 138—141. О правовом положении христиан под властью арабов см. *A. S. Tritton*, The Caliphs and their Non-Muslem Subjects (London, 1930).

¹¹ См. 106—108, 127.

¹² См. *S. Runciman*, 'The Byzantine Protectorate in the Holy Land', Byzantion, XVIII (Brussels, 1948), c. 207—215.

¹³ См. c. 106—108, 137.

¹⁴ *Bréhier*, 'Le Démembrement des Chrétientés Orientales', in *Fliche* и *Martin*, Histoire de l'Eglise, c. 160—179.

¹⁵ *Bréhier*, 'Les Derniers Heraclides', там же, c. 183—191; *Hefele-Leclercq*, III, I, c. 483.

¹⁶ *Bréhier*, 'Les Derniers Heraclides', c. 191—200; *Hefele-Leclercq*, II, I, c. 560—581.

¹⁷ *Bréhier*, 'Les Derniers Heraclides', c. 205—209; *Bury*, History... Arcadius to Irene, II, c. 363—386.

¹⁸ *Bury*, History... Arcadius to Irene, II, c. 401—407; *R. J. H. Jenkins*, Byzantium: The Imperial Centuries (London, 1966), c. 58—65.

¹⁹ Bury, History... Arcadius to Irene, II, с. 408—424. — По истории системы фем см. там же, с. 339—351. G. Ostrogorsky, History of the Byzantine State, trans. by J. Hussey (Oxford, 1956), с. 89—90, 139—140. О морском законе см. W. Ashbruner, The Rhodian Sea Law (Oxford, 1909). Относительно земледельческого права его датировке и развитии см. Ostrogorsky, History of the Byzantine State, с. 120—121, 140.

²⁰ A Manuel of Roman Law: The Ecloga, ed. and trans. by E. H. Freshfield (Cambridge, 1926), в особенности с. 66—70.

²¹ Ostrogorsky, History of the Byzantine State, с. 137 сн. 2.

²² См. P. J. Alexander, The Patriarch Nicephorus of Constantinople (Oxford, 1958) с. 43—44, где приведено и комментируется письмо Евсевия, опубликованное в Migne, Patrologia Graeco-Latina, XX, кол. 1545—1550.

²³ О Епифании см. N. H. Baynes, 'Idolatry and the early Church', in Baynes, Byzantine Studies and Other Essays, с. 126—128.

²⁴ Baynes, 'Idolatry and the Early Church', с. 136. Слова Св. Василия не только приводятся, но и толкуются у Иоанна Дамаскина.

²⁵ Leontius of Neapolis, Sermon against the Jews, in Migne, Patrologia Graeco-Latina, XCIII, кол. 1604 и сл.

²⁶ Об этом вопросе в целом см. Baynes, 'Idolatry and the early Church', с. 116 и сл.; Ostrogorsky, Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites (Breslau, 1929); E. Kitzinger, 'The Cult of Images before Iconoclasm' in Dumbarton Oaks Papers, VIII (Cambridge, Mass., 1954), с. 85—150.

²⁷ См. Kitzinger, 'Cult of Images', с. 100 и сл.

²⁸ Baynes, 'The supernatural defenders of Constantinople', in Baynes, Byzantine Studies and Other Essays, с. 248 и сл.

²⁹ Правило 82-е Пятошестого собора in Mansi, Concilia, XI, кол. 977—980.

³⁰ См. примеч., 39.

³¹ A. Grabar. L'Iconoclisme Byzantin: dossier archéologique (Paris, 1957), с. 39—45.

³² Там же, с. 77—91.

³³ Там же, с. 94—99; Kitzinger, 'Cult of images', с. 129—134. Свидетельство Аркульфа приводится в его Relatio de Locis Sanctis, III, 4, in T. Tobler, Itinera Hierosolymitana et Descriptiones Terrae Sanctae (Geneve, 1879—85), с. 200. Аркульф полагал, что осквернитель был евреем.

³⁴ См. P. Alexander, 'An Ascetic Sect of Iconoclasts in seventh-century Armenia', in Studies in Honor of Albert Matthias Friend (Princeton, 1953), с. 151—160.

³⁵ Grabar, L'Iconoclisme, с. 105—112 с комментарием относительно запрещения Йезида.

³⁶ Theophanes, Chronographia, ed. C. de Boor (Leipzig, 1883), с. 402. Письма патриарха Германа in Mansi, Concilia, с. 99—105, 105—107, 107—127.

³⁷ Theophanes, Chronographia, с. 402. История Сарантапеха была рассказана на Вселенском соборе в Никее монахом Иоанном, представлявшим патриарха Иерусалима. Текст его заявления приводится in Mansi, Concilia, XIII, кол. 196—200 и in Migne, Patrologia Graeco-Latina, CIX, кол. 517—520.

³⁸ Theophanes, Chronographia, с. 404—405; Nicephorus Patriarcha, Opuscula Historica, de Boor (Leipzig, 1880), с. 59.

³⁹ Theophanes, Chronographia, с. 405; Vita Sancti Stephani Junioris, и in Migne, Patrologia Graeco-Latina, C, кол. 1085. Об этом событии и порожденных им легендах см. Grabar, L'Iconoclasm, с. 130.

⁴⁰ Theophanes, Chronographia, с. 405. Nicephorus, Opuscula Historica, с. 57—58.

⁴¹ Theophanes, Chronographia, с. 405. История, рассказанная позднее монахом Георгием (Chronicon, ed. de Boor [Leipzig], 1904, II, с. 742), а затем повторенная также Зонаром (Synopsis Historiarum, III [Bonn, 1897], с. 340), повествующая, будто Лев сжег императорскую академию богословия и искусств вместе с ее профессорами и книгами, по-видимому, является позднейшим преувеличением. См. Bury, History ... Arcadius to Irene, II, с. 433—434.

⁴² Theophanes, Chronographia, с. 407—408; De Liber Pontificalis, ed. L. Duchesne (Paris, 1886—1892), I, с. 404. Об аутентичности писем папы, сохранившихся только в греческом переводе, приведенных in Mansi, Concilia, XII, кол. 959 и сл.), см. Ostrogorsky, History of the Byzantine State, с. 133—134.

⁴³ Theophanes, Chronographia, с. 408—409; Nicephorus, Opuscula Historica, с. 58.

⁴⁴ *Theophanes*, *Chronographia*, с. 409. Относительно датировки и последовательности событий см. *Ostrogorsky*, 'Les Débuts de la querelle des images', in *Mélanges Charles Diehl* (Paris, 1930), I, с. 235—255.

⁴⁵ *Bury*, *History... Arcadius to Irene*, II, с. 439—449; *Ostrogorsky*, *History of the Byzantine State*, с. 145—147. См. также *V. Grumel*, 'L'Annexion de l'illyricum oriental, de la Sicile et de la Calabre au Patriarchat de Constantinople', in *Recherches de Science Religieuse*, XL (Paris, 1952), с. 191—200.

⁴⁶ *Bury*, *History... Arcadius to Irene*, II, с. 433.

⁴⁷ О юности Константина V см. *Ostrogorsky*, *History of the Byzantine State*, с. 147—152.

⁴⁸ О миграции населения см. *Theophanes*, *Chronographia*, с. 422, 423, 429; *Nicephorus*, *Opuscula Historica*, с. 62—63, 65—66.

⁴⁹ О характере Константина см. *Bury*, *History... Arcadius to Irene*, II, с. 460—462; *Bréhier*, 'La Querelle des images', in *Fliche* и *Martin*, *Histoire de l'Eglise*, III, с. 457—458. Его воззрения на Божию Матерь и святых отражены в творениях Св. Иоанна Дамаскина, *Adversus Constantinum Caballinum*; *Migne*, *Patrologia Graeco-Latina*, XCV, кол. 337 /подделка, о которой см. *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 234—235/; и IX в. *Vita Nicetae Medicensis*, in *Acta Sanctorum*, April, I, с. 260. О его связях с павликианами можно сказать лишь то, что в его правление павликиане не подвергались преследованиям, причем, возможно, он встречал лидера павликиан Геннезия, посетившего Константинополь при Льве III. См. *S. Runciman*, *The Medieval Manichee* (Cambridge, 1947), с. 38—39, 183.

⁵⁰ См. *H. Leclercq*, 'Jean Damascène', *Dictionnaire d'Archéologie Chrétienne*, VII, кол. 2186—90; *Alexander*, *Patriarch Nicephorus*, с. 49—50, 199—200. О словах Льва: «Я священник и царь», см. *Mansi*, *Concilia*, XII, кол. 976.

⁵¹ См. *Ostrogorsky*, *Studien zur Geschichte des Byzantinischen Bilderstreites*, p. 14—15.

⁵² О соборе 754 г. см. *Bréhier*, 'La Querelle des images'; с. 468—71, о подробностях богословских споров на соборе *M. V. Anastos*, 'The argument for Iconoclasm as presented by the Iconoclastic Council of 754', in *Studies in Honor of A. M. Friend*, с. 177 и сл.

⁵³ *Bury*, *History... Arcadius to Irene*, II, с. 463.

⁵⁴ Там же, с. 463—466.

⁵⁵ Там же, с. 469 и сл.

⁵⁶ *Ostrogorsky*, *History of the Byzantine State*, с. 151—152.

⁵⁷ *Bury*, *History... Arcadius to Irene*, II, с. 477—479.

Глава 4

Удачный компромисс

¹ Иконоборцы VIII в. говорили об этом времени, что «Империя перешла от мужчин к женщине и Церковь была погублена женской простотой». Эти слова с неодобрением приводит патриарх Никифор в своем *Refutatio et Eversio*, а также по неопубликованному тексту в *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 247—248.

² *Theophanes*, *Chronographia*, с. 457—458; *Nicephorus*, *Refutatio*, in *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 247—248.

³ *Theophanes*, *Chronographia*, с. 458—460. См. *И. Андреев*, *Герман и Тарасий*, патриархи Константинопольские; *Сергиев Посад*, 1907, с. 98.

⁴ *Theophanes*, *Chronographia*, с. 460—461. Письмо Адриана приведено in *Mansi*, *Concilia* XII, кол. 1056—1057. Адриана мучило не то лишь, что Тарасий был мирянином, но то, что он был солдатом.

⁵ См. *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 18—20, где упоминаются также обстоятельства, предшествовавшие собору.

⁶ Деяния собора опубликованы см. *Mansi*, *Concilia* XII и XIII. О каноне см. *Mansi* XIII, кол. 3770—3772. О реакции папы см. *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 104—105.

⁷ Монахи не одобряли снисходительности властей, как это видно у *Theodore of Studium*, *Epistulae*, in *Migne*, *Patrologia Graeco-Latina*, XCIX, кол. 1044. От имени монахов говорил Саба Студийский.

⁸ Р. и J. Zepos, *Jus Graecoromanum* (Athens, 1931), I, с. 45, приводит два закона императрицы Ирины, где она называется «благочестивым императором».

⁹ О мохианстве см. *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 82 и сл.

¹⁰ *Bury*, *History... Arcadius to Irene*, с. 491—492. О договорах Ирины с сарацинами см. *F. Dölger*, *Regesten der Kaiserurkunden des ostromischen Reiches*, I (Munich—Berlin, 1924), Reg. 340, 352, с. 42, 43.

¹¹ *Ostrogorsky*, *History of the Byzantine State*, с. 162—165; *Jenkins*, *Byzantium*, с. 105—116.

¹² *Theophanes*, *Chronographia*, с. 475—477.

¹³ О правлении и реформах Никифора см. *Ostrogorsky*, *History of the Byzantine State*, с. 166—173. О его действиях в отношении мохианской ереси см. *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 85—89.

¹⁴ Обвинения в еретических настроениях исходят от Феофана (*Chronographia*, с. 476—480), который презирал Никифора, и можно ими пренебречь. *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 72—73.

¹⁵ *Ostrogorsky*, *History of the Byzantine State*, с. 173—175.

¹⁶ Подробнее описание противоборства патриарха и Феодора Студита см. *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 99—101, описание, возможно несколько несправедливое к Феодору.

¹⁷ *Ostrogorsky*, *History of the Byzantine State*, с. 177—178; *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 77—78.

¹⁸ *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 125—132.

¹⁹ Там же, с. 134—135.

²⁰ *Theodore of Studion*, *Epistulae*, col. 1417.

²¹ Там же, кол. 1001.

²² *Alexander*, *The Patriarch Nicephorus*, с. 137—140.

²³ Там же, с. 140—147; *Theodore of Studion*, *Epistulae*, кол. 1305.

²⁴ *Bury*, *A History of the Eastern Roman Empire* (London, 1912), с. 110—119.

²⁵ См. *B. von Simson*, *Jahrbucher des frankischen Reichs unter Ludwig dem Frommen* (Leipzig, 1874—1876), I, с. 248.

²⁶ *Bury*, *Eastern Roman Empire*, с. 110—111.

²⁷ О правлении Феофила см. *Bury*, *Eastern Empire*, с. 120; *Ostrogorsky*, *History of the Byzantine State*, с. 183—186; *Jenkins*, *Byzantium*, с. 146—152. О зданиях см. *Grabar*, *L'Iconoclasm Byzantin*, с. 142 и сл.

²⁸ См. *G. Mathew*, *Byzantine Aesthetics* (London, 1963), с. 122 и сл.

²⁹ *Bury*, *Eastern Roman Empire*, с. 143—153.

³⁰ Вся история целиком об Игнатии и Фотии изложена см. *F. Dvornik*, *The Photian Schism* (Cambridge, 1948). Дворник, однако, слишком озабочен доказательством того, что у Фотия не было враждебного отношения к Риму. In *Jenkins*, *Byzantium*, с. 168—181, изложение более уравновешенное. Еще более ценно описание событий в *Bury*, *Eastern Roman Empire*, с. 180—209.

³¹ *Dvornik*, *Photian Schism*, с. 39 и сл.; *Bury*, *Eastern Roman Empire*, с. 161 и сл. *H. Grégoire* в нескольких статьях, особенно в 'Études sur le neuvième siècle', *Byzantion*, VIII (Brussels, 1933), с. 515 след. делает попытку реабилитировать Михаила III, представляя его жертвой враждебной пропаганды, но несколько переоценивает этот фактор. См. *Jenkins*, *Byzantium*, с. 156—157.

³² *Dvornik*, *Photian schism*, с. 132 и сл.; *Bury*, *Eastern Roman Empire*, с. 165—179.

³³ Текст Ерапагоде приводится в *Zepos*, *Jus Graecoromanum*, II, с. 236—368. Тит III писал об этом патриархе. По вопросу о публикации этой работы см. *Ostrogorsky*, *History of the Byzantine State*, с. 213.

³⁴ *Ostrogorsky*, *History of the Byzantine State*, с. 214—215; *Jenkins*, *Byzantium*, с. 200 и сл. О точности датировок и возрасте Стефана (19, а не 16, как утверждает Острогорский), см. *Jenkins*, 'The chronological accuracy of the 'Logothete' for the years A. D. 867—913', in *Dumbarton Oaks Papers*, XIX (Cambridge, Mass., 1965), с. 98—100. Монах — автор *Vita Ignatii* (*Migne*, *Patrologia Graeco-Latina*, CV, кол. 573) называет Стефана «неистинным» патриархом не из-за его возраста или положения, но вследствие того, что Стефан был поставлен Фотием.

³⁵ Об этом синоде см. *Dvornik*, *Photian Schism* с. 265 и сл., где высказаны определенные сомнения.

³⁶ *Jenkins*, 'A note on the Patriarch Nicholas Mysticus', in *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, II (Budapest, 1963), с. 145—147 считает, что Николай не

был племянником Фотия, как утверждает *Dvornik* (Photian Schism, с. 248—249), а вместе с ним и другие. Его предположение, что Николай был рабом в доме Фотия.

³⁷ *Basil of Caesarea*, Canon IV, in *Migne. Patrologia Graeco-Latina*.

³⁸ *Leo VI*, Novellae, 90, in *Zepos. Jus Graecoromanum*, I, с. 156—157.

³⁹ *Jenkins. Byzantium*, с. 200, 202, 214. Имя «Зауц», без сомнения, восходит к армянскому слову *zaoutch*, что значит негр.

⁴⁰ *Jenkins. Byzantium*, с. 212—214.

⁴¹ Там же, с. 214—226 — лучшее пока изложение всего дела, основанное не только на хрониках Феофана Континуата и других, но и на письмах самого Арефы, проливающих новый свет на описываемые события. *Jenkins*, 'Eight letters of Arethas', in *Hellenika*, XIV (Thessalonica, 1956), с. 293—372; 'Three documents concerning the "Tetragamy"', in *Dumbarton Oaks Papers*, XVI (Cambridge, Mass., 1962), с. 231—241.

⁴² *Jenkins, Byzantium*, с. 227—231; *Runciman, The Emperor Romanus Lecapenus* (Cambridge. 1929), с. 45—53.

⁴³ *Runciman, Romanus Lecapenus*, с. 52—62.

⁴⁴ *Jenkins, Byzantium*, с. 237—238; Текст *tomus'a* приводится в *V. Grumel, Les Regestes des Actes du Patriarchat de Constantinople*, I. Les Actes du Patriarchat de Constantinople, Reg. 669.

⁴⁵ *Jenkins, Byzantium*, с. 252—253; *Runciman, Romanus Lecapenus*, с. 75—77.

⁴⁶ *Jenkins, Byzantium*, с. 253, 266—267.

⁴⁷ Там же, с. 277—278.

⁴⁸ *Zonaras, Synopsis Historiarum*, III, с. 509.

⁴⁹ *Leo Diaconus, Historia* (Bonn edn, 1928), с. 98—99. *Ostrogorsky, History of the Byzantine State*, с. 260, примеч. 2.

⁵⁰ *Leo Diaconus, Historia*, с. 101—102.

⁵¹ *Jenkins, Byzantium*, с. 308—309, 320, 329—331.

⁵² *Michael Attaliates, Historia* (Bonn edn, 1853).

⁵³ *Runciman, The Fastern Schism* (Oxford, 1955), с. 28—54.

⁵⁴ *Attaliates, Historia*, с. 60; *Cedrenus—Scylitzes* (Bonn edn, 1838), II, с. 641—644. *Ostrogorsky, History of the Byzantine State*, с. 301—302 — автор, как мне кажется, не прав, связывая отречение императора Исаака с непопулярностью его отношения к патриарху, поскольку источники свидетельствуют, что падение патриарха совершилось спокойно. Изложение событий у Пселла очень сомнительно (*Chronographia*, ed. and trans. by E. Renaud, Paris, 1928, II, с. 123). Сам Пселл почти наверняка был замешан в интриге против императора.

Глава 5

Монахи и народ

¹ Византийские авторы относительно царской власти настойчиво повторяют, что монарх должен быть величественным и недосягаемым, оставаясь, однако, смиренным и милостивым, например, *Photius*, Letter to Michael (Boris), Prince of Bulgaria, in *Migne. Patrologia Graeco-Latina*. CII, кол. 627—696; *Nicephorus Blemmydas*, The Statue of a King (в переложении дьякона Св. Софии, с. 1300), в: *A. Mai. Scriptorum Veterum Nova Collectio* II (Rome, 1828), кол. 609—670.

² *Theophanes Continuatus* (Bonn edn. 1838). с. 199—200.

³ *L. Bréhier. Le Monde Byzantin*, II. Les Institutions de l'Empire Byzantin (Paris, 1949), с. 434.

⁴ См. выше.

⁵ См. выше.

⁶ *Bréhier, Le Monde Byzantin*, с. 529 и сл.

⁷ Там же, с. 533 и сл.

⁸ *Justinian*, Novellae, ed. K. E. Zachariae von Lingenthal (Leipzig, 1881), I, с. 133, 535, 538, 539, 554. *Bréhier. Le Monde Byzantin*, с. 550.

⁹ *Bréhier. Le Monde Byzantin*, с. 545—546.

¹⁰ Там же, с. 536, 557—558.

¹¹ См. с. 78—79, 93. Большинство выдающихся патриархов IX—X вв. были мирянами вплоть до своего поставления в патриархи (например, Тарасий, Фотий,

Николай Мистик), позднее же почти все патриархи имели сан священства, хотя и не всегда были монахами.

¹² Bréhier, *Le Monde Byzantin*, с. 513—514.

¹³ Императоры IX в. Лев V, Михаил II и Василий I были низкого происхождения, причем Василий I был даже неграмотен. Историк Пселл, несмотря на свои заявления о благородном происхождении, был сыном лавочника, а его мать, оставшись бедной вдовой, выучилась грамоте, чтобы самой обучать сына.

¹⁴ Например, Игнатий был сыном свергнутого императора, Стефан — братом правящего императора, Фотий был выходцем из знатной семьи, но Никита родился от славянина-иммигранта, Полиевкт, очевидно, происходил из низов, а Николай Мистик был сыном рабыни.

¹⁵ См. выше.

¹⁶ См. H. Delehaye, *Les Saints Stylites* (Brussels—Paris, 1923, с. I—XXXIX, 1—147 (жизнь Св. Даниила), 148—194 (жизнь Св. Аллипия). Св. Феодул упоминается в письме Феодора Студита (см. Migne, *Patrologia Graeco-Latina*, IC, кол. 957). О женщинах-столпниках см. заметку Delehaya, in *Analecta Bollandina*, XXVII (Brussels, 1908), с. 391—392.

¹⁷ Житие Св. Луки-Столпника см. Delehaye. *Les Saints Stylites*, с. 195—237. Житие Св. Василия Меньшого приводится в *Acta Sanctorum*, 26 март, III, с. 668—681. Житие блаженного Луки приведено in Migne. *Patrologia Graeco-Latina*, CXI, кол. 465 и сл.

¹⁸ О Григории Синайском см. B. Tatakis, *La Philosophie Byzantine* (Paris, 1949), с. 261—263; V. Losky, *The Mystical theology of the Eastern Church* (London, 1957), с. 209—210.

¹⁹ Об основании монастыря Св. Симеона (Kaalat Seman) см. Grabar, *Martyrium* (Paris, 1946), I, с. 156—157, 364—365. О монастырской церкви на месте подвигов блаженного Луки см. C. Diehl, *L'Eglise et les Mosaïques du Couvent de Saint-Luc en Phocide* (Paris, 1889, с. 8—21).

²⁰ См. выше.

²¹ О Платоне см.: A. Gardner. *Theodore of Studium* (London, 1905), с. 16, 25—26, 31 и сл.

²² О Феодоре см. Gardner, *Theodore of Studium*, и E. Amann, 'Théodore le Studite', *Dictionnaire de Théologie Catholique*, XV, I, кол. 287—298. О его реформах монастырской жизни см. Bréhier. *Le Monde Byzantin*, II, с. 540—544.

²³ См. выше.

²⁴ Этот анекдот о Фотии и Игнатии приводится см. Bury, *Eastern Roman Empire*, с. 187. Однако о патриархе Полиевкте Лев Диакон пишет, напротив, что «он был искусен в человеческой и божественной философии» (с. 32).

²⁵ Большое влияние на общественное мнение Византии оказал тот факт, что на Западе возникла «Римская» империя, которая не признавала византийского императора императором Римским (со времени Оттона I). Каролинги считали византийских монархов соправителями империи. См. Jenkins, *Byzantium*, с. 353—354.

²⁶ См. выше.

²⁷ Bréhier, *Le Monde Byzantin* II, с. 553 и сл.

²⁸ Ostrogorsky, *History of the Byzantine State*, с. 254—257.

²⁹ См. выше.

³⁰ Ostrogorsky, *History of the Byzantine State*, с. 271—272. Jenkins, *Byzantium*, с. 319—320.

³¹ См. J. Gouillard, 'Syméon le Jeune'. *Dictionnaire de Théologie Catholique*, XIV, 2, кол. 2941—2956.

³² До сих пор нет серьезных исследований по истории монастырей Константинополя. В основном исследователи занимаются нестолпными монастырями. Но см. J. M. Hussey, *Church and Learning in the Byzantine Empire* (London, 1937), с. 183—189.

³³ О разрушении монастырей Малой Азии см. S. Vryonis, *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor* (Univ. California, 1971), в особенности с. 194—197. О новых настроениях на Афоне, уже после того как Константин IX был вынужден создать комиссию по расследованию конфликта 1052 г., см. P. Meyer, *Die Hauptturkunden der Athos-Klöster* (Leipzig, 1894), с. 158—184.

³⁴ Anna Comnena, *Alexiade*, ed. and trans. by B. Leib (Paris, 1937), I, с. 103—110. Анна, без сомнения, несколько лукавит в рассказе о бедах родителей. См. F. Chalandon, *Essai sur le Règne d'Alexis Ier Comnène* (Paris, 1900), с. 53—56.

- ³⁵ Bréhier, *Le Monde Byzantin*, II, с. 556—557; Hussey, *Church and Learning*, с. 175—177; Chalandon, *Essai*, с. 282—287. О взглядах Евстахия см.: его *De Emendata Vita Monachica* in Migne, *Patrologia Graeco-Latina*, CXXXV, кол. 749.
- ³⁶ *Benjamin of Tudela*, *Itinerary*, trans. by M. N. Adler (London, 1907), с. 11—14.
- ³⁷ Chalandon, *Les Comnène*, II, Jean II Comnène et Manuel I Comnène (Paris, 1912), с. 627—633.
- ³⁸ D. Obolensky, *The Bogomils* (Cambridge, 1948), с. 168 и сл. Runciman, *The Medieval Manichee*, с. 70 и сл.
- ³⁹ Runciman, 'The end of Anna Dalassena', *Mélanges Henri Grégoire*, I (Brussels, 1949), с. 517—525.
- ⁴⁰ *Commena*, Alexiade III, с. 218—228.
- ⁴¹ John Cinnamus, *Historia* (Bonn edn, 1836), с. 65. Chalandon, *Les Comnène*, с. 636—639.
- ⁴² Runciman, *The Eastern Schism*, с. 78 и сл.; W. Norden, *Das Papsttum und Byzanz* (Berlin, 1903), с. 59 и сл.
- ⁴³ Chalandon, *Les Comnène*, с. 643—647, 660—663.
- ⁴⁴ *Nocetas Choniates*, *Historia* (Bonn edn, 1835), с. 430—431.

Глава 6

Упадок и крах

- ¹ О данном периоде вообще см. Ostrogorsky, *History of the Byzantine State*, с. 311 и сл.
- ² Впервые изменение стиля отмечается в мозаиках церкви в Дафне близ Афин, отделка которой относится, возможно, к 1175 г. См. F. Diez и Demus, *Byzantine Churches in Greece* (Cambridge, Mass., 1931), с. 91 и сл. Расцвет нового направления можно видеть в маленькой церкви в Нередице, в Македонии, воздвигнутой византийским принцем в 1164 г. См. A. Grabar, *Byzantine Painting* (London, 1953), с. 141—143.
- ³ Ostrogorsky, *History of the Byzantine State*, в особенности с. 358 и сл.
- ⁴ Там же, с. 365—370.
- ⁵ Там же, с. 375—380.
- ⁶ См. Runciman, *The Eastern Schism*, с. 154—156 и соответствующие примечания.
- ⁷ Ostrogorsky, *History of Byzantine State*, с. 379—380; A. Gardner, *The Lascarids of Nicaea* (London, 1912), с. 7—8, 97—98.
- ⁸ См. Archbishop Chrysanthos. *The Church of Trebizond* (по-гречески; Athens, 1933), с. 177—178; A. D. Karpozilos. *The Ecclesiastical Controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros* (Thessalonica, 1973).
- ⁹ Theodore Balsamon, *Meditata*, in Migne, *Patrologia Graeco-Latina*, CXXXVIII, 1017, 1020. Demetrius Chomatianus, письмо in J. B. Pitra. *Analecta Sacra et Classica* (Paris — Rome, 1891), кол. 473—478.
- ¹⁰ Gardner, *The Lascarids*, с. 94—95, 112—113.
- ¹¹ Там же, с. 168 и сл.
- ¹² Там же, с. 169—171, с примечаниями, и с. 300—301, где воспроизводится собственное изложение Блеммиды.
- ¹³ Там же, с. 171, 198, 206—208 с примечаниями.
- ¹⁴ Nicephorus Blemmydas, *Oratio de Regis Officiis*, in Migne, *Patrologia Graeco-Latina*, CXLII, кол. 612 и сл. Этот труд существует в двух вариантах, причем второй является переизданием, предпринятым одним монахом в следующем столетии.
- ¹⁵ Лучшая работа о юности Михаила Палеолога и его борьбе за власть in D. J. Geanakoplos, *Emperor Michael Palaeologus and the West* (Cambridge, Mass., 1959), с. 16—46. В основных использованных источниках: работа современников, Акрополиты и Пахимера, и автора следующего столетия, Григория — имеются несоответствия и расхождения.
- ¹⁶ Там же, с. 45—115.
- ¹⁷ George Pachymer, *De Michaelae et Andronico Palaeologis* (Bonn edn, 1835), с. 193—201.

¹⁸ L. Petit. "Arsène Autorianus et les Arsénites", Dictionnaire de Théologie Catholique, I, II, кол. 1991—1994; *Runciman*, The Great Church in Captivity (Cambridge, 1968), с. 66—68.

¹⁹ *Pachymer*, De Michaela et Andronico Palaeologis, с. 257—270, 278—279, 303—309.

²⁰ Petit, "Arsène Autorianus"; I. E. Troitsky, Arsenius and the Arsenites (по-русски; St. Petersburg, 1873), в особенности с. 99—101.

²¹ *Geanakoplos*. Emperor Michael Paleologus, с. 189—195, 237—245, 258—259.

²² Там же, с. 259—276.

²³ D. M. Nicol, The Last Centuries of Byzantium (London, 1972) с. 99—102.

²⁴ Там же, с. 102—105.

²⁵ Там же, с. 105—110. См. также: A. E. Laiou, Constantinople and the Latins (Cambridge, Mass., 1972), с. 32—36, 122—126, 194—196; R. Guiland, La Correspondance inédite d'Athanase, patriarche de Constantinople, Etudes Byzantines (Paris, 1959), с. 53—79.

²⁶ Nicol, Last Centuries, с. 110—112; Laiou, Constantinople, с. 245—246.

²⁷ Nicol, Last Centuries, с. III.

²⁸ *Vryonis*, Decline of Medieval Hellenism, с. 288 и сл., в особенности с. 303 и сл., с текстами.

²⁹ *Dolger*, Resesten (Munich—Berlin, 1924—1960), IV, no. 2342, с. 59—60; P. Meyer, Die Haupturkunden für die Geschichte der Athos-Klöster (Leipzig, 1894), с. 190—194.

³⁰ *Philotheus*, Encomium Gregorae Palamae. Migne. Patrologia Graeco-Latina, CLI, кол. 553. Этот министр был отцом Григория Паламы.

³¹ Laiou, Constantinople, с. 308 и сл.

³² Nicol, Last Centuries, с. 162—168; U. V. Bosch, Kaiser Andronikos III Palaeologos (Amsterdam, 1965), с. 19—52.

³³ Nicol, Last Centuries, с. 172—214; Bosch, Kaiser Andronikos III Palaeologos, с. 67 и сл.

³⁴ См. J. Meyendorff, Introduction à l'étude de Grégoire Palamas (Paris, 1959); *Runciman*, Great Church in Captivity, с. 138—158.

³⁵ См. O. Tafrali, Thessalonique au XIVe siècle (Paris, 1913), с. 225—272; P. Charanis, 'Internal strife in Byzantium during the fourteenth century', Byzantium, XV (1940—1941), с. 208—230; I. Sevcenko, 'Nicholas Cabasilas', 'Anti-Zealot' discourse: a reinterpretation' Dumbarton Oaks Papers, XI (L 957), с. 79—171; Meyendorff, Saint Grégoire Palamas (Paris, 1959), с. 111—112.

³⁶ O. Halecki, Un Empereur de Byzance à Rome (Warsaw, 1930), с. 188 и сл.

³⁷ V. Laurent, 'Les Droits de l'empereur en matière ecclésiastique. L'accord de 1380—1382', Revue des Etudes Byzantines, XIII (1955), с. 5—20.

³⁸ Письмо патриарха приведено in F. Miklosich и I. Muller. Acta et Diplomata Graeca Medii Aevi (Vienna, 1860—1890), II, с. 188—192.

³⁹ Laurent, 'Les Droits de l'empereur'; Sylvester Syropoulos, Memoirs, ed. and trans. by R. Creyghton (The Hague, 1660), с. 1—2.

⁴⁰ Georgios Sphrantzes, Memorii 1401—1477, ed. V. Grecu (Bucarest, 1966), с. 320.

⁴¹ Полнее всего собор во Флоренции описан in J. Gill, The Council of Florence (Cambridge, 1966). См. также *Geanakoplos*. Byzantine East and Latin West (Oxford, 1965), с. 84—111; *Runciman*. Great Church in Captivity, с. 105—109.

⁴² Gill, Council of Florence, с. 354—365; *Runciman*, Great Church in Captivity, с. 309—311.

⁴³ *Runciman*, The Fall of Constantinople (Cambridge, 1965), с. 126—132.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Рансимен и его византология (Л. Л. Тайван)	5
ВОСТОЧНАЯ СХИЗМА	
Предисловие автора	15
<i>Глава 1</i>	
Исторические основания	17
<i>Глава 2</i>	
Михаил Керуларий	34
<i>Глава 3</i>	
От 1054 года до Первого крестового похода	50
<i>Глава 4</i>	
Церковь и крестовые походы	64
<i>Глава 5</i>	
Дипломатия и диспуты	78
<i>Глава 6</i>	
Рост враждебности в обществе	92
<i>Глава 7</i>	
Четвертый крестовый поход	104
<i>Глава 8</i>	
Датировка и природа схизмы	112
Примечания	120
Библиографический список	132
ВИЗАНТИЙСКАЯ ТЕОКРАТИЯ	
Предисловие автора	141
Введение	142
<i>Глава 1</i>	
Христианская империя: образ Бога на земле	144
<i>Глава 2</i>	
Наместник Бога: расцвет императорской власти	155
<i>Глава 3</i>	
Борьба образов: вызов общественному верованию	168
<i>Глава 4</i>	
Удачный компромисс: границы императорской власти	182
<i>Глава 5</i>	
Монахи и народ: оппозиция дворцу и иерархии	199
<i>Глава 6</i>	
Упадок и крах: конец царства Божия	212
Примечания	228

Научное издание

Рансимен Стивен
ВОСТОЧНАЯ СХИЗМА
ВИЗАНТИЙСКАЯ ТЕОКРАТИЯ

Перевод с английского

Зав. редакцией *И.М. Дижур*
Редактор *А.А. Либерман*
Младший редактор *Н.Л. Скачко*
Художник *Л.Л. Михалевский*
Художественный редактор *Б.Л. Резников*
Технический редактор *Г.А. Никитина*
Корректор *И.Г. Ким*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

ЛР № 020910 от 02.09.94

Подписано к печати 27.04.98

Формат 60 × 90 $\frac{1}{16}$. Бум. офсетная

Усл. печ. л. 15,0. Усл. кр.-от. 15,0. Уч.-изд. л. 15,5

Тираж 2500 экз. Изд. № 7392. Тип. зак. 3712

Издательство "Наука"

177864, ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Издательская фирма "Восточная литература" РАН

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Типография "Наука"

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6